



СТАНДАРТ ТРЕТЬЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Л. В. Сморгунов

Сравнительная ПОЛИТОЛОГИЯ

ДЛЯ БАКАЛАВРОВ

Рекомендовано УМО по классическому университетскому
образованию в качестве учебника для студентов высших учебных
заведений, обучающихся по направлению подготовки
ВПО 030200 — «Политология»



Москва • Санкт-Петербург • Нижний Новгород • Воронеж
Ростов-на-Дону • Екатеринбург • Самара • Новосибирск
Киев • Харьков • Минск

2012

ББК 66.01я7
УДК 32(075)
С51

Рецензенты:

Комаровский Владимир Савельевич, доктор философских наук, профессор кафедры политологии и политического управления Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;

Соловьев Александр Иванович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Сморгунов Л. В.

С51 Сравнительная политология: Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. — СПб.: Питер, 2012. — 448 с.: ил.

ISBN 978-5-459-01085-5

В учебнике раскрываются основные тенденции и проблемы развития современной сравнительной политологии. Особое внимание уделяется методологическим и методическим вопросам сравнительного анализа в политологии, соотношению качественного и количественного подходов к изучению современных политических институтов и процессов в различных странах, измерительному инструментарию изучения демократии, институциональных дизайнов государств, политических партий, избирательных систем, федераций, публичной политики. Работа содержит обширный эмпирический материал.

Книга предназначена для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Политология», и всех интересующихся политическим развитием различных стран современного мира. Имеет гриф Учебно-методического объединения.

ББК 66.01я7

УДК 32(075)

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Оглавление

Предисловие	8
Глава 1. История сравнительной политологии	13
1.1. Становление современной сравнительной политологии	14
1.2. «Традиционная» сравнительная политология	18
1.3. «Новая» сравнительная политология	24
1.4. Плюралистичная сравнительная политология	34
1.5. Неоинституциональный этап сравнительной политологии	40
Основные понятия	42
Основная литература	42
Дополнительная литература	43
Глава 2. Сравнительный метод в политической науке	44
2.1. Сравнение как метод анализа	45
2.2. Метод и теория в сравнительной политологии	48
2.3. Виды и уровни переменных	51
2.4. Организация сравнительного исследования	52
2.5. Методические проблемы сравнения	54
2.6. Виды сравнительных исследований	62
Основные понятия	67
Основная литература	67
Дополнительная литература	68
Глава 3. Неоинституционализм, теория рационального выбора и политика	69
3.1. Виды неоинституционализма	69
3.2. Особенности неоинституциональной теории рационального выбора	73
3.3. Предпосылки неоинституциональной теории рационального выбора	77
3.4. Политика в экономическом неоинституционализме	82
3.5. Критика использования экономического неоинституционализма в сравнительной политологии	89
Основные понятия	90
Основная литература	91
Дополнительная литература	91

Глава 4. Политические сети и сравнительная политология 92

4.1. Плюрализм, корпоративизм и политические сети	94
4.2. Общие методологические установки концепции политических сетей	97
4.3. Понятие «политические сети»	99
4.4. Виды политических сетей	102
4.5. Понятие «руководство» в концепции политических сетей	103
4.6. Эффективность политических сетей	106
4.7. Эволюция концепции политических сетей: от структурного подхода к когнитивному	107
4.8. Сравнительное изучение политических сетей	108
Основные понятия	112
Основная литература	113
Дополнительная литература	113

Глава 5. Конструктивизм и сравнительная политология 114

5.1. Особенности кризиса современной сравнительной политологии	114
5.2. Конструктивизм как методологический подход	116
5.3. Конструктивизм в сравнительной политологии	121
Основные понятия	125
Основная литература	125
Дополнительная литература	125

Глава 6. Событийное политическое знание и его значение для современной сравнительной политологии 126

6.1. Проблема событийности политики	127
6.2. Событийное политическое знание	129
6.3. Сравнительная политология и событийное знание	133
Основные понятия	138
Основная литература	138
Дополнительная литература	138

Глава 7. Эмпирическая теория и модели демократии 139

7.1. Эмпирический подход к демократии	139
7.2. Философия демократии	142
7.3. Модель конкурентной элитистской демократии	145
7.4. Политико-модернизационная модель демократии	148
7.5. Модель «полиархической демократии»	149
7.6. Экономическая модель демократии	152
7.7. Демократическая модель «прав человека»	154
7.8. Консенсусная и мажоритарная модели демократии	157
7.9. Институциональная модель «интегративной демократии»	159
Основные понятия	161
Основная литература	161
Дополнительная литература	162

Глава 8. Типология политических систем и режимов	163
8.1. Типологический анализ	163
8.2. Виды типологий политических систем	165
8.3. Линейные типологии политических систем	167
8.4. Координатные типологии политических систем	175
8.5. Типологии переходных политических систем	182
Основные понятия	188
Основная литература	188
Дополнительная литература	188
Глава 9. Условия демократии	189
9.1. Концепция условий демократизации Липсета	189
9.2. Объяснительные модели возникновения демократии	191
9.3. Экономические условия демократии	192
9.4. Исторические условия демократии	196
9.5. «Распределительные» модели условий демократии	200
Основные понятия	208
Основная литература	208
Дополнительная литература	208
Глава 10. Третья волна демократизации	210
10.1. Концепция третьей волны демократизации	211
10.2. Волны демократизации	213
10.3. Методологическая эволюция	216
Основные понятия	224
Основная литература	224
Дополнительная литература	224
Глава 11. Проблемы и модели консолидации демократии	225
11.1. Консолидация демократии	226
11.2. Проблемы консолидации демократии	229
11.3. Факторы консолидации демократии	232
11.4. Проблема институционализации демократического транзита	235
11.5. Возможна ли четвертая волна демократизации?	239
Основные понятия	241
Основная литература	242
Дополнительная литература	242
Глава 12. Измерение демократии	243
12.1. Логика развития индексов демократии	243
12.2. Индекс политического развития Катрайта	246
12.3. Индекс демократического действия Нейбауэра	248
12.4. Индекс демократизации Ванханена	250
12.5. Индекс свободы «Дома свободы»	254
12.6. Индекс политической демократии Боллена	259
12.7. Индекс институциональной демократии Гарпа (Polity IV)	262

12.8. Обобщенный индекс демократичности Кемана	266
12.9. Оценка степени близости индексов демократии	267
12.10. Идея демократического аудита	268
Основные понятия	273
Основная литература	273
Дополнительная литература	273

Глава 13. Изучение государственных институтов в сравнительной политологии 274

13.1. Институциональные дизайны государственного правления ..	274
13.2. Устойчивость институциональных дизайнов государственного правления и связь с политическими режимами	282
13.3. Президентциализация современного государственного правления и политики	283
13.4. Распределение и разделение власти	284
13.5. Институциональные дизайны и состав парламентов	289
13.6. Сравнительное изучение правительств. Теория коалиций	294
Основные понятия	305
Основная литература	305
Дополнительная литература	306

Глава 14. Сравнительный анализ федераций 307

14.1. Понятие федерации	308
14.2. Современные федерации в мире	312
14.3. Политические институты федераций	323
14.4. Федерализм и политические режимы	331
Основные понятия	335
Основная литература	335
Дополнительная литература	335

Глава 15. Современные политические партии 336

15.1. Кризис политических партий	337
15.2. Классификации политических партий	340
15.3. Эмпирические типологии партийных систем	348
15.4. Политические финансы	354
15.5. Гражданское общество, типы партий и модели демократии ..	357
15.6. Альтернативные формы политической организации	360
15.7. Эмпирический анализ партийных систем	363
Основные понятия	376
Основная литература	376
Дополнительная литература	376

Глава 16. Современные избирательные системы 377

16.1. Электоральная компаративистика	377
16.2. Типы избирательных систем	381
16.3. Измерения избирательных систем	391

16.4. Избиратель и избирательные системы	398
16.5. Партии и избирательные системы (законы Дюверже)	400
Основные понятия	402
Основная литература	402
Дополнительная литература	402
Глава 17. Сравнительный анализ публичной политики	404
17.1. Сфера сравнительного анализа публичной политики	405
17.2. Политические системы и публичная политика	412
17.3. Публичная политика и партии	415
Основные понятия	421
Основная литература	421
Дополнительная литература	421
Заключение	422
Литература	424

Предисловие

Данный учебник является фактически вторым изданием той книги, которая была опубликована в 2002 г. под названием «Современная сравнительная политология». С тех пор прошло около десяти лет, и кое-что изменилось как в самой науке, так и в знаниях автора. Отмечу прежде всего, что сравнительная политология сегодня, как и всегда, находится в авангарде политической науки. Хотя она смогла определиться с ведущей методологией (а ею оказался неоинституционализм в различных его версиях), тем не менее вновь требуется обновление. Нынешняя версия учебника это учитывает, представляя некоторый дискуссионный материал в первой — методологической — части. Немного изменилась компоновка разделов, нет главы о булевой алгебре и логике нечетких множеств, так как учебник рассчитан на первую ступень высшего образования. Убран ряд цитирований и упоминаний литературы по сравнительной политологии, добавлен теоретический, эмпирический и иллюстративный материал.

Джованни Сартори — один из ведущих современных компаративистов-политологов — как-то сказал, что в науке есть три типа исследователей: несознательные, сознательные и сверхсознательные. Несознательные исследователи никогда не задумываются о методологических вопросах и работают, руководствуясь различными подходами скорее интуитивно. Сознательные исследователи знают различные методологии и методы анализа, но имеют также представление о границах их использования, достоинствах и недостатках. Сверхсознательные исследователи имеют трепетное отношение к методологическим вопросам, придают им решающее значение в ходе своей деятельности. В этом отношении сравнительная политология сегодня характеризуется скорее преобладанием в ней сознательных компаративистов. Данная ситуация является результатом тех кризисов в развитии исследовательской дисциплины, которые всегда были связаны с методологическими проблемами. Они, во-первых, привили исследователям вкус к тому, что на Западе называется философией политической науки, т. е. общим вопросам изучения предмета, на которые исследователь натывается прежде всего. Во-вторых, методологические кризисы сопровождались созданием множества новых аналитических подходов,

критика и изучение которых стали «общим местом» в политической науке. В-третьих, разнообразие методологических ориентаций превратили политологов в «скептиков» относительно раз и навсегда решенных вопросов. Вместе с тем большинство исследователей все же пытаются так или иначе ответить на вопрос, какую методологию они используют при изучении того или иного конкретного предмета.

В российской политической науке ситуация с методологией исследования пока не является такой же определенной (в некотором отношении), как за рубежом. Особенно это заметно в диссертационных работах, где общим местом стало указание на методологию исследования по типу «работы отечественных и зарубежных исследователей темы», «комплексный подход», «системный подход», «целостный подход» и т. д. Показателем ситуации выступает и отсутствие споров (за редким исключением) между политологами относительно методологических вопросов конкретных исследований. Нельзя сказать, что российские политологи не знают основных методологий. Развитие политических исследований в 1990-е гг. сопровождалось множеством публикаций по методологиям рационального выбора, неонституционализма, дискурсного анализа, синергетики и т. д. Однако налицо параллельное существование предметных исследований и работ по методологии и методам анализа. По-видимому, ситуация постепенно будет меняться. Прошел или проходит этап освоения зарубежного опыта, и российская политическая наука начинает свой собственный путь.

В этом отношении представленный учебник по сравнительной политологии имеет целью ознакомить читателя с соотношением теории, методологии и конкретных методов исследования в одной из ведущих отраслей научного политического знания. Вышедшие в последние два десятилетия переводные и отечественные работы по сравнительной политологии позволили увидеть, что сравнение в политических исследованиях — не просто один из рядовых методов и не только метод, но и исследовательская стратегия, ориентация на которую позволила политической науке в целом получить признание. Те, кто начинал современную политическую науку во второй половине XIX в., делали ставку на сравнительный анализ. История политической науки показала, что они не ошиблись. Современная сравнительная политология — пожалуй, одна из самых развитых исследовательских дисциплин на Западе, имеющая мощный методологический и методический инструментарий и наработанную теоретическую основу. Как всякий живой организм, она развивается, проходя через точки кризиса и подъема. Сравнительная политология, не претендуя на всеохватность политической тематики, изучает политическую реальность, стремясь объединить эмпирический и теоретический уровни анализа,

качественные и количественные методы и сформулировать общезначимые суждения об общих взаимосвязях политического мира. Наряду с этим сравнительные исследования ориентируются также на показ уникальности современного политического мира различных стран, используя современные методологии аналитического нарративизма, исследования событий, отдельных случаев, феноменологического институционализма и др. В 1970-е гг. кризис сциентистского мировоззрения привел, с одной стороны, к возрождению интереса к политической философии, с другой стороны, — к попытке пересмотра научной методологии познания на основе сочетания тенденций, идущих от науки и от философии. В 1980–1990-е гг. сравнительная политология находит выход из положения, обращаясь к неоинституциональной методологии, которая оказалась весьма разнообразной по подходам. В 2000-е гг. вновь обостряются методологические проблемы на основе критики экономического империализма и несогласованности ряда методических ориентаций. В общем, сравнительная политология как ведущая отрасль политической науки живет довольно активно и продуктивно.

В последние годы сравнительная политология столкнулась с проблемой глобализации. Последняя была проинтерпретирована некоторыми исследователями как угроза самому существованию сравнительных исследований. Действительно, глобализация приводит к унификации многих сторон жизни современного человека. Но этот процесс сопровождается и контртенденциями в виде, например, нового национализма, регионализма, культурного возрождения и т. д. Глобализация же порождает и новое поле исследований с использованием сравнительной методологии: процессы политической диффузии, волны глобализации, глобальная и национальная демократии. В общем, сравнительная политология отвечает на требования глобализации, перестраивая свою тематику и методологию.

Данная книга состоит из трех основных частей. **Первая часть** (гл. 1–6) касается сравнительной политологии как отрасли политической науки и содержит главы, описывающие исторические этапы сравнительных политических исследований, вопросы сравнительного метода, соотношения в сравнительной политологии теории и метода, процесс организации сравнительных исследований, основные методические проблемы компаративистики. Здесь же читатель найдет материал, касающийся современных методологий, которые активно используются в сравнительной политологии: теория рационального выбора, неоинституционализм, концепция политических сетей, конструктивистская методология, событийное политическое знание. **Вторая часть** (гл. 7–12) вводит читателя в курс эмпирической теории и моделей демократии, концептуализация которых свидетельствует

о возможностях самого изучаемого политического феномена. «Третья волна» демократизации не только оживила сравнительную политологию, но и заставила ее поменять или усовершенствовать свой арсенал методов и методологических установок. Изменения коснулись, в частности, типологического анализа и конструирования типологий политических систем, в том числе переходных, чему посвящен специальный раздел. Изменения коснулись и теории демократии, а главное — теоретического анализа путей, ведущих к ней. Какие изменения последуют за нынешними событиями на севере Африки, сейчас можно только гадать, но ясно, что они будут стимулом для активизации новых сравнительных исследований. Логика сравнительного анализа демократии предстает как логика развития ее измерителей — индексов демократии. Последние развиваются путем перехода от институциональных к процессуальным, а от них к субстанциальным показателям, связанным прежде всего с гражданскими правами и политическими свободами. Новым для сравнительной политологии является идея демократического аудита, построенного на эмпирическом анализе национальных демократий. Сравнительная политология, ориентированная на исследование факторов демократического процесса, представлена в главе девятой, где анализируется переход от социально-экономической концепции демократизации Липсета к многофакторным моделям. Различие между концепциями демократии и демократизации приводит исследователей-компаративистов к поиску механизмов перехода от формальной демократии к реальной, что порождает целое направление в сравнительной политологии: теория консолидации демократии, дифференцированная на структурные, транзитологические и институциональные подходы. **Третья часть** (гл. 13—17) посвящена сравнительному изучению политических институтов и процессов. Здесь представлен анализ институциональных дизайнов современного государства, современных федераций, их политических институтов и связей с политическими режимами. Значительное внимание в сравнительной политологии начинает уделяться процедурным характеристикам демократии и переменам в ее организационной структуре, что связано с развитием партийной системы (появлением нового типа партий — картельных партий) и избирательной техники. Конкуренция за голоса избирателей в аспекте рыночных технологий начинает доминировать в современном политическом процессе, что приводит к экспансии экономической методологии теории рационального выбора в политическую науку и сравнительную политологию. Специальная глава представлена темой сравнительного анализа публичной политики, т. е. функционального аспекта деятельности государственного управления, что стало заметным явлением в сравнительной политологии, начиная с 1970-х гг. Завершается исследование сравни-

тельным анализом современных административных реформ на Западе и в России. Следует отметить, что сравнительное государственное управление в настоящее время становится одной из влиятельных дисциплин внутри сравнительной политологии. В целом, основная идея книги состоит в том, что послевоенные политические исследования демонстрируют переход от господства каузальной сравнительной политологии к плюралистической и интерпретативной методологии сравнения в политической науке, которая все более получает очертания событийного политического знания.

Данный учебник не мог бы состояться без помощи тех организаций и международных фондов, которые финансировали поездки автора в Великобританию, Германию, США, Канаду, Японию и другие страны в 1990-е — начале 2000-х гг., а также предоставляли возможность для чтения лекций и проведения исследовательской работы. В этом отношении хотел бы высказать свою искреннюю признательность моему родному Санкт-Петербургскому государственному университету, Российскому государственному педагогическому университету им. А. И. Герцена, Центру международных исследований Тюбингенского университета (Германия), Центру изучения Германии и Европы (Германия—Россия) и Организации по международному обмену и исследованиям (IREX, США). Большой материал в книге был собран во время поездки в США в 2000 г. по гранту Carnegie Corporation of N.-Y. по программе Targeted Exchanges Program, управление которой осуществлял International Research and Exchanges Board (IREX). На материал этой книги повлияли участие автора в конгрессах Международной ассоциации политической науки в Канаде и Японии, сотрудничество с Европейским консорциумом политических исследований (Великобритания) и Институтом Александра Хельсинского университета (Финляндия).

Учебник написан в соответствии с требованием Государственного образовательного стандарта по классическому университетскому образованию по направлению «политология» к общепрофессиональной дисциплине федерального компонента «Сравнительная политология». Может быть использован при углубленном изучении ряда политологических курсов.

ГЛАВА 1

История сравнительной политологии¹

Сегодня сравнительная политология является одной из ведущих отраслей политической науки. Почти четверть всех индивидуальных членов Международной ассоциации политической науки специализируются в области *сравнительной политологии*. Издаётся около десятка общедисциплинарных журналов по сравнительной политологии, среди которых можно упомянуть *Comparative Politics*, *Comparative Political Studies*, *Comparative Studies in Society and History*; *Comparative Strategy*; *Comparative Civilizations Review*; *Cross-Cultural Research*; *Journal of Commonwealth and Comparative Politics*; *Revue internationale de Politique comparee*; *Revue d'Etudes comparee Est-Ouest*. Кроме того, существует несколько десятков специализированных изданий по сравнительным исследованиям отдельных аспектов политики, институтов или проблемных областей, например, *Parliamentary Affairs: A Journal of Comparative Politics*; *Democratization*; *Studies in Comparative International Development*; *Studies in Comparative Local Government*; *Publics: The Journal of Federalism*; *Party Politics*; *International Review of Administrative Sciences: An International Journal of Comparative Public Administration*; *West European Politics* и т. п. Запрос в Интернете на «comparative politics» даёт около 781 тысячи ссылок на веб-страницы. Общие и специализированные курсы по сравнительной политологии входят в число наиболее популярных в лидирующих университетах мира.

Сравнительная политология прошла долгий и весьма поучительный путь. В её развитии можно выделить важнейший критический рубеж, приходящийся на середину XX столетия. Конец 1940-х и начало 1950-х гг. разделяют «традиционную» и «новую» сравнительную политологию. В то же время было бы опрометчивым игнорировать более ранние этапы развития дисциплины. Так, вполне отчетливо вы-

¹ В данной главе частично использованы материалы статьи: Ильин М. В., Сморгунов Л. В. Сравнительная политология // Политическая наука. Пробл.-тематический сб., 2001. № 2.

деляется этап формирования сравнительной политологии, охватывающий завершающие 3–4 десятилетия XIX в. Следует также признать существенное обновление дисциплины в 1970-х гг. и рассматривать это и последующее десятилетия как ее новый этап. 1990-е годы привели к развитию отрасли на основе ее тематической и методологической относительной однородности, что позволяет говорить об очередном самостоятельном этапе. Данные обстоятельства позволяют нам выделить в данной главе пять основных этапов развития сравнительной политологии:

1) становление сравнительной политологии как самостоятельной отрасли знания (вторая половина XIX в.);

2) этап накопления потенциала, «традиционная сравнительная политология» (первая половина XX в.);

3) этап обновления и экспансии бихевиоризма, «новая сравнительная политология» (с начала 1950-х по конец 1970-х гг.);

4) этап кризиса и отпочковывания субдисциплин, «плюралистичная сравнительная политология» (с середины 1970-х по конец 1980-х гг.);

5) интервенция экономической методологии, этап неоинституциональной сравнительной политологии (1990–2000-е гг.).

Последовательное рассмотрение данных этапов эволюции позволяет одновременно выявить основные тенденции и итоги развития сравнительной политологии.

1.1. Становление современной сравнительной политологии

В 1923 г. Чарльз Мерриам, анализируя основные этапы развития политической науки, утверждал, что можно выделить четыре этапа: 1) априорно-дедуктивный — до 1850 г.; 2) исторический и сравнительный — между 1850–1900 гг.; 3) тенденцию к наблюдению, обзору и измерению — с 1900 г. по настоящее время (т. е. по 1923 г. — *Л. С.*), и 4) прогнозирование будущего в направлении «психологической обработки политики» (*Merriam, 1923, p. 286*).

Действительно, вторая половина XIX в. проходила под знаком внимания к сравнительному политическому исследованию, и основы методологии сравнения, разработанные тогда же, оказывали влияние на данную отрасль науки вплоть до середины 1940-х гг. Это время может быть охарактеризовано как этап становления сравнительной политологии в качестве самостоятельной отрасли в рамках политической науки. На данном этапе не только формируется понимание значимости сравнительного метода, разрабатываются его теоретические основы, но и создаются условия для осознания особенности этой

отрасли. Сравнительные политические исследования не являются в это время редкостью для Европы. Подобные исследования в США в рамках институционализирующейся политической науки стали источником дальнейшего развития отрасли на американском континенте. В этой связи следует заметить, что, во-первых, американская политическая наука и сравнительная политология начинались с преемственности исследовательских традиций Европы, и, во-вторых, именно в США сравнительная политология оформилась и в дальнейшем стала оказывать все возрастающее влияние уже на европейские исследования.

Сравнительная политология начинается с описательного подхода, который был характерен для политологов, воспитанных на образцах изучения юридических и исторических фактов. Его, например, успешно использовал Фрэнсис Либер, ставший первым профессором истории и политической науки в Колумбийском колледже (впоследствии университете) в 1857 г. Именно с его научной деятельностью обычно связывают внедрение в политические исследования в США историко-сравнительного метода. В своей инаугурационной речи при вступлении в должность профессора он отметил необходимость исторического обзора. 1) всех правительств и систем права; 2) всей политической литературы, представленной наиболее выдающимися авторами — от Платона и Аристотеля до Калхуна; 3) тех моделей государств, которые время от времени изображались политическими философами под названием утопий (*Lieber, 1993, p. 29*).

Обобщающая традиция сравнительного изучения политики представлена в книге оксфордского профессора Эдварда Фримена «Сравнительная политика» (1873). Она включает курс из шести лекций, прочитанный в начале 1873 г. перед Королевским институтом, и лекцию о единстве истории, прочитанную в Кембридже. Предметом курса, как писал автор, является сравнительное исследование политических институтов и форм правления, принадлежащих к различным временам и странам, путем установления неочевидных, глубинных аналогий. Для этого нужно небольшое размышление, которое позволило бы за внешними различиями обнаружить сходства. Ученый должен изучать, классифицировать и обозначать явления политического строя таким же образом, как исследуются здания и животные. Сравнительное исследование, по мысли Фримена, может касаться трех типов сходств. Первые объясняются прямыми заимствованиями, вторые — подобием условий среды, а третьи и наиболее интересные для него — общностью происхождения. Основной задачей сравнительной политологии он считает эволюционную реконструкцию по типу языковой реконструкции, предложенной сравнительно-историческим языкознанием, которая утвердилась в качестве науки.

Существенный вклад в сравнительные политические исследования внесли труды Вудро Вильсона «Государство. Элементы исторической и практической политики» (1889) и Джона Берджеса «Политическая наука и сравнительное конституционное право» (1891). Методология работ Вудро Вильсона и Джона Берджеса характеризуется рядом свойств, которые сегодня обычно относят к так называемому «традиционному подходу» в сравнительной политологии (*Bill & Hardgrave, 1981*, p. 2). Суть его в формально-легальном описании, идущем от юридической науки. В значительной мере политика описывалась как институциональная сфера, опирающаяся на формализованные нормы и принципы. Однако создатели «традиционного подхода» отнюдь не были нечувствительны к методологическим вопросам. Джон Берджес, например, писал: «Если моя книга имеет какую-либо особенность, то это — ее метод. Она представляет собой сравнительное изучение. Это попытка применить метод, который считается таким продуктивным в области естественной науки, к политической науке и юриспруденции» (*Burgess, 1891*, p. V). Однако следование образцу именно естественных наук заставляло и Берджеса, и Вильсона, и их коллег в духе позитивистского эмпиризма обращать внимание прежде всего на скрупулезное описание фактов и данных, на их индуктивное обобщение с помощью довольно незамысловатых процедур *ad hoc* сравнения.

В России сравнительный метод также активно использовался. В работе М. М. Ковалевского «Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права» (1880) мы можем обнаружить интерес к методологическим проблемам сравнения. Ковалевский убежден, «что из факта случайного сходства или не менее возможного различия нельзя выводить ровно никаких научных заключений» (*Ковалевский, 1880*, с. 8). Ковалевский различает два способа сравнений — поверхностные сопоставления и строгое научное исследование. «При сравнительном методе просто, — отмечает русский ученый, — который для меня то же, что метод сопоставительный, сравнение делается между двумя или более произвольно взятыми законодательствами» (*Там же*). Методу произвольных сопоставлений Ковалевский противопоставляет две разновидности историко-сравнительного метода. Первая — генетическая разновидность — включает ставшие уже традиционными сравнительно-исторические исследования политических систем и народов, которые «происходят от одного общего ствола, а следовательно, и способны... вынести из общей родины общие юридические убеждения и институты». Другая, стадияльная разновидность метода, предполагает сравнение институтов и норм, отвечающих одинаковым ступеням общественного развития. Этот метод «находит применение себе в трудах тех преимущественно английских и немецких историков и юристов, совокупными усилиями которых

удастся, как я думаю, подарить еще XIX век естественной историей общества» (*Там же*, с. 10).

Ковалевский выделяет несколько конкретных методологических принципов или «приемов». Первый составляет «изучение фактов переживаний». «Основание себе он находит в том соображении, что позднейшие по времени появления формы общежития не вытесняют собою сразу всех следов предшествующего им по времени порядка» (*Там же*, с. 27). Особое знание этот «прием» имеет для отечественных исследователей, так как «после Индии Россия представляет, по всей вероятности, ту страну, которая заключает в себе наибольшее число обычаев, обрядов, юридических поговорок, пословиц и т. п., в которых, как в зеркале, отражаются по крайней мере некоторые черты ранних форм общежития, древних, если не древнейших, норм частного и публичного права» (*Там же*, с. 28). Ковалевский также выделяет «прием филологический», основанный на том, «что язык есть та часть народного достояния, которая вправе претендовать на самую глубокую древность» (*Там же*, с. 38). Третьим идет изучение сказок и других памятников фольклора. Завершает череду специальных «приемов» исследование археологических памятников.

К числу научных достижений Ковалевского относится установление функции компаративистики как посредника между теорией и эмпирическими разысканиями. «Значение сравнительного метода вовсе не состоит в открытии новых фактов, а в научном объяснении уже найденных» (*Там же*, с. 23).

К концу столетия появляется все больше работ в духе исследований отдельных случаев (case study), основанных либо на позитивистских описаниях, либо на жестком подверстывании фактов под общую схему. Компаративность обеспечивалась за счет чисто механического объединения рядов случаев или же простых сопоставлений «в режиме общего здравого смысла».

В позитивистско-описательном духе выдержаны труды британцев сэра Джона Сили, сэра Фредерика Поллока, их американского коллеги Теодора Дуайта Вулси, а также «атлантиста» лорда Джеймса Брайса. Самой крупной работой подобного рода стала книга М. Я. Острогорского о политических партиях, демонстрирующая возможность получения масштабных обобщений путем скрупулезного индуктивного собирания и сравнения фактов политической практики. Однако этот труд лежит уже на границе этапов развития сравнительной политологии.

При анализе опыта формирующейся дисциплины обращает на себя внимание закономерность, которую с большей или меньшей отчетливостью можно отметить и в последующие периоды: всплеск теоретических дискуссий сопровождается последующим падением

уровня методологической четкости исследований, когда новые крупные достижения обеспечиваются виртуозным использованием интуиции и индивидуального подхода.

1.2. «Традиционная» сравнительная политология

К началу XX в. сравнительная политология (под названием «сравнительное правление» либо «сравнительная политика») уверенно занимает место одной из основных отраслей политической науки наряду с американской системой правления, элементами права и политической теорией, что было официально зафиксировано Американской ассоциацией политической науки в 1912 г. Известный франко-британский компаративист Жан Блондель считает, что сравнительная политология выделяется в качестве самостоятельной ветви исследования политики примерно к началу Первой мировой войны, то есть к 1914 г. (*Blondel, 1999, p. 155*).

Хотя уже в конце прошлого и в начале этого (традиционного) периода начинается формирование новой методологии политического сравнения (Дюркгейм, Вебер), господствующим в сравнительной политологии остается «традиционный подход». В. Виллоби еще в 1904 г. выделил три основных отрасли политической науки: политическую теорию, или философию, публичное право и общую теорию государственного управления. Именно общая теория государственного управления имела непосредственное отношение к сравнительной политологии. Виллоби писал: «В-третьих, имеется общая наука о государственном управлении, его различных формах, разделении властей, его различных органах — законодательных, исполнительных и судебных, центральных и местных — и принципах, управляющих его администрацией. Подразделение на эти большие дисциплины легко осуществляется. Более того, все эти темы, главные и второстепенные, конечно, выражаются в теоретических, дескриптивных, сравнительных или исторических утверждениях, и почти все включают или, по крайней мере выходят, на дискуссию о практических проблемах государственного управления» (*Willoughby, 1993, p. 60*).

На этом фоне практически незамеченным компаративистами остались два великих открытия основного инструмента сравнения — идеального типа. Это открытие было совершено на рубеже веков независимо, вероятно, друг от друга двумя великими обществоведами — Эмилем Дюркгеймом и Максом Вебером.

Уже в 1890-е гг. — сначала в серии статей, а затем в книге «Метод социологии» — Дюркгейм вводит категорию социального вида как особого исследовательского инструмента, преодолевающего одно-

сторонность как крайней описательности, так и крайнего абстрагирования: «Понятие о социальном виде имеет то огромное преимущество, что занимает среднее место между двумя противоположными представлениями о коллективной жизни, долгое время разделявших мыслителей; я имею в виду номинализм историков и крайний реализм философов» (*Дюркгейм, 1990, с. 471*). Французский обществовед продолжает: «Казалось, что социальная реальность может быть только предметом или абстрактной и туманной философии, или чисто описательных монографий. Но можно избежать этой альтернативы, если признать, что между беспорядочным множеством исторических обществ и единственным, но идеальным понятием о человечестве, существуют посредники — социальные виды» (*Там же, с. 472*). Тем самым Э. Дюркгейм не только вводит категорию социального вида, но и намечает для его использования особую, посредничающую между абстрагированием и описательностью область научных исследований — социальную морфологию. Подобным образом определенная морфология — это фактически компаративистика.

Макс Вебер вводит категорию идеального типа в 1904 г. в статье «Объективность социально-научного и социально-политического познания». Вебер характеризует идеальный тип: «Это — мысленный образ, *не являющийся* ни исторической, ни тем более „подлинной“ реальностью. Еще менее он пригоден для того, чтобы служить схемой, в которую явление действительности может быть введено в качестве частного *случая*. По своему значению это чисто идеальное *пограничное* понятие, с которым действительность *сопоставляется, сравнивается*, для того чтобы сделать отчетливыми определенные значимые компоненты ее эмпирического содержания» (*Вебер, 1990, с. 393*).

Остается только гадать, сколь ценные результаты могли бы быть получены, когда бы компаративисты начала XX столетия использовали исследовательские инструменты, созданные для них Э. Дюркгеймом и М. Вебером. На деле же доминирование позитивистско-описательного подхода привело как к игнорированию методологической проблематики, так и к обострению внутренних противоречий данного подхода, к его упрощению. Это вылилось в преувеличение институционально-юридического аспекта сравнений, нормативность «эмпирических» сравнительных построений, подчеркивание «образцовости» той или иной страны, специфического института, доминирование однолинейного евроцентристского прогрессизма. Отдельные попытки возражать против индуктивного обобщения произвольно выхваченных исторических фактов или отстаивать важность изучения различных вариантов концептуализации политических институтов и практик, например в трудах Ф. Мейтланда и Дж. Фиггиса, только свидетельствовали о мощи господствующей тенденции.

Характерный для всех них подход к сравнениям наиболее отчетливо, пожалуй, проявился в трудах Джеймса Брайса. Свое научное кредо Брайс сформулировал в завершающем труде своей жизни — «Современные демократии» (1921). Задачу исследователя Брайс видит не в том, чтобы «предлагать теории», а в обобщении данных: «То, что нам необходимо — это факты, факты и еще раз факты» (*Bryce, 1921*, p. 13). Брайс подчеркивает: «Существуют два метода рассмотрения предмета. Один, использовавшийся моими предшественниками, заключается в систематическом описании черт демократического правления в целом, используя факты отдельных демократий в качестве иллюстраций предложенных принципов. Другой метод, прославленный Монтескье и Токвилем, непосредственно связывает его с ключевыми конкретными феноменами человеческого общества, позволяя ему следовать за аргументами и оценивать критику, поскольку последние теснее связываются в нашей памяти с фактами, которые их породили» (*Ibid*, p. 6). Можно было бы пренебрежительно отмахнуться от крайне простеньких, если не примитивных схем Дж. Брайса, если бы ни тот факт, что его книга оказалась практически единственным примером обсуждения методологии сравнительных исследований.

Кроме того, к чести Дж. Брайса, следует отметить, что он был одним из первых, кто попытался поставить вопрос о демократических нормах, их осуществлении и об их противоречивом взаимодействии друг с другом. С одной стороны, он отмечает «практически всеобщее принятие демократии как нормальной и естественной формы правления». С другой стороны, в результате «люди практически прекратили исследовать ее явления, поскольку они представляются частью установившегося порядка вещей» (*Ibid*, p. 4). Брайс оказался очень близок к тому, чтобы указать на главную проблему «традиционного этапа» сравнительной политологии, на универсализацию, а в пределе и на мифологизацию партикулярных образцов. Результатом этого в межвоенный период становится создание идеологически мотивированных «мифотипов» демократии, нации, социализма, фашизма, тоталитаризма и т. п., в сравнении с которыми все остальные политические практики заведомо оказывались ущербными или даже подлежащими искоренению.

Надо признать, что Брайс при всей широте своего мышления не избежал идеализации атлантической версии демократии. Его анализ опирался на сравнение, прежде всего, США, Канады, Австралии и Новой Зеландии, а в дополнение к ним только Франции и Швейцарии из числа континентальных государств. Индуктивное соединение «фактов» дало один результат. Чуть набор «фактов» был изменен, например, в исследовании Агнес Хедлам-Морли (*Headlam-Morley, 1928*) с учетом данных Веймарской Германии, Чехословакии, Финляндии,

Югославии, Польши и прибалтийских государств, как изменились и выводы (*Ibid*, p. 158).

Основными характерными чертами так называемого «традиционного подхода», по оценке Роя Макридиса, были следующие: по сути не сравнивающий, описательный, ограниченный, статичный, монографичный (*Macridis 1955; 1969*, p. 3–9). К этому следовало бы добавить еще формальный легализм, консерватизм, атеоретическую предубежденность и методологическое безразличие, отмечаемые другими авторами (*Bill & Hardgrave, 1981*, p. 3–10). Жан Блондель, анализируя особенности данного этапа, говорит также о близком к нормативному частично аналитическом подходе, цель которого состоит в открытии «законов» политического поведения исходя из природы человека; но все же господствующим был традиционный подход (*Blondel, 1999*, p. 154).

Труды в области сравнительной политологии, а чаще всего одной его отрасли — сравнительного правления, фактически сводились к так называемым конфигуративным исследованиям, т. е. к описанию основных политических институтов некоторых ведущих стран мира (как правило, США, Великобритании, Германии, Франции и России), а затем этот материал объединялся под общим названием. Из поля зрения выпадали многие регионы мира, при этом развитые страны (США, Великобритания) рассматривались в качестве образцов, с которыми сравнивались другие. Особо следует отметить атеоретическую предубежденность и методологическое безразличие. В целом поверхностное отношение к теории определялось следующим. Во-первых, у исследователей-компаративистов отсутствовал глубокий интерес к теории в силу недоверия к так называемой нормативной политической теории, т. е. политической философии. Господствовало простое наблюдение и простое эмпирическое обобщение. Во-вторых, считалось, что высокий уровень теоретической абстракции не дает возможности осуществить эмпирическую проверку, и наоборот, теоретические абстракции в принципе не наблюдаемы. Существующие политические институты и нормы легко описывались уже сформированным языком норм. В-третьих, существовало убеждение о проблематичности формирования науки о политике, подверженной колебаниям и сильному влиянию субъективного фактора. Что касается методологического безразличия, то эта характеристика являлась обратной стороной нетеоретического акцента. Описательный и формальный характер проводимых сравнительных исследований не требовал изощренной методологии сбора, группировки и анализа эмпирических данных.

Вполне в духе данных установок конференция «за круглым столом», проведенная Американской ассоциацией политической науки

в 1927 г., поддержала формально-легалистскую направленность сравнительно-политических исследований.

Ситуация начала меняться уже в 1930-е гг. Они отмечены одним из крупнейших научных достижений XX века: 12-томным сочинением Арнольда Тойнби «Постижение истории» (*Toynbee, 1934–1961*). Первые три тома вышли в 1934 г., еще три — в 1939, еще четыре — в 1954 г., наконец «Атлас» — в 1959 г. и «Переоценка» — в 1961 г. Фундаментальный труд А. Тойнби стал своего рода метатеоретическим дополнением основных политологических занятий автора, профессора Лондонской школы экономики и политических наук в 1925–1955 гг., одного из основателей и директора Королевского института международных отношений (Чаттем Хауз), автора ежегодных обзоров мировой политики в 1925–1965 гг. «Постижение истории» стало образцом компаративистики. Тойнби по сути дела продолжает и развивает подход Э. Фримена, на которого прямо ссылается в данной связи в первом томе, поднимая на качественно новую высоту сам характер сравнительных исследований. Оставляя в стороне многие фундаментальные открытия Тойнби, отметим только его рассуждения о сравнительных исследованиях, занимающие львиную долю первого тома. Откликаясь на известную проблему «уникальности» политических явлений и, шире, на «полуправду тезиса о неповторяемости истории», Тойнби пишет: «Наш ответ состоит в том, что хотя каждый факт, как и каждый индивид, уникален и тем самым в некоторых отношениях несравним, в других отношениях он может оказаться элементом своего класса и потому сопоставимым с другими элементами данного класса, насколько это позволяет классификация» (*Abr. to vol. I–VI*, p. 43). В контексте осмысления «феноменов человеческой жизни» британский компаративист выделяет три метода: «Первый состоит в установлении и фиксации „фактов“, второй — в выявлении посредством сравнительного анализа установленных фактов общих „законов“, третий — в художественном воссоздании (недостающих. — Л. С.) фактов в форме «фантазии» (*Там же*).

В 1930–1940-е гг. появился, кроме того, ряд работ, которые свидетельствовали о содержательном развитии сравнительной политологии, более мелкой по масштабам, но в то же время приближенной к политической практике. Прежде всего это труд Германа Файнера «Теория и практика современного правления», изданный впервые в 1932 г., а затем выпущенный в новом, расширенном и существенно переработанном виде уже после Второй мировой войны в 1949 г. Это книга Карла Фридриха «Конституционное правление и политика» (1937), а затем ее существенно переработанная версия «Конституционное правление и демократия» (1946). Уже в работах Файнера и Фридриха намечается серьезный переход от изучения политики по странам к из-

учению политических институтов. Это сочинения сэра Кеннета Уиера «Федеративное правление» (1945) и «Современные конституции» (1951). Наконец, это книга Мориса Дюверже «Политические партии» (1951). Эти и подобные им работы закладывали основания для следующего этапа в развитии сравнительной политологии.

Существенным фактором накопления потенциала сравнительной политологии было также чтение учебных курсов и взаимодействие между лекторами. Особую роль в консолидации профессии сыграла так называемая чикагская школа, созданная в 1920-е гг. Чарльзом Мерриамом. В Чикагском университете в 1930-е гг., как вспоминает Гэбриэль Алмонд, читался ряд курсов по сравнительным исследованиям: Л. Уайт читал общий курс по сравнительному правлению, Г. Госнелл — по сравнительному анализу политических партий, Г. Лассуэлл — по общественному мнению с привлечением материала из Европы (*Almond, 1997*, р. 54). Усилия Чикагского и других американских университетов, как отмечено в докладе исследовательской группы по сравнительной политологии Американской ассоциации политической науки, привели к тому, что состояние данной дисциплины в то время характеризовалось как «подвешенное оживление» (*Report, 1944*, р. 540).

Однако наиболее мощным фактором, который способствовал формированию сравнительной политологии на американской почве, стала политическая экспансия США, резко усилившаяся в ходе Второй мировой войны. Собственная политическая система представлялась подавляющему большинству американских политиков и политологов своего рода практически осуществленным идеальным типом — идея ложная и опасная для воспринявших ее. Насажение политического американизма выявило немало проблем. Отклонения же от образца, уступки национальным традициям нередко оказывались особенно эффективными. Помимо необходимости рационального объяснения подобных фактов требовалось также объяснение накопленных политической антропологией данных об экзотичных, но по-своему эффективных политических системах и культурах. Все это в совокупности потребовало создания специальной научной дисциплины с собственной методологической базой и набором соответствующих методик.

Важным фактором, благоприятствующим сравнительным исследованиям в США, стал мощный приток интеллектуальных сил из Европы накануне и во время Второй мировой войны. Это были, в основном, эмигранты из Германии, Австрии, а затем и других стран, ставших жертвами агрессии. С собой они принесли не только высокие стандарты научности, но также знание европейской и не только европейской политики, а также способность и вкус к сравнениям. Отмечая значение научной иммиграции в США, Ханс Даальдер ссылается на имена

Карла Дойча, Отто Кирхаймера, Пауля Лазарсфельда, Ганса Моргентхау, Франца Нойманна и Иозефа Шумпетера. Он подчеркивает, что политология «привлекла гений европейских изгнанников, которые как типичное „второе поколение“ в большинстве своем обратились к сравнительной и международной политологии» (*Daalder, 1997, p. 14*). В содержательном отношении иммиграция способствовала осмыслению таких явлений, как крах Веймарской конституции, «разрыв между обещаниями советской конституции 1936 г. и реальностей неприкрытых властных отношений в СССР», события во Франции 1940 г., а также прочие «потрясения XX столетия» (*Ibid, p. 13–15*).

Еще в ходе войны была развернута деятельность специального комитета по компаративистике, созданного Американской ассоциацией политической науки. Карл Лёвенштейн составил отчет комитета, который был опубликован в 1944 г. в журнале ассоциации «Обозрение американской политической науки». В этом отчете подчеркивалось: «Преобладающее мнение участников состояло в том, что сравнительное правление утратило свой традиционный характер описательного анализа и вот-вот приобретет характер „целостной“ (total) науки, если ей дано служить сознательным инструментом социальной инженерии» (цит. по: *Macridis, 1955, p. 17*).

Отклик коллег был позитивным. Соответствующая работа развернулась как в рамках отдельных университетов, так и в специальных исследованиях, поддержанных Советом по обществоведческим исследованиям (Social Science Research Council — SSRC). В ходе формирования «целостной научной дисциплины» все отчетливей стало проявляться ее общетеоретическое значение для политологии в целом, для адекватного понимания не только отдельных аспектов политики, но и всего целостного политического феномена.

1.3. «Новая» сравнительная политология

Знаковым событием, связанным с появлением «новой» сравнительной политологии, стал семинар, проведенный в 1952 г. в Северо-Западном Университете (Эванстон, Чикаго) под эгидой Совета по обществоведческим исследованиям. Его участниками были Сэмюэль Биер, Джордж Блэнкстен, Ричард Кокс, Карл Дойч, Гарри Экстейн, Кеннет Томсон, Роберт Уорд, а также председательствовавший на семинаре Рой Макридис (*Daalder, 1993, p. 18*). Данную группу исследователей, стремившихся к большей строгости и четкости теоретико-методологических установок, можно охарактеризовать как «обновленцев». Обсудив особенности сравнительного метода, участники семинара выделили уровни сравнительного политического анализа, а также основные тематические вопросы исследования (*Macridis & Cox, 1953,*

р. 641–679). На семинаре были сформулированы восемь методологических тезисов.

1. «Что сопоставление предполагает абстракцию и что конкретные ситуации или процессы как таковые никогда не могут сравниваться. Каждый феномен уникален, каждое проявление уникально, каждый процесс, каждая нация, каждый индивид в определенном смысле уникальны. Сравнить их — значит подбирать определенные (идеальные. — *Л. С.*) типы или понятия, тем самым «искажая» уникальное и конкретное.
2. Что перед любым сопоставлением необходимо не только установить категории и понятия, но также определить критерии релевантности отдельных компонентов социальной или политической ситуации анализируемой проблеме, например релевантность социальной стратификации семейной системе или пятен на солнце — политической нестабильности.
3. Что необходимо установить критерии для адекватной репрезентации отдельных компонентов, которые подвергаются общему или проблемному анализу (проблема установления меры или стандартных шкал показателей. — *Л. С.*).
4. Что при попытке построить, в конечном счете, политическую теорию необходимо сформулировать гипотезы, вытекающие или из контекста концептуальной схемы, или из формулировки проблемы.
5. Что формулировка гипотетических отношений и их проверка эмпирическими данными никогда не сможет получить доказательности. Гипотеза или серия гипотетических отношений будет доказана, т. е. верифицирована только при условии одновременной фальсификации.
6. Что предпочтительней формулировать серии гипотез, чем единичные гипотезы.
7. Что компаративные исследования, даже если они не приводят к появлению некой общей теории политики, могут проложить путь постепенному и кумулятивному развитию теории с помощью: а) обогащения нашего воображения и способности формулировать гипотезы в том же смысле, в каком «внешнеположенность» (*outsidedness*) расширяет нашу способность понимать общественную систему; б) выявления средств для проверки гипотез, а также в) уяснения того, что нечто для нас очевидное нуждается в объяснении.
8. Наконец, что одна из величайших опасностей при формулировании гипотез в рамках компаративных исследований заключается в проекции возможных отношений *ad infinitum*. Этого мож-

но избежать с помощью последовательного сбора данных еще до формулирования гипотез. Подобный сбор сам по себе может вести к признанию иррелевантных отношений (климат и избирательная система, язык и промышленная технология). Такое признание дает возможность более управляемого сбора данных. Отсюда вытекает важность, придаваемая участниками семинара развитию предварительных классификационных схем еще до формулирования гипотез» (цит. по: *Macridis, 1955*, р. 18–19).

Воздействие семинара и предложенного им методологического подхода на сравнительную политологию было велико. Произошел мощный рост интереса к сравнительным исследованиям, прежде всего в Америке. В президентском обращении к ежегодному собранию Американской ассоциации политической науки 1953 г. Пенделтон Херринг подчеркнул: «Тщательные компаративные исследования культур и идеологий, исторического развития и целостных комплексов сил, которые стремятся к завершенному политическому выражению, способны привести не только к лучшему пониманию тех стран мира, с которыми нам приходится иметь дело, но также должны позволить нам лучше понять самих себя» (цит. по: *Macridis, 1955*, р. 16–17).

В марте 1954 г. Совет по обществоведческим исследованиям создает Комитет по сравнительной политологии, который возглавляет Габриель Алмонд, один из учеников Чарльза Мерриама. «Мы были, — вспоминает Алмонд, — „молодым“ комитетом, подобранным с расчетом избежать американской и европейской ограниченности и интеллектуального консерватизма» (*Almond, 1997*, р. 58). Деятельность Комитета была широкой и разнообразной: «Это был замечательный период интеллектуальной деятельности в течение более двух десятилетий. Действительное число ученых, принимавших участие в деятельности Комитета, составило 245 человек, из которых 199 были американцами, а 46 — иностранцами, в основном европейцами» (*Ibid*, р. 59).

Формируется традиция сравнительного изучения условий демократических и авторитарных режимов, измерения политических режимов и институтов. Заметным явлением в политической науке стали работы С. Хантингтона, М. Яновица и С. Файнера по изучению военных, Г. Эрмана «Групповые интересы на четырех континентах» (1958), Г. Алмонда и С. Вербы «Гражданская культура» (1963).

Сидней Верба довольно точно оценил происшедшие перемены: «Революция в сравнительной политологии началась с некоторых смелых принципов: видеть за описанием теоретически более релевантные проблемы; видеть за одним фактом сравнение многих фактов; видеть за формальными институтами управления политические процессы и политические функции; и видеть за странами Западной Европы новые государства Азии, Африки и Латинской Америки» (*Verba, 1967*, р. 111).

Деятельность Комитета отличала установка на создание «общей науки, разрабатывающей единый комплекс теоретических проблем, предоставляющей единую методологию исследований» (*Almond, 1970*, р. 16). Без преувеличения можно сказать, что наиболее ценные достижения американской политологии с середины 1950-х по начало 1970-х гг. так или иначе связаны с деятельностью Комитета. Отдельные исключения — некоторые чисто теоретические труды или же работы в весьма специфических областях типа электоральных исследований — можно пересчитать по пальцам. Фактически в это время сравнительная политология, потеснив многие иные отрасли политической науки, заняла ведущее место и в определенном смысле стала отождествляться со всей дисциплиной.

Мощная экспансия компаративистики охватила и область преподавания политологии. Так, в 1925 г. в десяти крупнейших университетах США приблизительно один из десяти предложенных курсов относился к сравнительной политологии, в 1945 г. — один из пяти, а в 1965 г. — уже один из трех (*Bill & Hardgrave, 1981*, р. 11).

Подобные перемены не означали, что «традиционная» сравнительная политология исчезла в одночасье. Напротив, ее приверженцы не только продолжали работу, но и смогли выдвинуть немало здравых возражений против методологического максимализма «обновленцев». Важным событием в данном отношении стало заседание круглого стола по сравнительному правлению, организованное Международной ассоциацией политической науки в апреле 1954 г. во Флоренции. На заседании «традиционалисты», в число которых входили такие видные ученые, как Карл Лёвенштейн, Карл Фридрих, Морис Дюверже, Рольф Штернбергер, Уильям Робсон, довольно активно выступили против «обновленцев», которых во Флоренции представляли Рой Макридис, выступивший с методологическим докладом, а также Сэмюэль Бизер и Роберт Уорд (*Daalder, 1997*, р. 229–230). Однако дискуссия отнюдь не вылилась в простую конфронтацию. Обе стороны внимательно воспринимали аргументы друг друга. Выявилась и группа «центристов», включавшая одного из организаторов флорентийского коллоквиума Джованни Сартори и ряд молодых европейских ученых. В целом дискуссия оказалась крайне конструктивной и плодотворной. Как вспоминает Ханс Даальдер, «для начинающего ученого вряд ли можно было найти более волнующее вступление в профессию, чем этот семинар» (*Ibid*, р. 230).

В течение 1950-х гг. происходит постепенное методологическое обновление. Смягчаются крайности, вырабатывается достаточно широкая зона теоретико-методологического согласия. Сторонников как активно-конструктивных (генерационных, дедуктивных), так и реактивно-описательных (таксонимических, индуктивных) tradi-

ций сближают поиски общих теоретических основ политической науки. Именно в 1950-е гг. сложились два новых подхода — системный и поведенческий, или, как его нередко называют, бихевиоральный». Каждый из этих подходов представлял теоретико-мировоззренческое отношение к политике как к объекту исследования. В основе каждого лежала своя онтология политического.

Представители системного подхода (структурные функционалисты и т. п.) исходили из того, что политику как явление и как объект исследования отличают некие организационные принципы — кибернетические и, шире, коммуникативные взаимодействия, структурно-функциональные зависимости и т. п. Отсюда вытекало, что задачи исследования и понимания политики связаны с выявлением соответствующих аспектов организации в бесконечно богатом и разнородном мире политического. Это позволило различать системные и средовые факторы в политике, осуществлять моделирование политических институтов и процессов, выявлять граничные, а тем самым нормальные и аномальные условия функционирования различных политических образований.

Бихевиоральная методология (не путать с бихевиоризмом как психологической теорией) строилась на признании безусловной первичности самой фактуры политического поведения людей. Принятие подобного подхода изменило образ мышления политологов в следующих отношениях:

- 1) усилилась сравнимость результатов из-за убеждения в наличии подобий в политическом поведении;
- 2) анализируемые взаимосвязи факторов при эмпирической проверке получали подтверждение;
- 3) возросла точность в методах сбора и анализа данных; получила развитие квантификация данных;
- 4) произошел поворот от нормативно-ориентированной к эмпирически-ориентированной теории на различных уровнях анализа;
- 5) введено в научный оборот позитивистское допущение, что ценностно-свободное и ценностно-нейтральное знание возможно;
- 6) усилился интерес к созданию чистой теории политики в противоположность прикладному исследованию (*Easton, 1993*, р. 294–296).

Как нетрудно заметить, оба данных подхода представляют собой различного типа аксиоматики, на основании которых могут строиться теоретико-методологические основания политической науки. Соблазнительно связать системный подход с активно-конструктивной (генерационной, дедуктивной) традицией, а бихевиоральный — с реактивно-описательной таксонимической, индуктивной. Однако в действительной практике исследований оба подхода — системный, пожалуй, чуть больше, а бихевиоральный чуть меньше — стимулировали методологическое обновление сравнительной политологии. К тому

же для многих политологов вообще, а для компаративистов в особенности, было свойственно стремление найти некое соединение двух подходов. Это способствовало широкому укоренению представлений о возможности объективного знания о политике и политических процессах на основе, с одной стороны, сравнимости структур и функций любой национальной политической системы, а с другой — экспериментального подтверждения всех выдвинутых гипотез ссылкой на публично наблюдаемые перемены в политическом поведении. Бихевиорализм тесным образом переплелся со структурным функционализмом, результатом чего явилась ориентация на теорию и возможность высокого уровня обобщения в сравнительной политологии.

Таким образом, воздействие системного и бихевиорального подходов на сравнительную политологию ограничилось общим повышением теоретического и, шире, культурно-интеллектуального уровня исследований. Принципиальных новаций в самих методах сравнений они не дали, хотя значительно обогатили сравнительную политологию варьированием и совершенствованием существовавших методов и добавили значительное количество специфических методик и техник исследования — в основном либо теоретических, либо эмпирических. Это вполне понятно, ведь оба подхода адресовались к базовым онтологиям политического, а не к основному смысловому ядру компаративистики: проблеме соотносимости уникального (*Heckscher, 1957, p. 77*), или к проблемам критериев сравнения, их релевантности и т. п., разве что делали это косвенно.

Данное обстоятельство ни в коей мере не мешало получению качественно новых научных результатов, в том числе имеющих теоретико-методологическое значение. Так, Габриэл Алмонд, разрабатывая функциональный подход к сравнительной политологии, писал о четырех основных характеристиках политических систем, на основе которых они могут быть сравнимы. Во-первых, «политические системы, включая наиболее простые, имеют политическую структуру... Во-вторых, во всех политических системах исполняются одинаковые функции, даже если эти функции и могут исполняться различными типами структур и с разной частотой... В-третьих, все политические структуры, неважно, как они специализированы, находятся ли в примитивном, или традиционном обществах, являются многофункциональными... В-четвертых, все политические системы являются смешанными системами в культурном смысле. Нет „сверхсовременных“ систем и структур в смысле рациональности, и нет „сверхпримитивных“ систем в смысле традиционности» (*Almond, 1960, p. 11*).

Исключительно важным вкладом в науку стала работа Г. Алмонда и Б. Пауэлла «Сравнительная политика: Развивающий подход» (*Almond & Powell, 1966*). Они пошли по пути выработки условно

универсальных показателей для сопоставления политических систем и культур, построили систему декартовых координат (*Ibid*, p. 308) с разделением каждой из осей на три уровня проявленности соответствующих качеств (низкий, средний, высокий), что дало девять полей. Горизонтальная координата характеризовала нарастание субсистемной автономности, а вертикальная — функциональной дифференциации. Последний параметр помимо низкой, средней и высокой проявленности характеризовался отнесением этих уровней соответственно к примитивным, традиционным и современным системам. Кроме того, он был дополнен, не вполне основательно, также параметром культурной секуляризации. Модель Алмонда — Пауэлла позволяет сделать целый ряд интерпретаций, достаточно нетривиальных и, вероятно, неочевидных даже для их создателей. Так, идущая из основания координат диагональ образует ось идеальной эволюции. Перпендикулярная ей диагональ, как и параллельные ей линии, характеризуют отклонения от идеального хода эволюции.

Еще более важная для сравнительной политологии и, к сожалению, недооцененная работа стала результатом встречи одной из рабочих групп Комитета по сравнительной политологии, произошедшей в 1968 г. в Стэнфорде. Результатом встречи стало издание в 1973 г. книги «Кризис, выбор и изменение. Исторические исследования политического развития». Это был сборник под редакцией Габриэля Алмонда, Скотта Флэнегана и Роберта Мундта (*Almond, Flanagan, Mundt, 1973*). В него вошли статьи, в которых на основе общих методологических принципов анализировались восемь исторических случаев качественных политических изменений, вступительная и заключительная главы, а также приложения, содержащие квантифицированные с помощью единого математического инструментария данные о динамике построения коалиций политических сил в ходе каждого из анализируемых кризисов. Исследование намного превзошло общий уровень сравнительной политологии своего времени и потому осталось практически незамеченным. Никто из коллег не решился ни предложить альтернативные научные решения, ни испытать предложенные методы и методики на новом материале. Главное же достижение состояло в решительном обновлении методологии. И дело здесь не только в оригинальном математическом аппарате и не в попытке синтезировать теоретико-методологические подходы структурного функционализма, теории рационального выбора, учений о социальной мобилизации и о лидерстве. В конечном счете это касалось общенаучной методологии, а не специально сравнительной политологии. Главным было обновление собственно компаративистской методологии. Отчасти благодаря удачно найденным параметрам сравнения «статика — динамика» и «детерминация — выбор» участ-

ники рабочей группы впервые смогли достичь синтеза дедуктивных (генерационных) и индуктивных (таксонимических) стратегий сравнения, о чем уже давно задумывались компаративисты и что стало постоянным предметом обсуждений, начиная с Эванстонской и Флорентийской дискуссий. Речь идет о параллельных процессах моделирования и агрегирования данных, которые не просто взаимосвязаны, но взаимно определяют друг друга.

С данным методологическим прорывом сопоставимо только достижение компаративистов Роккановской школы по выработке «концептуальной карты Европы» — более основательное и широкомасштабное, однако в силу этого и более противоречивое и неоднородное. Однако для понимания того, в чем состояло достижение Стейна Роккана и его коллег, необходимо рассмотреть достаточно широкий спектр весьма разнородных обстоятельств, связанных с распространением «новой» сравнительной политологии в 1960–1970-е гг.

Наложение американской инициативы (Эванстонский семинар и Комитет по сравнительной политологии) на достаточно высокий теоретический уровень европейской науки и привлечение данных, связанных со значительными политическими переменами в Европе накануне, во время и после Второй мировой войны, позволило западноевропейцам уже со второй половины 1950-х гг. активно и на хорошем уровне осваивать сравнительную политологию.

Еще в 1952 г. в Париже был основан Международный совет по социальной науке для проведения междисциплинарных и международных сравнительных исследований. Однако до его реорганизации в 1961 г. он не играл существенной роли. Решающей в этом смысле явилась конференция, организованная Стейном Рокканом в 1962 г., а затем разработка в течение десятилетия ряда проектов под его руководством, которые были ориентированы на сравнительные исследования и на методологию. Работа развернулась в рамках сразу двух основных традиций — активно-конструктивных, генерационных, дедуктивных и реактивно-описательных, таксонимических, индуктивных. Трудно сказать, был ли у Стейна Роккана изначальный замысел добиться их интеграции, но его собственное вовлечение в оба потока исследований делает такое предположение возможным. Как бы то ни было, в 1960-е гг. параллельно идут процессы изучения и даже скорее накопления фактуры электоральной статистики, политических приверженностей и различных (социальных, религиозных, партийных) размежеваний, а также осмысления и нередко моделирования процессов формирования современных государств и наций. Значительная часть работы совершается зачастую вне пределов сравнительной политологии — первая в рамках отдельных эмпирических дисциплин, а вторая в рамках политической теории.

В рамках первого направления следует выделить создание значительного количества баз данных и архивов. С 1961 г. начинается полномасштабное функционирование Йельская программа политических данных (Yale Political Data Program). Данные по электоральному поведению накапливались Межуниверситетским консорциумом политических исследований (Inter-University Consortium for Political Research) с центром в Мичиганском университете, где также функционировал Центр исследования опросов (Survey Research Center). В Калифорнийском университете (Беркли) была создана Библиотека и служба поиска международных данных (International Data Library and Reference Center), где накапливались в основном данные из третьего мира. В Нью-Йорке создается Совет архивов обществоведческих данных (Council of Social Science Data Archives). В рамках Европейского консорциума политических исследований в 1971 г. создается Информационная служба европейских данных (European Data Information Service). Возникают национальные структуры, например Норвежская служба данных по общественным наукам (Norsk Samfunnsvitenskapelig Datatjeneste), созданная и возглавленная Рокканом в 1975 г. на основе проектов, начатых им вместе с Херни Валеном еще в 1950-х гг. Заметными центрами накопления данных стали Центральный архив (Zentralarchiv) в Германии, Архив Штейнмерен в Нидерландах и Архив опросов исследовательского совета по обществоведению в Эссекском университете в Колчестере (Великобритания).

Шла работа и по обобщению собранных данных. Например, на основе Йельской программы был опубликован «Всемирный справочник политических и социальных показателей» (1964). За год до этого, в сентябре 1963 г., в Йельском университете прошла Международная конференция по использованию количественных политических, социальных и культурных данных в межнациональных сопоставлениях. Сборник основанных на материалах конференции трудов, представляющих и сейчас значительный интерес с методологической точки зрения, был издан в 1966 г. (*Merritt & Rokkan, 1966*). Следует также упомянуть другие работы Стейна Роккана: «Подходы к изучению политического участия» (редактор), «Партийные системы и приверженности избирателей» (редактор совместно с Сеймуром Липсетом), «Граждане, выборы, партии. Методологии сравнительного изучения процессов развития» (*Rokkan, 1962; Rokkan, Lipset, 1967; Rokkan, 1968; Rokkan, 1970*).

В 1960-е гг. одной из ведущих тем исследований Роккана становятся процессы образования современных наций. Однако подобные исследования велись подспудно, попутно с другими трудами. Так, они дополняют его работы в рамках проекта по изучению малых европейских демократий, который с 1961 г. он осуществлял вместе с Хансом

Даальдером, Валом Лоруиным, а затем и с Робертом Далем. Кроме того, исследования формирования наций оказались связаны с попытками Роккана освоить парсонсианскую методологию и с методологическими дискуссиями, которые норвежский компаративист вел с Карлом Дойчем, Сэмюэлем Хантингтоном, Бэррингтоном Муром, Петером Неттлем и некоторыми другими коллегами в рамках мероприятий Комитета по сравнительной политологии. Содержание теоретических поисков Роккана отражено в докладе «Методы и модели сравнительного изучения нациообразования» (*Rokkan, 1967*).

В конечном счете 1970-е гг. проходят под знаком разработки «концептуальной карты Европы», вылившейся в интеграцию и взаимодополнение параллельных процессов моделирования и агрегирования данных. При этом широко использовались уже полученные Рокканом и его коллегами результаты сравнительных исследований. Безусловное интеллектуальное лидерство Роккана не только не мешало, но даже помогало вовлечению в работу новых исследователей. В 1970-е гг. был создан целый ряд трудов. Кончина Стейна Роккана в июле 1979 г. стала невосполнимой утратой. Хотя еще в течение нескольких лет его коллеги и сотрудники предпринимали усилия по продолжению исследований и выпустили ряд ценных трудов, продолжение реализации крайне тонких и изощренных методологических принципов оказалось не по силам компаративистам 1980-х гг.

Можно констатировать, что основные методологические достижения «новой» сравнительной политологии были обретены не столько благодаря собственно методологическим изысканиям, сколько в ходе крайне амбициозных, сложных, но в то же время продуктивных проектов — «стэнфордского» исследования исторической динамики политических изменений и «бергенской» разработки «концептуальной карты Европы». На этом фоне довольно бледно выглядят другие весьма многочисленные работы по методологии сравнительных исследований, которые, однако, были в целом весьма полезны. Среди них следует отметить изданную под редакцией Р. Хольга и Дж. Тернера книгу «Методология сравнительного исследования» (1970), исследование А. Пшеворски и Г. Туне «Логика сравнительного социального исследования» (1970), книгу Л. Майера «Сравнительное политическое исследование. Методологический обзор» (1972), сборник под редакцией Д. Уорика и С. Ошерсона «Методы сравнительного исследования» (1973), а также ряд весьма любопытных и содержательных статей.

Подводя итоги этапу «новой» сравнительной политологии, следует отметить, что мощный импульс Эванстонского семинара, Флорентийского круглого стола, деятельности Комитета по сравнительной политологии и Европейского консорциума политических исследований вызвал экспансию сравнительной политологии. В этих условиях

методологии, воспринятые из вторых или даже третьих рук, оказались недостаточно осмысленными, а конкретные методики и технологии исследования подверглись заимствованию, нередко чисто механическому. Упор либо на эмпирическую базу исследований, либо на чистую теорию приводит в конце концов к замыканию в кругу узких проблем, к отрыву сравнительной политологии от динамичного политического процесса. Это заставляет исследователей пересматривать свое отношение к бихевиорализму и структурному функционализму.

Максимализм методологических требований вызвал завышенные ожидания. Это, в свою очередь, способствовало остроте чувства разочарования от того, что замыслы оказались реализованы частично или в ходе их реализации выявились просчеты. В то же время действительные достижения «новой» сравнительной политологии — результаты Стэнфордского семинара по политическим изменениям и «концептуальная карта Европы» — оказались трудны для усвоения и «незамечены» большинством компаративистов. В результате наступает пора «малых дел», начинается новый этап развития сравнительной политологии.

1.4. Плюралистичная сравнительная политология

Уже с конца 1960-х гг. сравнительная политология испытывает все большее воздействие новых методологических ориентаций, связанных с возрождением интереса к политической философии и критикой рациональных оснований науки. Примерно в это время разворачивается критика бихевиорализма (*Easton, 1969*). Можно выделить несколько оснований этой критики. Во-первых, политическая наука в целом и сравнительная политология в частности оказались невосприимчивыми к новым социальным и политическим переменам, которые так бурно выявились в конце 1960-х — начале 1970-х гг. в виде контркультурных движений молодежи. Во-вторых, попытка создать на основе бихевиорализма и структурного функционализма политическую науку, лишенную ценностной нагрузки, фактически привела к господству лишь одной теоретической парадигмы, связанной с идеологией «буржуазного либерализма». В-третьих, оказалось, что бихевиоральная и структурно-функциональная методологии сравнительного анализа, ориентирующиеся на поиск закономерных связей и подобий, фактически вели к созданию картины такого политического мира, который лишился значительной доли уникальности и многообразия. В-четвертых, преобладание количественных методов анализа в сравнительной политологии хотя и создавало возможность

для проверки гипотез, но одновременно приводило к их обеднению. Фактически путем статистической проверки утверждались зачастую либо довольно банальные истины, либо уже известные зависимости. В-пятых, хотя сравнительная политология и включала в свое поле зрения страны Азии, Африки и Латинской Америки, но сформированная телеологическая концепция зависимого развития вызывала протест как у западных компаративистов, так и у исследователей незападных стран.

Возрождение интереса к политической теории и философии не могло не отразиться на состоянии эмпирически ориентированной сравнительной политологии. Некоторые исследователи заговорили даже о кризисе данной отрасли науки. Однако, соглашаясь с критикой эмпирически ориентированной сравнительной политологии, следует сказать, видимо, о том, что здесь наблюдается некоторая трансформация методологических исследовательских моделей и перенос интереса с поиска подобий и общих зависимостей на показ различий и создание новых, более разнообразных классификаций.

В 1970-е гг. сравнительная политология вновь встала перед проблемой обновления. Хотя Г. Алмонд и говорил о том, что кризис в сравнительной политологии был скорее политическим, чем интеллектуальным (*Almond, 1990*, р. 252), дисциплина стала изменяться и методологически, и содержательно. Тематика сравнительных исследований характеризуется переходом от изучения традиционных институтов и факторов политической деятельности (государство, партии, выборы, средства массовой информации) к осмыслению новых явлений (окружающая среда политики, групповые интересы и неокорпоративизм, новые массовые движения, постматериальные ценности, этнические, языковые, возрастные и гендерные факторы). Особое значение придается исследованиям того, как формируется политический курс, как влияют на него старые и новые институты и факторы. Формируется целая самостоятельная суботрасль — сравнительная публичная политика.

Происходили и происходят серьезные перемены и в области методологии. Пожалуй, именно эти перемены заставляют говорить о кризисных тенденциях в сравнительной политологии. Прежде всего это связано с переоценкой значения бихевиорализма и структурного функционализма. Не случайно все еще продолжают атаки на эти методологические подходы. Вместе с тем можно говорить о следующих основных тенденциях, которые характеризуют процесс методологической трансформации сравнительной политологии.

Первую тенденцию можно обозначить как радикальную. Наиболее четко она представлена в постмодерной и феминистской политико-теоретических ориентациях. Постмодерн и феминизм по-разному

подходят к критике современного научного познания и понимания политики. Но суть критики одна: радикальный разрыв с доминированием в познании одного стиля, будем называть его «рационально-научным», или «маскулинным». Хотя эти радикальные ориентации нашли отражение прежде всего в политической теории и философии, но их влияние становится все более заметным в методологии политических исследований; и, что важно, постмодерн и феминизм проблематизируют темы теории и метода в сравнительной политологии.

Отметим лишь некоторые важные для сравнительной политологии положения. Политологический постмодерн проблематизировал саму сравнительную политологию, так как поставил под вопрос саму возможность получения истинного результата познания, базирующегося на консенсусе относительно подобия структур и функций реального политического мира. «Методологии, предложенные Деррида, Фуко и Лиотаром (деконструкция, генеалогия и паралогия, соответственно), задуманы, в целом, для того, чтобы децентрировать производство языка и истины для более точного отражения случайного и относительного характера познания. Общество содержит плюральность гетероморфных языков. Генеалогический анализ обнаруживает, что история была борьбой между этими языками» (*Roch, 1993, p. 340*). Подвергая критике рационализм и рациональные модели демократии, постмодерн закладывает основы плюрализма методологических и теоретических ориентаций. Однако при этом происходит фактическое возвращение к конфигуративным исследованиям, а именно это было одним из основных пунктов, на котором строился переход от «традиционной» к «новой» компаративистике.

В сравнительной политологии феминистская волна нашла отражение в исследованиях положения женщин в различных скандинавских демократиях, проблемы гражданства и политического участия, особенностей публичной политики и государства всеобщего благоденствия. Феминистская сравнительная политология выделяется в самостоятельную отрасль со своими центрами, журналами и специалистами.

Вторая тенденция связана с восстановлением значения *историко-сравнительной* методологии, наиболее отчетливо проявившейся прежде всего в современном прочтении К. Маркса и М. Вебера. Хотя Маркс и Вебер являются антагонистами по вопросу социальных закономерностей, но обе методологические традиции позволяли в этот период, с одной стороны, противостоять узости эмпирико-количественной методологии сравнения, с другой — повысить в исследовании роль социальных и социально-культурных факторов объяснения (экономические и социальные структуры, религия, этничность, культура).

Еще в 1960-е гг. ряд исследователей активно начинают использовать методологию политического сравнения М. Вебера и К. Маркса.

Среди последователей Вебера можно назвать С. Эйзенштадта, Р. Бендикса и Г. Рота. Первый использовал веберовскую концепцию «господства» и бюрократии для сравнительного анализа имперских форм правления еще в 1960-е гг., а позже — клиентелистских отношений в политике, не говоря уже о более масштабных компаративистских проектах. Р. Бендикс, исследуя развитие национальных государств в Западной Европе, России, Японии и Индии, опирался на веберовские понятия рациональности и традиционности, патримониализма, бюрократизации, плебисцитарной демократии. Г. Рот придавал особое значение концепции патримониализма в сравнительном анализе политического развития в третьем мире.

В 1960–1980-е гг. возрождается интерес к марксистской концепции классов, классовой борьбы, собственности, типа производства как объяснительным факторам политического развития, революций и становления государств. Так, Б. Мур одним из первых использовал концепции буржуазных и сельскохозяйственных социальных структур для объяснения возникновения капиталистической демократии, фашизма и коммунизма. Т. Скокпол для объяснения революций во Франции, России и Китае использовала концепции социальной структуры и конфликта.

Одновременно с этим в начале 1970-х гг. появляются исследования, посвященные методологическим проблемам сравнения у М. Вебера и К. Маркса. Особое значение имеет фундаментальная работа, изданная под редакцией И. Валиера в 1971 г., «Сравнительные методы в социологии», в которой большие главы посвящены К. Марксу и М. Веберу. Содержательные попытки вписать марксистскую традицию в политическую компаративистику были предприняты П. Калвертом и Р. Чилкоутом.

Подход к сравнению М. Вебера характеризуется сегодня как сравнительно-историческая методология, совмещающая позитивизм и неокантианство. Калберг в своей недавней работе, посвященной Макс Веберу и его методу сравнения, видит специфику веберовской методологии, во-первых, в интерпретативном понимании социального действия, включающем в себя как объективные, так и субъективные компоненты; во-вторых, концепции идеальных типов, которые снимают оппозицию теории интерпретации и позитивизма; в-третьих, в концепции мультикаузальности объяснения политико-социальных явлений. Он подчеркивает: «Вебер говорит о таком уровне анализа, который отличается от исключительного сосредоточения, с одной стороны, на одиноких и преследующих свои интересы индивидуумах, и с другой стороны, на глобальных обобщениях „общества“, на органических „системах“ и простой ориентации на нормы. Поступая так, он обращает свое внимание на объединение субъективного смысла

и индивидуального действия с отчетливо социальными ориентациями» (*Kalberg, 1994*, p. 31).

Третья тенденция может быть определена как *обновленческая*. Она связана с расширением методологических инструментов научного сравнительного анализа путем обращения к новым концептуальным подходам, которые позволяют использовать и развивать наработанный комплекс средств статистического анализа и одновременно разрешать проблему единства количественного и качественного исследования. Этой тенденции не чуждо использование всего положительного, что было проявлено в радикальной и историко-сравнительной ориентациях. Из последних работ этого направления следует отметить сборники под редакцией Г. Виарды «Новые направления в сравнительной политике» (1986) и Х. Кемана (1993), работы Ж.-Э. Лейна и С. Эрссона «Сравнительная политика: Введение и новые подходы» (1994), Д. Сартори «Сравнительный конституционный инжиниринг: Исследования и структуры, намерения и результаты» (1994), П. Пеннинга, Х. Кемана и Я. Кляйненуиса «Проведение исследований в политической науке. Введение в сравнительные методы и статистику» (1999), Г. Питерса «Сравнительная политика. Теория и методы» (1998). Однако с целью большей строгости здесь будет обращено внимание на собственную значимость обновленческой тенденции.

Во-первых, критике стал подвергаться структурный функционализм за формальность и отсутствие возможности при его использовании ответить на вопрос, почему те или иные государства и политические системы различаются при осуществлении функциональных потребностей. Генри Туне в этой связи писал: «То, что утвердилось под именем теории — структурно-функциональная теория, или теория Парсонса, — было лишь набором категорий для упорядочивания опыта. Человеческие потребности, определенные Маслоу, например, служили скорее политическим целям государства всеобщего благоденствия, чем целям исследовательского объяснения. Сегодня, после такого внимания к ним, они вряд ли используются» (*Teune, 1990*, p. 48). Отсюда возрос интерес к таким теоретическим моделям, которые определяли бы сравнительное исследование изначально. Значительно повышалась роль теории при формулировке гипотез, при проявлении сравнения и интерпретации эмпирических данных. Теория приобретает не инструментальное значение для сравнения, а становится целью сравнительного анализа. Термин «теория», пишет в этой связи Стефан Новак, должен отсылать к «по возможности недвусмысленному комплексу, или системам законов, или к широким законосообразным обобщениям, объединенным на основе общего унифицированного принципа, с ясно обнаруживаемыми топологиями и (или) историческими условиями их обоснованности» (*Novak, 1989*, p. 40).

Во-вторых, во многом новое понимание в теории определяется спором вокруг проблемы национального государства как основной единицы сравнительного анализа. Хотя сравнительный метод во многом отличается от статистического, но отличия эти зачастую трактовались как количественные, типа «мало случаев, много переменных». Корреляции между переменными рассматривались как достаточные для проверки выдвигаемых гипотез о каузальности отношений между факторами. Конечно, говорилось о необходимости сопровождать количественные данные качественной интерпретацией, но это уже рассматривалось как дополнительное условие исследования. Множество данных, приведенных в 1960-е и 1970-е гг. с использованием изощренной математической техники, все же стали вызывать вопросы. И один из главных: можно ли рассматривать отдельную страну или национальное государство как независимые единицы анализа? В качестве решения этой проблемы стал формироваться так называемый «холистский подход», получивший различное толкование в исследованиях таких ученых, как Л. Сильверман, А. Пшеворски, Г. Туне, С. Анттила. Холистский подход предполагает рассмотрение различных пространственных образований (т. е. национальные государства) как некоторых взаимосвязанных частей целого, описанного теорией.

В-третьих, критическое отношение к сравнительным исследованиям макроуровня выявило две основные тенденции в поиске решения теоретико-методологических и технико-методологических проблем. С одной стороны, утверждалось, что макротеория чрезмерно упрощает социальную реальность и может даже основываться на ложных предпосылках. Это означало, что исследование не получает теоретической модели, которая бы адекватно воспроизводила реальность. Решение при этом виделось в акценте на качестве данных, на сложности и уникальности макрополитических событий, на возврате к истории (т. е. к «реальному» времени, месту, народу) (*Tilly, 1984*, р. 2, 14). С другой стороны, критика сравнительно-исторической тенденции в политологии и политической социологии за отрицание в ней общей теории и стремление к уникальности приводила к попыткам создания новых теоретических моделей, которые позволяли бы сочетать эмпирический (в том числе количественный) анализ с широкими обобщениями каузальных отношений (*Kiser & Hechter, 1991*, р. 9, 17). Результатом второй ориентации явились заимствованные из экономических и социологических учений модели рационального выбора, теории игр, концепции неонституционализма, теории политических сетей.

Конечно, обсуждение проблем сравнительной политологии сегодня не сводится всецело к радикальной, сравнительно-исторической и обновленческой тенденциям. Можно отметить и иные, более частные или более традиционные исследования. Так, совершенствуется

и расширяется сфера использования математических методов анализа (например, новое для сравнительной политологии использование булевой алгебры и проявившийся интерес к логике нечетких множеств), возрастает значение методов сравнения наиболее похожих и наиболее непохожих систем, уделяется особое внимание проблеме эквивалентности в сравнении, повышается роль такой переменной, как «время», и т. д. Следует отметить также и изменения в тематике сравнительной политологии. В поле зрения на этом этапе попадают переходные процессы, конфликты, региональная интеграция, политический дискурс, новая политическая идентификация, политические финансы, коррупция, демократический аудит и т. д. Относительно самостоятельными являются такие направления, как демократизация и транзитология. В целом, вряд ли можно говорить о снижении интереса к сравнительной политологии, можно лишь констатировать серьезную перестройку ее методологии и тематики. В связи с этим можно согласиться с оценкой Сиднея Вербы: «В будущем можно ожидать, что ситуация в области сравнительной политологии останется прежней. ... Дисциплина сохранит свою неоднородность стилей и теорий, а большинство ее приверженцев будут по-прежнему считать это благом» (*Verba, 1986*, p. 36).

1.5. Неоинституциональный этап сравнительной политологии

Если на плюралистическом этапе неоинституциональная методология исследования политических процессов составляла лишь одну тенденцию наряду со многими другими, то в последние два десятилетия (1990–2010 гг.) она стала доминирующей и позволила преобразовать отрасль сравнительной политологии в направлении ее большей строгости и четкости, правда, с потерей некоторого политического содержания. Методология сравнительного институционального исследования изложена в соответствующем разделе учебника. Здесь же отметим, что неоинституционализм как господствующая методологическая парадигма в сравнительной политологии определил ряд особенностей современного этапа развития этой отрасли.

Во-первых, *сравнительная политология получила значительный импульс к междисциплинарности исследований*. Вообще неоинституционализм, первоначально оформившийся в экономической науке, сразу же заявил о своей симпатии к политологии. Особенно это проявилось в варианте Вирджинской школы и теории социального выбора (К. Эрроу, Дж. Бьюкенен, Г. Таллок, Д. Мюллер и др.), где проблема институтов ставится в аспекте политического взаимодействия и анализируются соотношения «эффективность—несостоятельность»

политики. Учитывая многообразие версий неоинституционализма (экономический, социологический, исторический, организационный, нормативный, дискурсивный, конфликтологический и т. д.), можно говорить о том, что сравнительные политические исследования стали междисциплинарной сферой изучения формирования и действия разнообразных институтов, а политика как институционализированная сфера стала анализироваться с использованием различных тематико-методологических подходов.

Во-вторых, *неоинституционализм повысил роль и значение концептуализации и моделирования в сравнительной политологии*. Это позволило поднять значение сравнительной политологии как теоретической дисциплины и придать строгость и целостность компаративным политическим исследованиям. Вместе с тем «экономический империализм» привел и к негативным результатам. Можно даже сказать, что понятия и принципы неоинституционализма стали своеобразным клише, используя которые компаративист маркировал политическую практику. И эти понятия выступали не инструментом анализа, а выражением самой политической реальности. В значительной мере под влиянием неоинституциональной методологии политика перестала отличаться от экономики, а политическая деятельность от торговли на рынке. Нормальный политический процесс соглашений приобрел значение «торговли голосами» и «картельных сделок», а политическая власть — значимого капитала, который можно пустить в рост.

В-третьих, *повысилась степень реализации объяснительной функции сравнительных исследований*. Неоинституционализм во всех его формах старался показать не только, что происходит в политике, но и как и почему. В этом отношении многообразие форм институционализма явилось своеобразным выражением поиска различных причин институционализации политики, будь то рациональная калькуляция потерь и выгод, историческая «тропа зависимости», принятость культурных норм, следование идеям и т. д.

В-четвертых, Г. Алмонд в свое время отмечал, что структурный функционализм 1950–1960-х гг. позволил *включить в орбиту сравнительных исследований все многообразие стран*, а не только самую развитую его часть. *Неоинституционализм в этом отношении был еще более радикальным*. Он позволял анализировать условия возникновения институтов в различных культурных контекстах и получать универсальные обобщения, с одной стороны, или объяснять особенность институционального строения различных политий с помощью универсальных моделей — с другой.

В-пятых, 1980–1990-е гг. — период третьей волны демократизации, захватившей многие страны мира приходится на *господство неоинституциональной методологии в сравнительных исследованиях* (вторая

половина 1980-х и далее). В этом отношении сравнительная политология на данном этапе не только получила значимую методологию, но и *тематически оживилась за счет демократических переходов*, в которых преобладающую роль играли процессы институциональной трансформации и консолидации. Можно сказать, что объект, предмет и методология исследований находились в созвучии, что позволило сравнительной политологии не потерять, а приобрести дополнительные аргументы для позиционирования себя в рамках политической науки в целом как ведущей субдисциплины.

В настоящее время (т. е. к концу нынешнего десятилетия) в методологии сравнительных исследований вновь появились определенные тревожные ноты. И раньше обращали внимание на некоторые пределы неоинституциональной методологии, но теперь усиливается критика в целом «экономического империализма». Закончившаяся «третья волна демократизации» заставляет компаративистов обратить внимание на другие формы политического процесса, и вдруг обнаруживается, что неоинституционализм не совсем способен справиться с ними, например объяснить феномен «цветных революций» или «рациональное поведение» при выборе недемократических институтов, т. е. заведомо неэффективных с позиции господствующей методологии. И хотя, например, Филипп Шмиттер — один из ведущих компаративистов сегодня — отмечает перспективность неоинституционализма для позиционирования сравнительной политологии, тем не менее требуется либо его радикальное обновление, либо замена новой методологической парадигмой.

Основные понятия

Традиционная сравнительная политология, бихевиоральная сравнительная политология, плюралистическая сравнительная политология, неоинституциональная сравнительная политология.

Основная литература

- Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. — М.: Аспект-пресс, 2002.
- Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — С. 345–415.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. — М.: Наука, 1990. — С. 471–481.
- Истон Д. Новая революция в политической науке // Социально-политический журнал, 1993. № 8.
- Ковалевский М. М. Современные социологи. — М.: ЛКИ, 2008.

- Мерриам Ч.* Новые аспекты политики // Социально-политический журнал, 1996. № 5.
- Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клинге-мана. — М.: Вече, 1999.
- Современная сравнительная политология. Хрестоматия / Под ред. Г. В. Голосова, Л. А. Галкиной. — М.: МОНФ, 1997.
- Чилкот Р.* Теории сравнительной политологии. — М.: Весь мир, 2001.

Дополнительная литература

- Ачкасов В. А.* Сравнительная политология. — М.: Аспект-пресс, 2011.
- Василенко И. А.* Сравнительная политология. — М.: Юрайт, Высшее образование, 2009.
- Голосов Г. В.* Сравнительная политология. — СПб.: Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2001.
- Желтов В. В.* Сравнительная политология. — М.: Академический проект, 2008.
- Лейн Ж.-Э., Эррсон С.* Сравнительная политология: от политической социологии к сравнительной социальной политике // Политические процессы в России в сравнительном измерении / Под ред. М. А. Василюка и Л. В. Сморгунова. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. — С. 137–155.
- Политическая наука. № 4: Научное наследие Стейна Роккана / Ред.-сост. Е. Ю. Мелешкина, М. В. Ильин. — М.: ИНИОН, 2006.
- Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990–2007) / Отв. ред. О. Ю. Малинова. — М.: РОССПЭН, 2008.
- Сморгунов Л. В.* Современная сравнительная политология. — М.: РОССПЭН, 2002.
- Федосеев А. А.* Современная американская буржуазная политология: Истоки, традиции, новации. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.

ГЛАВА 2

Сравнительный метод в политической науке

Описание истории сравнительной политологии показало, что при всем значении теории метод и его проблемы остаются в ней центральными. Собственно, сравнительная политология и получила свое название по методу, а не по предмету. На этом основании многие отрицают наличие у сравнительной политологии собственной предметной специфики, а соответственно, и собственной теории, говоря, что сравнительная политология — это и есть вся политическая наука, в которой используется сравнительный метод. В свое время Эмиль Дюркгейм подчеркивал, что сравнительной является вся социология. Однако, являясь методом исследования, сравнение вносит своеобразие не только в исследовательскую стратегию и технику, но и в результат, т. е. получаемое политическое знание. В последнем случае не только повышается обоснованность теоретических обобщений, они приобретают, как пишут М. Доган и Д. Пеласси, синтезированный характер (Доган, Пеласси, 1994, с. 260–264). Сравнительная политология в этом смысле представляет собой отрасль политической науки, в которой на основании эмпирического анализа различных политических систем выводятся синтезированные теоретические обобщения среднего уровня в виде причинных зависимостей, типологий и классификаций, моделей, теорий. Вместе с тем, как подчеркивал в свое время Арндт Лейпхарт, сравнительная политология не означает, что в ней используется исключительно метод сравнения, так же как и сравнительный метод может использоваться в других отраслях политической науки (Lijphart, 1971, p. 690). Можно согласиться и с тем, что сравнительная политология как отдельная отрасль политической науки может быть выделена только на основе единства ее содержания и сравнительного метода, в противном случае сравнительная политология растворится или в политической науке, или в социальных науках в целом (Mair, 1996, p. 311). И все же центральной здесь выступает методология сравнительного анализа, исследованию которой и посвящена данная глава.

2.1. Сравнение как метод анализа

Сравнение выступает общей установкой познания. Сравнивая некоторые (по меньшей мере два) процессы, факты, элементы структуры, качества явлений, понятия, человек пытается обнаружить нечто общее или различное между ними. Если не задумываться дальше о сути того, как человек сравнивает, то достаточно сказать, что сравнение как метод познания представляет собой *способ выявления общего и особенного в изучаемых феноменах*. Если же поставить вопрос о том, как же человек осуществляет сравнение, то здесь возникает множество проблем и тем. Сравнение как способность человека ориентироваться в мире вещей и слов может описываться через априорные формы чувственности, представление о ценностях, конструируемые идеальные типы, производство понятий и т. д. В политической науке сравнительный метод рассматривается через сопоставление его достоинств и недостатков с методами эксперимента, статистики и исследования отдельных случаев («case-study»). Вместе с этим возникают проблемы количественных и качественных сравнений, статического и динамического аспектов сравнения.

Джон Стюарт Милль в свое время писал о том, что при сравнении исторических фактов исследователь пытается найти некоторые обобщающие эмпирические законы, касающиеся либо сосуществования, либо последовательности условий и явлений, т. е. на современном языке — корреляционные или каузальные зависимости (Огюст Конт выделял еще отношения подобия). Априорно вывести их из законов человеческой природы невозможно, они получаются при изучении исторических фактов и событий. Однако и эмпирические законы не всегда верны, поэтому они требуют постоянной проверки эмпирическим сравнением. Одновременно с этим исследователь сравнивает полученные эмпирические законы с некоторыми общими законами человеческой природы, подтверждая их обоснованность не только индуктивно, но и дедуктивно: «История, беспристрастно подверженная анализу, дает эмпирические законы общества. Проблема общей социологии и состоит в выяснении этих законов и их связи с законами человеческой природы посредством дедукций, показывающих, что они были естественно ожидаемыми в качестве обстоятельств конечных законов» (Mill, 1991, р. 18). Таким образом, считал Милль, можно создать действительную социальную науку. В этом отношении сравнительная область политического исследования лежит между эмпирическими данными и политической теорией и философией, черпая из последней гипотезы и проверяя их серийными наблюдениями. Как указывает Дэвид Аптер, «сравнение явилось особым способом связывания идей,

проистекающих из политической философии и теории, с эмпирическими событиями и феноменами» (*Apter, 1996, p. 372*).

Сравнительный метод в политической науке стал одним из центральных, так как многие исследователи считали и считают его наиболее подходящим заменителем метода эксперимента, широко используемого в естественных науках. Выделяя причины использования сравнения в политической науке, Том Мэки и Дэвид Марш пишут: «Главная причина сравнительного исследования отражает основную природу социального научного исследования; оно почти всегда неспособно использовать экспериментальный метод. В отличие от физиков мы не можем придумать точные эксперименты для того, чтобы установить степень зависимости результатов политики от лидеров. Так, мы не могли бы попросить госпожу Тэтчер уйти в 1983 г. в отставку, чтобы мы могли установить, будет ли другой лидер консервативной партии и премьер-министр, столкнувшись с теми же самыми политическими и экономическими обстоятельствами, проводить менее радикальную политику. Однако... мы можем использовать другие сравнения, чтобы подойти к тому же самому вопросу. Конкретнее, мы можем определить две основные причины, почему сравнительный анализ является существенным: во-первых, чтобы избежать этноцентризма в анализе, во-вторых, чтобы обобщать, проверять и, соответственно, переформулировать теории и связанные с ними понятия и гипотезы об отношениях между политическими феноменами» (*Mackie, Marsh, 1995, p. 173–174*). Стремление политологов использовать сравнительный метод означает установку на получение научных результатов, т. е. на формирование научного политического знания. Но означает ли это, что сравнительный метод в полной мере заменяет эксперимент?

Сравнение не тождественно эксперименту и его более слабому аналогу — статистическому методу, но логика сравнительного анализа в определенной мере сопоставима с логикой экспериментальной науки. Во-первых, исследователь-компаративист способен выбирать те условия исследуемого феномена, в которых изучаемая взаимосвязь проявляется в наиболее чистом виде. Правда, при этом возникает ряд методологических и методических проблем (сравнимости, эквивалентности и т. д.), но в целом сравнение позволяет сформировать что-то наподобие экспериментальной ситуации, которой исследователь может управлять, переходя от одной страны к другой, от одного региона к другому и т. д. Во-вторых, манипуляция условиями здесь относительная; она осуществляется исследователем скорее концептуально, чем в действительности, но этого зачастую достаточно для разносторонней проверки исследуемой связи. В этом отношении техника количественного или качественного сравнения используется не механически, а всегда вместе с теоретической работой исследователя.

В-третьих, сравнение напоминает эксперимент в том смысле, что позволяет контролировать условия, включенные в процесс исследования. Отметим, что данный контроль, конечно же, не абсолютен (он не является таковым и при эксперименте), но все же при сходстве группы стран по ряду условий их можно принимать в качестве неизменных. В-четвертых, исследователь-экспериментатор стремится получить некий результат при наличии условий, которые он может ввести искусственно. Здесь логика исследования связана с поиском следствия. Исследователь-компаративист часто имеет уже наблюдаемое неоднократно следствие, и его задачей является скорее поиск условий, а не результатов. Хотя по видимости эти стратегии отличаются, но по сути они сопоставимы с общей логикой поиска зависимостей при различии исходных пунктов анализа. В-пятых, сравнительная и экспериментальная науки базируются на общем представлении о возможности количественного измерения качеств изучаемых феноменов. Хотя применительно к социальному знанию измерение составляет проблему, тем не менее эта установка привела к формированию в сравнительной политологии широкого движения за использование статистической техники анализа эмпирического материала, полученного в результате применения метрических шкал.

В настоящее время ограниченность этого подхода кажется очевидной, но это не значит, что он оказался ошибочным по существу. Более того, преимущество сравнительного метода исследования политики оказалось в том, что он позволяет сочетать количественную и качественную методологию при сохранении ориентации на получение научных результатов. Нейл Смелзер так охарактеризовал значимость сравнительного метода в социальных науках: «Подобно статистическому методу сравнительный метод является заменителем эксперимента. Он вырабатывался при анализе исторических данных, число случаев которых является слишком маленьким, чтобы применить статистическую манипуляцию... Из-за ограниченного числа случаев исследователь полагается на систематическую сравнительную иллюстрацию. Несмотря на этот ограничительный признак сравнительного метода, его логика является идентичной с только что рассмотренными методами (эксперимента и статистического анализа) в том, что он пытается дать объяснения путем систематической манипуляции параметрами и оперативными переменными» (*Smelser, 1973, p. 51*). Джованни Сартори в одной из своих недавних работ писал, что «научный метод *par excellence* является экспериментальным, широко используемым в физике и биологии. Статистический метод является другим наилучшим методом, исходя из требований научного исследования. Сравнения являются менее чистыми в этом отношении по сравнению с последним методом. Но использование научно более слабого сравни-

тельного метода является необходимым, так как особенности социального феномена запрещают использование экспериментального метода. Статистический метод, с другой стороны, широко применяется по отношению к политическим и социальным феноменам. Он состоит в сведении определенных частей изучаемого объекта к количественным переменным и концентрации на их взаимоотношениях. Однако, когда число случаев, из которых выделяются переменные, является небольшим (например, национальные политические системы), то статистический метод достигает границ своей применимости» (*Sartori, 1994, p. 2*).

Аналогию с экспериментальным методом проводит и Чарльз Рэйджин, указывая на два типа сравнительных исследований: 1) количественные, ориентированные на изучение дисперсий признаков явлений, и 2) качественные, ориентированные на сравнение категориальных переменных. В обоих случаях присутствует экспериментальная логика ограничения условий и поиск каузальных зависимостей между переменными (при количественном анализе еще и корреляционных) (*Ragin, 1987*). Как это выглядит применительно к качественному сравнению можно рассмотреть на примере применения булевой алгебры в сравнительной политологии (*Сморгунов, 2002, гл. 5*).

2.2. Метод и теория в сравнительной политологии

Нетождественность сравнительного метода и метода эксперимента отражается и на результатах исследования. Уже подчеркивалось ранее, что сравнительный метод ориентирован на получение эмпирических обобщений в виде законов, корреляций, моделей, типологий и классификаций. В определенной мере результаты сравнительного анализа являются описательными и иллюстративными. В этом отношении некоторые исследователи говорят, что сравнение не дает нового знания, а лишь проверяет или представляет уже полученные обобщения. Эндриу Фор специально с этой целью исследовал два основных сравнительных подхода в политическом исследовании — исследование наиболее похожих систем и исследование наиболее различающихся систем — и пришел к выводу, что сравнительный метод скорее служит научному подтверждению теорий и предположений, чем открытию новых, хотя последнее и не исключается (*Faure, 1994, p. 314, 316*). С другой стороны, исследователи пытаются найти специфику в получаемых сравнительной политологией результатах, не отрицая высокую эвристическую возможность этой научной отрасли. Так, С. Либерсон пишет, что сравнительный метод допускает не детерминистскую, а вероятностную каузальность, означающую, что определенный набор условий будет модифицировать вероятность ожидаемого следствия,

а не производить его (*Liebersohn, 1991*). Лауренс Майер, наряду с другими исследователями, говорит о том, что склонность в сравнительной политологии к эмпирическому анализу позволяет получать теории среднего уровня, но это не означает, что сравнительная политология должна быть удовлетворена этим и не требовать установления более тесных связей с политической теорией и философией (*Mayer, 1972, p. 277–281*). Особое внимание роли теории в сравнительной политологии в связи со сравнительным методом уделил Джеймс Билл. Его работа была опубликована в начале 1980-х гг., когда в сравнительной политологии наблюдались серьезные передвижки в сторону теоретической значимости сравнительного исследования. В этой связи Билл писал: «Теория всегда описывает отношения, строит связи и определяет звенья. Факты и события переплетены и взаимосвязаны. Компаративная политика в своей основе является учением, которое связывает структуры и процессы, происходящие в двух или более политических контекстах. Процесс теоретизирования является наиболее предпочтительным и систематическим способом деятельности в этом учении. Обобщения являются по существу многоконтекстуальными, и их конструирование способствует переходу конфигуративно-описательного политического учения в сравнительное политическое» (*Bill, Hardgrave, 1981, p. 39*).

Следует подчеркнуть, что сравнение редко выступает в качестве самоцели научного политологического исследования. Скорее, оно выступает неким подходом исследователя к изучаемому им предмету, т. е. его предрасположенностью к принятию некоего особого взгляда на политический феномен, который заранее берется вместе с многообразными национально- и регионально-политическими условиями и с возможными его модификациями. Задачей, следовательно, является не сравнение форм политических феноменов и их условий, а поиск зависимостей, концепций и моделей. Сравнение в данном случае выступает не просто методом, а исследовательской методологической стратегией, затрагивающей образ предмета изучения, исходную концептуальную структуру, формулируемые исследовательские гипотезы, набираемые инструменты измерения и анализа эмпирического материала, получаемый научный результат — синтезированные концепции и классификации, модели и теории. В этой связи сравнение является не только техникой сопоставления, различения или объединения, но и исследовательским мировоззрением.

Господствующим в послевоенные годы было следующее общее представление об особенностях сравнительного политического исследования.

- ✦ Во-первых, сравнение включает абстракцию, и конкретные ситуации и процессы никогда не могут сравниваться как таковые.

Каждый феномен уникален: любое проявление уникально; каждый процесс, каждая нация, как и каждый индивид в некотором смысле уникален. Сравнить их означает выбрать определенные типы или понятия и, таким образом, «исказить» уникальность и конкретность.

- ✦ Во-вторых, до любого сравнения необходимо не только установить категории и понятия, но еще и определить критерии релевантности особых компонентов социальной и политической ситуации анализируемой проблеме.
- ✦ В-третьих, необходимо определить критерии адекватного представления особых компонентов, которые включаются в общий анализ или в анализ проблемы.
- ✦ В-четвертых, при попытке развития теории политики необходимо сформулировать гипотезы, возникающие или из содержания концептуальных схем, или из формулировки проблем.
- ✦ В-пятых, формулировка гипотетических отношений и их исследование на проверяемых данных никогда не может привести к доказательству. Гипотеза или серии гипотетических отношений считались бы проверенными (т. е. верифицированными), если только они подвергнутся фальсификации.¹
- ✦ В-шестых, необходимо формулировать серии гипотез, а не отдельные гипотезы. В каждом случае связующая нить между основными гипотетическими сериями и особыми социальными отношениями должна обеспечиваться определением условий, при которых любая или все вероятности, зафиксированные в этих сериях, предположительно будут иметь место.
- ✦ В-седьмых, сравнительное изучение, даже если оно не оправдывает ожиданий общей теории политики, может подготовить почву для постепенного и кумулятивного развития теории, 1) обогащая нашу способность формулировать гипотезы в том же самом смысле, в котором любая «странность» усиливает нашу способность понимать социальную систему, 2) обеспечивая средства для проверки гипотез и 3) заставляя нас осознать, что все, считаемое нами само собой разумеющимся, требует объяснения.
- ✦ В-восьмых, одна из самых больших опасностей, подстерегающих нас в сравнительном исследовании, когда мы выдвигаем гипотезы, заключается в проектировании возможных взаимоотношений

¹ Истинным методом верификации считается не прямое доказательство истинности суждений данными, а фальсификация, т. е. обоснование ложных суждений проверяемыми данными. Обосновано К. Поппером.

в чистом виде. Этого можно избежать, если собирать данные до формулировки гипотез. Эти данные могут сами по себе привести нас к осознанию иррелевантности устанавливаемых отношений. Само по себе такое признание делает более управляемым процесс изучения данных. Отсюда, некоторая значимость придется развитью грубых классификационных схем до формулирования гипотез (*Macridis, Brown, 1961*, р. 2–3).

2.3. Виды и уровни переменных

Эти методологические требования к сравнению фактически фиксируют внимание на первоначальной стадии сравнительного политологического анализа — концептуализации и выборе гипотез исследования. Немаловажное значение придается также организации сравнительного исследования путем определения переменных для сбора количественных и качественных данных (*Smelser, 1973*, р. 42–88). Выделение видов и уровней переменных в сравнительной политологии собственно не отличается от любого социального исследования, ориентированного на измерение и анализ эмпирических данных. Так как в дальнейшем мы будем пользоваться понятием «переменная», то отметим здесь лишь следующее. Под переменной понимается изменяющееся качество изучаемого политического феномена, к измерению которого могут быть применены неметрические или метрические шкалы. Организация переменных в исследовании предполагает разбиение их на группы в зависимости от поставленных целей и гипотез исследования. Выбор переменных также определяется общей концептуальной схемой исследования и опирается на основные ее понятия. Совокупность изучаемых переменных можно определить как *оперативные переменные*. Среди них выделяются зависимые, независимые и вмешивающиеся переменные. Под *зависимой переменной* понимается то изменяемое качество объекта изучения, которое рассматривается как следствие или результат действия некоторых условий, факторов, обстоятельств. *Переменные*, которые характеризуют эти воздействующие условия, факторы и обстоятельства, называются *независимыми*. Между зависимыми и независимыми переменными имеется некоторая связь, подвергаемая исследованию. При изучении характера этой связи необходимо иметь в виду, что помимо выделенных исследователем зависимых и независимых переменных необходимо учитывать влияние и других условий, т. е. контролировать условия. Относительно оперативных переменных это означает, что на взаимосвязь зависимой и независимой переменной может влиять некоторая третья переменная, которая и называется *вмешивающейся*. Ее влияние нужно контролировать, и иногда в процессе

исследования, если обнаруживается большее влияние вмешивающейся переменной, чем независимой, то первая получает статус независимой. Наряду с оперативными переменными выделяются изменяемые качества объекта, которые исследователем берутся в качестве стабильных. Они получили название параметров. Как раз при выборе стран в сравнительном исследовании одной из наиболее сложных проблем и выступает определение параметров, т. е. той группы характеристик, по которым изучаемые страны наименее всего различаются. Между зависимыми и независимыми переменными могут устанавливаться количественные и качественные связи. Как действует эта методическая схема, станет ясно при прочтении последующих глав данной книги.

Что касается уровней зависимых переменных в сравнительном исследовании, то Смелзер, основываясь на идеях Талкота Парсонса о двойственной иерархии социальной жизни (одна: биологический организм, личность, социальная система, культурная система; другая — в социальной системе — роли, коллективы, нормы, ценности), строит следующую иерархию уровней зависимых переменных: агрегативные качества населения, оценки бихевиоральных осадков, социальные структуры, культурные структуры. Он подчеркивает, что переход от самого нижнего уровня (агрегативные качества населения) к самому верхнему (культурные структуры) усложняет организацию переменных, так как значительная часть из них не может трактоваться в качестве параметров, а должна включаться в оперативные переменные (*Smelser, 1973, p. 61–62*).

Так как понятие переменных является одним из центральных при организации сравнительного исследования, то и определение собственно сравнительного метода дается, исходя из специфики отношения к контролю над переменными. Так, Арендт Лейпхарт пишет, что границы сравнительного метода определяются стратегией, при которой случаи «выбираются таким образом, чтобы максимизировать дисперсию независимых переменных и минимизировать дисперсию контролируемых переменных» (*Lijphart, 1975, p. 165*). Спенсер Веллхофер определяет сравнительный метод как «стратегию выбора среди небольшого числа случаев или систем (обычно стран) для того, чтобы включить контролируемые переменные в поиски каузальных или функциональных взаимоотношений внутри систем» (*Wellhofer, 1989, p. 315–316*).

2.4. Организация сравнительного исследования

Концептуализация, таким образом, является первым шагом в сравнительном исследовании политических систем. Она позволяет определить общий подход к пониманию изучаемых характеристик. На ее

основе осуществляется выбор переменных, их превращение в индикаторы и индексы, а затем уже измерение качеств и анализ полученных данных. Технология конкретизации качеств обозреваемого феномена получила название *операционализации*. Она обозначает переход от абстрактного выражения качеств в понятиях к набору конкретных показателей, полученных в результате наблюдения за изучаемым феноменом. Таким образом, операционализация представляет собой переход от первоначальной теории к измерению и включает в себя концептуализацию, выбор переменных, инструментализацию и собственно измерение (сбор эмпирических данных). Результатом всех этих действий будут понятия, переменные, индикаторы и индексы, показатели (см. схему 1).

Здесь мы не будем говорить о всех методических проблемах операционализации. Подчеркнем только, что зачастую трудно соблюсти полное соответствие понятия, переменной и индикатора, а потому операционализация осуществляется с некоторой потерей информации, упрощением значения понятия. Но так или иначе, исследователь стремится сохранить ключевые характеристики изучаемого феномена, переходя от абстракции к конкретному значению индикатора.

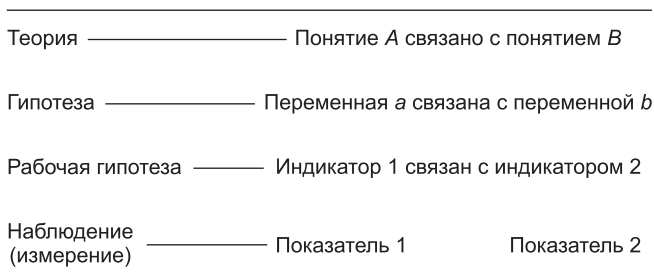


Схема 1. Операционализация: отношения понятия, переменной, индикатора и показателя¹

Если концептуализация, как отмечалось ранее, в значительной мере определяется исходной методологической, а часто и идеологической позицией исследователя, то выбор переменных и индексов зачастую определяется следующими обстоятельствами. Во-первых, исследователь, конечно, связан исходной теорией политики и вынужден выбирать переменные и превращать их в операциональные определения, подчиняясь логике теории и теоретических гипотез. Фактически исследователь здесь опирается на результаты предыдущих работ. Во-вторых, исследователь должен учитывать опыт прежних

¹ Составлено по: *Manheim, Rich, 1991*, p. 49.

наработок в изучении политического феномена и стремиться не повторять ошибок прошлых измерений. В-третьих, он руководствуется принципами сравнимости и релевантности избираемых переменных, индексов и индикаторов, т. е. осуществляет их выбор, учитывая общее и особенное в изучаемой группе стран и применимость понятийного аппарата к исходной гипотезе (гипотезам), а последней — к изучаемому феномену. В-четвертых, исследователь ориентируется на точность анализа с точки зрения как содержания, так и математической формы его выражения. В-пятых, исследователь должен учитывать тот способ, каким он будет собирать эмпирический материал (наблюдение, анкетирование, изучение документов, интервьюирование, изучение статистических материалов, сбор имеющихся данных социологических обследований и т. д.), и наличность его в национальных или международных статистических отчетах. В-шестых, значительное влияние на выбор переменных и индикаторов оказывает характер сравнительного исследования (статическое или динамическое исследования), избираемый для исследования временной интервал. В целом, однако, выбор переменных и индикаторов определяется логикой сравнительного анализа.

2.5. Методические проблемы сравнения

Применение сравнительной методологии в политической науке породило ряд методических проблем, связанных с объектом исследования, возможностью использования статистического анализа, выбором контекстуальных характеристик. Среди них особо выделяются следующие проблемы: сравнимости, «мало случаев, много переменных», эквивалентности, универсальности, «проблема Гэлтона», измерения и интерпретации. Рассмотрим вкратце их содержание.

Проблема сравнимости. Суть проблемы сравнимости довольно проста. При изучении двух и более объектов всегда возникает вопрос: а сравнимы ли они? Условием возможности сравнения выступает как похожесть, так и различие. Все дело в мере, позволяющей производить оценку возможности сравнения. Проблема сравнимости важна в нескольких отношениях. Если исследуется взаимосвязь между зависимыми и независимыми переменными, то необходимо выбрать для сравнения такие страны, которые были бы похожи по большинству параметров. Здесь действует логика Милля, особенно его канон единственного различия. В данном случае, как правило, страны выбираются на основании экономической, культурной, исторической и т. д. близости. Но можно использовать и наиболее различающиеся страны, если в некотором отношении, интересном для исследователя, они подобны. Часто сравнимость достигается за счет сравнения не стран

в целом, а отдельных их регионов. Повышается уровень сравнимости и при исследовании одной страны или исторически близкого региона в диахронном плане. Исследователь может повышать степень сравнимости за счет поиска однородных структурных контекстов изучаемой зависимости, а не сравнения ее содержания. Проблема сравнимости часто решается за счет общей концептуальной схемы общества или его политической системы, приложимой к различным культурным и историческим средам. В этом отношении структурный функционализм и системный анализ сыграли выдающуюся роль. Особое значение в этой связи придавалось концепции функциональной необходимости Мертона. Проблема сравнимости может быть поставлена и в том смысле, что общие понятия и гипотезы, применяемые в сравнении, искажаются в различных культурных, исторических и политических контекстах. Здесь проблема сравнимости перерастает в проблему эквивалентности, с одной стороны, и универсальности — с другой.

Проблема эквивалентности. Особое значение эта проблема приобретает при проведении сравнительных исследований с помощью методов интервьюирования, анкетного опроса, экспертного анализа. Речь в данном случае идет об эквивалентности понятий и процедур, используемых в исследовании. В этой связи важно достигнуть концептуальной эквивалентности — соответствия значения концепта в различных культурах; эквивалентности измерительной техники — различие или сходство измерительных индикаторов и индексов; эквивалентности обстановки, если речь идет об интервью, анкетном опросе; лингвистической эквивалентности, затрагивающей лексический и грамматический смыслы понятий; эквивалентности выборки респондентов. Для разрешения проблемы эквивалентности используется многократная процедура обратного перевода понятий, предварительное зондирование. Считается, что эквивалентность можно соблюсти, если обращать внимание скорее на эквивалентность идей, а не слов, и если теснее связывать понятие с реальной, а не нормативной политической жизнью.

Проблема универсальности. Веберовская методология сравнения ориентировалась на поиск уникальности исторических процессов с помощью идеально-типических конструктов, обладающих качеством универсальности. Но универсальность была не целью, а средством исследования. В настоящее время, несмотря на критику универсализма как цели и возвращения к интерпретативному анализу, поиск универсальных эмпирических обобщений все же является определяющим. Проблема универсализма понятий хорошо известна: отражают ли общие понятия политики, используемые в современной сравнительной политологии, содержание политических процессов при их применении к различным культурно-историческим средам.

Можно ли распространить полученные при изучении группы стран эмпирические обобщения на все страны? Известно, что некоторые индексы демократии, используемые в глобальных исследованиях, имеют склонность благоприятствовать одним странам и регионам и занижать оценки демократичности других регионов. Проблема универсальности решается не только соблюдением меры абстрагирования, как у Сартори в его «лестнице абстракции»: низший уровень категорий соответствует описательной концептуализации при переходе в исследовании от одной страны к другой; средний уровень соответствует общим концептуализациям и таксономиям, полученным при сравнении относительно однородных регионов; высший уровень соответствует универсальным концептуализациям, полученным при глобальном сравнении стран с различными культурными контекстами (*Sartori, 1970*, р. 1043–1045). Она решается также повторными сравнительными исследованиями, уточняющими и добавляющими новые нюансы в исходные обобщения. Вместе с тем ясно, что в современной сравнительной политологии отношение к универсальности меняется, зачастую большее значение придается контекстуальным обобщениям, а не глобальным. Об этом свидетельствует снижение доли глобальных исследований и повышение значимости сравнительно-исторических исследований небольшого числа стран с акцентом на качественных, а не количественных методах.

Проблема «мало случаев (N), много переменных». Данная проблема считается центральной для сравнительных исследований. Она заключается в том, что исследователь ограничен лишь небольшим количеством стран (т. е. случаев), которые можно подвергнуть изучению, тогда как число переменных, которыми характеризуются страны, является большим. Перед ученым-компаративистом в этом случае возникает две проблемы: с одной стороны, с целью сделать исследование более обоснованным он должен максимально увеличить число случаев, а с другой — он должен суметь ограничить количество переменных в исследовании. Первая часть проблемы ограничивает применение статистического метода в сравнительном исследовании, вторая часть усложняет выбор оперативных переменных и контроль над переменными.

До недавнего времени малое число N считалось недостатком сравнительного метода, поэтому исследователи пытались всемерно увеличить число случаев. Было выработано множество советов, как это сделать. Самый простой совет состоял в том, что нужно увеличивать число случаев насколько это возможно, особо не обращая внимания на всякого рода отклонения от общих каузальных, корреляционных или функциональных зависимостей. Причем увеличение приветствовалось и пространственное, и историческое. Эта тенденция привела в свое

время к увлечению так называемыми глобальными сравнительными исследованиями, когда в орбиту сравнения попадало максимальное число стран. Правда, в этих исследованиях всегда возникали новые проблемы, связанные со сравнимостью стран, вовлеченных в анализ. Каждый исследователь по-своему решал эти проблемы, учитывая некоторые глобальные тенденции, эволюционные теории политического развития, упрощая инструменты сравнительного анализа и т. д. Эти исследования до сих пор проводятся, и читатель встретится с ними на страницах этой книги (например, исследование условий возникновения демократии в 147 странах, проведенное Тату Ванханеном, или ежегодные обследования состояния свободы в более чем 190 странах «Домом свободы»). Однако в последние годы значение подобных исследований снизилось, и некоторые аналитики отмечают определенный кризис в этой области сравнительной политологии. Маттей Доган отмечал, что «проблема глобального исследования состоит в том, что оно достигает очень большой экспансии за счет потери почти всякого живого смысла, достигнутого сравнениями среди менее разнообразного комплекса наций. Если данные являются неточными, статистическая техника не должна быть слишком амбициозной. Если данные являются надежными, приветствуется и рекомендуется изощренный методологический проект» (цит. по: *Mackie, Marsh, 1995*, р. 180). Часть исследователей, наоборот, считают, что небольшое число N является скорее преимуществом сравнительного метода, чем его недостатком (*Collier, 1991*). В этой связи Питер Мэр говорит о наличии двух различных школ в сравнительной политологии. «Эта новая установка, — пишет он, — связана со многими чувствами, выраженными в большинстве других недавних работ по компаративному методу, относились ли они к политической науке, социологии или истории, или даже к попытке мультидисциплинарного синтеза, и в которых особо подчеркивался „холистский“ анализ и потребность глубокого понимания отдельного случая. С другой точки зрения, однако, и вопреки разделяемому желанию уйти от глобального сравнения и универсальных категорий большинство современных работ по сравнительной политике лучше рассматривалось бы состоящим из двух различных „школ“ или подходов. С одной стороны, имеются исследователи, упорствующие в попытке получить обобщенные выводы или применить общие модели к набору стран, которые, в противоположность глобальным амбициям первого послевоенного поколения компаративистов, ограничиваются регионом или [сходным] положением. С другой стороны, имеются также исследователи, которым кажется чрезмерно подозрительным множественное сравнение отдельных случаев, даже когда оно ограничено относительно небольшим N, и которые подчеркивают преимущества непосредственного, глубокого

анализа того, что представляет собой небольшую горсточку стран, при котором достоинства получения целостной картины этих стран перевешивают недостатки ограниченной применимости [выводов]» (*Mair, 1996, p. 318–319*).

Вторая часть проблемы касается ограничения числа переменных в исследовании. Здесь при решении проблемы сокращение производится, в частности, путем повышения степени сравнимости анализируемых стран, т. е. их культурной, экономической, исторической и т. д. близости. Применяется также диахронный сравнительный анализ, внутрирегиональное сравнение и т. д. Для ограничения числа переменных советуют сосредоточиваться на «ключевых» переменных. Некоторая статистическая техника анализа позволяет решить подобную проблему. Например, при исследовании прав человека в различных странах для уменьшения числа переменных используется факторный анализ.

«Проблема Гэлтона». В сравнительном политическом исследовании единицей анализа обычно выступает национальная политическая система, государство, страна. При этом они рассматриваются как независимые единицы исследования. Однако в условиях глобализации экономических и политических процессов, интенсивного взаимодействия стран часто возникает вопрос относительно значимости внутренних и внешних факторов и условий. В сравнительном исследовании появляется необходимость учитывать внешнее воздействие. Собственно, проблема состоит в том, как это сделать.

Проблема названа по имени президента Королевского антропологического института Великобритании Гэлтона, который в 1889 г. при обсуждении методологии кросс-культурного анализа, предложенного Тэйлором, высказал предположение о значительном влиянии на культуру внешнего фактора. «Крайне желательно, — говорил он, — чтобы давалась полная информация относительно того, в какой степени независимы обычаи сравниваемых племен и рас. Могло бы быть, что некоторые племена происходили из общего источника, так что они являлись бы двойными копиями одного и того же оригинала. Определенно, что при таком исследовании все наблюдения должны были бы быть, говоря статистически, тщательно „взвешены“. Полезной была бы идея о распределении различных обычаев и об их относительном преобладании в мире, что можно было бы представить на карте, показывая затемнениями и цветом области их географического распространения» (цит. по: *Hendrix, 1997, p. 309*). Споры по поводу проблемы независимости изучаемых культурных объектов продолжаются и сегодня, и они привели к обсуждению двух видов исторических взаимосвязей: диффузии между обществами и общих источников их возникновения. В этнографических исследованиях эту проблему пытались

оспорить, либо отвечали на нее специальными методиками выборки или включением в исследование исторических взаимосвязей в качестве контролируемой переменной. В 1970-е гг. «проблема Гэлтона» переключалась в сравнительную политологию. Как пишет Генри Туне, «к концу 60-х годов, что было признано учеными несколькими годами позже, развитие стало глобальным и перешагнуло границы отдельной страны. Спор возникает по поводу действительного государственного суверенитета и международной системы как основного условия для стран, преследующих свои особые интересы» (*Teune, 1990, p. 52*).

В сравнительных политических исследованиях было предложено несколько методологических решений «проблемы Гэлтона». Ряд исследователей предложили так называемую «холистскую методологию». Согласно этому подходу, единицы анализа составляют взаимосвязанное целое, и отсюда следует предпосылка, что между ними имеются причинные отношения. В том случае, когда холистские объяснительные модели эмпирически определены, независимость единиц анализа сама превращается в проблему. Взаимозависимость единиц анализа ставит под вопрос использование статистического метода при сравнении. «Холистская методология» ориентируется на качественное сравнение, подвергая сомнению всеобщность вывода о соответствии методологии сравнения и методологии статистического анализа. В этой связи, например, Сильверман проводит различие между «структурной перспективой» сравнения, основанной на интегративной методологии, и «молекулярной перспективной», связанной со статистикой. Статистические выводы возможны и годны, когда единицы исследования трактуются как одинаковые по статусу и независимые друг от друга. При «структурной перспективе» единицы анализа, включенные в единство, различны, так что данные о таких элементах «не являются статистическими по природе» (*Silverman, 1991, p. 390–392*). Правда, Стен Анттила пишет о том, что «холистский подход», позволяя решить «проблему Гэлтона», порождает другие серьезные проблемы: увеличивается степень сложности исследования, возрастает число переменных, теряется ясность теории и т. д. (*Anttila, 1993, p. 26–29*).

Близкой к холистскому подходу выступила стратегия анализа влияния мировой системы на внутреннее развитие стран, при котором экономическая и политическая система страны рассматривалась в качестве открытой для внешнего воздействия и в этом смысле зависимой (*Wallerstein, 1983*). Теория мировой системы исходит из предпосылки мирового системного баланса, при котором повышение мобильности в одной единице системы приводит к понижению мобильности в другой, и регулирование мобильности осуществляется всей стратифицированной системой. Например, при исследовании

политических конфликтов в развивающихся странах теория мировой системы в противоположность теории модернизации делает акцент на периферийном положении экономик этих стран в мировой экономической системе (*Moaddel, 1994*, pp. 280–283). Джеффри Придхэм применяет к анализу переходных демократических процессов в Южной Европе концепцию «политики сцепления» («linkage politics»), показывая значение международного фактора. «Однако, — пишет он, — основной аналитической проблемой является не установление применимости международного измерения перемены в [политическом] режиме. Это даже не определение явных сцеплений, так как в литературе много по этому вопросу написано. Скорее, главной проблемой является проблема каузальности, анализируя которую Алмонд называл ее „сложным динамическим процессом“ взаимодействия между интернациональными факторами и внутренними процессами» (*Pridham, 1991*, p. 21).

Стратегией решения «проблемы Гэлтона» выступает исследовательская модель сравнительного анализа, при которой осуществляется попытка объединить внутрисистемные измеряемые переменные с внутрисистемными межвременными и межсистемными пространственными неизменяемыми переменными, показывающими процессы диффузии (*Wellhofer, 1989*). При этом подходе межсистемные пространственные диффузии, проистекающие из «проблемы Гэлтона», открывают возможность множества интерпретаций характера внутрисистемных каузальных отношений, так как характеризующие их переменные каузально связаны с зависимой переменной и коррелируют с одной или более независимых переменных. Данная модель была проверена при исследовании взаимодействия индустриализации и политического поведения в Аргентине с 1908 по 1946 г.

Попытка снять «проблему Гэлтона» была осуществлена рядом исследователей, которые ориентировались на усиление контроля за внешними переменными, предложив две стратегии сравнительного исследования: сравнение наиболее подобных систем и сравнение наиболее различных систем (*Przeworski, Teune, 1970; Campbell, 1975*). В обоих случаях влияние внешних условий рассматривалось как преодоленное, так как сравнение опиралось на контроль за внешним контекстом. При сравнении похожих систем общность географических, культурных, исторических, экономических и т. п. условий обеспечивала возможность считать страны однородными по ряду параметров и проверять исследуемую взаимосвязь (например, между партийными системами и избирательными системами), ориентируясь только на внутренние условия. При сравнении наиболее контрастных стран влияние внешних факторов контролируется явным противопоставлением внешних условий.

Проблема измерения относится к количественным сравнительным исследованиям. Она не является специфической только для сравнительной политологии, а возникает в любом исследовании. Во-первых, измерение качественных объектов ставит вопрос относительно возможности использования метрических шкал, которые позволяют в дальнейшем осуществлять статистический анализ материала. В сравнительной политологии часто метрические шкалы соседствуют с неметрическими, что создает препятствие для обработки данных. Во-вторых, при выборе индикаторов и индексов отмечается влияние ценностных ориентаций исследователя, что приводит к искажению полученных эмпирических данных, а следовательно, и к неточности в выводах. Об этом свидетельствует специальная проверка ряда индексов демократии. Даже экономические показатели, которые часто используются для характеристики условий демократии, могут значительно изменять выводы в зависимости от выбранных исследователем ориентиров. В-третьих, при глобальных сравнительных исследованиях возникает трудность, связанная с отсутствием экономической и особенно социально-политической сравнимой статистики по странам. Упрощение в данном случае измерителей ведет к значительной потере информации и обеднению выводов.

Проблема интерпретации. В последние годы в связи с некоторым ослаблением интереса к количественным методам анализа на первый план выдвигается проблема интерпретации, суть которой состоит в том, что существует множество смыслов одного и того же политического феномена. Уже при выборе исходных концептов и переменных в количественных исследованиях она появляется в виде ценностной склонности исследователя. В качественных исследованиях она становится центральной. «Позитивистская позиция в социальных науках все больше и больше подвергается сомнению исследователями, которые действуют с релятивистских позиций и доказывают, что мир социально конструируется, что политические феномены и, соответственно, взаимоотношения между ними не существуют независимо от способа их социального конструирования, — пишут Мэки и Марш. — Так, например, релятивист будет доказывать, что такое понятие, как демократия, не является данным; оно не существует независимо от способа, которым демократия осуществляется, или от значения, которое индивиды и группы придают ему. Подобно этому, экономический рост является социальным конструктом, имея различный смысл в различных обществах. Как таковые макроколичественные исследования, которые анализируют отношения между демократией и ростом, имеют очень ограниченную пользу, так как они навязывают объективную реальность разнообразному, социально сконструированному миру» (Mackie, Marsh, 1995, p. 182–183). Интерпретативная сравнительная

политология находит выражение в исследованиях, ограниченных немногими странами, контекстуально зависимых, с использованием сравнительно-исторической качественной методологии. Кризис универсализма выводов прежней сравнительной политологии, поиск новых способов объяснения политической реальности, возрождение интереса к культурологической проблематике в сравнительных исследованиях связаны с проблемой интерпретации. Ее решение видится либо на пути изменения отношения к истории и историческому методу (*Badie, 1989*), либо на пути внедрения в политические исследования новой методологической ориентации — научного реализма (*Lane, 1996*).

2.6. Виды сравнительных исследований

Описание сравнительного метода в политической науке следует дополнить указанием на многообразие видов сравнений, которые сегодня в ней практикуются. Виды сравнений устанавливаются с помощью различных критериев (метод, количество исследуемых стран, ориентация), но в действительности сложно установить некоторую единую меру дифференциации. В данном случае обратим внимание на те виды сравнений, которые наиболее часто упоминаются и дискутируются в литературе: «case-study», бинарное, региональное, глобальное, кросс-темпоральное сравнения.

«Case-study» сравнение. Данный вид сравнения применяется тогда, когда анализируется одна страна (какой-либо политический феномен в отдельной стране) на фоне сравнения ее с другими странами. Не все считают подобное исследование сравнительным (*Sartori, 1994*, р. 23), но все же большинство полагает, что среди исследований по типу «отдельного случая» можно обнаружить сравнительный акцент. Для подтверждения в качестве основы берется типология исследования по типу «отдельного случая», предложенная в 1971 г. Арендтом Лейпхартом. Он выделял следующие типы:

- 1) интерпретативное исследование «отдельного случая», в котором используется существующая теория для описания случая;
- 2) изучение отдельных случаев для проверки и подтверждения теории;
- 3) изучение отдельных случаев для производства гипотез;
- 4) исследования отклоняющихся отдельных случаев (*Lijphart, 1971*, р. 691–693).

За исключением первого типа, все остальные так или иначе связаны со сравнительными исследованиями и могут трактоваться в качестве некоторых их модификаций.

Вообще стратегия «case-study» исследования определяется следующим образом. Изучение отдельного случая является эмпирическим исследованием, при котором, во-первых, существующий феномен анализируется внутри его реального жизненного контекста, во-вторых, когда границы между феноменом и его контекстом неясны, в-третьих, используется множество источников доказательства (*Yin, 1989, p. 23*). В общем «case-study» сравнение (или исследование множества отдельных случаев, а также отдельного случая в компаративном контексте) по проекту не отличается от обычного исследования отдельного случая. Оно имеет свои преимущества и недостатки. Но оно отличается от других видов сравнений тем, что каждый случай рассматривается отдельно и должен служить особой исследовательской цели в общем комплексе случаев. Данный тип сравнения руководствуется не логикой «выборки», а логикой «репликации», т. е. логикой множественных экспериментов.

Бинарное сравнение. Описание бинарного сравнения можно найти в изданной на русском языке книге М. Догана и Д. Пеласси «Сравнительная политическая социология» (1994, с. 176–183). Бинарное сравнение представляет собой стратегию исследования двух стран, позволяющую выявить общее и особенное в их политическом развитии. При этом выделяются два типа бинарных сравнений: косвенное и прямое. Бинарное сравнение, как пишут авторы, является косвенным в том смысле, что любой другой считающийся несхожим объект сравнения рассматривается в зависимости от собственного видения исследователя. В качестве примера приводится исследование демократии в Америке Токвиля, которое позволило автору сформировать иное представление о политических институтах Франции. Прямое бинарное сравнение является непосредственным и позволяет исследователю с помощью исторического метода включить в орбиту изучения сразу две страны.

Липсет, который также анализирует особенности бинарного сравнения, выделяет такие две стратегии: имплицитная и эксплицитная (*Lipset, 1994, p. 153–213*). Он подчеркивает значение исследовательских гипотез для выбора двух стран, подвергаемых сравнению. В этой связи не всякое сравнение двух стран полезно. Особое внимание автор обращает на проблему исключительности при выборе сравниваемых стран. Рассматривая сравнительное исследование Японии и США как двух примеров наиболее успешного индустриального развития, Липсет говорит еще об одной характеристике стратегии бинарного сравнения: выбор наиболее характерного различия между сравниваемыми странами, имеющего отношение к предмету анализа. В данном случае речь может идти о совершенно различных путях достижения промышленного успеха, обнаруживаемых не на конкретном уровне

анализа, а на глобальном. Следовательно, уникальность или исключительность двух исследуемых стран просматривается при разном уровне бинарного сравнения.

Региональное сравнение. Распространенным видом сравнения выступает сравнение регионов, т. е. группы стран, избранных в силу схожести их экономических, культурных, политических и т. п. характеристик. Региональное сравнение относится к дискутируемому сейчас в сравнительной политологии типу сравнения наиболее похожих стран в противоположность исследованию группы стран с различающимися характеристиками. Исследователи подчеркивают плодотворность подобного исследования, так как оно позволяет решить ряд проблем сравнения (сравнимость, эквивалентность). Как правило, в сравнительной политологии изучаются страны Западной Европы, Скандинавские страны, Латинская Америка, англоязычные страны, Восточная Европа и т. д. Правда, предпосылка схожести региона часто уводит исследователя от возможного поиска жизненных различий в соответствующей группе стран, которые и могут выступать в качестве объяснительных переменных.

Джон Мартц дает следующие рекомендации для сравнительного анализа похожих стран, опираясь на сравнительные исследования стран Латинской Америки:

1) для того чтобы применить стратегию сравнения похожих стран и создать значимые теории, необходимо ограничить пространственную область; т. е. вместо того чтобы исследовать всю Латинскую Америку, нужно ограничить объект изучения субрегионом — Центральной Америкой, Южным Конусом и т. д.;

2) необходимо ориентироваться не на макротеории, а на теории среднего ранга, построенные на мультивариативном эмпирическом анализе и подходящие для обобщений среднего уровня;

3) практиковать больше аналитический эклектизм и в особенности включать в анализ культурные переменные вместе с экономическими и институциональными;

4) для того чтобы избежать регионального провинциализма, необходимо связывать региональное исследование методологически, теоретически и субстанционально с глобальными проблемами и тенденциями (Martz, 1994, с. 239–259).

Ранее отмечалась стратегия сравнения непохожих стран; она была выделена в 1970-е гг. и получила некоторую поддержку исследователей. Она базировалась на критике основной предпосылки региональных исследований, согласно которой можно обнаружить группу стран, отличающуюся лишь двумя условиями при схожести всех остальных. Адам Пшеворски писал: «Я не знаю ни одного исследования, которое бы успешно применило канон единственного различия

Милля. Я по-прежнему считаю, что в действительности „проект наиболее подобных систем“ является как раз плохой идеей. Предпосылка состоит в том, что мы можем обнаружить пару (или более) стран, которые будут различаться только двумя характеристиками, и что мы будем способны подтвердить гипотезу, будто X является причиной Y по типу естественного эксперимента, при котором все остальные условия равны. Нет двух стран в мире, которые различаются лишь двумя характеристиками, и на практике имеется всегда множество конкурирующих гипотез» (*Przeworski, 1987, p. 12*). Данный вид сравнительной стратегии используется некоторыми исследователями, которые пытаются проверить какие-либо гипотезы при многообразных условиях. Региональное сравнение также базируется на индуктивных канонах Милля, но при этом преувеличивается значение канона единственного сходства. Более умеренные исследователи считают, что обе стратегии (похожих и различных систем) взаимодополняют друг друга, позволяют уменьшить отрицательные черты использования только одной стратегии и могут применяться для решения различных исследовательских задач.

Глобальное сравнение. Хотя интерес к глобальным сравнениям, основанным на большом массиве эмпирических данных и статистическом типе анализа, в 1990-е гг. снизился, но все же этот самостоятельный вид сравнения используются и сегодня. Особенностью глобальных исследований является то, что в качестве единицы анализа здесь берется вся политическая система, ее основные характеристики. Возможность проводить глобальные исследования появилась в 1960-е гг. в связи с развитием сравнительной статистики, наличием данных по большинству стран и развитием компьютерных программ обработки статистических и социологических данных. Особое внимание в глобальных сравнительных исследованиях политики стало уделяться социально-экономическим условиям появления и укрепления режимов, ранжированию стран по уровню демократии, соотношению различных типов государств и режимов, проблеме равенства и политики и т. д. Ранее отмечались недостатки глобальных исследований. Подчеркнем, что «третья волна» демократизации вновь заставила обратить внимание на глобальный сравнительный анализ, правда, без ангажирования количественной и статистической стратегий. Вместе с тем следует отметить, что 2000-е гг. вновь актуализировали глобальные исследования по различным направлениям. В политической науке — это изучение политических режимов, государственного управления, коррупции, протеста и насилия, прав человека, социальной политики, гендерной проблематики.

Кросс-темпоральные сравнения. Все большее значение в сравнительных исследованиях начинает придаваться времени как оператив-

ной переменной. Время включается в исследование, чтобы преодолеть статический характер сравнения. Нейл Смелзер считал динамический сравнительный анализ более сложным, чем статический, так как переменная времени включалась в исследование взаимосвязи между зависимыми и независимыми переменными. Так, если исследователь просто берет две точки развития какого-либо явления во времени и сравнивает их, то это, по Смелзеру, еще нельзя назвать динамическим сравнением. Сравнение приобретает свойство динамичности, когда исследователь рассматривает динамику изменения какого-либо качества в тот или иной промежуток времени (*Smelser, 1973*, р. 64).

Один из традиционных видов кросс-темпорального сравнения определяется как асинхроническое сравнение. Данная стратегия предполагает сравнение одной и той же страны (региона) или разных стран в различное историческое время. Например, исследуется политическая динамика современной Африки и средневековой Европы, Веймарской республики и становление демократии в послевоенной Германии, различные исторические типы социальных революций и т. д. Исторически ориентированные исследования противостоят синхроническим сравнительным исследованиям.

Более сложную конструкцию включения времени в качестве переменной сравнительного анализа предложил Стефано Бартолини (*Bartolini, 1993*, р. 131–167). В определенной мере он развивает идею о включении времени в качестве переменной в сравнительное исследование. «Если различия во времени выдвигаются как особая единица, эквивалентная единице, выдвигаемой различиями в пространстве, — пишет он, — то логический вывод состоит в том, что взаимосвязь между переменными во времени является эквивалентной взаимосвязи, раскрываемой в пространстве» (*Ibid*, р. 146). Включение временной переменной порождает ряд методологических проблем. Во-первых, необходимо найти метод, посредством которого может быть установлено темпоральное изменение в качествах. С этой целью необходимо с точностью определить темпоральные единицы анализа. Подобная проблема может быть названа проблемой определения темпоральных единиц или периодизации. Во-вторых, необходимо определить степень, в которой отношения, установленные между переменными качеств во времени, являются особыми или по статусу, или в каком-либо ином смысле и отличаются от переменных, установленных при кросс-пространственном анализе. Это — проблема специфичности обобщений, касающихся развития. В-третьих, необходимо определить степень, в которой мультиколлинеарность может представлять особый признак при анализе темпорального изменения. Возможно ли исследовать одну или общую тенденции развития в каузальных терминах на основе одного темпорального изменения? Это — проблема

темпоральной мультиколлинеарности. Бартолини предложил методы решения этих проблем, указав на необходимость использования обеих методологических традиций: сравнительного исследования в пространстве и во времени.

* * *

В данной главе были описаны основные подходы к определению существа сравнительного метода в политической науке. Сравнительный метод в единстве с теориями среднего уровня формирует специфическую отрасль политической науки — сравнительную политологию. Развитие сравнительных исследований породило ряд методологических проблем, дискуссия по которым продолжается и сегодня. Вся совокупность проблем свидетельствует о напряжении, существующем сегодня между качественными и количественными сравнительными исследованиями. В этом отношении следует, по-видимому, согласиться с Карлом ван Метером, который пишет: «При ознакомлении с литературой, посвященной различиям между „качественной“ и „количественной“ методологиями, и при анализе эволюции социологической методологии в целом за последние десятилетия обнаруживается, что оба подхода продуктивны и что конфликт между ними носит главным образом институциональный характер» (Метер, 1994, с. 26). Дискуссионность сравнительного метода выражается также и в видах сравнений, которые сегодня предлагает сравнительная политология.

Основные понятия

Сравнительный метод, метод эксперимента, статистический метод, метрические шкалы, неметрические шкалы, организация сравнительного исследования, переменные, виды переменных, методические проблемы сравнения, сравнение отдельного случая, дуальное сравнение, региональное сравнение, глобальное сравнение, кросс-темпоральное сравнение.

Основная литература

- Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — С. 345–415.
- Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. — М.: Социально-политический журнал, 1994.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. — М.: Наука, 1990. — С. 471–481.

- Мангейм Д., Рич Р.* Политология. Методы исследования. — М.: Весь мир, 1997.
- Смелзер Н.* Социология. — М.: Феникс, 1998.
- Сравнительная социология. Избранные переводы / Под ред. И. Б. Орловой. — М.: Academia, 1995.

Дополнительная литература

- Анурин В. Ф.* Эмпирическая социология. — М.: Академический проект, 2003.
- Ахременко А. С.* Политический анализ и прогнозирование: Учебное пособие. — М.: Гардарики, 2006.
- Голосов Г. В.* Сравнительная политология: Учебник. — СПб.: Летний сад, 2001.
- Желтов В. В.* Сравнительная политология. — М.: Академический проект, 2008.
- Ильин М. В.* Сравнительная политология. Научная компаративистика в системе политического знания // Политические исследования. Полис. 2001. № 4. — С. 162–165.
- Митрохина Т. Н.* Методология политической компаративистики. — Саратов: Изд. Сарат. ун-та, 2004.
- Митрохина Т. Н., Баскакова Ю. М.* Моделирование политической реальности: качественные и количественные аспекты. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2005.
- Попова О. В.* Политический анализ и прогнозирование. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009.

ГЛАВА 3

Неоинституционализм, теория рационального выбора и политика

Кризис методологических установок бихевиорализма и структурного функционализма привел к росту интереса исследователей-компаративистов к методологии, связанной с неоинституционализмом. Если в 1970–1980-е гг. это направление в сравнительной политологии занимало относительно немного места, то начиная с середины 1980-х гг. его значение начинает возрастать, а в последующие два десятилетия неоинституционализм становится ведущей методологической парадигмой сравнительных политических исследований. В этой связи следует назвать статью Джеймса Марча и Йохана Олсена «Новый институционализм: Организационные факторы в политической жизни» (*March, Olsen, 1984*), которая сыграла решающую роль в активизации этого направления в политической науке. Неоинституционализм в политическую науку и сравнительную политологию пришел под влиянием прежде всего «экономического империализма», т. е. проникновения экономической методологии в сферу неэкономических исследований. Именно это стимулировало возрождение и обновление других видов институциональной методологии — исторический, социологический, организационный институционализм. Возникли и новые направления — конфликтологический, дискурсивный, социетальный и т. п. институционализм. Существует много его версий, но доминирует экономический неоинституционализм.

3.1. Виды неоинституционализма

В методологическом отношении неоинституционализм в сравнительной политологии представлен четырьмя основными подходами: экономическим (теория рационального выбора), социологическим, историческим и дискурсивным (см. табл. 1). Экономический подход опирался на работы таких экономистов, как Торстен Веблен («Теория праздного класса: Экономическое исследование институтов», 1934),

Кеннет Эрроу (его работа 1951 г. «Социальный выбор и индивидуальные ценности»), Рональд Коуз («Природа фирмы», 1937; «Проблема социальных издержек», 1960), Джеймс Бьюкенен (совместная работа с Гордоном Таллоком «Расчет согласия», 1963; «Между Левиафаном и анархией», 1971), Оливер Уильямсон («Экономические институты капитализма», 1985), Дуглас Норт («Институты, институциональные изменения и функционирование экономики», 1990) и др. Для экономического институционализма важным являлся вопрос о выборе (индивидуальном и общественном) и действии эффективных институтов, которые обеспечивают взаимодействие рациональных индивидов при удовлетворении ими индивидуальных и социальных потребностей. Он опирается на постулаты теории рационального выбора. Этот вид институционализма оказался доминирующим и в политической науке. Его подробное описание вы найдете далее.

Таблица 1

Четыре варианта неоинституционализма

	Неоинституционализм рационального выбора	Исторический неоинституционализм	Социологический неоинституционализм	Дискурсивный неоинституционализм
Объект объяснения	Рациональное поведение и интересы	Исторические правила и регулярности	Культурные нормы и структуры	Идеи и дискурсы
Логика объяснения	Расчет	Тропа зависимости	Соответствие	Коммуникация
Способность объяснять изменения	Статичная преемственность, обеспеченная фиксированными предпочтениями, стабильными институтами	Статичная преемственность, обеспеченная «тропой зависимости» (за исключением небольших перемен)	Статичная преемственность, обеспеченная культурными нормами, идентификационными структурами	Динамические перемены и преемственность, обеспеченная идеями и дискурсивными взаимодействиями
Проблемы объяснения	Экономический детерминизм	Исторический детерминизм	Культурный детерминизм или релятивизм	Идейный детерминизм или релятивизм

Источник: *Schmidt, 2009*, p. 138.

Социологический неоинституционализм. Истоки социологического неоинституционализма находят в работах Эмиля Дюркгейма, Макса Вебера, а в более близком историческом периоде у Филиппа

Селзника («Власти Долины Теннесси и низовая активность», 1949), Герберта Саймона («Модели человека: социальная и рациональная», 1957), Джеймса Марча и Йохана Олсена («Переосмысливая институты», 1989). Социологический неoinституционализм рассматривает *институты как устойчивые практики социальных взаимодействий, фиксируемые в культурных нормах и структурах (формальных и неформальных) и определяемые социокультурными контекстами*. Здесь рациональность индивидуальными предпочтениями уходит на второй план, а на первый выходит процесс конструирования общественных норм в ходе социализации индивидов и формирования устойчивых идентификаций. Более того, она подчиняется социальным контекстам и не является в этом отношении полной. Рациональность должна *соответствовать* социально-культурному контексту. *Рациональность и институты являются контекстуально-ограниченными*. В противоположность экономическому неoinституционализму здесь предпочтения являются не исходными предпосылками, а факторами поведения, возникновение которых и следует объяснять, в том числе и посредством институтов. В этом отношении действия людей подчиняются логике обстоятельств, в том числе и взаимным намерениям. Действуя по обстоятельствам, устанавливая правила и структуры, люди *научаются взаимодействию, которое, следовательно, является процессом формирования идентичности, определения своей роли и принятия возникающих социальных норм*.

Социологический неoinституционализм не абсолютизирует предпосылку методологического индивидуализма. Организации, так же как и люди, адаптируют свое поведение, учитывая окружающую среду. *Они являются активными участниками взаимодействий и институционализируют свои цели, намерения, практики и структуры*. В этом смысле эффективная организация — не модель, а сконструированный взаимодействием организации и контекста феномен. И люди действуют, как правило, в организационном контексте; взаимодействие организаций и людей подчиняется социальной логике формирования институтов. Отсюда, *социальный порядок* гарантируется преемственностью существующих институтов, процессом социализации как научения и идентификационными структурами. Однако социальный порядок, обеспеченный институтами, не рассматривается данным раз и навсегда. *Институционализация порядка трактуется как процесс, а не состояние*.

Исторический неoinституционализм — довольно распространенное течение в политической науке, особенно в такой ее отрасли, как сравнительная политология. Некоторые исследователи придают ему столь большое значение, что считают исторический неoinституционализм основанием новой парадигмы политической науки в проти-

воположность бихевиорализму и рациональному выбору (*Shu-Yun Ma, 2007*). В целом данный вид неоинституционализма пытается противопоставлять себя экономическому подходу к институтам по ряду критериев, часть из которых сближает его с социологической версией. Так, обе версии придают большое значение контекстуальным составляющим деятельности акторов и институтов, но историческая версия обращает большее внимание на время и последовательность, а не на структурные контексты. И там, и здесь рассматриваются формальные и неформальные нормы. Так же как и социологический институционализм, исторический не делает акцент на координирующей функции институтов и состояниях обеспеченного ими равновесия, а рассматривает процессы формирования и изменения институтов. Нет здесь и строгой предпосылки методологического индивидуализма. Однако он характеризуется и рядом особенностей, которые составляют его собственную природу.

Центральной для исторического неоинституционализма категорией выступает понятие «тропы зависимости» («path dependency»). Эта категория выполняет важную объяснительную функцию при описании процессов институциональных изменений и укорененности определенных институтов в обществе. Общая идея «тропы зависимости» состоит в двух взаимно связанных суждениях, во-первых, что институциональная эволюция в каждой отдельной стране направляет ее вдоль широкой исторической дороги развития, а во-вторых, формирующиеся институты, отвечая на изменения окружающей среды и политические маневры действующих лиц, все же развиваются в границах, определяемых прошлыми траекториями (*Thelen, 1999*, р. 387). Таким образом, институты являются и проводниками исторического опыта, и результатом его влияния. Данный исторический детерминизм ограничивает выбор людьми политических институтов и заставляет их быть внимательными при выборе новых институциональных структур, которые могут оказаться новыми только по форме. Вместе с тем, хотя «тропа зависимости» определяет выбор людьми институтов, но этот процесс «институциональной репродукции» не является жестким и однозначным. Конечно, институты меняются, но вдоль общей исторической линии для каждой отдельной страны или группы стран. И здесь следует учитывать те обстоятельства, которые создают динамизм в репродукции исторического наследия: стечение обстоятельств, сочетание внутренней и международной ситуации, случайности, последовательность изменений и др.

Важным для исторического неоинституционализма является вопрос о том, как люди, формируя институты, способствуют продолжению своей истории. В этом отношении следует отметить два подхода к описанию: 1) принцип обратной связи (*Thelen, 1999*) и 2) идея «роста

процессов возмещения в политическом мире» (*Pierson, 2000*). Эти два подхода взаимосвязаны, но все же обладают некоторой относительной содержательной самостоятельностью. Принцип обратной связи, как известно, пришел из кибернетики, где он описывал процесс управления системой посредством прошлых решений. В функциональном плане, как описывает Кэтлин Телен, люди не просто выбирают стратегии адаптации к определенному набору институтов, которые приняты, но еще и усиливают соответствующую институциональную систему. Идея «роста процессов возмещения в политическом мире» раскрывает систему возмещения затрат на принятые и завоеванные политические институты путем роста властного потенциала соответствующего института. Как описывает Пол Пирсон, этот эффект возмещения проявляется в различных обстоятельствах дифференциации властных позиций, повышая власть одних и понижая властные позиции других.

Дискурсивный неинституционализм. Вивьен Шмидт выделяет еще и дискурсивный институционализм (как видно из табл. 1). Следует отметить, что идеи, на выделении которых в качестве центрального объекта исследования строится данное методологическое направление, используются и другими версиями неинституционализма, даже в его экономическом лагере. Но здесь идеи и способы их существования в институциональных системах занимают не второстепенное место в качестве «вмешивающейся переменной», а являются определяющими для институциональных структур и их изменений. Экономический институционализм уделяет внимание идеям как факторам, которые могут влиять на предпочтения или являться «когнитивными фильтрами» при выборе институтов, но их роль здесь всегда вспомогательная. Для дискурсивного неинституционализма идеи, обмен идеями в дискурсивной практике, выбор идей являются конституирующими факторами выбора политических институтов. При этом следует брать в расчет весь спектр идей, которыми руководствуются люди (экономические, политические, моральные и т. д.). Идеи не только высвечивают содержание формируемых политических институтов, но и берутся в качестве их оснований. Люди действуют, руководствуясь не только своими предпочтениями, но и идеями.

3.2. Особенности неинституциональной теории рационального выбора

Хотя теория рационального выбора стала проникать в политическую науку из экономической науки уже в 1950-е гг., в сравнительных исследованиях она стала широко использоваться только в последние десятилетия. Основной постулат теоретиков рационального выбора,

на котором основывается предпосылка ее использования в сравнительной политологии, следующий: «Индивидуальное поведение может рассматриваться как рациональное постольку поскольку оно касается основных социальных и политических обстоятельств. Таким образом, фундаментальные принципы политического поведения одинаковы в различных политических системах, несмотря на очевидные различные конфигурации институтов и политических феноменов» (*Kato, 1996*, р. 564). Подобный оптимизм разделяется не всеми. Существует обширная критическая литература как в целом по теории рационального выбора, так и по ее использованию в сравнительной политологии. Но все же эта теория и методологическая ориентация достаточно широко используется, поэтому сказать о ее основных характеристиках необходимо; более того, необходимо раскрыть ее возможности в сравнительных исследованиях. Она хорошо «работает» при исследовании таких демократических феноменов, как плюрализм, выборы, распределение власти, оппозиционность, коалиционность и т. д.

Прежде всего отметим, что теория рационального выбора пришла из экономической науки, хотя ее основания связаны не только с последней. Р. Швери называет три важнейшие интеллектуальные традиции, повлиявшие на формирование теории рационального выбора: «Это, во-первых, *шотландская философия нравственности* Хатчисона, Юма, Фергюсона и Смита, впервые предложившая последовательную индивидуалистическую концепцию рационального поведения и обратившая внимание на ее плодотворность в объяснении общественных явлений. Во-вторых, *утилитаризм*, выработавший всеобъемлющую концепцию моральных суждений. Утилитаристы отказались от догматики античной философии, приняв важное предположение о том, что мы должны обращать внимание на последствия наших действий, и только тогда мы сможем оценить, «плохим» или «хорошим» является наше действие. В-третьих, отказ от проблемы межиндивидуальной оценки наслаждений и страданий (*inter-individual calculus of felicity*), столь важный для утилитаризма, стал главным достижением неоклассической теории, выдвинувшей на передний план процесс взаимного обмена. Если отдельный индивидуум получает выгоду от использования того или иного закона, института или другого фактора, налагающего определенные ограничения на наши действия, и к тому же способен компенсировать потери другим, нет причин утверждать, что обмен нечестен, противоречит нормам морали или чему-либо еще» (*Швери, 1997*, с. 35–36). Хотя теория рационального выбора имела давние традиции, тем не менее в общественных науках она занимала маргинальное положение в силу господства таких методологических ориентаций, как старый институционализм, бихевиоризм, структурный функционализм, марксизм. Критика этих ориентаций

и способствовала широкому распространению теории рационального выбора.

Бихевиоризм с его идеей «внешнего человека» (Б. Скиннер) рассматривал человеческое поведение в виде простой реакции на внешние воздействия, упрощая реальную картину поведения. Бихевиористская наука, хотя и способствовала развитию эмпирических исследований, однако оказалась неспособной создать теорию поведения, где бы человек был независимой переменной. *В этом отношении теория рационального выбора как раз позволяла посмотреть на поведение человека «изнутри», учитывая характер человеческих предпочтений, их соизмерение друг с другом, выбор оптимального поведения.*

Структурный функционализм, в свою очередь, перестал удовлетворять исследователей, так как, во-первых, обращал внимание прежде всего на системы и структуры, а не на людей в этих системах и структурах; во-вторых, трактовал человеческое поведение сквозь призму его ролевой функции в системе, которая определялась процессами социализации, коммуникации и интеграции. В структурном функционализме человек как самостоятельное действующее лицо (актор) исчезал; он подчинялся социальным нормам, был социальным существом в этом смысле. Теория рационального выбора ориентировалась на активную роль человека при его столкновении с нормами: человек устанавливает нормы и действует в их границах, выбирая выгодное для себя поведение. *В этом отношении теория рационального выбора заменяла идею «социологического человека» идеей «экономического человека».* Вместо человека, чувствительного к окружающей среде, пассивно интернализирующего нормы в процессе социализации, исполняющего системные роли и осуществляющего адаптивное поведение, теория рационального выбора «ставит нацеленного, провокативного агента, максимизатора своих частных интересов» (*Shepsle, 1989, p. 133*).

Теория рационального выбора выдвигалась также в противовес марксистской концепции жесткого детерминизма поведения человека социально-экономическими отношениями, прежде всего отношениями собственности. Хотя производство общественных отношений по марксистской теории осуществлялось людьми, но при уже сформированных общественных предпосылках, накладывающих не только границы на человеческое поведение, но и определяющих его интересы и потребности. В этом смысле человек также рассматривался как существо зависимое и подчиненное; активным могла быть лишь социальная группа, класс, к которому принадлежал человек. Концепция общественных законов закрепляла представление о внешних детерминантах поведения человека. Теория рационального выбора противопоставила идее классов *идею общественного выбора*, описывающую процесс выбора индивидами эффективных институтов.

Отмечается и неприятие теоретиками рационального выбора старой версии институционализма, при которой политика представлялась как некая нормативная система, трудно совместимая с индивидуальным интересом. С одной стороны, старый институционализм выступал в одеждах легализма, когда политика рассматривалась в терминах конституции и права. Значительный элемент долженствования при изучении политики оставлял в тени особенности реальных процессов и их противоречивого отношения с юридическими нормами. Сам характер нормы, прежде всего ее обобщенность и абстрактность, требовал рассматривать политическое поведение индивида по большей части в терминах соответствия/отклонения. С другой стороны, идеализация норм проводила к идеализации выраженных в них общественных интересов, которые приобретали характер самостоятельной сущности, не связанной с частными интересами конкретных людей. Критика такой политики с позиции теории рационального выбора осуществлялась под флагом реализма, т. е. более здравого рассмотрения поведения человека как действующего агента со своими интересами без метафизического поиска находящихся за ним (или над ним) общих, народных, национальных и т. д. идей и интересов. В этом отношении институты устанавливались и изменялись людьми под влиянием их предпочтений и обеспечивали эффективность их взаимодействий. *Сами институты понимались как формальные и неформальные правила, осуществляющие регулятивную функцию процесса взаимодействия людей и структурирования их намерений.*

Таким образом, теория рационального выбора выдвинула на первый план политического исследования действующего человека с его собственными интересами и потребностями, человека самодостаточного и активного. Противопоставляя себя прежним методологическим подходам, теория рационального выбора позволяла по-другому поставить и решить ряд вопросов.

Во-первых, в исследовании общественных отношений и процессов невозможно обойти проблему уровней анализа. Так или иначе ученый вынужден выбирать перспективу: сосредоточиться ли ему на микроуровне, т. е. индивидуальном поведении, исследовать ли общественные структуры как феномены, имеющие собственное существование, либо попытаться объединить микро- и макроуровни. Теория рационального выбора как раз опиралась на предпосылку возможности связать индивидуальное поведение и общественные институты, чтобы сохранить суверенность индивида при принятии решений по поводу и собственных, и общественных благ.

Во-вторых, дифференциация наук в XIX и XX вв. сопровождалась стремлением ученых различных дисциплинарных профилей найти собственные законы и связи в соответствующих сферах действитель-

ности, подчеркивая тем самым несводимость различных областей общественной жизни и различных общественных наук. Теория рационального выбора вышла за рамки экономической сферы и заставила исследователей заметить сходство (а значит, и различие) поведения человека в политике с поведением в экономике. В сфере власти и принятия решений по поводу общих благ человек ведет себя так же рационально, как и в экономической жизни. Другой вопрос, что рациональность его поведения в этой сфере приобретает особые черты: есть ли специфика в общественном выборе по сравнению с выбором индивидуальным? Может ли быть описана политика, политическая деятельность, политическая организация и политические институты в категориях эффективности, т. е. соотношения пользы и затрат?

В-третьих, политическая наука всегда стремилась не только описывать политическую реальность, выявлять в ней зависимости между факторами, строить типологии и классификации и т. д., но и самой быть политическим фактором, т. е. включаться в политический процесс не только функцией легитимации политики, но и «производства политических событий». Не рассматривая здесь все проблемы «производства политического события» (интересующийся может обратиться к политической герменевтике, дискурсному анализу), подчеркнем, что теория рационального выбора позволила значительно повысить прикладное значение политической науки. Политический инжиниринг стал неотъемлемой частью политических кампаний. Такие разделы политологии рационального выбора, как политические игры, коалиционная борьба, избирательные стратегии, распределение власти, ведение переговоров, политическая конфликтология, стали действенным инструментом политического консультирования и менеджмента. Не случайно именно на период 1970–1980-х гг. приходится бурный рост различных политологических консультационных центров, обслуживающих политический процесс и влияющих на результативность политической деятельности.

Обратим внимание здесь на некоторые теоретические составляющие концепции рационального выбора и их использование в политической науке, в сравнительной политике при изучении демократических политических систем.

3.3. Предпосылки неинституциональной теории рационального выбора

Теория рационального выбора строится на ряде предпосылок, позволяющих при всем критическом к ней отношении говорить о ее логичности и проработанности. Можно спорить о степени реалистичности этих предпосылок, об их заданности западной рационалистической

культурой, о соответствии предпосылок и сделанных на их основе выводов и т. д., но они достаточно весомы, чтобы сформировать работающую концептуальную модель человеческого поведения. То, что они возникли в сфере экономической теории, не меняет сути: представленная модель поведения инвариантна. Как любая «хорошая» теория, теория рационального выбора позволяет объяснить как рациональное поведение индивида, так и принимаемое людьми за иррациональное (действует ли рациональным образом отшельник?).

Теория рационального выбора строится на следующих основных предпосылках.

1. *Методологический индивидуализм.* Теория рационального выбора опирается на предпосылку, говорящую о том, что исследование должно начинаться не с общества или структуры, а с живого и действующего индивида. Общество и структуры вторичны по отношению к индивиду, именно последний производит в своей деятельности отношения и институты. Действуют не структуры, а индивиды. Дж. Бьюкенен, получивший Нобелевскую премию за разработку экономической теории политики, специально подчеркивает значимость методологического индивидуализма, утверждая, что «... люди, делающие выбор, даже при определенных ограничениях достигают нужных им результатов *без какой-либо поставленной извне цели*» (Бьюкенен, 1997, с. 106). В этом смысле интересы индивида и определяемые им цели являются «суверенными» и концептуально, и на практике. Никто не может предписывать их индивиду, сам индивид в конечном счете решает, что с ними делать. Теория рационального выбора в этом отношении рассматривает интересы индивидов как данные и определенные ими самими. Индивид сам устанавливает порядок своих предпочтений, которые являются дискретными, недвусмысленными и транзитивными.
2. *Рациональность индивидов.* Индивид действует всегда рационально, т. е. при всевозможных обстоятельствах он пытается максимизировать свою выгоду. Теория рационального выбора не рассматривает то, как индивид оправдывает свое поведение, но говорит о том, что индивид имеет предпочтения, располагает их в определенном порядке и действует в соответствии со своей максимальной выгодой. Кто-то может говорить о высоких идеях или низменных страстях, но все дело — по теории рационального выбора — в том, что реально на поведение оказывает влияние стремление максимизировать свой интерес. Это совсем не означает, что человек заведомо будет вести себя как «эгоист»; он может вести себя альтруистически, но и в этом случае, следовательно, такое поведение для него более выгодно, чем другое. Действуя в группе, если она достаточно большая

и на выбор не влияют такие факторы, как личная привязанность, половые взаимоотношения, индивид также будет следовать своему интересу, а не интересу групповому. В этом смысле индивид, получая групповые блага, не будет стремиться действовать ради этих благ. Он не станет добровольно прилагать усилия для достижения групповых целей, а наоборот, будет стремиться пользоваться общественным благом бесплатно («проблема „безбилетника“» — *problem of «free rider»*). На этом построена концепция публичного выбора, имеющая непосредственную связь с темами политики и управления.

Отметим, что понятие рациональности принимается в данной теории прежде всего как «субъективная рациональность», т. е. сам индивид рассматривает свое поведение как рациональное, если с его точки зрения удалось или уменьшить затраты на достижение цели, или при тех же затратах получить больший результат. «Объективная рациональность» включает оценку и с позиции того, кто обладает большей информацией о ситуации. Но она вступает в противоречие с предпосылкой суверенности индивида, осуществляющего рациональное поведение. Так как для оценки рациональности своего поведения человек должен обладать максимально полной информацией, достижение которой связано с повышением общих затрат, то говорят об «ограниченной рациональности» поведения человека, которая связывается больше с процедурой принятия решений, чем с существом самого решения. Поведение считается рациональным, если решение было принято рациональным образом в данных конкретных условиях.

3. *Оптимальность выбора*. Предпосылка оптимальности выбора связана с рациональностью человеческого поведения, но имеет относительно самостоятельное значение. Оно определяется заложенным в данной предпосылке содержанием, относящим рациональный выбор, т. е. нацеленность человека на максимизацию собственного интереса, к условиям оптимизации социальных взаимодействий. Джеймс Коулмен в этой связи пишет следующее: «Теория рационального выбора содержит один элемент, который отличает ее в целом от всех других подходов в социологии. Этот элемент может быть суммирован одним словом — *оптимизация*. Теория определяет, что, действуя рационально, актер вовлечен в некоторый род оптимизации. Иногда она выражается как максимизация полезности, иногда как минимизация стоимости, иногда другим образом. Но, выраженная тем или иным способом, она является тем, что дает теории рационального выбора ее силу. Она сравнивает действия соответственно их ожидаемым результатам для актора

и постулирует, что актер будет выбирать действие с наилучшим результатом... Ее [теории рационального выбора] принципиальной целью не является показать, как особое действие может быть рассмотрено в качестве разумного с позиции актора, но объяснить, как действия, разумные или рациональные для акторов, могут объединяться для производства социального результата, иногда предполагаемого действующими лицами, иногда ненамеренного, иногда социально оптимального, иногда неоптимального» (*Coleman, Fararo, 1992*, р. XI–XII). Особое значение имеет эта предпосылка для неоинституциональной теории публичного выбора. Оптимальность рационального выбора выражается в понятиях принципа Парето-оптимальности, принципа компенсации, принципа эквилибриума по Нэшу. Значительной критике подвергается в связи с предпосылкой оптимизации идея «невидимой руки», согласно которой оптимизация поведения само собой ведет к становлению «хорошего общества».

4. *Обмен деятельностью.* Для социальной науки важной предпосылкой является взаимная деятельность индивидов, или обмен деятельностью. Особое значение эта предпосылка имеет для теории публичного выбора и базирующегося на ней неоинституционализма. Индивид в обществе действует не один. Соответственно, существует ожидание, что и другие индивиды будут поступать рациональным образом. Индивиды согласны свободно взаимодействовать, а следовательно, существует взаимная зависимость выборов. Да, каждый индивид пытается максимизировать свою выгоду, но при этом каждый осуществляет эту цель при определенных условиях, которыми выступают правила или нормы, совокупность которых выражается понятием институт. В этом смысле люди осуществляют рациональный выбор в институциональных условиях. Институциональные условия создаются людьми, но исходным здесь является такое условие, как согласие осуществлять обмен. Существует различие в акцентах между различными школами теории рационального выбора применительно к проблеме взаимосвязи рационального поведения актора и институтов. Чикагская школа (Фридмен, Стиглер, Беккер) делает акцент на рациональном выборе в условиях существующих институтов. Вирджинская школа (Бьюкенен, Таллок, Бреннан) делает акцент на рациональном выборе самих институтов. Но обе школы (первая — менее, вторая — более) исходят из двух взаимосвязанных идей:

1. Индивиды, преследующие свои интересы в особых институциональных структурах, скорее не приспосабливаются к ним, а пытаются их изменить в соответствии со своими интересами.

2. Между институциональными структурами и интересами существуют отношения взаимодействия: индивиды пытаются изменить институты, а институты могут изменить порядок предпочтений, но последнее означает лишь то, что измененный порядок оказался выгодным при данных условиях.

Конечно, предпосылки теории рационального выбора не сводятся к вышеперечисленным. Отметим здесь вкратце следующие подходы.

Питер Абелль пишет о четырех основных предпосылках данной теории:

- 1) индивидуализм — в конечном счете действуют только индивиды;
- 2) оптимальность — индивидуальные действия выбираются оптимально;
- 3) «забота о себе» — собственные индивидуально-полезные функции и действия связаны с личным благополучием;
- 4) парадигматическая привилегия — теория рационального выбора является необходимым начальным пунктом, с которой сравниваются другие теории (*Abell, 1992, p. 189*).

Дэвид Циулли выделяет пять предпосылок:

- 1) индивидуальные акторы обычно предпочитают максимизировать свое собственное частное благополучие;
- 2) их субъективные интересы или желаемые цели являются определенно суверенными;
- 3) любое существующее общественное распределение прав и обязанностей является данным или случайным;
- 4) нормативно свободные усилия акторов, направленные на максимизацию своего собственного частного благосостояния, вероятно, resultируются в коллективном благополучии;
- 5) относительно свободные поиски акторов своих собственных предпочтений более вероятно должны дать и поддержать хорошее направление социальных перемен (*Sciulli, 1992, p. 162–164*).

Следует заметить, что в данном случае принципы теории рационального выбора определены ее критиком.

Питер Орदेशук говорит о двух основных предпосылках концепции рационального выбора:

- 1) люди могут быть описаны исходя из их способности расположить имеющиеся в конкретной ситуации варианты по порядку значимости, начиная с наиболее предпочтительных и кончая наименее предпочтительными;
- 2) поведение людей может быть понято, если допустить, что они всегда действуют (в рамках имеющихся возможностей) в целях максимизации собственной удовлетворенности (*Орदेशук, 1994, с. 27*).

Теория рационального выбора (в виде ли теории публичного выбора, социального выбора) описывает политику в особых терминах, отличающихся от традиционных. Прежде чем мы перейдем к использованию теории в сравнительных исследованиях, дадим здесь самое общее представление о политике и политической деятельности.

3.4. Политика в экономическом неоинституционализме

Экспансия экономической науки в сферу политического исследования сказалась на понимании политической сферы жизни общества протagonистами теории рационального выбора. Экономическое определение политики не могло не позаимствовать из экономической области таких понятий, как обмен, рынок, выгода и польза, эффективность, издержки и т. д. Хотя определение «политика как обмен» по виду напоминает определение «экономика как обмен» (если не брать и другие составляющие экономического процесса), тем не менее экономическое понимание политики не является тем же самым, что и экономическое понимание экономики. С определенной долей условности можно выделить два основных подхода к определению политики: «субстанциальный», при котором меняется содержание политики, и «методологический», при котором меняется скорее ракурс рассмотрения политических процессов. Оба подхода взаимно дополняют друг друга. В качестве примера первого подхода можно принять определение политики, данное мэтром теории рационального выбора и неоинституционализма Джеймсом Бьюкененом. «Основное различие между рынком и политической системой, — говорил он, — заключается не в отличающихся типах ценностей и интересов людей, а в условиях, в которых они исповедуют свои многообразные убеждения. Политика есть сложная система обмена между индивидами, в которых последние коллективно стремятся к достижению своих частных целей, так как не могут их реализовать путем обычного рыночного обмена. Здесь нет других интересов, кроме индивидуальных» (*Бьюкенен, 1997*, с. 108). В свою очередь Д. Мюллер утверждает: «Публичный выбор может быть определен как экономика нерыночного производства решений, или просто применение экономики к политической науке. Предмет публичного выбора тот же, что и у политической науки: теория государства, правила голосования, поведение избирателя, партийная политика, бюрократия и т. д. Методология публичного выбора является, однако, методологией экономики» (*Mueller, 1979*, р. 1).

Что следует из приведенных суждений о политике как обмене или об ином — экономическом рассмотрении традиционных политических феноменов?

Во-первых, люди в политике, будь они избирателями или политическими лидерами, действуют так, как если бы они максимизировали свои собственные интересы. Если не брать в расчет собственно материальный интерес, который не прямо, но связан с политической деятельностью, политические интересы поддаются анализу с позиции теории рационального выбора. Избиратель решает, прийти ему на избирательный участок или нет, в зависимости от того, как он измеряет выгоду от своего голоса. Избиратель отдает свой голос тому или иному кандидату или партии, если их программы близки его интересам. Он манипулирует своими предпочтениями, если видит, что выигрыш может быть не на его стороне. Бюрократия, как показал Нисканен, максимизирует (увеличивает) свою организацию и соответственно бюджет организации, а потому различные группы бюрократии вступают друг с другом в конфликт при составлении бюджета государства. Политические партии для победы на выборах пытаются заручиться поддержкой все большего числа избирателей, т. е. максимизируют этот свой основной интерес. Борьба между кандидатами в президенты может быть описана в тех же терминах «размера голосов». Депутаты парламентов сколачивают постоянные или временные коалиции, учитывая, достаточно ли будет голосов для проведения своих людей в правительство или для продвижения того или иного законопроекта. Торговля своими голосами (логроллинг) является атрибутом деятельности парламентариев.

Во-вторых, политика есть нерыночное производство решений относительно публичных благ. В этом смысле она описывается теорией публичного или коллективного выбора. Голосуя на выборах или в парламентах, индивидуальные или публичные акторы склонны при решении вопроса об общественных благах минимизировать свои издержки по производству и получению этого блага, а то и пользоваться им бесплатно. Одним из основных постулатов теории коллективного выбора является то, что индивиды, если группа недостаточно мала или не применяет принуждение, не будут действовать для достижения общегрупповых целей, так как природа коллективных (или общественных) благ такова, что никто не может быть отстранен от пользования этим благом (неисключаемость) и потребление этого блага еще одним дополнительным членом группы не ведет к снижению полезности этого блага (неконкурентность). Мансур Олсон в этой связи пишет: «Если участники большой группы рациональным образом пытаются максимизировать свое индивидуальное благосостояние, они не станут прилагать никаких усилий для достижения общегрупповых целей до тех пор, пока на них не будет оказано давление или каждому из них не будет предложен индивидуальный мотив к подобному действию, не совпадающий с общим интересом группы, мотив, реализуемый при условии, что

члены группы возьмут на себя часть издержек по достижению общей цели» (Олсон, 1995, с. 2). Отсюда уже упомянутая «проблема „зайца“», или «проблема безбилетника», и проблема «эксплуатации сильных слабыми», когда издержки по производству коллективного или общественного блага берут на себя наиболее сильные члены сообщества.

В-третьих, политическая борьба за выигрыш делает политику подобной игре с двумя и более участниками с нулевой и ненулевой суммой. Игра эта осуществляется индивидами и объединениями индивидов и может быть описана с помощью теории игр. Разработанная в 1940-е гг. Дж. фон Нейманом и О. Моргенштерном применительно к экономическому поведению (Нейман, Моргенштерн, 1970), в 1950-е гг. теория игр начинает проникать и в политическую науку. Среди наиболее ранних попыток применения теории игр в политической науке следует назвать работу Ллойда Шепли и Мартина Шубика «Метод оценки распределения власти в системе комитетов», опубликованную в *American Political Science Review* в 1954 г. (Shapley, Shubik, 1954). С этого периода теория игр начинает активно применяться при исследовании голосования, власти, дипломатии, переговоров и сделок, формирования коалиций и лоббирования. Фактически теория игр выступила продолжением и/или математическим оформлением теории рационального выбора. Вот как описывает значение теории игр для политической науки один из известных специалистов в этой отрасли Уильям Райкер (Riker, 1992, р. 209–211): «Я был поражен различными качествами теории игр, которые соответствовали традиции политической науки. Одним из признаков был ее *бескомпромиссный рационализм*. Хотя он был нормативным в том смысле, что теоретик имел дело с уже определенными выборами с целеориентированным рациональным избирателем, но здесь не было причины вводить инстинктивную, бессмысленную привычку, бессознательное саморазрушающее желание или некоторую метафизическую и экзогенную волю. Скорее, теория игр анализировала социальные результаты в терминах взаимодействия участников, каждый из которых рассчитывает достичь некоторой им самим определенной цели... Вторым качеством теории игр был ее акцент на *свободном выборе*. Хотя детерминизм является очень старой идеей, но он расцвел вновь в XIX и XX веках... Теория игр, однако, допускала свободный выбор. Согласно этой теории, что участники, зная свои собственные предпочтения, оценивают то, как альтернативные стратегии могли бы удовлетворять эти предпочтения перед лицом подобного расчета оппонентов... Детерминистские допущения ...гарантировали регулярность поведения и, таким образом, позволяли обобщения. Предпосылка свободной воли, с другой стороны, по-видимому предполагает случайное поведение, которое всецело игнорирует обобщение... Теория игр предлагает выход из этой дилеммы, *комбинируя возможность обобщения и свободной воли*... [Следую-

ций] признак теории игр был, я полагаю, наиболее важным вкладом в политическую науку. Он позволил делать обобщения относительно человеческого выбора способом, который допускает более или менее *точную детерминацию формы человеческих целей в особых социальных обстоятельствах*» (выделено мной. — Л. С.).

В теории игр принимаются допущения рационального поведения, и объяснение политических действий различных акторов (индивидуальных и коллективных) строится на основе некоторых моделей, в которых предполагается, что все участники игры будут действовать оптимально, т. е. добиваться выигрыша. Все участники игры должны выбирать стратегии поведения; каждый участник выбирает одну стратегию, а результат определяется усилиями всех игроков, каждый из которых следует избранной стратегии. При этом считается, что правила игры (которые определяют избираемые стратегии) и выигрыш являются фиксированными и установленными до начала игры. Если правила и выигрыш фиксированны, то игрок имеет возможность выбирать оптимальную стратегию, максимизирующую его выигрыш, при условии, что и другие поступают так же. Мартин Шубик подчеркивает, однако, что при изучении реальных политических феноменов использование простых моделей игр наталкивается на проблему необходимости ослабления предварительных допущений. Так, если индивиды не знают предпочтений других индивидов, то в своем стратегическом поведении они должны оценивать недостатки и обстоятельства получения неверной информации (*Shubik, 1982, p. 388*). Джордж Цебелис специально анализирует проблему возможности «неоптимального» поведения в политической игре, устанавливая такие его условия, как действие актора одновременно в различных сферах и его стремление к инновации, т. е. к изменению существующих правил игры. В последнем случае актор включен и в основную игру, и в игру, касающуюся институционального дизайна этой основной игры (*Tsebelis, 1990, p. 7–8*). Следует заметить, что теория игр, как и в целом теория рационального выбора, особое значение придает теоретическим моделям в исследовании. Совершенствование теоретических моделей путем уточнения или пересмотра их предпосылок на основе сравнения этих моделей с наблюдаемыми фактами является стандартным методом научного исследования. Теория игр в этом отношении не является несовместимой с многими другими аналитическими подходами, если удастся в исходную теоретическую модель игры вставить аргументы, объясняющие возможные отклонения от простых предположений. Более того, как пишет Бернард Грофман, нет непроходимой пропасти между теорией рационального выбора и культурологической методологией; в этом отношении он приветствует «мягкий» подход протагонистов рационального выбора к изучению политики (*Grofman, 1997, p. 80–81*).

В-четвертых, политический обмен между индивидами основывается на идее первоначального консенсуса относительно свободных и равных индивидов. Основой консенсуса (или конституции) выступает «единодушие» по поводу некоторых общих метаправил, регулирующих отношения обмена. Этим самым в теорию рационального выбора вносится идея некоторой первоначальной самими индивидами установленной договоренности об условиях рационального выбора при принятии коллективных решений. Такое понимание условий политического обмена проистекает из попытки исследователей Вирджинской школы перенести акцент на проблему согласия по процедуре разрешения конфликта предпочтений, если невозможно построить функцию благосостояния, которая включала бы предпочтения всех индивидов (*Швери, 1997, с. 49*). Политика, таким образом, представляет собой обмен между индивидами в обрамлении политических институтов, основой которых выступает первоначальный консенсус.

Основания нормативного подхода были заложены элементами государственной теории, предложенной в 1896 г. Кнудом Викселем в его работе «Новые принципы справедливого налогообложения» (1967), в которой он разработал свое особое правило для выработки решения в политике — правило единодушия. Джеймс Бьюкенен использовал правило единодушия для выработки своей контрактной теории государства, направленной против концепции государства всеобщего благосостояния (*Buchanan, 1987; Бьюкенен, Таллок, 1997*). Данная теория, во-первых, видит причину угрозы благосостоянию и экономическим правам не в недостатках рынка, которые пытаются исправить через экспансию государства, а в недостатках политики, политического рынка, в разрыве между обычными гражданами и государством при производстве общественных решений; во-вторых, обосновывает необходимость создания политических правил, исходя из некоего первоначального соглашения между гражданами, первоначальной конституции; в-третьих, применяет этический критерий к оценке эффективности государства. «Нет критерия для прямой оценки политики, — утверждает Бьюкенен. — Непрямая оценка может быть основана на измерении степени, в которой политический процесс облегчает перевод выраженных индивидуальных предпочтений в видимые политические результаты. Фокусом оценочного внимания становится сам процесс в противоположность государственным целям или окончательным установкам» (*Buchanan, 1987, р. 339*). При этом консенсус и возникающие политические институты (правила политической игры) создаются самими индивидами при том, что индивиды как равные и свободные существа «получают» свои равные и свободные права при установлении консенсуса. Коулмен в этой связи пишет: «Подходящая позиция для рассмотрения проблемы не состоит в том,

чтобы „занять перспективу философии естественных прав“, но скорее считать, что права возникают вместе с консенсусом и не существуют в отсутствии консенсуса. Права не присущи индивидам, но возникают только через консенсус; также консенсус сам требует помощи индивидов» (Coleman, 1990, p. 333–334).

ТЕОРЕМА «НЕВОЗМОЖНОСТИ» ЭРРОУ

Суть теоремы «невозможности» Эрроу, представленной им в опубликованной в 1951 г. докторской диссертации «Социальный выбор и индивидуальные ценности» (Arrow, 1951), состоит в том, что не существует возможности найти демократические правила для коллективного выбора решения относительно общего блага, основываясь на порядке предпочтений отдельных индивидов. В основе доказательства теоремы «невозможности» лежит «парадокс голосования», открытый Кондорсе в 1785 г.

Кондорсе установил, что если существует разный порядок предпочтений у трех индивидов и они принимают коллективное решение на основе правила простого большинства, то удовлетворительное решение демократическим путем не может быть найдено. Оно может быть достигнуто либо «диктаторски», либо с помощью манипуляции.

Пусть имеются три индивида (1, 2, 3) с предпочтениями А, В, С, которые упорядочены следующим образом:

- 1) $A > B > C$;
- 2) $C > A > B$;
- 3) $B > C > A$;

А, В и С являются альтернативами, из которых осуществляется выбор. Альтернативы могут касаться различных политических идеологий (капитализм, социализм, коммунизм), различных политических программ (повысить налоги, понизить налоги, оставить все по-прежнему), различных кандидатов (Ельцин, Зюганов, Жириновский) и т. д. Если выбор осуществляется последовательно из пары альтернатив, то при сравнении альтернатив А и В по большинству голосов должна победить альтернатива А, так как первый и второй индивид А предпочитают В. Если речь идет об альтернативах В и С, то выберут альтернативу В. При сравнении альтернатив С и А преимуществом обладает альтернатива С. Так как групповые предпочтения здесь не являются транзитивными, т. е. отсутствует условие, при котором, если $A > B$, а $B > C$, то $A > C$, следовательно, групповой выбор в соответствии с правилом большинства сделать невозможно.

Общие предпосылки теоретического описания объединения предпочтений посредством голосования сводятся к следующему:

1. Индивиды знают свои предпочтения, и они являются фиксированными.

2. Они знают все альтернативы и способны их оценивать.
3. Правила игры известны и поняты всеми.
4. Каждый индивид является рациональным и не страдает от информационной перегрузки или от вычислительных проблем при принятии решения.
5. Возможно рассматривать проблему социального выбора в статическом контексте, т. е. статическая модель служит в качестве разумного приближения к такому реальному процессу социального выбора, как голосование (см.: *Shubik 1982*, p. 386).

Эрроу наряду с этим особо выделяет такие предпосылки рационального выбора, совокупность которых никогда, по его мнению, не может быть свойственна коллективному выбору, т. е. последний всегда будет или «диктаторским» (навязанным), или достигнут с помощью манипуляции. К числу таких предпосылок относятся:

- 1) транзитивность предпочтений, т. е. если $A > B$, а $B > C$, то $A > C$;
- 2) результативность выборов, т. е. выбор возможен при любом сочетании предпочтений;
- 3) «независимость irrelevantных альтернатив», т. е. возможность попарного сравнения имеющихся альтернатив безотносительно к другим альтернативам;
- 4) «позитивная связь индивидуальных и социальных ценностей», т. е. переупорядочивание одним индивидом своих предпочтений в пользу альтернативы X , когда никто другой не изменял своих предпочтений, не должно вести к понижению этой альтернативы при коллективном упорядочивании;
- 5) оптимальность выбора, при которой он не должен быть ни диктаторским, ни навязанным (манипулируемым). Под диктаторским он понимает выбор, при котором принимается упорядочивание одного индивида независимо от других порядков предпочтений. Под навязанным понимается выбор между двумя альтернативами, независимо от всех возможных комбинаций индивидуальных порядков.

Теорема «невозможности» Эрроу, однако, имеет свои ограничения, связанные с заложенными в ней предпосылками и с общим выводом о невозможности коллективной рациональности. Во-первых, коллективный выбор может зависеть от порядка рассматриваемых пар предпочтений. Во-вторых, ограниченным считается рассмотрение Эрроу предпочтений «в одном пакете» при однолинейном их расположении. В-третьих, теорема не допускает интервального измерения полезности предпочтений, следовательно, влияния irrelevantных альтернатив. Решения, полученные при использовании «дилеммы узника» и теоремы Нэша, которые основываются на интервальных шкалах, показали иной результат. В-четвертых, подчеркивается значение так называемого стратегического аспекта голосования, при котором важное значение

приобретает знание об альтернативах других акторов. В-пятых, как указывает Даль, при дальнейшем ограничении условий индивидуального выбора (например, порядок предпочтений должен быть однопиковым) метод большинства приведет к решениям, которые будут одновременно транзитивными, и не навязанными, и не диктаторскими (Даль, 1992, с. 49).

Какое же применение нашла теория рационального выбора и неоинституционализм в политической науке и сравнительной политологии? Разработанная применительно к американской системе политики (разделение властей, президентское правление, двухпартийная система и т. д.), теория неоинституционализма нашла свое применение в широкой области сравнительных политических исследований — парламентах, взаимодействиях властей, поведения избирателей и партий, формирования государственной политики и т. д. В соответствующих темах курса студенты будут изучать тот или иной подход. Важно понять смысл и эвристическую возможность таких разрабатываемых в теории неоинституционализма тем, как теорема «невозможности» Эрроу, принцип «медианного избирателя», формирование коалиций, распределение власти, теория игрового поведения и др.

3.5. Критика использования экономического неоинституционализма в сравнительной политологии

Ранее уже говорилось о том, что теория рационального выбора принимается далеко не всеми в качестве методологии исследования. В сравнительной политологии также существует довольно значительная критическая волна. Дэвид Циулли, посвятивший этому специальную статью (*Sciulli, 1992*), указывает на четыре направления критики использования теории рационального выбора в сравнительных исследованиях:

1. Теоретики рационального выбора преувеличивают или «доброе» локковское направление социальных перемен, или «злое» гоббсовское. Им не удастся концептуально объяснить разрывы в любом из направлений, если оно сопоставляется с практикой.
2. Теоретики рационального выбора преувеличивают рынок, иерархии и корпорации в качестве доминантных институциональных и организационных форм современных гражданских обществ. Им не удастся концептуально объяснить профессии, университеты, исследовательские отделения корпораций или другие совещательные структуры.

3. Теоретики рационального выбора вежливо отрицают предположения нормативных теоретиков о том, что современные акторы разделяют интернализованные нормативные мотивации и что это объясняет социальный порядок. Им не удается объяснить институционализированные нормативные ориентации и как они определяют хорошее направление социальных перемен посредством ограничения максимизации частного интереса.
4. Теоретики рационального выбора преувеличивают «права» акторов и их одобрение основного распределения прав в гражданском обществе. Им не удается концептуально объяснить ни наличия, ни отсутствия институциональных нормативных границ, налагаемых на волюнтаристские опыты коллективной власти в гражданском обществе (*Sciulli, 1992, p. 167–168*).

Другой исследователь-компаративист обращает внимание на ограниченность теории рационального выбора в том смысле, что она не учитывает культурную сложность современных обществ, чрезвычайно упрощает и делает абстрактным характеристики рациональных агентов и структур, а также безразлична к значимости культурных норм и ценностей (*Little, 1991, p. 43*). Вместе с тем Литтл допускает возможность объединения теории рационального выбора с другими институциональными теориями (социально-историческими, социологическими).

Теория рационального выбора и базирующаяся на ее основе одна из ветвей неоинституционализма может быть раскритикована и по другим позициям, но несомненной ее заслугой является возможность моделирования политических процессов при определенных допущениях и использования этих моделей в качестве средства анализа, в том числе и сравнительного. Да и сами теоретики рационального выбора отнюдь не претендуют на всеохватность их теоретических построений. От многих других исследователей их как раз отличает относительно точное знание предпосылок своих концепций и моделей, а следовательно, их теоретических возможностей.

Основные понятия

Неоинституционализм, исторический институционализм, социологический институционализм, экономический институционализм, дискурсивный институционализм, теория рационального выбора, индивидуализм, оптимальность, взаимодействие, максимизация полезности, теория игр, принцип единодушия, политический обмен.

Основная литература

- Бьюкенен Дж.* Лауреаты Нобелевской премии по экономике. Соч. — М.: Таурус Альфа, 1997.
- Коуз Р.* Рынок, фирма, право. — М., 1993.
- Мюллер Д.* Общественный выбор. III / Пер. с англ под ред. А. П. Заостровцева, А. С. Скоробогатова. — М.: ГУ — Высшая школа экономики, 2007.
- Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М.: Начала, 1997.
- Олсон М.* Логика коллективного действия. — М.: ФЭИ, 1995.
- Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингемана. — М.: Вече, 1999.
- Современная сравнительная политология. Хрестоматия / Под ред. Г. В. Голосова, Л. А. Галкиной. — М.: МОНФ, 1997.
- Экономическая социология. Новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Под ред. В. В. Радаева. — М.: РОССПЭН, 2002.
- Эрроу К.* Коллективный выбор и индивидуальные ценности. — М.: ГУ — Высш. школа экономики, 2004.

Дополнительная литература

- Государственная политика и управление. Часть 1: Концепции и проблемы государственной политики и управления / Под ред. Л. В. Сморгунова. — М.: РОССПЭН, 2006. Гл. 12.
- Елисеев С. М.* Политическая социология. — СПб.: Нестор-история, 2007.
- Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С. В. Патрушева. — М.: ИСИ, 2006.
- Морозова Е. Г.* Политический рынок и маркетинг: концепции, модели, технологии. — М., 1998.
- Панов П. В.* Теории политических институтов: Учебное пособие для вузов. — Пермь: Пушкин, 2004.
- Политология. Лексикон / Под ред. А. И. Соловьева. — М.: РОССПЭН, 2007.
- Пишизова С. Н.* Демократия и политический рынок в сравнительной перспективе (I, II) // Политические исследования. Полис, 2000. № 2, 3.
- Рациональный выбор в политике и управлении / Под ред. Л. В. Сморгунова. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1998.

ГЛАВА 4

Политические сети и сравнительная политология

Особенностью развития политической науки во второй половине XX в. является внимательное отношение к методологии исследования. Интерес к методологическим проблемам выразился в создании особой суботрасли в рамках политической науки со своими специалистами, публикациями и стратегией. Хотя кризис бихевиорализма и структурного функционализма в конце 1960-х — начале 1970-х гг. в том числе характеризовался критикой методологической строгости, тем не менее на смену одним методологическим богам пришли другие. Известно внимание, которое в послекризисный период получили методологии публичного выбора, неоинституционализма, теории обмена, научного реализма, политической герменевтики и др. В последние годы влиятельным в исследовании политических процессов и управления стало концептуальное направление, в основе которого лежит понятие «политическая сеть» (policy network). Статус этого направления до сих пор не определен. Одни говорят о том, что использование понятия «политическая сеть» лишь формирует некоторый исследовательский инструментальный *подход* к изучению политики и управления, другие наделяют его статусом *концепции*, третьи пишут о разработанной новой политико-управленческой *теории*, а некоторые вообще говорят об удачной *метафоре*. Несмотря на различия, которые существуют между этими оценочными суждениями, следует сказать, что это исследовательское направление набирает вес, становится все более и более оснащенным собственным концептуальным аппаратом, все чаще используется для анализа политики и управления, приобретает свою философию, а соответственно растет число его сторонников.

Существуют две основные школы, которые используют сетевой подход в качестве методологии исследования политики. *Англосаксонская школа* считает плодотворным использование сетевого подхода при изучении взаимодействия государства и заинтересованных групп. Здесь концепция политических сетей противопоставляется плюралистическому и корпоративистскому подходам, используемым для описания посредничества интересов. Рой Родс и Дэвид Марш, которые

чаще всего упоминаются в качестве представителей этой исследовательской школы, относят концепцию политических сетей к концепциям среднего уровня: «Под этим мы понимаем, что этот концепт обеспечивает связь между микроуровнем анализа, который имеет дело с ролью интересов и правительства в отношении к особым политическим решениям, и макроуровнем, который концентрируется на более широких вопросах относительно распределения власти в современном обществе» (*Rhodes, Marsh, 1992*, р. 1). *Немецкая школа* обращает внимание на сети в политике как современную форму государственного управления, отличную от иерархии и рынка. В этом отношении концепция политических сетей стартовала с той же основной идеи, что и новый государственный менеджмент: современному государству не удастся обеспечить удовлетворение общественных потребностей, есть настоятельная потребность изменить иерархическое администрирование на новую форму управления. Но если государственный менеджмент в поисках новых подходов делает акцент на рыночной экономике, то теория политических сетей пытается обосноваться, учитывая коммуникативные процессы постиндустриального общества и демократическую практику современных государств. Как подчеркивает Таня Берцель, при производстве общественных благ государство все более и более зависит от других акторов и субсистем; в этой ситуации взаимозависимости между общественными и частными акторами ни иерархия, ни рынок не являются эффективными структурами для координации интересов и ресурсов различных акторов, включенных в процесс производства политических решений; как результат, доминантной моделью управления становятся политические сети (*Börzel, 1998*, р. 358).

Сетевой подход к исследованию политики и государственного управления включает в качестве базовых идеи, которые часто не являются самоочевидными и не лежат на поверхности. Они должны быть прояснены, чтобы провести четкую линию между концепцией политических сетей и иными политическими и управленческими аналитическими подходами. Некоторые из этих идей являются старыми, и Питер Богесон и Тео Туунен используют формулу «назад в будущее» для объяснения истории данной теории (*Bogason, Toonen, 1998*, р. 209–212). В этом отношении следует отметить, что концепция политических сетей действительно возникла не на пустом месте. Уже в 1950–1960-е гг. выработка государственной политики в США исследуется в аспекте управленческих субсистем, в которых взаимодействуют бюрократия, конгрессмены и заинтересованные группы. Но именно в Великобритании, как подчеркивают Родс и Марш, концепция политических сетей выросла из теории межорганизационных отношений (*Rhodes, Marsh, 1992*, р. 8–10). Вообще, концепция полити-

ческих сетей имеет ряд источников и отправных точек: организационная социология и академическая теория бизнес-администрирования; социальный структурный анализ; институциональный анализ, теория общественного выбора и неоменеджеризм. Некоторые исследователи выделяют различные подходы в рамках концепции политических сетей, сохраняя ее фундаментальные основания: подход с позиций рационального выбора, подход с точки зрения персонального взаимодействия, формальный анализ сетей, структурный подход к сетям (Marsh, Smith, 2000, р. 4–5). Концепция политических сетей вписывается также в контекст философской дискуссии между либералами и коммунитаристами на Западе. Но смысловые значения многих ранее высказанных идей становятся сегодня новыми, так как они включены в новый «текст» политической и управленческой теории 1990-х гг.

В данной главе мы остановимся на следующих темах: *плюрализм, корпоративизм и политические сети; общие методологические установки концепции политических сетей; понятие «политические сети»; виды политических сетей; понятие «руководство» в концепции политических сетей; изучение политических сетей в сравнительной политологии.*

4.1. Плюрализм, корпоративизм и политические сети

Исходным пунктом рассмотрения различий между плюралистическим, корпоративистским и сетевым подходами в исследованиях взаимодействия государства и общества, представленного заинтересованными группами, выступает отнесение всех трех аналитических моделей к концепциям, описывающим процесс посредничества между интересами в политике.

Плюралистическая концепция посредничества рассматривает политический процесс как давление различных групп интересов и распределение, соответственно, власти в обществе. Предложенное Филиппом Шмиттером определение плюрализма, раскрывает наиболее существенные стороны плюралистического подхода к политике интересов: «Плюрализм может быть определен как система представительства интересов, в которой составляющие ее элементы организованы в неопределенное множество сложных, добровольных, конкурирующих, неиерархичных и самоопределяющихся (как относительно типа, так и сферы интересов) образований, которые специально не лицензируются, не признаются, не субсидируются или каким-либо образом не контролируются (в отношении выбора лидерства или выражения интересов) государством и которые не стремятся к монополии репрезентационной активности среди соответствующих образований» (Schmitter, 1974, р. 85–86). При данном подходе политика представляет

собой властное распределение правительством дефицитных ресурсов под давлением заинтересованных групп, которые являются активным фактором политического процесса, тогда как государство в лице правительства выполняет в целом пассивную функцию реагирования на деятельность заинтересованных групп. Правительство обеспечивает сохранение баланса интересов в определенное время, принимая то или иное решение относительно комбинации интересов и ресурсов. Как подчеркивают Р. Родс и Д. Марш, «в то время как заинтересованные группы постоянно предъявляют требования правительству и такое предъявление может даже стать институционализированным, правительство остается независимым от заинтересованных групп» (*Rhodes, Marsh, 1992*, р. 2). Эффективность деятельности заинтересованных групп определяется наличием ресурсов давления, которые они используют для получения хороших политических результатов. Вместе с тем концепция ресурсов здесь не используется для описания взаимодействия групп давления. Плюралистический подход ограничен также в том отношении, что он акцентирует внимание скорее на правительстве, чем на государстве в целом. Он не учитывает очень важное обстоятельство, что участники политической деятельности со стороны государства имеют свои собственные интересы, которые включаются в процесс формирования политики. Следовательно, плюралистический подход не позволяет исследовать политику как систему взаимосвязанных отношений государства и общества, в которой государство является не просто агентом ответа на вызовы групп давления, а активным участником кооперации.

Аналитическая модель *корпоративизма* по-своему решает проблему взаимоотношений между общественными интересами и государственными структурами. Она возникла отчасти как критический отклик на недостатки плюралистического подхода к посредничеству интересов. В противоположность плюрализму корпоративизм рассматривает государство в качестве важнейшего конституирующего элемента отношений между группами интересов и политикой. В соответствии с концепцией корпоративизма в политике действует ограниченное число сингулярных, принудительных, неконкурирующих, иерархически упорядоченных и функционально различных образований, которые получают одобрение или лицензируются государством и стремятся к монополии на представительство интересов в соответствующей области (*Schmitter, 1974*, р. 93–94). Здесь основное внимание уделяется экономическим группам, монополизирующим процесс выражения интересов в соответствующем секторе общества, которые тесно связаны с государством и с точки зрения своего формирования, и с точки зрения возможностей оказывать влияние на государство, поддерживать его в обмен на участие в принятии политических ре-

шений. Как правило, корпоративистская литература включает в рассмотрение наиболее влиятельные группы — бизнес и труд, и в этом смысле оставляет в тени множество других участников политического процесса, которые сегодня противостоят корпоративизму в политике и которые строят свои отношения с государством, не руководствуясь иерархическими отношениями. Следует заметить, что понятие центральной роли государства, как она описана в корпоративизме, в условиях глобализации отношений и децентрализации властных функций государства в определенном аспекте выполняет консервативную функцию легитимации такого понимания государства, которое вступает в противоречие с сегодняшним днем. Подход, предполагающий тесную связь между государством и корпорациями, с точки зрения теоретиков политических сетей, формирует представление о том, что политика и политический процесс формируется в рамках жесткого государственно-корпоративного консенсуса.

Сетевой подход к политике и управлению включает в себя исследовательскую стратегию, исходя из нового характера отношений между государством и обществом, между публичной и частной сферами общественной жизни. Р. Родс, например, анализируя современную политику и государственное управление в Великобритании, подчеркивает, что за последние двадцать лет политическая система здесь уже не может выразить то, чем ранее характеризовалась так называемая «Вестминстерская модель», которая базировалась на сильном правительстве, парламентской суверенности, «оппозиции Ее Королевского Величества» и министерской ответственности. Скорее, британскую политическую систему можно охарактеризовать как дифференцированную политику, которая характеризуется взаимозависимостью, сегментированной исполнительной властью, самоуправляемыми политическими сетями и снижением роли государства (*Rhodes, 1997*). Общее кредо «сетевиков» состоит в том, что сетевой подход в противоположность плюрализму и корпоративизму способен выявить сложность и текучесть современного процесса принятия политических решений и формирования политики. Политическая сеть предстает в качестве аналитического инструмента анализа неустойчивости и открытости взаимодействия множества политических акторов, объединенных общим интересом, взаимозависимостью, добровольным сотрудничеством и равноправием. Важно отметить, что концепция политических сетей, будь то в версии англосаксонской или германской школ, модифицирует понимание властно централизованной политики в направлении политики взаимной ответственности и обязательств.

4.2. Общие методологические установки концепции политических сетей

Сетевой подход к политике и публичному управлению является не только отражением споров, которые ведутся между представителями различных политико-управленческих теорий, но и ответом на изменения условий, в которых осуществляется политика и управление общественными делами. Экология публичного управления за последние десятилетия существенно изменилась, что заставляет искать новые модели управления помимо рыночных и иерархических административных. Выросшая плюрализация общественных структур, сложность взаимоотношений между различными группами населения, высокий уровень общественных потребностей и ожиданий, большой масштаб неопределенности и риска, возросшее влияние международного фактора на внутреннюю политику государства, информатизация общества, падение доверия населения к центральным органам управления — это и многое другое привело к пересмотру традиционных управленческих подходов, особенно тех, где умалялись особенности публичной сферы, как, например, в новом государственном менеджменте, который получил даже наименование неотейлоризма. Кратко основные положения теории политических сетей сводятся к следующему.

Во-первых, теория политических сетей реконструирует отношения между государственным управлением и современным обществом. Вместо попытки редукции сложности общества для эффективного управления она включает рост сложности в качестве необходимой предпосылки выработки политики и осуществления управления. Понятие «сеть», кажется, становится «новой парадигмой архитектуры сложности» (*Kenis, Schneider, 1991*, р. 25). Что является более значимым: политические сети открывают правительство перед обществом. Концепция политических сетей относится к концепциям среднего уровня, т. е. в ней раскрываются отношения не между собственно обществом и государством, а между управленческими структурами, общественными и бизнес-ассоциациями.

Во-вторых, теория политических сетей восстанавливает связи между управлением и политикой. Новый государственный менеджмент объявлял свое безразличие к политике. Наоборот, подход с позиций политических сетей к государственному управлению проявляет интерес к политической сцене. «Политика и управление не могут быть разделены по различным причинам, включая потерю ясности в определении государственной службы и потерю согласия относительно того, кто уполномочен на подобные услуги», — пишет Рита Келли (*Kelly, 1998*, р. 205). Некоторые защитники нового государственного управления доказывают, что их подход, вероятно, включает больше

ответственности (больше, чем подход к управлению с позиции государственной бюрократии), так как он предлагает больше надежды для того, чтобы индивид обладал большими полномочиями и имел больше нужды быть ответственным перед потребителем. «Даже если это само собой разумеется, тем не менее нам все еще нужно знать, — пишет Келли, — как новый государственный менеджмент отвечает на проблему о том, что граждане в демократической политике примут выбор, сделанный децентрализованным агентством, безродной организацией или аполитичным, ориентированным на эффективность и действенность менеджером? Открытая демократическая политика требует чего-то большего, чем просто удовлетворенных потребителей» (*Ibid*). Концепция политических сетей в этом отношении включает в рассмотрение широкий спектр политических проблем. Не случайно многие исследователи подчеркивают ее несомненную связь с политической наукой, а внутри нее — с теорией демократического принятия политических решений и выработки политической стратегии. Концепция политических сетей меняет ракурс рассмотрения государства как агента политики:

1) в противоположность идее доминирующей роли государства в выработке политики, при сетевом подходе государство и его институты являются хотя и важным, но лишь одним из акторов производства политических решений;

2) в противоположность идее относительной независимости государства в политике, в концепции политических сетей государственные структуры рассматриваются в качестве «сцепленных» с другими агентами политики и вынуждены вступать в обмен своими ресурсами с ними;

3) в противовес идее государственного управления как иерархически организованной системы, сетевой подход предлагает новый тип управления — «руководство» (*governance*), общая характеристика которого нашла выражение в формуле «управление без правительства» («*governing without government*») (*Rhodes, 1997*) или «руководство без правительства» («*governance without government*») (*Rosenau, Czempiel, 1992; Peters, 1998*).

В-третьих, ученые, которые разрабатывают теорию политических сетей, включают в свои размышления моральное измерение управления и процесса производства политического решения. Это означает, что данная теория государственного управления близка к политической философии и ценностно-ориентированному подходу. Как Таня Берцель подчеркивает, «есть много работ по политическим сетям, в которых признается, что идеи, верования, ценности и консенсуальное знание обладают объяснительной властью при изучении политической сети. Тем не менее критики рационалистических инсти-

туционалистских подходов к политическим сетям упускают из виду фундаментальный тезис: идеи, верования, ценности, идентичность и доверие действительно не только имеют значение для политических сетей; они являются конструктивными для логики взаимодействия между членами сети» (*Börzel, 1998a, p. 264*).

В-четвертых, хотя понятие «институт» играет значительную роль в теории политических сетей, однако не институты, а связи и отношения составляют ключевой пункт рассмотрения: «По-видимому, все аналитики теории сетей разделяют предпосылку, что завершённое объяснение для некоторых социальных феноменов требует знания взаимоотношений между системными акторами» (*Knoke, 1990, p. 9*). Каким образом определяются сети и политические сети? «Сеть... состоит из акторов и отношений между ними, а также из определенных действий/ресурсов и зависимостей между ними», — пишут Х. Хакансон и Я. Йохансон (*Håkanson, Johanson, 1998, p. 48*). Р. Родс подчеркивает в качестве решающего элемента политической сети значимость структурных отношений между политическими институтами, а не межперсональных отношений внутри институтов (*Marsh, Rhodes, 1992, p. 9*). В сетях выделяются реляционное содержание и форма (*Knoke, Kuklinski, 1982, p. 15*). Содержание отношений отсылает к существу возникших связей (транзакционные, коммуникационные, инструментальные, сентиментальные, властные, родственные и др.), а реляционная форма означает интенсивность и силу связей, а также уровень взаимной вовлеченности в одну и ту же деятельность.

В-пятых, в теории политических сетей проблема эффективности управления рассматривается не в аспекте отношения «цели—средства», а в аспекте отношения «цели—процессы». Хотя и здесь оценка эффективности политических сетей, служащих удовлетворению каких-либо общественных потребностей, часто оценивается по качественным параметрам этого удовлетворения, однако политические сети можно оценивать и по такому параметру, как транзакционные издержки, т. е. издержки по затратам на переговоры, на интеграцию и координацию своей деятельности. Фактически здесь говорится скорее о действенности, чем эффективности. Тео Туунен демонстрирует это на уровне коллективного выбора и утверждает здесь значимость интегрированности и легитимности: «Ключевой пункт административных ценностей относится к качеству коллективного выбора или совместному выбору решения» (*Toonen, 1998, p. 246*).

4.3. Понятие «политические сети»

По вопросу определения понятия «политическая сеть» между исследователями нет особых споров. В целом ясно, что это понятие может

быть сформировано путем определения участников, составляющих сеть, и характера отношений между ними. В отличие от понятий «система» или «структура» здесь акцент делается на активном и осознанном взаимодействии акторов, формирующих политическое решение и участвующих в его выполнении. Вместе с тем и рынок, и традиционное иерархическое управление не исключают этой активности и осознанности участников формирующихся связей. Следовательно, политические сети должны обладать какими-то качествами, которые отличали бы их как новую форму управления. Приведем ряд суждений на эту тему.

Для Р. Родса политические сети формируются в различных секторах политики современного государства (здравоохранение, сельское хозяйство, индустрия, образование и т. д.) и представляют собой комплекс структурных взаимоотношений между политическими институтами государства и общества. Он подчеркивает значение именно институциональной составляющей политической сети и ее ограниченность определенными секторальными интересами. Родс включает в рассмотрение и обмен ресурсами между членами сети в процессе налаживания отношений (*Rhodes, Marsh, 1992*, p. 10–13).

Таня Берцель, анализируя две школы в концепции политических сетей — немецкую и английскую, дает следующее определение: «Политическая сеть представляет собой набор относительно стабильных взаимоотношений, по природе неиерархических и взаимозависимых, связывающих многообразие акторов, которые разделяют относительно политики общие интересы и которые обмениваются ресурсами для того, чтобы продвинуть эти интересы, признавая кооперацию наилучшим способом достижения общих целей» (*Börzel 1998a*, p. 254). В этом определении обращает на себя внимание то, что участники политической сети преследуют не сепаратные, а общие интересы, и что они выбирают для их достижения кооперативные способы деятельности. Следует отметить и то, что таких участников множество и они различны.

Авторы книги «Сравнение политических сетей. Политика в сфере труда в США, Германии и Японии» используют понятие организационного государства для описания возникающих отношений между различными участниками принятия политических решений. «Межорганизационные сети, — пишут они, — позволяют нам описывать и анализировать взаимодействия между всеми значимыми акторами политики — от парламентских партий и министров правительства до ассоциаций бизнеса, профсоюзов, профессиональных обществ и групп общественных интересов... В качестве эмпирической системы организационное государство не обеспечено полной поддержкой правовых регулятивов. Его возникновение в действительности от-

ражает и формальную, и неформальную власть производить решения, которая пронизывает государство и общество» (*Knoke, Pappi, Broadbent, Tsujinaka, 1996, p. 3*). В качестве аналитических категорий, описывающих организационное государство, они предлагают «сферу политики» («сложную социальную организацию, в которой производятся коллективно увязанные решения»), структурными компонентами которой выступают акторы политики, политические интересы, властные отношения, коллективные действия и совместно занятые позиции (*Ibid, pp. 9, 11*).

Лоренц О'Тул предлагает следующее определение: «В более конкретном смысле сети включают межагентские кооперативные ставки, межуправленческие структуры программного менеджмента, сложное множество соглашений и государственно-частное партнерство. Они также включают системы предоставления услуг, основанные на комплексе провайдеров, который может включать публичные агентства, частные фирмы, неприбыльные и даже укомплектованные волонтерами организации, которые все связаны взаимозависимостью и интересами, закрепленными определенной совместной программой» (*O'Toole, 1997, p. 446*). Здесь проведено различие между элементами сети, связанными с принятием решений по политическим вопросам, и теми элементами, которые на основе этих решений предоставляют услуги.

Таким образом, политические сети обладают рядом характеристик, которые отличают их от иных форм управленческой деятельности в сфере публичных потребностей и интересов. *Во-первых*, сети представляют собой такую структуру управления публичными делами, которая связывает государство и гражданское общество. Эта структура эмпирически наблюдаема и теоретически описывается как множество разнообразных государственных, частных, общественных организаций и учреждений, имеющих некоторый общий интерес. *Во-вторых*, политическая сеть складывается для выработки соглашений в процессе обмена имеющимися у ее акторов ресурсами. Это означает, что существует взаимная заинтересованность участников сети друг в друге. Ресурсы могут быть распределены неравномерно, но независимо от степени их концентрации и определенного доминирования ряда участников сети, последние вынуждены вступать во взаимодействие. Между участниками сети существует ресурсная зависимость. *В-третьих*, важной характеристикой политической сети выступает общий кооперативный интерес. Многие исследователи подчеркивают эту характеристику особенно, так как она отличает данную регулятивную систему от рынка, где каждый участник преследует прежде всего свои собственные интересы. *В-четвертых*, с точки зрения выработки политических решений участники сети не выстраиваются в некоторую

иерархию, где какая-либо организация имеет преимущество с точки зрения ее властной позиции. Все участники сети равны с точки зрения возможности формирования совместного решения по интересующему вопросу. Здесь наблюдаются не вертикальные, а горизонтальные отношения. В-пятых, сеть представляет собой договорную структуру, состоящую из набора контрактов, возникающих на основе согласованных формальных и неформальных правил коммуникации. В политических сетях действует особая культура консенсуса. В целом политическая сеть представляет собой систему государственных и негосударственных образований в определенной сфере политики, которые взаимодействуют между собой на основе ресурсной зависимости с целью достижения общего согласия по интересующему всех политическому вопросу, используя формальные и неформальные нормы.

4.4. Виды политических сетей

Ясно, что политические сети будут различаться по ряду критериев. Конечно, есть различия, связанные со степенью выражения общих качеств политических сетей, но также можно выделить внутренние дифференцирующие критерии. К последним следует отнести:

- 1) число и тип участников сетей;
- 2) характер институционализации;
- 3) сферу политики, в которой формируются сети;
- 4) распределение ресурсов между участниками сетей;
- 5) особенности интересов, объединяющих участников сети;
- 6) степень концентрации власти и т. д.

Воспользуемся наиболее широко распространенной типологией политических сетей, предложенной Р. Родсом (*Rhodes, Marsh, 1992*, р. 13–15). Он выделяет пять типов политических сетей, руководствуясь тремя критериями: степень внутренней интеграции, число участников сети и распределение ресурсов между ними.

Политические сообщества (policy communities) представляют собой такие сети, которые характеризуются стабильностью взаимоотношений, устойчивым и в высокой степени ограниченным членством, вертикальной взаимозависимостью, основанной на совместной ответственности за предоставление услуг, и изоляцией как от других сетей, так и от публичных организаций (включая парламент). Такие сети высоко интегрированы и имеют высокую степень вертикальной взаимозависимости и ограниченную вертикальную координацию. Подчеркивается, что подобные сети концентрируются на основных функциональных интересах типа образования или пожарной безопасности. Это, скорее, территориальные сообщества.

Профессиональные сети (professional networks) характеризуются преобладанием одного класса участников производства политических решений: профессиональных групп. Эти сети выражают интересы особой профессиональной группы и основаны на высокой степени вертикальной взаимозависимости, а также изолированы от других сетей. Профессиональные сети могут быть представлены в национальном масштабе, например Национальная служба здравоохранения в Великобритании.

Межуправленческие сети (intergovernmental networks) формируются на основе представительства местных властей. Их отличительными характеристиками являются топократическое членство, явное исключение иных публичных союзов, широкий охват интересов, связанных со многими службами, ограниченной вертикальной взаимозависимостью (так как они не ответственны за оказание услуг), широкой горизонтальной структурой и способностью взаимодействовать со многими другими сетями.

Сети производителей (producer networks) отличаются значительной ролью в политике экономических интересов (публичного и частного секторов), их подвижным членством, зависимостью центра от промышленных организаций при производстве желаемых товаров и при экспертизе, а также ограниченной взаимозависимостью между экономическими интересами.

Проблемные сети (issue networks) характеризуются большим числом участников с ограниченной степенью взаимозависимости. Стабильность и постоянство находятся здесь в большом почете, а структура имеет склонность к атомистичности.

4.5. Понятие «руководство» в концепции политических сетей

Английское слово «governance» на русский язык сложно поддается однозначному переводу. Это и «руление», и «управление на высших уровнях организации», «руководство», «общее управление», «политическое управление». Конечно, все значения данного термина связаны друг с другом, но это слово обладает и более широкой коннотацией, если его использовать, как часто делают, в ряду с другими терминами, например рынком и иерархией как двумя способами координации взаимодействий. Мы используем это слово в смысле общего политического управления, т. е. руководства, который включает многие значения других толкований термина.

Понятие «руководства» в современной политической науке и науке государственного (шире — публичного) управления приобретает концептуальное значение. Понятие «руководство» используют пред-

ставители англосаксонской и немецкой школ политических сетей. Некоторые исследователи ставят «руководство» в качестве самостоятельной концепции наряду с государственным менеджментом, институциональной концепцией управления и концепцией политических сетей, хотя и подчеркивают ее несомненную связь с двумя последними теоретическими движениями (*Frederickson, 1999*, р. 705–706). Вместе с тем именно в концепции политических сетей Берцель выделяет самостоятельную школу (по преимуществу немецкую), описывая ее концептуальную особенность через понятие «governance» (*Börzel, 1998a*). Многие другие исследователи, которые пишут по теории политических сетей, используют это понятие для характеристики процесса налаживания отношений между участниками сетей и принятия политических решений. Отметим здесь суждение Гая Питерса: «Спор о руководстве имеет более положительный взгляд на государственную службу. Здесь перспектива состоит не столько в том, чтобы государственная служба стремилась принять философию и идеи общественного сектора; преобладающий взгляд состоит скорее в том, чтобы общественные институты в качестве выразителей общественного интереса могли и должны были играть лидирующую роль в межсекторальной мобилизации ресурсов и в совместном определении ставок. Роль политических институтов в различных типах управления может сильно различаться, но поскольку имеется определенная значительная вовлеченность в руководство, постольку в [политическом] процессе представлены также коллективные цели» (*Peters, 1998*, р. 229). Питер Джон и Алистер Коул подчеркивают, что понятие «руководство», которое описывает политическое влияние, осуществляемое через диффузные сети производителей решений, заменяет собой понятие «правительство» как осуществление институциональной власти (*John, Cole, 2000*, р. 250).

Перспектива использования понятия «руководство» для описания новой ситуации в государственном управлении делает теорию последнего непосредственно связанной с политической наукой. По преимуществу концепция руководства является политологической концепцией и в определенной мере восстанавливает значение теории государственного управления в политической науке. Государственное управление предстает здесь не столько исполнительной функцией государства, очень отдаленно связанной с непосредственным общественным влиянием, сколько одним из субъектов общественно-политического процесса по выработке согласованного политического решения совместно со структурами гражданского общества. «Современное управление характеризуется системами принятия решений,

в которых территориальные и функциональные дифференциации преобразуют эффективную организацию разрешения проблем в набор субсистемных акторов со специальными задачами и ограниченной компетенцией и ресурсами», — пишут Кеннет Хенф и Лоренц О'Тул (*Hanf, O'Toole, 1992*, р. 166). Следовательно, для публичного управления эта особенность выражается во включении в процесс принятия решений внешних общественных и частных акторов, а значит в развитии отношений общественной коммуникации, дискурса, договора. «Термин „руководство“, — как подчеркивают Лоренц Линн, Кэролин Хайнрих и Кэролин Хилл, — подразумевает конфигурацию отдельных, но взаимосвязанных элементов — статуты, политических мандатов, организационных, финансовых и программных структур, административных правил и директив, институциональных правил и норм, — которые в комбинации определяют цели и средства государственно-управленческой деятельности. Любая особенная конфигурация — в определенной сфере политики (например, защита экологии), в отношении типа государственно-управленческой деятельности (например, регуляция), внутри особой юрисдикции (например, штат или город), в особой организации (например, отдел гуманитарного обслуживания) или в организационной отрасли (например, агентства по обслуживанию детей) — является результатом динамического процесса, который мы определяем как „логику руководства“. Этот процесс связывает ценности и интересы граждан, законодательный выбор, исполнительные и организационные структуры и роли, а также юридический надзор способом, который предполагает взаимоотношения, значительно влияющие на эффективность деятельности» (цит. по: *Frederickson, 1999*, р. 705–706). Фактически руководство отличается и от простого администрирования, когда источником политических решений выступает политическая верхушка иерархической лестницы государственной власти и управления, а общественные структуры лишь оказывают опосредованное влияние на этот процесс, и от рыночной модели государственного управления с ее акцентом на торговой сделке, в которой каждый участник пытается максимизировать свой особый интерес. Руководство осуществляется способом организации общих переговоров между государственными и негосударственными структурами по осуществлению взаимного интереса совместными усилиями, а следовательно, для принятия политического решения, удовлетворяющего все стороны соглашения. Руководство не только отличается от рыночных и иерархических моделей управления, оно более эффективно, как считается, для удовлетворения общественных потребностей, т. е. выработки решения по общим вопросам.

4.6. Эффективность политических сетей

Оценка эффективности политики и управления посредством политических сетей может осуществляться различными путями. Во-первых, взаимоотношения государства и различных групп интересов более эффективно налаживаются посредством политических сетей, так как последние снижают издержки на ведение переговоров по сравнению с рынком или иерархией в силу доверия, возникающего между участниками сетей. Как пишет Эндрю Хиндмуур, «рынки и иерархии способствуют возникновению доверия через институциональные гарантии. Работники готовы работать на работодателя, так как они верят, что их работа будет оплачена, и они помещают свое доверие не в персональную интегрированность с работодателем, а в действенность юридической системы, которая закрепляет их соглашение. Ни рынки, ни иерархии не способны обеспечить гарантий, достаточных для доверия между правительством и группами давления» (*Hindmoor, 1998, p. 34*). Возможность доверия возникает именно в политических сетях, отношения в которых воплощают доверие в силу многих причин социального порядка, связанного с формированием сети по типу политического сообщества. По-видимому, можно было бы сказать, что доверие возникает в результате социального конструирования в процессе формирования сети. Во-вторых, эффективность политических сетей достигается внутренними условиями взаимодействия их членов. Специальное исследование, проведенное Бринтоном Милвордом и Кейтом Прованом, показало, что сетевая эффективность зависит от ряда причин (*Mikward, Provan, 1998, p. 216–217*):

- ✦ Сетевая эффективность будет наивысшей, когда сеть интегрирована, но только в том случае, если интеграция централизована вокруг властного ключевого агента. Эта структура облегчает как интеграцию, так и координацию и является относительно действенной.
- ✦ Сетевая эффективность будет наивысшей, когда механизмы финансового контроля государства являются прямыми, а не фрагментированными или опосредованными.
- ✦ Сетевая эффективность наиболее вероятна в богатом ресурсами окружении и по меньшей мере вероятна в небогатом ресурсами окружении. Однако одно ресурсное богатство не создаст эффективную сеть, а ресурсный недостаток не означает неэффективной сети (т. е. другие факторы более значимы).
- ✦ Сетевая эффективность будет наивысшей при условиях общей сетевой стабильности, хотя стабильность не является достаточным условием для эффективности. Эта взаимосвязь будет наибольшей, когда сеть хорошо оснащена, контролируется центром и снабжается непосредственно.

4.7. Эволюция концепции политических сетей: от структурного подхода к когнитивному

Хотя применение сетевого подхода для изучения политики и управления имеет относительно длительную историю, однако мы должны констатировать, что эволюция здесь идет медленно и каких-либо принципиальных изменений в концепции политических сетей не произошло. Конечно, выделение самой темы «политических сетей» добавило разнообразия в сетевую методологию. В самой суботрасли политических сетей происходит накопление эмпирического материала и некоторое уточнение исходных позиций. Происходит расширение предметного использования концепции для изучения государства, парламентов, международной политики, европейского объединения, межрегионального сотрудничества, федерализма, местного самоуправления, отдельных секторов публичной политики, выработки политического курса и принятия политических решений. Вместе с тем могут быть отмечены такие направления эволюции, которые приобретают решающее значение для будущего концепции.

Прежде всего, это — использование достижений когнитивных наук для изучения того, как формируются сети, как происходит создание общих идей и верований, как изменяется институциональная структура сетевого взаимодействия в связи с совместным обучением в сетях. Влияние когнитивистики на концепцию политических сетей осуществляется через два основных канала. Первый связан с институциональным подходом, в котором когнитивная наука оказывает влияние на объяснение ментальных факторов возникновения и изменения институтов. Второй имеет отношение к теории управления и организационного обучения. Так как сетевой подход так или иначе связан с институционализмом и организационной теорией, то проникновение когнитивистики в эти области методологии естественно отражаются и на нем. В этом отношении развитие теории сетей приобретает два измерения, связанных, с одной стороны, с чисто рациональными элементами сознания и их роли в процессе согласования интересов в сетях и институционализации взаимоотношений. С другой стороны, все более и более подчеркивается момент, связанный не с теорией решений, а с мобилизационной способностью сетей и ролью в этом аффективных элементов, таких как символы, мифы, верования. Именно они становятся конститутивной силой формирования сетевой политической коммуны. В этой связи Иохим Блаттер, который занимается изучением сетевых межрегиональных структур, пишет: «Достижение публичной признательности, одобрения и легитимности — короче, „бытия в“ — становится решающим аспектом политической и институциональной власти. Это означает, что скорее мобилизующая

способность политических институтов, чем способность к принятию решений, становится более подходящей для институционального дизайна. Эти завершающие суждения содержат призыв к дальнейшему прогрессу в институциональной теории путем объединения политической науки с психологией, когнитивными науками, теориями коммуникации, средств массовой информации, и в меньшей степени путем связи ее с правом и экономикой» (*Blatter, 2003*, р. 520). Отсюда важное значение приобретает одно из направлений в исследовании переговорного взаимодействия в сетях и роли в этом процессе знания, идентичности и дискурса (*Torring, 2005*, р. 311).

В предметно-тематическом плане эволюция концепции политических сетей осуществляется на пути решения ряда проблем, связанных с сочетанием различных уровней сетевого взаимодействия (местный, национальный, транснациональный) и с тем, как эти уровни взаимодействуют с метауправленческими сетями в условиях глобализации. Значимой является также тема демократической сущности сетевой модели управления и ее потенциала в новых условиях.

4.8. Сравнительное изучение политических сетей

В сравнительной политологии изучение политических сетей началось относительно недавно. Анализ политических сетей сопровождался также изучением возможностей использования сетевого подхода в сравнительных исследованиях политики. Отметим в этом отношении работы Дж. Фейка (*Feick, 1992*) и А. Уиндхоффа-Херитьера (*Windhoff-Heeritier, 1993*). В целом сравнительное изучение политических сетей касается прежде всего различных направлений публичной политики, а соответственно, взаимодействия государства и институтов гражданского общества, участвующих в производстве политических решений и обменивающихся ресурсами для этого. Теория политических сетей как теория «посредничества интересов» применяется для анализа «отдельных случаев», например политических сетей в Великобритании, политических элит в США; используется этот подход при изучении формирования политики в странах Западной Европы, США и Японии, в Латинской Америке. Особое значение сетевой подход приобретает при исследовании международных отношений и формирующихся управленческих структур в объединенной Европе, хотя общая европейская политика и ставит под вопрос сравнительные исследования.

Политические сети в Великобритании. Проиллюстрируем возможности сетевого подхода при изучении аграрной политики в Великобритании. Как утверждает Мартин Смит, взаимоотношения между

Министерством сельского хозяйства, рыболовства и продуктов питания (Ministry of Agriculture, Fisheries, and Food) и Национальным союзом фермеров (National Farmers' Union) традиционно рассматривались в аспекте корпоративистской политики, тогда как на самом деле они могут быть описаны в виде модели «политической коммуны» (policy community) (Smith, 1992, p. 27). Господствующим стилем выработки политики в Великобритании является стиль консультации с легитимизированными внешними группами, которые часто стремятся к небольшой корректировке политики посредством обычных непубличных отношений с теми государственными служащими, кто связан с соответствующей отраслью политики. Смит выделяет следующие основные характеристики сети в аграрной политике.

Во-первых, сельскохозяйственная политическая коммуна является высокоинтегрированной. Она имеет ограниченное число членов, разделяющих совместные интересы; она имеет ограниченную горизонтальную структуру и сильно изолирована от других сетей. Хотя в данном виде сети не достает вертикальной взаимозависимости, отсутствие субцентральных административных единиц результируется в ресурсах, распределенных между Министерством, которое разрабатывает политику и проводит ее, и Союзом фермеров, который может обеспечивать информацию, сотрудничество и помощь в осуществлении политики.

Во-вторых, данная сеть характеризуется идеологической структурой, которая представляет собой господствующий набор убеждений, разделяемых членами сельскохозяйственной политической коммуны. Правительство, чиновники, министры и представители Союза фермеров убеждены, что государство должно вмешиваться в дела отрасли, обеспечивать ценовую поддержку и способствовать росту производства. Следовательно, проблемы, с которыми сталкиваются члены сети, не относятся к тому, нужно или нет поднимать цены и производство, а насколько они могут быть подняты.

В-третьих, важным средством исключения нежелательных групп из политической коммуны является ее институциональные структуры. Выделяются четыре основные институциональные структуры:

1. Министерство, которое является центром выработки сельскохозяйственной политики и обладает всеми необходимыми для этого полномочиями; оно заинтересовано в поддержании хороших отношений с фермерами и в росте сельскохозяйственных финансов.
2. До того, как Великобритания стала членом Европейского Сообщества (ЕС), важной институциональной структурой было Ежегодное обследование положения в сельском хозяйстве, которое определяло уровень цен на сельхозпродукты на текущий год.

3. В структурном отношении выделяются «правила игры», определявшие, какие группы могут иметь доступ в данную политическую коммуны.
4. Четвертый структурный компонент сети был сформирован после вступления Великобритании в ЕС. Он включает Совет министров сельского хозяйства и Генеральный директорат VI Комитета ЕС. Эти структуры оказывают существенное влияние на ценовую национальную политику в Великобритании.

В-четвертых, признаком сельскохозяйственной сети типа «коммуны» является то, что она имеет как бы два круга — основную и вторичную коммуны. Основная коммуна включает группы, которые вовлечены в ежедневные действия по выработке и проведению сельскохозяйственной политики. Вторичную коммуны составляют группы, которые имеют доступ в Министерство только тогда, когда рассматриваются специальные вопросы. Например, Национальный союз фермеров постоянно участвует в сельскохозяйственной политике, тогда как другие организации — Ассоциация землевладельцев или Национальный союз сельскохозяйственных и привлекаемых рабочих — принимают участие от случая к случаю.

Сеть по выработке и проведению сельскохозяйственной политики в Великобритании, таким образом, является довольно тесной политической коммуной, построенной на разделяемой ее членами идеологии. Она исключает многие другие группы процесса влияния на сельскохозяйственную политику. Как подчеркивает Смит, «существование тесной политической коммуны с ограниченным участием создает множество преимуществ для правительства. Она позволяет повышать уровень государственной автономии, создавая для него возможность вмешиваться в новые области политики. Так как государство решает, какой должна быть сельскохозяйственная политика, ему легче достигнуть своих целей в кооперации с фермерами. Более того, в проведении сельскохозяйственной политики легче иметь дело с одной группой, чем со многими» (*Ibid*, р. 34–35). Несмотря на то, что в 1980-е гг. данная политическая сеть встретила с новыми проблемами (появление новых групп, пытающихся активно влиять на сельскохозяйственную политику, — экологи, потребители сельхозпродукции), тем не менее ее основные параметры остались без изменений, а политика формировалась и проводилась в созданной этой сетью условиях.

Сравнение сетей на уровне местной политики в Великобритании и Франции. Работа Питера Джона и Алистера Коула (*John, Cole, 2000*) интересна в том отношении, что использование сетевого подхода при изучении местной политики в Великобритании и Франции строится по законам классического сравнительного исследования. Род Родс в своей статье 1990 г. писал, что «кросс-национальные исследования

не могут базироваться на том, что национальные различия являются значимыми. Более важными могли бы быть секторальные различия» (Rhodes, 1990, p. 312). Что влияет больше на политику: национальные институты, право, конвенциональные нормы или особенности сектора, к которой политика относится, — существующие там группы, неформальные отношения, экономическое положение, технологические изменения? Этот вопрос и интересует авторов проведенного исследования, посвященного местной политике в двух странах.

В качестве зависимых переменных Джон и Коул выделяют элементы политических сетей (членство, структура, производительность, перемены). *Сетевое членство* означает композицию сети и обычно включает политиков, бюрократов, представителей бизнеса, но в различных пропорциях. *Сетевая структура* может быть закрытой или открытой, т. е. включать небольшое число ключевых фигур, доминирующих в процессе формирования политики, или состоять из более широкого набора участников. *Сетевая производительность* может быть высокой или низкой, в зависимости от желания участников сети взаимодействовать для достижения общей цели. Будут ли участники взаимодействовать, зависит от институциональных традиций и намерений, которые произрастают из природы сектора политики и/или политической культуры. *Сетевые перемены* определяются характером управленческих отношений в сетях. В противоположность государственному управлению сетевое руководство (governance) менее статичное; изменяются сетевое членство, структура, способность отвечать на новые обстоятельства и адаптация к новым институциональным различиям.

Независимые переменные избраны авторами, исходя из наибольшего различия между двумя странами. Здесь использована стратегия сравнительного анализа наиболее различающихся систем. Среди независимых переменных отмечены институты (британская и французская системы отношений центра и мест при выработке политики), сектора (местная экономика и среднее образование) и местные территории (Лидс и Саутхэмптон в Великобритании и Лилль и Ренн во Франции). Как пишут Джон и Коул, «если сравнение восьми сетей обнаружит подобия относительно одной независимой переменной, тогда вывод будет состоять в том, что эта переменная имеет значение в качестве противоположной или дополнительной к другим переменным. И наоборот, если сравнение покажет различия между подобными случаями, то вывод будет такой, что другие независимые переменные служат объяснению сетей» (John, Cole, 2000, p. 255).

Для исследования были сформулированы три основные гипотезы:

- 1) вариации в структуре и функционировании сетей более зависят от содержания секторов политики — экономики и образования,

чем от институционального устройства или особенностей территорий;

- 2) вариации в структуре и функционировании сетей могут быть объяснены в основном устройством французских и британских политических институтов, а не особенностями секторов политики или территорий;
- 3) вариации в структуре и функционировании сетей определяются особенностями городов, а не характеристиками секторов политики или институтов.

Сравнительное исследование в результате показало, что существует взаимозависимость между институтами, секторами и городами, определяющими политические сети. Так, для выработки и осуществления политики в области среднего образования национальные традиции являются преобладающим фактором, и они же определяют характеристики политического сектора и степень институциональных различий. Нет одной-единственной влияющей причины формирования местной политики.

* * *

Концепция политических сетей имеет глубокие корни в исследованиях, посвященных взаимодействию гражданского общества и государства, правительства и групп давления. Особенно следует отметить такие направления, как плюралистическая теория, корпоративизм, теория заинтересованных групп, теория межорганизационных отношений. Свое влияние на нее оказал неоинституционализм, особенно в его социологической версии. Хотя и данная концепция может быть подвергнута и подвергается критике, тем не менее она удачно смоделировала альтернативные рынку и иерархии модели публичного управления и выработки политических решений, а также взаимодействия государства и гражданского общества в условиях глобализации отношений и роста неустойчивости и риска в общественном развитии. Сравнительное изучение политических сетей демонстрирует эвристические возможности сетевого подхода для анализа структуры выработки современной политики и ее осуществления на различных уровнях управления и в различных политических секторах.

Основные понятия

Политические сети, сетевой подход, обмен ресурсами, политические сообщества, межуправленческие сети, проблемные сети, сети производителей, руководство в сетях, эффективность сетей.

Основная литература

- Гидденс Э.* Устройство общества: Очерк теории структуриации / Пер. с англ. И. Тюриной. — М.: Академический Проект, 2003.
- Кастельс Г.* Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. — М., 1999.
- Кастельс Г.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура. — М., 2002.
- Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3.
- Патнэм Р.* Чтобы демократия работала. — М., 1996.
- Экономическая социология. Новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Под ред. В. В. Радаева. — М.: РОССПЭН, 2002.

Дополнительная литература

- Морозова Е. В., Мирошниченко И. В.* Сетевые сообщества в условиях чрезвычайных ситуаций: новые возможности для граждан и для власти // Политические исследования. Полис. 2011. № 1.
- Политология. Лексикон / Под ред. А. И. Соловьева. — М.: РОССПЭН, 2007.
- Сергеев В. М., Сергеев К. В.* Механизмы эволюции политической структуры общества: социальные иерархии и социальные сети // Политические исследования. Полис. 2003. № 3.
- Ткачев Д. Ш.* Особенности функционирования институтов и социальных сетей на постсоветском пространстве // Политические исследования. Полис, 2006. № 1.

ГЛАВА 5

Конструктивизм и сравнительная политология

Современная сравнительная политология хотя и характеризуется доминированием неонституциональной методологии, однако показывает в своем развитии некоторые противоречия и несогласованности. В последние годы эти противоречия обострились, и вновь заговорили об очередном методологическом кризисе в ней. Идет поиск выхода из кризиса. Одним из направлений, которое вызывает сегодня интерес исследователей, является конструктивизм.

5.1. Особенности кризиса современной сравнительной политологии

Сравнительная политология, активно развивавшаяся под влиянием позитивистской методологии бихевиоризма и структурного функционализма в 1950–1960-е гг., в начале следующего десятилетия попала под огонь критики. Можно выделить несколько ее направлений. Во-первых, политическая наука в целом и сравнительная политология в частности оказались невосприимчивыми к новым социальным и политическим переменам, которые так бурно выявились в конце 1960-х — начале 1970-х гг. в виде контркультурных движений, постиндустриальной революции, коммуникационных трансформаций. Во-вторых, попытка создать на основе бихевиоризма и структурного функционализма политическую науку, лишенную ценностной нагрузки, фактически привела к господству лишь одной теоретической парадигмы, связанной, фактически, с идеологией «буржуазного либерализма». В-третьих, оказалось, что эти методологии сравнительного анализа, ориентирующиеся на поиск закономерных связей и подобий, фактически вели к созданию политической картины мира, лишенной значительной доли уникальности и многообразия. В-четвертых, преобладание количественных методов анализа в сравнительной политологии хотя и создавало возможность для проверки гипотез, но одновременно приводило к их обеднению. Фактически путем статистической проверки утверждались зачастую либо довольно

банальные истины, либо уже известные зависимости. В-пятых, хотя сравнительная политология и включала в свое поле зрения страны Азии, Африки и Латинской Америки, но сформированная телеологическая концепция зависимого развития вызывала протест как у западных компаративистов, так и у исследователей незападных стран.

После кризиса 1970-х гг. сравнительная политология потеряла значение однородной с точки зрения методологии отрасли и развивалась то под влиянием намерений найти новую методологическую парадигму, то под воздействием изменений в самом объекте исследования. В этом отношении два десятилетия сравнительная политология сохраняла статус весьма дифференцированной отрасли и по предмету, и по методам исследования. Методология неоинституционализма, которая получила распространение в политической науке в результате экономического империализма, все же не изменила общей картины, а третья волна демократизации позволила продвинуть дальше некоторые теоретические конструкты без радикального преобразования отрасли. Новое оживление сравнительная политология начинает демонстрировать в конце прошлого — начале нынешнего столетия. Появляются обобщающие работы, в которых сделана попытка подвести определенные итоги развитию сравнительной политологии в послекризисный период. Вновь разворачивается дискуссия о соотношении количественной и качественной методологии сравнительного исследования. На первый план некоторые исследователи выдвигают проблемы герменевтического понимания политического действия и интерпретативного подхода к политике и управлению. При этом указывают на принципиальное различие между сциентистской американской традицией политических исследований и британской политологией, отмечая в последней акцент на историческое познание и интерпретативизм. Что еще более знаменательно, так это стремление всех участников дискуссии не противопоставлять различные подходы и традиции, а попытаться найти некоторую синтетическую основу для их взаимодействия и взаимобогащения. В этом отношении общую установку формулирует Герардо Мунк, который, завершая главу об истории сравнительной политологии, пишет: «Короче, требуют уважения как приверженность сравнительной политологии гуманистической традиции, так и ее живая устремленность к науке. Душа компаративистов возбуждается не только сущностным интересом к глобальной политике, но менее всего — только методами, используемыми для исследования своего предмета. Отсюда, будущее сравнительной политологии, вероятно, должно вращаться вокруг способности компаративистов *преодолевать ослабевающие различия* и связывать их интерес одновременно с субстанцией и методом, политикой и наукой» (Munck, 2007, p. 59) (курсив мой. — Л. С.). «Ослабевающие различия» связаны с пониже-

ем уровня противостояния дюркгеймовской и веберовской традиций, количественных и качественных методов, объяснения и понимания, выяснения причин и простого описания, позитивизма и герменевтики. В целом, в сравнительной политологии начинает господствовать убеждение, что метод должен быть подчинен исследовательской субстанции, т. е. политике; следует искать такие подходы, которые базировались бы на особенностях политической реальности. В этом движении к синтезу особую роль начинают играть когнитивные составляющие политического процесса, идеи, которыми люди руководствуются в политике. То, что идеи оказывают влияние на политику, является в данном случае довольно банальным утверждением; новым является рассмотрение идей в качестве значимых объяснительных причин политических процессов и событий. До этого идеи всегда сводились к интересам, функциям, структурам, институтам, т. е. к чему-то объективно данному, реальному и аналитически выводимому из наблюдений, и эти объективированные факты рассматривались в качестве основы объяснений. Идеи требовалось объяснить, но сами они редко выступали в качестве фактора объяснения. Инструменталистское понимание идей для политики сегодня заменяется субстанциональным пониманием политических идей и их значимого внедрения в процесс конструирования интересов, функций, структур, институтов, миров, режимов. В политической науке и сравнительной политологии этот поворот в методологии находит выражение, в частности, в *конструктивистском подходе*. Основная проблема заключается в том, удалось ли конструктивизму преодолеть слабости сциентистских ориентаций бихевиоризма и структурного функционализма? Вместе с тем, в каком отношении к ним находится конструктивизм, не является ли он новой версией (хотя и обогащенной когнитивным подходом) позитивистской науки? Именно эти вопросы и будут рассмотрены в данной главе. При этом акцент будет сделан на применимости конструктивизма к сравнительным политическим исследованиям.

5.2. Конструктивизм как методологический подход

Конструктивизм является сегодня одним из методологических подходов, объединившим ряд идей таких направлений в изучении политики и управления, как новый институционализм, когнитивистика, теория автопоэтических систем, интерпретативизм, идеи постмодернизма и др. В целом можно говорить о том, что на его становление и развитие повлияли философия коммунитаризма, коммуникативная теория и концепция общества знаний. Марта Финнемор и Кетрин Сиккинк пишут о следующих конкретных теориях, которые так или иначе

проработаны конструктивистами: фукианский анализ власти и дискурса, теории агентств и культуры, идеи самопрезентации в публичной жизни, понятие «безопасных коммун» Дейча, идеи организационного поведения и теория социальных движений, теория коммуникативного действия Хабермаса, теория переговоров и др. (*Finnemore, Sikkink, 2001*, р. 394). Суть конструктивистского подхода состоит в том, что в нем общественные отношения, выраженные в нормах, конституциях, денежной форме обмена, власти, культурных традициях и др., являются конструктами «интерсубъективных» верований, разделяемых идей и мнений. Факторы человеческого сознания являются значимым элементом формирования интересов и направленности общественной деятельности в целом. Как подчеркивал Александр Венд применительно к изучению международных отношений, «социальные структуры включают материальные ресурсы наподобие золота и танков. В противоположность десоциализированному взгляду неореалистов на такие способности конструктивисты утверждают, что материальные ресурсы имеют значение для человеческого действия единственно через структуры совместного знания, в которых они выражаются... Материальные способности как таковые ничего не объясняют; их результативность определяется структурами совместного знания, которые изменяются и которые не сводятся к [этим] способностям» (*Wendt, 1995*, р. 73; цит. по: *Dessler, 1999*, р. 126). Конструктивистский подход выдвигается в общественной науке как против материалистического детерминизма, так и против теории рационального выбора, ставящей акцент на индивидуальной рациональной калькуляции выгод и потерь. Правда, заменяя предпосылку «человека экономического» «человеком социальным», конструктивисты в определенном смысле следуют за марксистской методологией анализа социальных отношений, акцентируя внимание не на предпосланном характере этих отношений, а на их конструировании с учетом когнитивных факторов. Как и теория рационального выбора, конструктивизм лишь моделирует социальное человеческое действие, но не указывает на его содержательные составляющие, имеющие отношение к тем или иным сферам или конкретным вопросам. Он определяет лишь некоторые исходные предпосылки анализа социального действия, будет ли оно совершаться в сфере политики, экономики, права и т. д. «При конструктивистском анализе агенты и структуры взаимно конституированы теми способами, которые объясняют, почему политический мир является таким, а не другим, но субстанциональная спецификация агентов и структур должна приходить из некоторого другого источника. Ни конструктивизм, ни теория рационального выбора не обеспечивают содержательных объяснений или прогнозов политического поведения, пока оно не будет соединено с более специфическим пониманием того, кем

являются соответствующие акторы, чего они хотят и каков контекст социальной структуры мог бы быть» (*Finnemore, Sikkink, 2001*, p. 393).

В этом отношении общими предпосылками конструктивистского подхода можно выделить следующие положения:

- ✦ социальные системы могут быть объяснены в качестве социальных конструкторов, возникающих в процессе социального действия;
- ✦ социальное действие не является индивидуальным актом, а представляет собой «интерсубъективную» структуру, т. е. систему взаимодействий людей;
- ✦ хотя люди посредством социального действия добиваются реализации определенных интересов и целей, однако последние не берутся в качестве само собой разумеющихся исходных оснований деятельности; интересы и цели также являются социальными конструктами;
- ✦ люди в своем взаимодействии выступают как ценностно-рациональные субъекты, ценностная структура которых определяется тем, как люди понимают тот мир, в котором они живут, а социальные факты являются выражением тех ценностей, которые совместно выбирают люди;
- ✦ люди соглашаются считать то или иное ценным в результате серии коммуникативных практик, т. е. достигнутого согласия относительно обсуждаемого предмета;
- ✦ в процессе коммуникативных практик люди обмениваются идеями и формируют совместное знание, лежащее в основании достигнутого согласия о ценностях; в этом отношении идеи имеют значение и являются конститутивными для так понятой социальной реальности.

Можно сказать, что идеи и коммуникация составляют существо конструктивистского подхода к анализу социальных фактов и процессов. Идеи не могут выполнить своей конститутивной роли без коммуникации, которая делает их совместными для людей. И в политике идеи и коммуникации являются конститутивными и находятся сегодня в центре внимания ряда исследователей. «Если мы хотим понять процесс, посредством которого нормы интернализируются, а идеи становятся консенсуальными, нам нужно оставить позади себя логику рациональных максимизирующих полезность акторов и использовать логику коммуникативного действия, — пишет Т. Риссе-Капен. — Это не означает, что идеи не могут быть использованы инструментальным способом для легитимации или делегитимации политики, мотивированной чисто материальными интересами. Тем не менее „власть“ идей в таких примерах связана с их консенсуальностью. Идеи становятся

консенсуальными, когда акторы начинают верить в их ценность и обоснованность. Другими словами, коммуникативные процессы являются необходимым условием того, чтобы идеи стали консенсуальными» (*Risse-Kappen, 1996, p. 70; цит. по: Borrás, 1999, p. 10*).

Когнитивные составляющие политического процесса довольно широко сегодня анализируются, и исследователи пытаются при этом не только определиться с предметом, но и сформулировать особые методологические подходы, которые были бы ему адекватны. В этом многообразии методологических подходов конструктивизм пытается найти свое собственное место. Отметим здесь две таких методологии — интерпретативный подход и концепцию «управленческой ментальности» (*governmentality*), которые хотя и согласны с конструктивизмом по ряду основополагающих принципов новых когнитивных исследований, тем не менее во взаимодействии с ним подчеркивают его своеобразие, и наоборот.

Здесь следует отметить, во-первых, важное *различие*, которое существует *между интерпретативным и конструктивистским подходами* к изучению политики. В последние годы идет оживленная дискуссия по поводу интерпретативного подхода, вновь актуализировавшегося в связи с изучением политических сетей и концепции «*governance*». Старая проблема, является ли общественное знание идеографическим или номотетическим, вновь была поставлена в контексте современного общества. Конструктивисты согласны с интерпретативистами в том, что когнитивные компоненты играют существенную роль в политике, и задачей исследования, конечно, является поиск смысла тех идей и верований, которыми руководствуются политические акторы. Однако в противоположность интерпретативному методу с его акцентом на понимании и нарративном объяснении конструктивизм считает возможным *не отказываться от причинного объяснения* политической реальности. Вот почему конструктивизм располагает себя скорее внутри позитивистской науки, объясняя посредством выявления идей, почему возможны различные результаты политического действия и почему в уже свершившихся событиях политические идеи являются конститутивными. Конструктивисты стремятся сохранить причинную направленность научного объяснения: «С когнитивистской точки зрения все каузальные выводы и политические уроки являются продуктом ментальных конструкций того, что должно, могло случиться или могло бы произойти, и происшедшее имело различный набор предшествующих условий или проводимых политик. Имеется, в принципе, неопределенное число возможных основных факторов, которые кто-то мог бы включить в качестве предшествующих условий в свои контрфактуальные конструкции альтернативных миров» (*Goldgeier, Tetlock, 2001, p. 83*). Характеризуя роль таких идей, как «сверхглобализация» для

выбора монетарной экономической политики и «неизбежность революции» для политики революционной партии, Колин Хэй указывает не просто на их легитимизирующий характер, но и на их каузальную роль в динамике политических и экономических систем: «Развитие систем зависит не просто от контекста, от собственных условий системы и от предпочтений и/или рациональности акторов внутри нее, но от понимания этих акторов. Такие идейционистские переменные с трудом можно измерить, но имеются превосходные основания полагать, что они существуют и что им нужно в большей мере придавать центральную роль в современном политическом анализе» (Hay, 2004, p. 149). Значимым здесь является и то, что конструктивизм ориентируется не на обобщающую стратегию причинности, когда изучаемый предмет подводится под всеобщий закон или под определенный тип, а на партикулярную стратегию исследования, где задачей является изучение конкретных идей и действий, т. е. этот подход ориентирован на «точную историческую реконструкцию» (Dessler, 1999, p. 129) и поиск «малых истин» (Finnemore, Sikkink, 2001, p. 394).

Во-вторых, проявившийся относительно недавно интерес к эвристическим возможностям концепции «управленческой ментальности» (governmentality) Мишеля Фуко конституировался в особое направление или форму политического анализа, который начинает конкурировать с конструктивизмом по некоторым параметрам. Общий смысл данного подхода состоит в том, что существует плюральность и частичная несовместимость различных практик управления человеком своим поведением, определяемые сменой ментальных конструкций. При этом управление не рассматривается только как монополярная принадлежность государства, это — управление поведением в широких и разнообразных смыслах: человека — самим собой, групповое управление, управление детьми, управление душой, болезнью и т. д. вплоть до политического управления. Сравнение этой методологической ориентации с конструктивизмом показывает, что «управленческая ментальность» в качестве подхода не ориентирована на использование идей в качестве объяснительных причин. Хотя ментальные факторы и рассматриваются в качестве значимых для различных управленческих практик, но они интересуют исследователя не в качестве «независимых переменных». В этом отношении данный подход не ответит на вопрос, какие идеи и почему способствовали монетаристской политике в Великобритании, а не в Швеции (соответственно, какие идеи противостояли ей здесь). Но этот подход ориентирован на раскрытие особых практик управления, связанных с особенностями познания и возникающими ментальными факторами. Далее следует подчеркнуть, что конструктивизм не берет идейционистские феномены в качестве ставших и определенных. Он почти не

стремится изучать их в некотором общем ментальном пространстве, позволяющем выстроить некоторую общую картину культуры, в которой каждая идея приобретает некоторые особые характер и место. В этом отношении подход с позиции «управленческой ментальности» является более холистским. Он не только ориентирует на изучение ментального пространства в целом, но и на его исторические формы и соответствующие им практики управления.

Следует различать «строгих» и «мягких» конструктивистов. Первые относятся к тому направлению, которое можно определить как «онтологический конструктивизм», т. е. здесь господствует представление о социальной реальности как созданной взаимодействием людей, являющейся «интерсубъективной». Мягкие конструктивисты не рассматривают проблему статуса социальной реальности, а полагают, что в любом случае при изучении различных социальных объектов необходимо учитывать конструктивную роль идей, от которых зависят наши решения, выбор методов и направлений деятельности. В этом отношении нельзя на практике жестко провести границу между тем, что есть и что должно быть. Для конструктивистской методологии реальность не является идеалистически сконструированной, но когнитивные составляющие нашей жизни (идеи, понятия, повествования и т. д.) играют значительную роль в формировании реальности и в решении реальных проблем. В определенном смысле идеи задают границы принимаемых решений. Здесь конструктивизм делает акцент на случайной или открытой (с точки зрения целей) природе политических процессов, и его задачей является поиск условий, при которых политические феномены приобретают различный характер (Hay, 2004, p. 147).

5.3. Конструктивизм в сравнительной политологии

Конструктивистский подход в сравнительной политологии затрагивает ее различные аспекты. Марта Финнемор и Кэтрин Сиккинк обращают внимание на то, что в сравнительной политологии конструктивистские подходы имеют место, но в отличие, например, от международных отношений здесь они в том или ином виде использовались и до появления особого к ним интереса в 1990-е гг. Авторы выделяют следующие основные темы сравнительных исследований, где конструктивизм проявился с особой силой:

- 1) идеи и политические перемены;
- 2) политическая культура;
- 3) идентичность и этничность (*Finnemore, Sikkink, 2001, p. 405–411*).

Вышедшая в 2002 г. книга «Конструктивизм и сравнительная политология» под редакцией Даниела Грина (*Green, 2002*) в предметном смысле содержит те же основные темы. В методическом отношении конструктивизм оказался более слабым, чем неоинституционализм, основанный на теории рационального выбора. Поэтому исследователи данного направления пишут о нем скорее как о сумме теоретических аргументов, чем о проработанных стратегиях эмпирического исследования. Тем не менее в современной дискуссии о соотношении количественной и качественной методологий в сравнительной политологии конструктивизм получил дополнительную аргументацию, связанную с его возможным использованием при изучении отдельных случаев, а также в региональных исследованиях, которые в значительной мере нагружены контекстуальным содержанием.

Следует отметить некоторые дополнительные тематические области сравнительных исследований, где конструктивизм стал заметным методологическим явлением. Так, ключевой проблемой *формирования сетевого взаимодействия* государственных институтов, бизнеса, ассоциаций гражданского общества считаются как раз вопросы, связанные с когнитивными составляющими этого процесса. Эффективность сетей в значительной мере определяется «доверием» и другими когнитивными элементами сетевого взаимодействия. Как раз с когнитивным подходом и связаны некоторые направления эволюции, приобретающие решающее значение для будущего сетевой концепции.

Когнитивный подход к исследованиям сетевого взаимодействия фактически включает все составляющие, характерные для его использования при изучении коммуникаций, сообществ, дискурса и т. д. В этом отношении сети выступают объектом когнитивного анализа, как и любой другой объект, в котором формируются и развиваются коммуникативные взаимодействия. Сетевая коммуникация является более сложной и неопределенной с точки зрения функционирующих в ней когнитивных процессов, однако это не рассматривается в качестве недостатка, а выступает условием инноваций и творчества. Творческий характер сетевой коммуникации обеспечивается многими ее условиями: базисным доверием, ориентацией на сотрудничество, меньшими транзакционными затратами, свободой интерпретации, большим разнообразием информационных источников и синергией информационных ресурсов, открытостью общения и др.

Общественные сети как особый объект анализа предполагают, с одной стороны, понимание того, что они являются адекватной метафорой, позволяющей анализировать процесс производства, распространения и развития знания в социальной системе. С другой стороны, роль и значение знания в современном обществе с необходимостью порождают сетевую организацию взаимодействия, так как именно

она является наиболее эффективным способом существования самого знания.

В **теории выработки политики** акцент на идеях становится определяющим, хотя весь концептуальный состав не сводится только к ним. Политика (policy) имеет множество измерений, и зачастую трудно ответить на вопрос, есть ли некоторые общие механизмы ее выработки и осуществления, если сравнивать исторические этапы или множество различных стран. Политика, как отмечал Хьюдж Хекло, не является самоопределяющимся феноменом. Нет уникального набора решений, акторов и институтов, вырабатывающих политику и ожидающих раскрытия и описания. Скорее, политика является интеллектуальным конструктом, аналитической категорией, содержание которой должно вначале быть определено аналитиком (Heclo, 1972, p. 83–108). В этом отношении государственная, шире — публичная, политика предстает, с одной стороны, как ответ на насущные проблемы, которые приходится решать государству и другим публичным акторам, ответ, который трудно поддается вначале встраиванию в какую-либо теоретическую конструкцию, а с другой стороны, прошедшая теоретический анализ, она приобретает характер парадигмального действия для других политиков в сходных ситуациях. В этом отношении, например, политика «Нового курса» Президента США Франклина Рузвельта 1930-х гг., связанная, в частности, с повышением правительственных расходов с целью снижения безработицы и впоследствии получившая название «кейнсианской», вовсе не базировалась на предварительном прочтении работ британского экономиста Джона Кейнса. Лишь впоследствии «Новый курс» стал символом долговременной либеральной политики, и роль Кейнса в этом была существенной. Как отмечал один из бывших руководителей Президентского совета экономических советников Герберт Стейн, «без Кейнса и особенно без интерпретации Кейнса его последователями, экспансионистская *фискальная политика могла бы остаться случайно появившимся инструментом и не быть способом жизни*» (Stein, 1984, p. 39) (курсив мой. — Л. С.).

Конструктивистский подход применен к исследованию британской политики. Ричард Хеффернан подчеркивает, что особенностью политики в Великобритании в послевоенный период был консенсус всех политических сил, в основе которого было принятие идей неолиберализма, тогда как в довоенный период доминировал социал-демократический консенсус. При этом идейный консенсус отнюдь не равнозначен некоторому договору, он предполагает конкуренцию и соперничество за наполнение соответствующих идей структурами, механизмами и способами, позволяющими эти идеи реализовать. «Мой аргумент, — подчеркивает он, — состоит в том, что с самого начала консенсусная политика отражает доминантный набор идей и что

такие идеи структурируют политические повестки дня различными путями, наибольшим образом влияя на диагностику политических и экономических проблем и на предписание политических решений» (Heffernan, 2002, p. 743). При этом *идеи* отнюдь не рассматриваются в качестве единственной переменной, связанной с формированием консенсуса; они создают ограничивающую структуру, которая лежит в центре консенсусной политики, но одновременно взаимосвязана и воплощена в таких переменных, как *акторы*, принимающие и поддерживающие данные идеи, *институты*, воплощающие в ходе признанной политики идеи, и *окружающая среда* в виде политических и экономических заинтересованных групп, поддерживающих эти идеи (Ibid, p. 749). Укажем на то, что в этой системе факторов консенсусной политики идеи занимают центральное место, и, следовательно, все другие переменные выражают результат конструирования консенсуса посредством принятия, воплощения и поддержки соответствующих идей. Консенсус возникает в процессе придания идеям неоллиберализма качества совместной ценности, разделяемой установки и базовой структуры политического сознания соответствующего периода истории. Этот методологический подход автор использовал для анализа политики приватизации в Великобритании в 1979–1992 гг., подчеркивая значение стратегического обучения в процессе реализации идеи приватизации через принятие и осуществление соответствующих политических решений (Heffernan, 2005).

Роль идей в развитии и обновлении политики в области электроэнергетики в провинции Онтарио (Канада) была исследована Яном Роуландсом. При этом автор, подчеркивая значение «идейционистского» подхода к анализу политики, использует такие понятия, как «фреймы», т. е. некоторые рамки, определяющие структуру когнитивных факторов политики, «определения проблем», т. е. спецификацию вопросов применительно к соответствующей сфере политики, «образы политики», используемые для ее легитимизации в обществе, «дискурсы», определяющие, какие идеи, концепты и категории будут приняты для соответствующей политики, «делиберативный подход к политическому анализу» в качестве синтезирующей категории избранного подхода (Rowlands, 2007, p. 186).

* * *

Актуализация конструктивизма в сравнительной политологии и в других отраслях политической науки (прежде всего, международных отношениях) является откликом как на «провалы» экономического экспансионизма, так и на вызовы коммуникационной революции и повышение роли когнитивных составляющих в политическом процес-

се. Данная методология все же оказалась в рамках основного течения в политических исследованиях — стремления к позитивной науке. Ее использование позволило обогатить концептуальную структуру сравнительного политического исследования и сделать шаг к более глубокому пониманию политики. По-видимому, многообразие когнитивных подходов в политической науке в дальнейшем тоже будет подчиняться общему стремлению к сотрудничеству через взаимобогащение и корректировку предлагаемых ориентиров и методов.

Основные понятия

Методологический кризис сравнительной политологии, конструктивистский подход, когнитивный подход, интерпретативный подход, «управленческая ментальность», идеи.

Основная литература

- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. — М., 1995.
Глазерсфельд Э. фон. Введение в радикальный конструктивизм // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2001. № 4.
Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. — М., 1997.
Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом. — М., 2004.

Дополнительная литература

- Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / Под ред. В. А. Лекторского. — М.: Канон+, 2009.
Малинова О. Ю. Идеи как независимые переменные в политических исследованиях: в поисках адекватной методологии // Политические исследования. Полис, 2010. № 3.
Политическая наука. Сб. научн. тр. № 4: Идеи и символы в политике: Методологические проблемы и современные исследования / Ред.-сост. О. Ю. Малинова. — М.: ИНИОН, 2009.

ГЛАВА 6

Событийное политическое знание и его значение для современной сравнительной политологии

Плюрализм методологических подходов в сравнительных политических исследованиях последних десятилетий вызвал теоретический кризис сравнительной политологии. Он поразил прежде всего американскую политическую науку, которая является здесь «законодателем мод». Как пишет Филипп Шмиттер, сравнительная политология как «субдисциплина находится сегодня «на перепутье», и тенденция, которую она выберет в будущем относительно своей онтологии и гносеологии, будет определяться тем, останется ли она, как и прежде, главным источником критических инноваций для всей дисциплины [политической науки], или растворит себя в мягком и конформистском „американо-центристском“ мейнстриме» (*Schmitter, 2009*, p. 35). Преодоление кризиса, как считается, возможно на пути синтеза ряда теоретико-методологических традиций. Однако возникают проблемы пределов синтеза и научной результативности при совмещении качественных и количественных, интерпретативных и позитивистских, институциональных и когнитивистских, статистических и case-ориентированных подходов в сравнительной политологии. Два основных требования предъявляются сегодня к сравнительному политическому исследованию:

- 1) при концептуализации брать в расчет политическую философию;
- 2) формируя предмет и метод сравнительного исследования, быть чувствительным к реальной политике.

Так, например, в качестве реакции против сциентизма прошлого столетия и в качестве попытки заявить об «истинных корнях» политической науки авторы книги «Новые подходы к сравнительной политике: взгляд с позиции политической теории» (2003) считают необходимым вспомнить, что исторически она одновременно была философской, сравнительной и вовлеченной в политику (*Holmes, 2003*,

р. 8). Эти суждения характерны не только для сравнительной политологии, но и для всей политической науки (*Zapato-Barreto, 2004*, р. 39–50; *Davis, 2005*, р. 2), но именно в сравнительной политологии они выражают существо попыток выйти из методологического кризиса. Критика позитивистской политической науки привела к возрождению интерпретативного подхода, однако, как представляется, ни обновление дюркгеймовской традиции, с которой связывают научный метод в обществознании, ни возрождение веберовского понимающего метода не может дать решение проблеме отрыва сравнительной политологии от политической реальности. Восстановить статус сравнительная политология может, если выберет иную парадигму познания, связанную с категорией «политическое событие». В данной главе автор обращает внимание читателя на *событийность политики*, обосновывает *основные характеристики событийного политического знания* и показывает, как *сравнительная политология реагирует на этот существенный поворот* в теоретико-познавательной парадигме.

6.1. Проблема событийности политики

Задача, которая стоит перед современной политической наукой, — преодолеть отрыв от реальной политики — решается, как правило, в отношении трансформации метода исследования. В меньшей степени обращается внимание на то, что сама политическая реальность должна рассматриваться в ином ключе, чем это предписывает старая научная парадигма. Здесь, на наш взгляд, и возникает потребность в переосмыслении политики с точки зрения концепции «политического события».

Использование концепции «политического события» позволяет, на наш взгляд, разрешить проблемы методологического синтеза в сравнительной политологии, так как в ней можно обнаружить содержание универсальных и партикулярных/сингулярных характеристик. С одной стороны, «событие одновременно уникально, нумеруемо и редко» (*Нанси, 2004*, р. 259). С другой стороны, в событии как разрыве с существующим порядком выявляется истина порядка и новое начало. Своей концепцией события Ален Бадью пытается противостоять и универсалистской претензии «капитало-парламентаризма», и скептицизму, который сводит результат истины к партикулярности (*Badiou, 2007*, р. XII). Политическое событие для Бадью является тем, что составляет суть политики. Именно событие позволяет мыслить политику, поскольку ни структура политики, ни смысл политического не фиксированы местом происходящего. При этом политическое событие следует отличать от политического факта, последний лишь имитирует первое. Отсюда, «современное снижение политической рефлексии до

поверхностности журналистики происходит, прежде всего, от смешения события с фактом» (2005). Событие является политическим, если материя этого события коллективна, а его истина виртуально универсальна, т. е. принадлежит всем. В этом отношении *событийность самой политики служит признаком, отличающим ее от происходящего в других сферах жизнедеятельности общества*. Следовательно, метод и стратегия политического исследования должны учитывать эту событийную природу политики. Не изучение механизмов (процессов) взаимосвязи причины и следствия, средств и целей, что характерно для фактуального знания, а исследование того, как люди действуют в определенных обстоятельствах, когда в этом сочетании структур и поступков трансформируются структуры и поступки и возникает событие, как писала Ханна Арендт, непредвиденное никакими обстоятельствами. Арендт с присущей ей проницательностью относительно существа политической жизни и ее познания писала о различии между познанием того, что сделано самим человеком, производящим материальные продукты, и познанием события, которое вносит неопределенность в сферу человеческих дел и где участвуют многие. Она подчеркивала, что детерминистское познание, в основе которого лежит желание соотнести цели и средства посредством понятия процесса, определяется доминированием экспериментальной науки и опытом человека производящего, а не политически действующего. Такое познание не может «достичь действительности и понять модусы действительного». Арендт писала: «Вполне оправданное в области создания представление, согласно которому действительным станет лишь то, что я собираюсь сделать, постоянно опровергается ходом событий, возникающих из-за поступка и всего чаще включающих в себя неожиданное. Действовать в модусе изготовления, соответственно мыслить в форме вычисления последствий значит исключать неожиданное и тем самым само по себе событие» (Арендт, 2000, р. 292–293). Ее критика сциентизма и обоснование связи политического познания с познанием историческим определяется стремлением показать, что истина является политической, только когда мы находим ее в коммуникации с другими участниками событий, а сама политика разворачивается в событии как эта политическая истина. Не случайна в этой связи попытка Уильяма Сьювелла обосновать необходимость трансформации метода современной общественной науки через обращение к истории и к новому историческому мышлению, в основе которого лежит «„полная событий“ темпоральность» (*‘eventful’ temporality*), содержащая в себе темпоральную судьбоносность социального опыта и его случайность (Sewell, 2005, р. 83). Темпоральность социальной жизни говорит о том, что действия и события одновременно обладают необратимым характером — как только они предприняты и осуществ-

влены, они не могут быть отменены или вычеркнуты, — и что они являются «полностью зависимыми» от их места в особых «обстоятельствах действия» (*Ibid.*, р. 7). Франсуа Фюре, говоря о политическом мышлении, критикует понимание Французской революции Токвилем, подчеркивая, что тот «мыслит революцию как процесс и результат, а не как событие и разрыв». А мыслить ее по-новому как раз и означает «возвратиться к политическому анализу как таковому» (Фюре, 1998, р. 25).

Событийное понимание политики связывает ее, прежде всего, с деятельностью и поступком, которые, конечно, осуществляются в материальных и культурных условиях, но не являются однозначно определенными ими. Нельзя сказать, что политическое событие абсолютно свободно, но нельзя забывать и о том, что человеческая деятельность вносит в политический процесс много непредопределенного. Здесь воля и намерение играют существенную роль. Иногда с этим связывают только радикальную философию и политику, однако радикализм лишь высветил наиболее ярко событийный характер политического, что отнюдь не означает, что только радикальное есть политическое. Он высветил значение экстраординарного действия для осмысленной жизни, но в то же самое время придал ему абсолютный смысл. Он саму политику и политическое действие обозначил в качестве экстраординарного, тогда как участие в политическом является существенно необходимым и перманентным для человеческого существования. Политическое действие отличается в этом смысле и от банальности повседневной жизни, и от чего-то необычного и редко происходящего. Сошлемся здесь на размышление Роберто Унгера — одного из значимых политических философов XX века, который писал: «Чтобы приблизить идеальное, индивид должен быть способен увидеть и наладить в своей собственной жизни связь между личным и историческим решением проблемы „я“. Связь устанавливается посредством действия, политического в самом полном смысле, через которое он старается сделать идеальное актуальным и, таким образом, двигаться вне логики повседневности и экстраординарности. Этим способом теория „я“ отвечает на вопрос о смысле индивидуальной жизни, который соотносим с истинными намерениями политики» (Unger, 1975, р. 235).

6.2. Событийное политическое знание

Такие характеристики политического события, как уникальность, нахождение во времени, процессуальная развернутость в актуализации, открытость, неопределенность, случайность, формируемость и др., находят выражение в тех исследовательских подходах, которые

характерны для событийного познания. Событийное познание руководствуется следующими основными установками:

- ✦ нераздельность структурного и агентского факторов политического события;
- ✦ трансформация структурного и агентского факторов в ходе политического события;
- ✦ темпорально-ситуационная сложность политического события, его определенность условиями политического действия;
- ✦ нелинейность развертывания политического события;
- ✦ принципиальная открытость политического события его результатам;
- ✦ перспективизм политического события;
- ✦ формирование смысла политического события по его ходу.

Можно описать особенности событийного знания, сравнивая его с имеющимися парадигмами познания, к которым следует относить фактуальное и интерпретативное политическое знание. Основные различия между ними выражены в табл. 2. О кризисе фактуального знания и его замене другими методологиями, основанными на ценностном подходе, или о попытках найти некоторый третий путь написано много, а применительно к российскому опыту этого противопоставления можно назвать работу И. А. Василенко «Сравнительная политология» (2009). Что же касается событийности, особенно применительно к политике, то она исследуется недостаточно. Как правило, событие и событийность анализируются в феноменологическом ключе как некоторые пункты развертывания жизненного мира людей, являющегося их свершением в том смысле, что он ими делается и переживается. Э. Гуссерль писал, что «мир, который есть для нас, по своему бытию и так-бытию есть наш мир, он целиком и полностью черпает свой бытийный смысл из нашей интенциональной жизни, из ее свершений с их априорной типикой, которая может быть обнаружена — обнаружена, а не сконструирована на основе тех или иных аргументов и не измышлена мифическим мышлением» (Гуссерль, 2004, с. 243). Попробуем, следуя этой традиции, описать основные характерные черты событийного познания, основанные на этой феноменологической установке.

Отметим, что феноменологический подход к исследованию политики, связанный прежде всего с французским интеллектуальным движением левого толка (Ж.-П. Сартр, М. Мерло-Понти), получил поддержку как основа преодоления кризиса бихевиористской политической науки в 1970–1980-е гг. (см.: *Jung, 1979; Dallmayr, 1981*). Особый интерес к феноменологии политики проявился в странах Вос-

точной Европы, где она рассматривалась в противовес марксизму как истинная философия, не манипулируемая политикой (*Krasnodebski, 1993*). И сегодня ее популярность в политической теории и философии не снижается (см.: *Coole, 2007; Gillespie, 2009; Melançon, 2010*), что позволяет говорить о методологической перспективе феноменологического подхода для преобразования инструментария политических исследований.

Таблица 2

Парадигмы знаний

Характеристики познания	Фактуальное знание (дюркгеймовская традиция)	Интерпретативное знание (веберовская традиция)	Событийное знание (феноменологическая традиция)
Политическая реальность	Системы, структуры, процессы, механизмы	Культуры, цивилизации, коммуникации	Действия и поступки (революции, конфликты, споры, соглашения)
Объект	Факт	Ценность	Событие
Цель	Выявление причин (процессы)	Определение значимости (смыслы)	Описание происходящего (идеи)
Способ	Монолог	Дискурс	Нарратив
Форма	Понятие	Суждение	Рассказ
Стратегия	Открытие	Интерпретация	Обнаружение
Значение	Универсальное	Уникальное	Всёобщее
Ментальные способности	Знать	Понимать	Думать
Роль	Инструментальное знание	Легитимационное знание	Ориентационное знание
Тип знания	Научное	Этическое	Практическое
Идентификация исследователя	Эксперт	Участник	Политик

Событийный подход к исследованию означает, что происходящее как объект исследования рассматривается не в качестве противопоставленной субъекту вещи и не как предмет возможной интерпретации, а в виде некоторого феномена, подверженного нашему интенциональному опыту и разворачивающемуся перед нами в своем осуществлении. В этом отношении весьма примечателен метод *политического* мышления Ханны Арендт, прекрасно описанный Эрнстом Волратом. Он пишет, что беспристрастие (в отличие от объективности) «предполагает, по сути, „говорить то, что есть“, ...признавать

феномены в их фактичности и определять эту фактичность скорее в феноменальном смысле, чем истолковывать ее, исходя из эпистемической основы... Вид политического мышления Ханны Арендт связан с рассмотрением предметов в политике не как „объектов“, а как феноменов и актов появления. Они есть то, что показывает себя, что появляется перед глазами и чувствами... Политические события есть феномены в специальном смысле; можно было бы сказать, что они есть феномены *per se* (по преимуществу)... Пространство, в котором политические феномены случаются, создаются самими феноменами» (Vollrath, 1977, p. 163–164). Хотя в познании событий возможен детерминистский подход, направленный на поиск процессов и механизмов, или возможна интерпретация событий с позиции разнообразия ценностных суждений, однако сутью событийного знания выступает обнаружение идеи события, т. е. существа, происходящего самого по себе.

Здесь, кажется, можно провести различие между смыслом как целью понимания и идеей как целью обнаружения. Человек, конечно, ищет смысл во всем, в том числе и в идее. Но в природе происходящего, в том числе и в истории, смысла нет, есть лишь идея, смысл которой мы пытаемся обнаружить. Мы не просто потеряли смысл (и отсюда следует констатация, что нынешний мир пуст — «эра пустоты»), но мы зафиксировали отсутствие смысла в истории. Но тем самым, если это так, мы фиксируем наличие идеи пустоты в нашем жизненном мире, которая феноменально проявляется во всем — от космоса до психики человека. Когда был смысл, то на самом деле была идея смысла истории, которая проявлялась в ней как движение, например прогресса, либерализма, капитализма, демократии, коммунизма. Идея смысла истории — это не то же самое, что смысл истории. Есть различные смыслы истории, которые ей придают люди, но нет единого и универсального смысла истории. В этом отношении Карл Шмитт совершенно прав, когда проводил различие между идеей в политике и теми значениями, которые ей придают люди. Следовало бы проработать дополнительно значение этой методики различения для Шмитта, но здесь сошлемся лишь на одно его суждение: «Ведь пока от идеи что-то остается, господствует и представление о том, что нечто предшествует раньше данной действительности материального, что оно трансцендентно, а это всегда означает высший авторитет» (Шмитт, 2000, с. 136–137). При этом следует помнить, что не здравый смысл здесь является основной всеобщего в идее и даже не всеобщее чувство принадлежности к человечеству, о котором писал Кант, но «жизненный мир», а через него «трансцендентальный субъект/интерсубъект», т. е. человечество. Идея как схватывание существа, происходящего в мысли, адекватно воспроизводится не в понятии или суждении, а только повествованием в рассказе. М. Хайдеггер где-то написал, что

мыслит понятиями только Новое время, т. е. время науки. Событие же рассказывается, поскольку в нем много неуловимого и неопределенного. Конечно, понятия остаются, но они вплетаются в ткань повествования о событии, теряя свою ригористичность и центральность. Идея может быть названа, но ее раскрытие/обнаружение предполагает повествование. Событийное знание имеет ориентационное значение, и исследователь здесь выполняет скорее функцию «практического философа», т. е. политика, деятельность которого по обнаружению идей становится по преимуществу деятельностью авторитетной, а значит — политической.

6.3. Сравнительная политология и событийное знание

Общие логические рассуждения о событийном знании отнюдь не являются единственным обоснованием его значения для сравнительной политологии. Дело в том, что уже имеется определенный опыт использования этого подхода (с различной степенью отчетливости и полноты) в исследовании ряда феноменов политического мира. Назовем здесь следующие тематические направления исследований: экстраординарное в политике — революции, восстания, протестное поведение — так называемая спорная политика (*contentious politics*); политика во время кризисов; отдельные страны в качестве событий третьей волны демократизации, отличающиеся особенностями сочетания структурных и агентских факторов; тоталитарные режимы как политические события прошлого века. В этом отношении событийный подход позволяет, на наш взгляд, приблизиться к решению основной задачи реформирования сравнительной политологии — подчинить метод политической субстанции.

Конечно, следует отдавать себе отчет в том, что, например, при исследовании протестного поведения метод ивент-анализа фактически часто воспроизводит стратегию фактуального знания, когда в качестве зависимой переменной выступают обособленные конфликтные действия. Но и здесь отмечаются более мягкие способы изучения с использованием метода дискурс-анализа, соответствующего интерпретативной модели, или так называемого метода «интерактивного политического процесса», который подчеркивает значимость тактики, стратегии, выбора, случайности, а при исследовании феномена «цветных революций» — элементы событийного знания. Феноменологическая стратегия избирается при изучении насилия в странах Африки и Ближнего Востока.

Наиболее очевидным становится преимущество событийной стратегии исследования, когда невозможно построить объяснительные

модели политических феноменов, которые, хотя и являются «серийными», но каждое из них возникает по-своему, в неожиданном сочетании условий и действий. Интересно, что такое тематическое направление, как изучение демократических транзитов и консолидации, все более наполняется событийным подходом. Понятие «консолидация демократии» приобрело значение категориального термина в сравнительной политологии, начиная с работы Гуилермо О'Доннелла и Филиппа Шмиттера «Переход от авторитарного правления», опубликованной в 1986 г. В ней представлен по преимуществу транзитологический подход к этой теме. В 1990-е гг. эта тема становится одной из ведущих в демократической литературе. Смещение интереса от исследования перехода к демократии к вопросам ее консолидации вызвано вполне понятными причинами: эмпирически ориентированная политология отражает ситуацию неоднозначности процессов становления новых демократических режимов и поиск оснований их закрепления. Вместе с этим, однако, можно отметить и отчетливо выраженный методологический поворот. Он связан с критикой концепции условий демократии, господствовавшей в 1960–1980-х гг. При общем критическом настрое политологи-компаративисты признают вклад прежней концепции в объяснение необходимых факторов демократизации, но считают, что этого недостаточно: нужно определить не только необходимые, но и достаточные факторы и не только для возникновения, но и для закрепления демократии. Выражая крайнее мнение, Филипп Шмиттер писал, что дискуссия о демократизации «включает отрицательное отношение к предыдущему широко распространенному суждению, что демократия является функциональным условием или этическим императивом. Ни уровень экономического развития, ни гегемония буржуазии не могут автоматически гарантировать появление, более того, укрепление демократии. Не является этот режим также очевидным результатом некоторого предыдущего достигнутого уровня „цивилизации“, грамотности, успехов в образовании или особой политической культуры. Это не значит отрицание того факта, что благосостояние, относительно равное распределение богатства, конкурентоспособная на мировом рынке экономика, хорошо обученное население, большой средний класс, а также готовность принять разнообразие, доверять сопернику и разрешать конфликты компромиссом являются преимуществом; это значит как раз то, что демократия все еще должна быть выбрана, воплощена и увековечена „агентами“, реально живущими политическими акторами с их особыми интересами, страстями, памятью и — почему нет? — доблестью и судьбой» (*Schmitter, 1992, p. 158–159*). Не все придерживаются подобной довольно радикальной позиции, но она верно выражает общее настроение, связанное с необходимостью идти дальше в исследовании

демократии, с некоторым сомнением относительно статистических зависимостей, с ощущением необходимости перехода от объективизма к объективности, когда конфликт интересов не всегда однозначно связан с одним каким-либо выбором. В этом смысле сравнительная политология сегодня не то что менее оптимистична, скорее, она более приближена к реальной истории. Конечно, делая обобщения и строя модели, ученый-компаративист понимает их ограниченность. Более того, отмечается тенденция более свободного отношения к уже выработанным концептуальным положениям, что позволяет избегать догматики. О попытках использования различных подходов в описании процесса демократических переходов и консолидации демократии написано достаточно много. Вместе с тем до сих пор проблема не решена окончательно. Все еще сохраняется методологическое напряжение между структурными, транзитологическими и институциональными подходами. Однако есть некоторые подвижки, и здесь стоит обратить внимание на проблему событийности политики и событийной стратегии исследования.

В статье Карстена Шнайдера и Клаудиуса Вагемана «Снижение сложности [при использовании программы] „Качественный сравнительный анализ“ (QCA): Дальние и близкие факторы и консолидация демократии» обращено внимание на методологические возможности мягкой логики при изучении проблем консолидации демократии (*Schneider, Wagemann, 2006*). Эта статья еще раз заставляет нас обратить внимание на современную методологию и технику эмпирического сравнительного анализа политических феноменов с использованием логики нечетких множеств, или «мягкой» логики, а также понять современные проблемы детерминистского знания.

В статье консолидированная демократия определяется как «ожидаемая устойчивость либеральной демократии», при которой соответствующие политические акторы действуют в условиях определенных правил, с которыми они должны соглашаться (*Ibid*, р. 763). Авторы исследования используют методологию и методику «мягкой» логики для выявления необходимых и достаточных условий для консолидации демократии, разбивая их на две группы. Первая группа, так называемые «дальние условия» («remote conditions»), касается таких факторов, как уровень экономического развития, этно-лингвистическая однородность, близость к Западу, степень предыдущего демократического опыта и длительность коммунистического прошлого. Это — такие факторы, которые можно обозначить в качестве контекста; они стабильны и их источники находятся относительно далеко от проходящего процесса консолидации. Вторая группа включает в себя «близкие условия» («proximate conditions»), к которым относятся факторы, изменяющиеся во времени и подверженные влиянию политических

деятелей. К ним относятся в данной статье тип исполнительной власти, тип электоральной системы и уровень партийной фрагментации. Общая задача исследования состояла в том, чтобы проанализировать соотношение первой группы условий, а также выявить особенности их связи с непосредственными факторами консолидации. Гипотеза исследования авторами определяется как «матч между институтами и контекстом». При этом они «ожидают, что соответствующие акторы будут следовать демократическим нормам, выработанным в их стране (и, таким образом, будут консолидировать демократию), если распределение политической власти, установленное их типом демократии, явится ответом на необходимость дисперсии власти, вызванным социальным контекстом. Отсюда, это исследование руководствуется общим ожиданием, что демократии консолидируются, если избранный тип институциональной конфигурации совпадает с социально-структурным контекстом, в котором он воплощается» (*Ibid*, p. 764). При этом предполагается, что и контекст, и институты могут по-разному оказывать влияние на распределение/концентрацию власти, и если их влияние совпадает, то создаются благоприятные условия для консолидации.

Для нашей темы интересны результаты исследования, которые показали, что существует многообразие сочетания контекстуальных и институциональных условий консолидации демократии, что невозможно выработать единый алгоритм для объяснения взаимодействия причин и следствий. «В противоположность многим основным заявлениям модернизационных теорий, — указывается в статье, — мы находим, что нет [жестко] необходимых предпосылок для консолидированной демократии. Наоборот, некоторые демократии консолидируются в неблагоприятных условиях, тогда как другим не удастся стать консолидированными в благоприятном контексте. Причина этого видится в выборе подходящей/неподходящей конфигурации институтов. Это также подразумевает, что нет такого типа демократии — и еще меньше одного институционального признака, который *a priori* будет наилучшим для консолидированной демократии. То, что происходит, зависит от сочетания с контекстом» (*Ibid*, p. 775).

Обнаружение особого сочетания структурных (контекстуальных) и агентских (например, выбор институциональных дизайнов) факторов при изучении национального опыта демократического транзита и консолидации в различных странах заставляет нас рассматривать этот опыт для каждой страны в качестве особого политического события третьей волны демократизации. В этом отношении страны Латинской Америки или Центральной и Восточной Европы, а также постсоветского пространства характеризуются не только своеобразием разрыва с прошлым, но и своеобразием перехода к новым состояни-

ям. Так, политика «шоковой терапии» в Польше в начальный период перехода определялась не столько экономической ситуацией, сколько политическими действиями правительства, обладавшего значительной поддержкой населения. Следовательно, диссонанс между экономическим контекстом и политико-психологическими обстоятельствами способствовал выбору экстраординарной политики, и этот быстрый экономический переход впоследствии сыграл решающую роль в консолидации демократии в стране (см.: *Rose, 1999*). Традиционно эту исследовательскую ситуацию рассматривают в аспекте «каузальной сложности» и подчеркивают слабую эффективность в данном случае стандартных, линейно-аддитивных количественных методов. Стратегия качественных методов в этом смысле более адекватна изучению сложности в политике (*Goertz, 2006*, р. 224). Однако в своей основе это обсуждение все же ведется в рамках первой познавательной парадигмы. При событийном анализе следует, по-видимому, говорить не о каузальной, а о «темпорально-ситуативной сложности», которая меняет обычную логику «причина—следствие», «цель—результат» и, следовательно, рассмотрение политической реальности в виде последовательности состояний. В политическом действии нет никакого алгоритма, который заранее можно просчитать и придать ему статус универсального правила. Отсюда, экономическая политика в России начала 1990-х гг., напоминающая польскую «шоковую терапию», была другой политикой с другим сочетанием ситуации и действующих людей. То есть это было другое политическое событие, и до сих пор не совсем ясно, были ли этой политикой достигнуты искомые цели, или они были «искажены» той политической борьбой, которая развернулась вокруг нее.

* * *

Современная сравнительная политология отличается от предыдущего плюралистического этапа своего развития ясным осознанием необходимости выхода из чрезвычайно неудобной ситуации возрастающей угрозы потери своего влияния на политическую науку и политическую практику. Методологические споры последних десяти лет порождают некоторую надежду на решение возникшей задачи. Однако при этом следует, на наш взгляд, понимать недостаточность одних только методологических споров. Они, конечно, связаны с пересмотром или уточнением самого объекта — политики, но здесь усилий самих компаративистов мало. По-видимому, следует согласиться с теми, кто сравнительную политологию и ее проблемы рассматривают в более широком контексте обновления всей политической науки, которая, повторим, изначально была философской, компаративной

и практической. В какой-то мере стратегия преобразований здесь с позиции «политического события» является обнадеживающей.

Основные понятия

Веберовская традиция, дюркгеймовская традиция, фактуальное знание, интерпретативное знание, событийное знание, политическое событие.

Основная литература

Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни. — СПб.: Алетеия, 2000.

Бадью А. Можно ли мыслить политику? Краткий курс по метаполитике. — М.: Логос, 2005.

Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. — СПб., 1999.

Фюре Ф. Постижение Французской революции. — СПб.: Инапресс, 1998.

Дополнительная литература

Аксеновский Д. И. Политическое событие как экономия и предел власти: опыт категоризации // Вестник РГГУ. 2008. № 1.

Василенко И. А. Сравнительная политология. — М.: Изд-во Юрайт; Высшее образование, 2009.

Смирнова Н. М. Социальная феноменология в изучении современного общества. — М.: Канон-Плюс, 2009.

Сморгунов Л. В. Гуманитарные технологии и формирование политического события // Гуманитарные технологии и политический процесс в России. / Под ред. Л. В. Сморгунова. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001.

Филиппов А. Ф. К теории социальных событий // Логос, 2004. № 5.

Филиппов А. Ф. Пространство политических событий // Политические исследования. Полис, 2005. № 2.

ГЛАВА 7

Эмпирическая теория и модели демократии

Измерение демократии предполагает квантификацию ее свойств. Это довольно трудно сделать, так как исследователь-компаративист сразу сталкивается с рядом методологических и методических проблем. Поэтому среди компаративистов постоянно ведутся споры относительно обоснованности выбора тех или иных показателей демократии. Хотя 1980–1990-е гг. принесли некоторое разочарование эмпирической направленностью сравнений, тем не менее адепты этого направления не склонны отказываться от попыток путем эмпирического анализа демократии с использованием статистической техники найти общие зависимости в развитии политического мира, выявить динамику демократического процесса и его факторы. На этом пути, конечно, происходит осознание того факта, что эмпирическое измерение демократии хотя и важный, а в некоторых случаях и необходимый, процесс, но к нему не сводится содержание сравнительного исследования. Также, однако, следует подчеркнуть, что накопленный в этих исследованиях опыт позволяет избежать сегодня многих ошибок и недостатков, свойственных исследованиям 1950–1970-х гг. В целом квантифицированное сравнительное исследование рассматривается сегодня важным инструментом не только «добывания» теории, но и конструирования политической практики. Некоторая делегитимация эмпирического политического сравнения в 1970-е гг. была преодолена интересом к третьей волне демократизации на основе новых методологических ориентиров. Эмпирическое изучение демократии является довольно распространенным случаем в современной сравнительной политологии.

7.1. Эмпирический подход к демократии

Сегодня в сравнительной политологии имеется около десятка работающих эмпирических моделей демократии. Они различаются по числу признаков, характеру их взаимосвязи, что определяется особенностью постановки исследовательских задач и методологическим мировоззрением ученого. Обратимся к истории формирования эмпирической

теории демократии, которая позволит нам проследить, как изменялись акценты и содержание этой части сравнительной политологии.

Интерес к эмпирическому анализу в 1950–1960-е гг. был связан с убеждением, что имеется реальная возможность построить *эмпирическую теорию демократии*, которая базировалась бы исключительно на наблюдаемых данных и была бы лишена какого-либо нормативного (должного) содержания, т. е. как писалось в одной из известных книг, была бы «систематически эмпирической и теоретической в научном смысле слова» (*Cnudde and Neubauer, 1969*, p. 2). В этом смысле теория должна была удовлетворять пяти основным характеристикам:

1. Она должна быть *проверяемой*, т. е. подтверждаться эмпирическим материалом, относиться к политическому миру систематически, а не быть просто набором абстракций.
2. Она должна быть *логически связанной*, т. е. внутренне согласованной и недвусмысленной.
3. Она должна быть *коммуникабельной*, т. е. понятной и понятой другими, которые либо используют ее для практических целей, либо проверяют основанные на ней гипотезы.
4. Она должна быть *общей*, т. е. объяснять события в разное время и в разных местах, иметь прогностический характер.
5. Она должна быть *экономной*, т. е. достаточно разработанной для понимания и использования, а не усложненной, наполненной разнообразными правилами и исключениями (*Manheim and Rich, 1991*, p. 22).

Применительно к демократической теории это означало следующее. *Во-первых*, эмпирическая демократическая теория является по природе каузальной из-за ее претензий на объяснение эмпирических зависимостей. Вопросы, которые ставятся в эмпирическом исследовании и которые впоследствии должны получить теоретическое объяснение, имеют форму: «Какие факторы служат причиной наблюдаемых вариаций?» Отсюда, как считалось, возникают две группы проблем: поиск различий между демократическими и недемократическими системами и поиск различий и подобий внутри комплекса демократических систем. В этой связи эмпирическая теория демократии пытается: а) определить эмпирическую достоверность простых каузальных утверждений об условиях различных политий и б) специфицировать факторы, необходимые и достаточные для детерминации демократических систем. Для этой цели в исследовании требовалось осуществить относительно полное перечисление тех факторов, которые связаны со становлением и утверждением демократических систем; определить общие понятия, которые отражали бы взаимосвязанные факторы; операционализировать понятия на таком уровне, который

был бы достаточен для проверки гипотез при изучении эмпирических вариаций национальных демократий; продемонстрировать в таком исследовании факт, что нет такой политической системы, которая бы не удовлетворяла подобному условию демократии (*Cnudde and Neubauer, 1969*, р. 3–5).

Во-вторых, важным условием формирования эмпирической теории демократии являлось определение границ эмпирического наблюдения. Под последним понималась принципиальная возможность наблюдения всех обзереваемых вариаций в исследуемом феномене, т. е. ученый, устанавливая, например, объект исследования — современные политические системы, — мог бы определить, почему одни являются демократическими, а другие — нет, на основе анализа всех достаточных для этого факторов. Конечно, эта принципиальная возможность на практике рождала свои проблемы, и потому ставилась задача определения возникающих измерительных ошибок (см.: *Achen, 1983*, р. 69–94).

В-третьих, эмпирическая теория демократии должна была учитывать ряд трудностей, связанных с концептуализацией, операционализацией понятий и получением эмпирических данных. Концептуальные трудности были связаны со сложностью и неоднозначностью определения самого феномена демократии, его представления в комплексе характеристик поведения, структур, функций, процессов и т. д.

Много вопросов возникало по поводу уровня абстракции, на котором должен был работать исследователь, точности и конкретности понятий, что позволяло бы реализовать задачу операционализации переменных. Много проблем возникало по поводу сбора эмпирических данных, которые касались не только измерительной техники, но и соизмеримости национальных статистик, достаточности времени и ресурсов. Хотя попытка создания эмпирической теории демократии была реализована, но созданная теория была, конечно же, ограниченной. Сегодня мы можем видеть рост нормативных и дедуктивных концепций демократии. Тем не менее усилия не были потрачены даром. Во-первых, стали ясны границы эмпирической теории демократии. Она давала обоснованные суждения, не выходящие за рамки обзереваемой реальности. Во-вторых, она занималась не ценностью демократии, а, скорее, ее механизмом и устройством. В-третьих, на ее основе развился аппарат эмпирического политического анализа и политическая праксеология. Эмпирическая теория демократии отвечала на ряд вопросов: как демократия возникает и каковы ее условия? Как демократия действует и каковы ее основные механизмы? Как демократия воздействует на общество и какова ее эффективность?

В содержательном плане едва ли возможно здесь описать эмпирическую теорию демократии как нечто целостное и завершенное.

Единой эмпирической теории демократии так и не суждено было появиться. Концептуализация демократии породила огромное множество вариантов: Ларри Даймонд со ссылкой на неопубликованную статью Д. Колиера и С. Левитски говорит о существовании 550 «подтипов» демократии (*Diamond, 1996*, р. 21). Фактически эмпирическая теория демократии распадается на множество внутренне связанных между собой концепций, обобщений, классификаций, моделей демократических процессов, институтов, поведения и отношений. Суммируя различные подходы, можно, однако, выделить ряд моделей, которые чаще всего попадают в поле зрения исследователей-компаративистов. Но прежде обратим внимание на две исходные теоретические парадигмы демократии, которые составляют основу современного демократического мировоззрения.

7.2. Философия демократии

Самое простое определение демократии — это власть народа (*демос* — народ, *кратос* — власть). Расширяя это определение и следуя традиции американских просветителей, демократия — это власть народа, осуществляемая самим народом и для народа. В истории политики мы найдем немало демократических форм организации общественной жизни (Афинская демократия в Древней Греции, республиканский Рим, городские демократии Средних веков — в том числе Новгородская республика, парламентские формы демократии в Англии, демократия Североамериканских Соединенных Штатов и т. д.). Современные демократии наследуют многие традиции исторических демократий, но имеют от них отличия сущностного и процедурного характера. Также отличаются и концепции демократии, уже знакомые вам по истории политических идей. Современные теоретические модели демократии базируются преимущественно на политических идеях Нового времени, Просвещения (Локк, Монтескье, Руссо, Кант, Токвиль). Правда, сегодня появляются концепции демократии, критически относящиеся к мировоззренческим истокам современности, — дискурсивная демократия, теледемократия, кибердемократия, но пока в теоретическом и практическом планах они находятся на периферии, занимают маргинальное положение в современной демократической теории и практике.

Все многообразие теоретических моделей современной демократии, если говорить об их мировоззренческих основах, так или иначе тяготеют к двум основным теоретическим парадигмам, сформулированным классиками политической мысли XVII–XIX вв. Речь идет о либерально-демократической и радикально-демократической теориях.

В несколько схематизированном виде опишем их основное содержание (см. табл. 3). Обе теории возникают как попытка разрешить так

называемую «проблему Гоббса», суть которой кратко можно определить следующим образом: человек, переходя от состояния «войны всех против всех» (естественное состояние) к договору о государственно-общественной жизни (общественное состояние), вверяет самого себя власти государства, так как только оно может гарантировать существование договора. Как сохранить свободу человека в общественном состоянии? В этом вопросе — узел «проблемы Гоббса». Следовательно, теоретическая задача заключалась в обосновании границ деятельности государства, обеспечивающих сохранность свободы человека. Представители либерально-демократического и радикально-демократического направлений считали человека разумным существом, но по-разному истолковывали эту антропологическую предпосылку демократической теории. Они также были едины в трактовке происхождения государства из принятого разумными индивидами договора, но различали источник этого договора. Они отстаивали свободу человека, но понимали ее по-разному и по-разному трактовали ее основания.

Таблица 3

Либерально-демократическая и радикально-демократическая теории

Либерально-демократическая теория	Радикально-демократическая теория
Морально автономный индивид	Социальный человек
Суверенитет личности	Суверенитет народа
Общество как сумма индивидов	Органическое общество
Интерес всех	Общий интерес
Плюрализм интересов	Единство интересов
Первенство права	Первенство общего блага
Свобода человека	Свобода гражданина
Первенство прав человека	Единство прав и обязанностей
Представительная демократия, выборы	Непосредственная демократия
Свободный мандат	Императивный мандат
Разделение властей	Разделение функций
Подчинение меньшинства большинству с защитой прав меньшинства	Подчинение меньшинства большинству

В либерально-демократических концепциях свобода человека означала его моральную автономию рационально определять свою

жизнь и правила общения с другими людьми, которые не должны нарушать его индивидуальных прав. *Государство*, возникающее на основе договора между людьми как морально автономными индивидами, *ограничивается правом*, т. е. равной внешней мерой свободы для каждого индивида. Таким образом, данная демократическая парадигма основывалась на предпосылке автономного индивида, общество при этом трактовалось как сумма свободных индивидов, а общественный интерес — как интерес всех. Частная жизнь ценится здесь больше, чем жизнь общественная, а право — выше, чем общественное благо. Плюрализм индивидуальных интересов и интересов возникающих ассоциаций индивидов (гражданское общество) сопровождался конфликтом между ними, разрешение которого возможно было на пути компромисса. В принципе государство не могло и не должно было вмешиваться в процесс общения автономных индивидов и их добровольных ассоциаций. Оно призывалось лишь тогда, когда требовалось вмешательство третейского судьи. В принципе концепция допускала лишь «ограниченное государство», государство «ночного сторожа». Данное государство могло формироваться лишь по договору между людьми, а представители государства — по выбору населения. Следовательно, большое значение здесь придается электоральному процессу и репрезентативной демократии, при которой избранные представители связаны лишь своей совестью и конституцией (свободный мандат). Свобода в таком государстве ограничена только законом, а само государство (для того чтобы не было узурпации государственной власти отдельными органами или лицами) должно строиться по принципу разделения властей. Правомерный при голосовании принцип решения по большинству голосов дополняется принципом защиты прав меньшинства.

В соответствии с **радикально-демократическими концепциями** разумный человек как автономное существо мог существовать только в естественном состоянии, в общественном же состоянии — это был человек социальный, т. е. рационально принимающий ценности общества. *Государство*, которое возникает на основе договора, руководствуется ценностями общества, носителем которых выступает народ, оно *ограничено «суверенитетом народа»*. Свобода человека в общественном состоянии может быть обеспечена лишь тогда, когда свободен народ, имеющий волю давать законы государству. Деспотизм государства определяется тем, что оно руководится частными, а не общими интересами народа; последние обладают органическим единством, а не являются простой суммой частных интересов. Отсюда, радикально-демократическая теория приветствует публичного человека, обосновывает приоритет общего блага над правом. Свобода такого человека осознана как гражданская свобода и возможна в общественном

состоянии при наличии законов, освященных волей народа. Единство народа выступает важнейшим принципом организации политической жизни, а формой демократического участия здесь выступает прямая демократия. Лица, осуществляющие управление в государстве, наделены народным мандатом и ответственны перед ним (императивный мандат). Единство власти обеспечивается суверенитетом народа, а потому принцип разделения властей не является существенным; здесь, скорее, можно говорить о разделении функций, а не властей. Подчинение меньшинства большинству является внешним выражением единой воли, принципиально требующей общего согласия.

Теперь, после краткого экскурса в политическую философию, обратимся к тем теоретическим моделям демократии, которые используются исследователями-компаративистами для выбора переменных и формирования исходных гипотез.

7.3. Модель конкурентной элитистской демократии

Основателями данной модели демократии можно считать Макса Вебера и Йозефа Шумпетера. Конечно, на формирование модели конкурентной элитистской демократии оказали влияние и другие исследователи (Джон Дьюи, Гаэтано Моска, Вильфредо Парето, Моисей Острогорский), но именно концепции плебисцитарной демократии, легитимности и государства Вебера и конкурентной демократии Шумпетера (*Weber, 1947; 1949; Вебер, 1990; Schumpeter, 1942; Шумпетер, 1995*) наиболее часто использовались компаративистами для формирования политических концептов эмпирического сравнительного исследования политических систем. В данном случае Вебер определил не методологию сравнительного исследования, а выступил как теоретик демократии, акцентирующий внимание на ее основных характеристиках: демократические выборы, партии, элиты, лидеры и легитимность власти. Главное, что было использовано в сравнительной политологии, — это определение демократии через систему верований в легитимность существующего политического порядка на основе права, приверженность всех правилам политической игры. Говоря о плебисцитарной демократии, Вебер подчеркивал ее отличия от парламентарной демократии: «Такому идиллическому состоянию господства кругов уважаемых людей, и прежде всего парламентариев, противостоят ныне сильно от него отличающиеся самые современные формы партийной организации. Это детища демократии, избирательного права для масс, необходимости массовой вербовки сторонников и массовой организации, развития полнейшего единства руководства и строжайшей дисциплины. Господству уважаемых людей и управ-

лению посредством парламентариев приходит конец. Предприятие берут в свои руки политики «по основной профессии», находящиеся *вне* парламентов. Либо это «предприниматели» — например, американский босс и английский «election agent» были, по существу, предпринимателями, — либо чиновник с постоянным окладом. Формально имеет место широкая демократизация... Вождем становится лишь тот, в том числе и через голову парламента, кому подчиняется эта машина. Иными словами, создание таких машин означает наступление *плебисцитарной* демократии» (Вебер, 1990, с. 674–675). Шумпетер дал классическую формулировку демократии как конкуренции между двумя или более группами элит за власть на более или менее регулярных и открытых выборах. Она стала одной из основных при выборе переменных в сравнительном исследовании демократических систем. Шумпетер проводил различие между классической доктриной демократии, которая основана на общем благе и воле народа и при которой избиратель наделен властью принимать политические решения, и теорией демократии, где решение проблем избирателями является вторичным по отношению к избранию тех, кто будет принимать решения. Классическая доктрина демократии, считал он, находится в кризисе, и с ней нельзя сегодня согласиться. На первый план выходит концепция демократии, при которой роль народа состоит в создании правительства или посреднического органа, который, в свою очередь, формирует исполнительный национальный орган или правительство. Вот как Шумпетер определял новую концепцию демократии: «Демократический метод — это такое институциональное устройство для принятия политических решений, в котором индивиды приобретают власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей» (Шумпетер, 1995, с. 355). Обосновывая данную концепцию, он видел ее преимущества в том, что она касается легко проверяемых эмпирически вещей — наличия или отсутствия демократической *процедуры*. Классическая теория демократии не содержала такого критерия, так как воле и благу народа могли служить и недемократические режимы и правительства. Например, при парламентарной демократии типа английской критерий демократии выполняется, а «конституционная» монархия не является демократической, поскольку электорат и парламент обладают всеми правами, которые у них есть при парламентской демократии, но с одним решающим исключением: у них нет власти назначать правительство. Далее, новая теория отдает должное такому феномену, как *лидерство*. Классическая теория, считал Шумпетер, этого не делает. Именно понятие лидерства позволяет объяснить, как и откуда возникает общая воля, как она подменяется или подделывается. В этом смысле лидерство является доминирующим механизмом почти любого коллективного действия, а новая концепция демокра-

тии — более реалистичной, чем классическая. Новая концепция не отрицает существования *воли группы*, но рассматривает ее как *скрытую* до определенного времени, пока какой-нибудь политический лидер не вызовет ее к жизни и не превратит ее в фактор политической жизни. «Взаимодействия между групповыми интересами и общественным мнением и способом, которым они создают то, что мы называем политической ситуацией, под таким углом зрения видны в новом, более ясном свете», — пишет Шумпетер (*Шумпетер, 1995*, с. 356). Важным качеством новой концепции следует отметить также включение в нее проблемы политической конкуренции в виде *борьбы за лидерство*. Демократия в этой связи использует всегда некий признанный метод ведения конкурентной борьбы, а система выборов — практически единственно возможный способ борьбы за лидерство для общества любого размера. Новая концепция демократии также объясняет существующее отношение между демократией и *индивидуальной свободой*. Важно отметить, что Шумпетер не считал демократию режимом, гарантирующим большой объем индивидуальной свободы по сравнению с другими режимами, но утверждал, что если каждый волен бороться за политическое лидерство, выставляя свою кандидатуру перед избирателями, это в большинстве случаев, хотя и не всегда, означает значительную долю свободы дискуссий для всех. Существенной характеристикой демократического метода является не только функция избирателя формировать правительство (прямо или через посреднический орган), но и функция *ропуска правительства*. При этом контроль над правительством со стороны избирателя ограничен именно этой функцией: возможностью отказаться переизбирать правительство или парламентское большинство, его поддерживающее. Наконец, в противовес классической концепции демократии с акцентом на воле народа, новая концепция делает акцент на *воле большинства*. «Принцип демократии в таком случае, — писал Шумпетер, — означает просто, что бразды правления должны быть переданы тем, кто имеет поддержку большую, чем другие конкурирующие индивиды или группы» (*Шумпетер, 1995*, с. 359). Эмпиричность и реалистичность новой концепции демократии обеспечила ей в дальнейшем широкую поддержку исследователей-компаративистов, которые использовали ее для создания гипотез, индексов и индикаторов демократии.

В качестве итоговых суждений о конкурентной элитистской концепции демократии приведем обобщенную ее характеристику, сделанную Дэвидом Хелдом в его книге «Модели демократии» (*Held, 1987*, р. 183–184). Хелд специально выделяет эту модель демократии, объединяя центральные элементы концепций Вебера и Шумпетера. Данная модель демократии выражает особенности политической системы индустриального общества с фрагментированной структурой

социального и политического конфликтов, недостаточной информированностью электората, толерантностью политической культуры и развитой стратой технически натренированных экспертов и менеджеров. Ключевыми признаками данной модели выступают: парламентарное управление с сильной исполнительной властью, конкуренция между жизнеспособными политическими элитами и партиями, преобладание парламента над партийной политикой (хотя это и противоречит веберовской концепции «плебисцитарной демократии». — Л. С.), главенство политического лидерства, наличие бюрократии — независимой и хорошо натренированной администрации, конституционные и практические ограничения на сферу принятия политических решений.

7.4. Политико-модернизационная модель демократии

Основанием для политико-модернизационной модели послужили исследования различных социально-экономических условий демократии, проведенные во второй половине 1950-х гг. Даниелом Лернером и Сеймуром Липсетом (*Lerner, 1958; Lipset, 1959, 1960*). Эту модель демократии иногда определяют как «политико-модернизационную теорию».

Демократия в этой модели выступает, прежде всего, результатом развития ряда социальных и экономических условий (урбанизация, индустриализация, образование, коммуникация), которые приводят к формированию определенной дифференциации общества и активности различных групп интересов и представляющих их элит в сфере борьбы за государственную власть. Если Лернер делал акцент на деятельности различных элитных групп, на наличии развитых средств массовой коммуникации, то Липсет — на конкуренции элит, поддержке населением существующих правил политической игры (легитимация) и эффективности действия демократий как условия стабильности и поддержки режима. Собственно, концептуализация демократии в данной модели отражает следующие ее основные характеристики: *политико-культурные* (система верований в демократические нормы поведения и в эффективность режимов), *политико-структурные* (наличие властвующих и оппозиционных элитных групп, отношения конкуренции между ними), *политико-институциональные* (избирательная система, нормы смены политических элит), *политико-патисипаторские* (участие население в выборах). Так, Липсет определяет демократию (в сложном обществе) как политическую систему, «которая имеет постоянные конституционные возможности для замены правящих лиц. Она есть социальный механизм для решения проблемы социетального производства решений среди конфликтующих групп

интересов, который предполагает выбор большинством среди альтернативных соперников, борющихся за политический пост» (*Lipset, 1960*, р. 153). Отсюда следуют необходимые условия, которые определяют не только демократичность политической системы, но и ее стабильность или нестабильность:

- 1) система верований, легитимизирующих демократическую систему и отдельные ее институты, которые принимаются в качестве своих всеми;
- 2) некоторый набор политических лидеров, осуществляющих управление;
- 3) одна или больше групп лидеров вне правительства, которые действуют как легитимная оппозиция, пытаясь завоевать правительственные посты.

В этом смысле политическая система демократии считается стабильной, если в ней существует ценностная система верований, позволяющих мирно осуществлять «игру» власти: правящая группа признает права оппозиции, оппозиционная группа подчиняется решениям правящей; если результатом политической игры выступает смена группировок, осуществляющих управление государством; если есть условия для эффективной оппозиции и для народного влияния на политику, и при этом власть чиновников не является максимальной.

7.5. Модель «полиархической демократии»

Модель «полиархической демократии» была предложена Робертом Далем (*Dahl and Lindblom, 1953; Dahl, 1966, 1971; Даль, 1992, 2010*). Эта модель следует общей направленности либеральной демократической теории, но более подробно в ней прорабатываются вопросы, связанные с набором условий, определяющих действительную, в противоположность формальной, демократию.

Термин «полиархия» первоначально был предложен Далем и Линдбломом в их книге «Политика, экономика и благосостояние» в 1953 г., но наиболее полно представлен в работе Даля 1971 г. «Полиархия: Участие и оппозиция» (русский перевод 2010 г.). Что касается термина «полиархическая демократия», то он разработан Далем в работе 1956 г. «Введение в теорию демократии» (русский перевод 1992 г.).

Даль избирает для более строгой концептуализации два основных измерения политических систем: степень оппозиционности или конкурентности политических элит в системе и уровень политического участия населения в выборе элит. Публичная конкуренция политических элит и включенность населения в политический процесс делают

полиархию близкой к понятию «демократия». Но полиархия у Дая не тождественна демократии. Во-первых, если демократия является идеальным типом политических систем, то термин «полиархия» характеризует реальный тип, т. е. представляет собой отражение некоторого уровня реализации идеального типа (хотя отношение между идеальным типом и реальными структурами феномена, как показано Вебером, не является таким простым. — Л. С.). Во-вторых, подобно демократии полиархия является качественным признаком политических систем, но, в отличие от демократии, полиархия, по Далю, является также их измерением, т. е. можно говорить о степени полиархичности системы: полная полиархия или гегемония. В-третьих, так как полиархия отстоит в какой-то мере от демократии (т. е. идеала), то ее характеристика как демократического режима ограничивается лишь наиболее общими институциональными требованиями демократии (или гарантиями, по Далю). В-четвертых, полиархия как термин применяется для характеристики всей национальной системы, а не ее отдельных уровней.

Полиархическая политическая система должна характеризоваться высокой степенью управленческой отзывчивости к политическим предпочтениям граждан, которые являются равноправными. Для того чтобы система характеризовалась высоким и достаточно устойчивым уровнем отзывчивости, в ней должны быть обеспечены следующие неотъемлемые права граждан:

- 1) формулировать свои предпочтения;
- 2) передавать свои предпочтения согражданам и правительству посредством индивидуальных или коллективных действий;
- 3) влиять своими предпочтениями на выработку управленческих решений.

Для того чтобы процедуры формулирования, передачи и влияния предпочтений были действенными, в политической системе должны быть обеспечены следующие восемь основных гарантий:

1. Свобода формировать организации и объединяться в них.
2. Свобода выражения предпочтений.
3. Право голоса.
4. Относительно неограниченное право на работу в государственных органах.
5. Право политических лидеров соревноваться за поддержку и голоса избирателей.
6. Альтернативные источники информации.
7. Свободные и справедливые выборы.

8. Институты выработки государственной политики, которые зависят от избирателей и других форм выражения предпочтений.

Первые пять гарантий обеспечивают функцию формулирования предпочтений, семь — относятся к передаче предпочтений и коммуникации, а все восемь обеспечивают весомость предпочтений для выработки государственных решений.

В книге «Введение в теорию демократии» (Даль, 1992, с. 68–95) Даль подробно анализирует условия принятия политических решений, которые бы обеспечивали демократическое выражение предпочтений. При этом ведется поиск такого механизма демократии, когда бы можно было бы сделать вывод о том, что высказанные на выборах предпочтения действительно реальны и соблюдается демократическое равенство избирателей. Именно этот механизм и является полиархической процедурой выражения предпочтений. Следует заметить, что речь идет не о нормативной теории демократии, а о теории, которая была бы построена на основе анализа национальных государств и социальных организаций, относимых политологами к демократическим. Даль исходит из характеристики, которая уже присутствует в популистской модели демократии (народный суверенитет и политическое равенство) и которую он определяет в качестве правила: из существующих вариантов политических курсов выбирают тот, которому отдано предпочтение большего числа членов общества. Полиархическая процедура принятия решения, основанная на данном правиле, подчиняется следующим ограничивающим условиям:

1. Каждый член данной организации совершает действие, которое расценивается как выражение предпочтения по отношению к имеющимся альтернативам, т. е. голосует.
2. При подведении итогов этого волеизъявления (подсчете голосов) сделанный каждым выбор имеет одинаковый вес.
3. Победившим объявляется вариант, получивший наибольшее число голосов.
4. Каждый участник голосования, имеющий перед собой некий набор вариантов, из которых, по крайней мере, один он считает предпочтительным по сравнению с любым другим из имеющихся на данный момент, может включать предпочитаемый им вариант (варианты) в число выносимых на голосование.
5. Каждый участник голосования располагает идентичной информацией об имеющихся вариантах.
6. Варианты (лидеры или политические курсы), получившие большее количество голосов, заменяют любые варианты (лидеров или политические курсы), получившие меньшее количество голосов.

7. Распоряжения выборных официальных лиц выполняются.

7.1. Либо все принимаемые в период между выборами решения исходили бы из решений, принятых на стадии выборов (т. е. выборам придается определенная контролирующая функция).

7.2. Либо новые решения, принятые в период между выборами, определялись бы предшествующими семью условиями, которые действовали бы в значительной степени в иной институциональной среде.

7.3. Либо соблюдалось бы и то и другое.

Данные условия определяют выбор решения в трех ситуациях: перед выборами, в процессе выборов и в период между выборами. К тому же логика условий строится таким образом, чтобы последующие условия выполняли функцию коррекции недостаточности ограничивающих признаков предыдущих условий. В приложении к данному разделу работы Даль дает разъяснения относительно измерения предложенных условий и возможную классификацию полиархий.

В дальнейшем Даль конкретизирует необходимый процедурный минимум уже для таких качеств полиархических систем, как оппозиционность и плюралистичность.

7.6. Экономическая модель демократии

Данная модель демократии сформировалась в политической науке и активно используется сегодня в сравнительной политологии. Она явилась результатом экспансии экономического метода (теория рационального выбора) на различные отрасли социального исследования в 1950-е гг. В отдельной главе книги мы рассмотрим более подробно методологию экономического исследования политики и ее применение к исследованию третьей волны демократизации. Здесь же отметим лишь ту модель демократии, которая положила начало подобного рода исследованиям.

Энтони Даунс вошел в историю политической науки и сравнительной политологии в качестве пионера использования теории рационального выбора при концептуализации демократии. Его книга «Экономическая теория демократии», опубликованная в конце 1950-х гг., до сих пор остается одной из самых популярных (*Downs, 1957*). Политологи-компаративисты стали активно использовать переменные его теоретической модели: электоральное поведение, партийное поведение, максимизация результата политического действия, обмен в политике, информация о выгоды действия, распределение общественного мнения в системе и др. В своей модели демократии он акцентировал внимание на деятельности правительства (или победив-

шей партии) в связи с электоральным поведением и общественным мнением. Цель, которую Даунс поставил перед собой, состояла в том, чтобы «дать правило поведения в демократической системе управления и обнаружить его смысл» (*Ibid*, р. 3). Пытаясь сконструировать модель рационального политического поведения, учитывающего цену или выгодность тех или иных альтернативных возможностей, Даунс и строит свою экономическую теорию демократии.

Прежде всего отметим, что экономическая модель демократии базируется на идее рациональности политического поведения: каждое действующее лицо (избиратель, партийный функционер, член правительства и даже организация в целом) стремится максимизировать результат своей деятельности в экономическом смысле, т. е. получить больший результат при меньших затратах. Рациональное поведение является предсказуемым, включает упорядочение имеющихся предпочтений и их взвешивание в процессе политического обмена. При таком подходе политика рассматривается в виде рынка, где происходит конкурентная борьба и взаимный обмен с целью получить наиболее выгодный результат для действующего лица. Две основные посылки экономической теории демократии в этой связи являются важными:

- 1) «каждое правительство пытается максимизировать политическую поддержку»;
- 2) «каждый гражданин пытается рационально максимизировать полезность результата своего действия» (*Ibid*, р. 11, 37).

Эти предпосылки определяют понимание особенностей демократической системы, в которой и те, кто правит, и те, кем правят, действуют, руководствуясь не идеалами, а реальными собственными интересами. То, что любое правительство (соответственно, любая политическая сила в виде партии) пытается максимизировать поддержку, означает здесь прагматическую цель: сохранить свое господство или завоевать господствующие позиции. Идеологии, социальное благосостояние, предпочтения населения не являются непосредственными и основными мотивами поведения. Хотя эти факторы и включены в процесс поведения, но не прямым путем. В той степени, в которой идеология или программа имеют преимущество перед электоральным успехом, в той же степени партии и правительства действуют менее рационально, чем иррационально. Аксиома собственной заинтересованности предполагает, что этические проблемы в политике выступают «просто как фактуальные параметры, а не нормативные» (*Ibid*, р. 19).

То же самое касается и поведения избирателя на выборах. Он руководствуется здесь ожиданием, что избранные им политики будут больше удовлетворять его интересы, чем другие, т. е. правительство будет эффективным. Даунс здесь утверждает, что полезность, кото-

рой гражданин руководствуется, не является эгоистической в узком смысле слова. В этом отношении гражданин может действовать альтруистически, задача состоит лишь в том, чтобы понять, в чем индивидуальная выгода альтруистического поведения. Даунс пишет: «...Самоограничивающаяся благотворительность является часто великим источником собственной выгоды. Таким образом, наша модель допускает альтруизм, несмотря на базисную установку личной заинтересованности» (*Ibid*, р. 37). Необходимо также сказать, что избиратель руководствуется еще одним мотивом: ориентацией на то, как будут голосовать другие.

Рациональный выбор осуществляется на основе информированности действующего лица относительно стратегий и предпочтений других людей. В этой связи Даунс говорит о двух возможных моделях политического поведения: поведении, основанном на определенной и полной информации, и поведении, не основанном на такой информации. Правительство будет руководствоваться в своей деятельности информацией относительно стратегии оппозиции, ожидаемого поведения избирателей (соотношение решения и пользы его для избирателей), числа поддерживающих голосов. Избиратель ориентируется на информацию о возможной индивидуальной полезности и о стратегии других избирателей. Модель поведения меняется в зависимости от ясности и полноты информации.

В целом демократический процесс управления включает следующие характеристики: 1) периодические выборы; 2) влекущие соперничество между двумя или более партиями (электоральными коалициями); 3) на которых партии борются за большинство голосов избирателей; 4) победившая партия затем управляет правительством без посредства парламента до следующих выборов; 5) единственными ограничениями правительства являются запрещение вмешательства в право оппозиции выражать себя и организовывать кампании и запрещение на замену периодичности выборов.

Книга Даунса оказала большое влияние на сравнительную политологию, особенно в 1970–1980-е гг. Исследователи находят в ней противоречия и непоследовательности, но никто не может отрицать ее пионерский характер, связанный с применением теории рационального выбора в политической науке. Книга содержит множество гипотез, привлекающих внимание исследователей и сегодня.

7.7. Демократическая модель «прав человека»

Начиная с 1970-х гг. так называемые электоральные модели демократии подвергаются все большей критике за электоральный редукционизм, за акцент на институциональных условиях демократии, за ми-

нимализм в отношении идеи прав человека. Возникает значительный интерес к правам человека как основной переменной сравнительного изучения демократий и в целом политических систем. Вначале речь идет о привлечении внимания к теме и выборе демократических концептов, отражающих место прав человека в современных демократиях. Постепенно формируется самостоятельная отрасль сравнительной политологии с базовой концепцией демократии, основанной на идее прав человека. Наиболее полно эта концептуальная установка выражена у Ларри Дайамонда, в его работах 1990-х гг. (*Diamond, 1992, 1996*).

Дайамонд говорит о том, что недоучет прав человека не только обедняет концепцию демократии, но и позволяет неточно интерпретировать результаты сравнительного анализа политических систем, когда фактически в ряде случаев следует говорить (если использовать критерий прав человека) скорее о псевдодемократиях, чем о настоящих демократических политиях. Модель либеральной демократии, основанная на правах человека, обогащает демократическую мысль и практику. Во-первых, к регулярной, свободной и честной электоральной конкуренции и всеобщему избирательному праву данная модель требует добавить отсутствие права у военных и иных социальных и политических сил, которые прямо не ответственны перед электоратом, изменять политический режим и заменять конституционную власть. Во-вторых, к «вертикальной» ответственности правителей перед управляемыми требуется добавить «горизонтальную» ответственность держателей власти друг перед другом; ограничителями исполнительной власти здесь служат конституционализм, правление закона и процесс обсуждения решений. В-третьих, либеральная модель требует обеспечить политический и гражданский плюрализм так же, как и индивидуальные и групповые свободы.

Основными признаками демократической модели «прав человека» являются:

1. Реальная власть принадлежит — фактически и по конституции — избранным должностным лицам и лицам, ими назначенным, а не неотвественным силам внутри страны (т. е. военным) или зарубежным силам.
2. Исполнительная власть ограничена конституционно и ответственна перед другими государственными институтами (такими как независимый суд, парламент, институт уполномоченного по правам человека — омбудсмен, главный ревизор).
3. Не только результаты выборов не предопределены и имеется значительная оппозиция и возможная альтернатива сформировать правительство со временем, но и нет группы, которая, будучи при-

вержена конституционным принципам, не имела бы права создать партию и конкурировать на выборах (даже если электоральный порог и иные правила не допускают маленькие партии к представительству в парламенте).

4. Культурные, этнические, религиозные и иные меньшинства, так же как и традиционно находящееся в невыгодном положении большинство, не ограничены (легально или практически) в выражении своих интересов в политическом процессе и в использовании своего языка и культуры.
5. Кроме партий и периодических выборов граждане имеют множество постоянных каналов и средств выражения и представления своих интересов и ценностей, включая разнообразное множество автономных ассоциаций, движений и групп, которые они могут создавать.
6. В добавок к свободе ассоциаций и плюрализму существуют альтернативные источники информации, включая независимые средства массовой информации, к которым граждане имеют политически свободный доступ.
7. Индивиды обладают основными свободами: веры, мнения, дискуссии, речи, публикаций, собраний, демонстраций и петиций.
8. Граждане политически равны перед законом (даже если они очевидно не равны по политическим ресурсам), и ранее обозначенные индивидуальные и групповые свободы эффективно защищены независимой и справедливой судебной системой, чьи решения поддерживаются и уважаются другими центрами власти.
9. Правление закона защищает граждан от несправедливых ареста, ссылки, а так же от террора, пыток и чрезмерного вмешательства в их личную жизнь не только со стороны государства, но и организованной негосударственной силы.

Представленная модель демократии широко используется исследователями, в том числе «Домом свободы», для анализа уровня развития прав человека, свободы и демократии. Дайамонд строил ее на основе уже имеющегося опыта эмпирического исследования, поэтому она является обоснованной и удобной для организации сравнительного анализа.

Следует заметить, что концепция прав человека сегодня приобрела более универсальное значение, чем это было ранее. Ее связь с рационализированной либеральной культурой Запада хотя и признается, но не ограничивается только этой культурой. Демократия сегодня как «глобальный проект» включает и понимание прав человека, сформулированное в иных культурных средах, в частности мусульманской

и буддистской. Так, буддистское и индуистское понимание прав человека говорит о следующем:

1. Человеческие права не являются только индивидуальными человеческими правами. Нипатум не инкарнирован только в индивиде. Индивид является абстракцией и не может быть основным субъектом прав. Индивид является узлом структуры отношений, которые формируют Реальное. Именно положение в этой структуре и определяет права, которые имеет индивид.
2. Человеческие права не являются только человеческими. Они равно касаются всего космического образа универса, из которого даже боги не исключаются. Все чувствующие существа и предположительно неодушевленные создания также вовлечены во взаимодействие, касающееся «человеческих» прав.
3. Человеческие права являются не только правами. Они также являются обязанностями; права и обязанности взаимозависимы. Человечество имеет «право» продолжать существовать только потому, что оно выполняет долг сохранения мира.
4. Человеческие права взаимно не способны к изоляции. Они связаны не только со всем космосом и всеми соответствующими обязанностями; они создают также и внутри себя гармоническое целое.

Человеческие права не являются абсолютными. Им присуща относительность. Они являются взаимоотношениями между сущностями — сущностями, определенными своими взаимными отношениями. Классическое индийское видение должно было бы начинать с холистического понятия, и затем уже определять часть реальности по ее функции расположения во всеобщем. В определенном смысле узел ничего не представляет, потому что он есть вся сеть (*Sardar, 1996*, р. 850). Всеобщая исламская декларация прав, сформулированная группой исламских ученых в 1981 г., включает следующие права: на жизнь, на свободу, на равенство и запрещение дискриминации, на справедливость, на честный суд, на защиту против злоупотреблений власти, на защиту против пыток (*Ibid*, р. 851–852).

7.8. Консенсусная и мажоритарная модели демократии

Две данные модели демократии вошли в широкий научный оборот в сравнительной политологии под влиянием работы Арендта Лейпхарта «Структуры демократии: Формы правления и их действенность в тридцати шести странах» (*Lijphart, 1999*). Их концептуализация

была связана непосредственно с эмпирическим анализом демократических систем, на основе которого делался вывод о действенности этих моделей.

Исходной концептуальной установкой Лейпхарта является суждение о демократии как о «правлении народа для народа». При этом возникает естественный вопрос о том, кто правит, если в обществе существует различие между интересами и предпочтениями? В демократической теории ответ является очевидным — большинство. Управление посредством большинства и в соответствии с пожеланиями большинства составляет существо мажоритарной модели демократии и ближе всего соотносится с принципом «правление народа для народа», чем правление меньшинства. Однако для демократии дилемма «большинство-меньшинство» не исчерпывается первым ответом. Есть и альтернативный ответ: править должно как можно больше людей. В этом — решающий признак консенсусной модели демократии. Консенсусная модель демократии, конечно, не отрицает правления большинства, но в ней большинство стремится к максимуму. Следовательно, принцип большинства является для нее лишь минимальным требованием. Правила и институты такой модели нацелены на широкое участие в управлении и широкое согласие людей по вопросам политики, которую правительство должно проводить.

Лейпхарт выделяет два измерения, по которому ведется сравнение мажоритарной и консенсусной моделей демократии: исполнительная власть — партии и федеральное — унитарное правление. Каждое из этих измерений включает в себя по пять дихотомных критериев, на основании которых строится описание моделей. При этом первые признаки относятся к мажоритарной модели, а противопоставленные им — к консенсусальной модели.

Измерение «исполнительная власть — партии» включает в себя следующие пять различий.

1. Концентрация исполнительной власти однопартийным большинством, при которой исполнительная власть является доминирующей, против совместной исполнительной власти, осуществляемой на основе широкой многопартийной коалиции.
2. Взаимоотношения исполнительной и законодательной властей, при которых исполнительная власть является доминирующей, против баланса отношений между исполнительной и законодательной властями.
3. Двухпартийная система против многопартийной системы.
4. Мажоритарные и диспропорциональные электоральные системы против пропорционального представительства.

5. Плюралистическая система групп интересов со свободной для всех конкуренцией против корпоративистской системы скоординированных групп интересов, нацеленной на компромисс и согласие.

Измерение «федеральное — унитарное правление» включает в себя следующие пять различий:

1. Унитарное и централизованное правительство против федерального и децентрализованного правительства.
2. Концентрация законодательной власти в однопалатном парламенте против разделения законодательной власти между двумя одинаково сильными и по-разному формируемыми палатами.
3. Неустойчивая конституция, которая может быть поправлена простым большинством, против устойчивой конституции, которая может быть изменена только экстраординарным большинством.
4. Система, в которой законодательная власть имеет последнее слово в вопросе о конституционности своего законодательства, против системы, в которой законы подвержены юридической проверке на их конституционность верховным или конституционным судами.
5. Центральный банк, который зависит от исполнительной власти, против независимого центрального банка.

Лейпхарт полагал, что самое основное различие между моделями состоит в том, что мажоритарная модель демократии является исключающей, конкурентной и противительной, тогда как консенсусная модель характеризуется включенностью, спорами и компромиссами.

7.9. Институциональная модель «интегративной демократии»

Отмеченный ранее интерес к роли институтов в политическом процессе выразился в переосмыслении не только места институционального фактора, но и самого понятия института. Несмотря на то, что зачастую институциональный подход к исследованию демократии базируется на прежних легалистских или структурно-функциональных моделях, а также на теории рационального выбора, в политической науке и в административных исследованиях ряд ученых подчеркивают значение такой институциональной модели демократии, которая близка к коммунитарным, а не либеральным ее интерпретациям. Коммунитарная модель представлена в историческом институционализме (*Steinmo, Thelen and Longstreth, 1992; March and Olsen, 1989*), который ближе к интерпретативной сравнительной политологии. Институциональная модель «интегративной демократии» опирается на идею различия между *агрегативным* и *интегративным* политическими процессами.

В традиции теории агрегации, как пишут Джеймс Марч и Йохан Олсен, «народ» определяется как собрание индивидов, определенных как граждане; в традиции теории интеграции «народ» определяется как группа, имеющая свою историю и будущее. В агрегативном процессе воля народа раскрывается через политические кампании и «торговую сделку» между рациональными гражданами, каждый из которых преследует собственный интерес, совершаемую в пределах набора управленческих правил при правлении большинства. В интегративном процессе воля народа раскрывается посредством дискуссии между рациональными гражданами и правителями, в которой пытаются найти общее благо в контексте разделяемых социальных ценностей. Агрегативные теории в целом предполагают порядок, основанный на рациональности и обмене. Интегративные теории в целом предполагают порядок, основанный на истории, долге и разуме (*March and Olsen, 1989, p. 118*).

«Интегративная демократия» включает две основные концептуальные части: *концепцию прав и идею дискуссии в поисках общего блага*.

Концепция прав здесь отличается от инструментального понимания прав человека, когда права являются лишь рационально принятыми дополнительными условиями заключения выгодной политической сделки. Сами права здесь теряют свою ценность и рассматриваются как инструмент для достижения чего-то другого: они не выступают условием оценки политических институтов. Наоборот, при «интегративной демократии» права человека являются самоценностью и служат оценке политических институтов. Они являются ключевыми элементами системы социально-политических верований и убеждений, являются выражением человеческого единства, общего достоинства и гуманизма. Марч и Олсен выделяют три основных отношения к правам человека в «интегративной демократии»: 1) права человека ненарушимы, т. е. должны быть гарантированы несмотря ни на что; 2) права человека неотчуждаемы, т. е. однажды установленные, они не могут быть ликвидированы; 3) права изменяются больше посредством интерпретации, а не через пересмотр законов, т. е. они являются частью фундаментального права (*Ibid, p. 126*). (Следует в скобках сказать, что отношение к правам человека в коммунитаризме иногда отличается от представленного здесь взгляда. Например, один из известных теоретиков коммунитаризма Майкл Сандел считает, что концепция самоценности прав человека ведет к приоритету их над благом и является существенной чертой индивидуалистической концепции либерализма (*Sandel, 1992, p. 13–14*)).

Идея дискуссии в поисках общего блага — важная часть институционализированной концепции демократии и легитимации коммунитарного способа разрешения возникающих в обществе конфликтов. Инте-

гративные концепции рассматривают конфликт интересов как основу для дискуссии и авторитетного решения; они руководятся логикой единства, а не сделки. В этом отношении «идея института как воплощения и инструмента сообщества (community), или демократического порядка как конституционной системы, является важным аспектом институциональной мысли» (*March and Olsen, 1989*, p. 126–127). Если политические институты усиливают общие ценности сообщества, они должны быть приняты. В этом отношении важными вопросами являются компетентность участников политического процесса и их интегрированность в сообщество. Компетентность включает не только знания, но и мудрость, которая связана с глубоким ощущением нужд и возможностей сообщества. Интегрированность означает, что граждане и гражданские служащие действуют в соответствии с общим благом, которое не может быть подорвано личными амбициями и устремлениями. Деятельность институтов в «интегрированной демократии» связана с гражданским образованием и организацией гражданского участия.

* * *

Все выше перечисленные и проанализированные модели демократии составляют основание для концептуализации ее характеристик при эмпирическом сравнении политических систем. Следует подчеркнуть, что каждый ученый-компаративист пытается так или иначе модифицировать общее понимание демократии, исходя из того набора гипотез, которые он пытается проверить в ходе исследования. Но в любом случае остается некоторая зависимость от основных парадигм демократической теории.

Основные понятия

Эмпирическая концепция (модель) демократии, философия демократии, конкурентная модель демократии, социо-модернизационная модель демократии, экономическая модель демократии, полиархическая модель демократии, демократия прав человека, консенсусная и мажоритарная демократия, интегративная демократия.

Основная литература

Бешлер Ж. Демократия. Аналитический очерк. — М.: UNESCO, 1994.
Даль Р. А. Введение в теорию демократии. — М.: Наука и СП «Квадрат», 1992.
Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция. — М.: Изд. Дом ГУ — Высш. шк. экономики, 2010.

- Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах: Сравнительное исследование. — М.: Аспект Пресс, 1997.
- Тили Ч.* Демократия. — М.: РОССПЭН, 2007.
- Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. — М.: Экономика, 1995.

Дополнительная литература

- Баталов Э. Я.* Проблема демократии в американской политической мысли XX века. — М.: Прогресс-традиция, 2010.
- Демократия в Западной Европе XX века / Отв. ред. М. М. Наринский — М.: ИВИ РАН, 1996.
- Демократия в современном мире / Под ред. Я. А. Пляйса, А. Б. Шатилова. — М.: РОСПЭН, 2009.
- Макферон К. Б.* Жизнь и времена либеральной демократии. — М.: Изд. Дом ГУ — Высш. шк. экономики, 2011.
- Политология. Лексикон / Под ред. А. И. Соловьева. — М.: РОСПЭН, 2007.
- Салмин А. М.* Современная демократия: очерки становления. 2-е изд., расш. и испр. — М.: Ad Marginem, 1997.

ГЛАВА 8

Типология политических систем и режимов

В современной сравнительной политологии типологизация политических систем и режимов является одной из задач исследования. Несмотря на то, что многие согласны с М. Вебером относительно того, что типы — это, скорее, вспомогательный методологический инструмент анализа, тем не менее систематизация различных объектов и процессов в политике вызывает повышенный интерес и у исследователя, и у читателя. В сравнительной политологии встречаются три вида группировок политических систем и режимов: типология, классификация и таксономия. Основное внимание в этой главе будет обращено на типологию и типологизацию.

8.1. Типологический анализ

В политической науке, особенно в такой ее отрасли, как сравнительная политика, возникает задача упорядочивания, или организации теоретического и эмпирического материала о политических системах. Одним из способов такого упорядочивания и служит типология. Под *типологизацией* понимается *метод поиска устойчивых сочетаний признаков изучаемых объектов, позволяющий распределить их по относительно однородным группам*. Результатом типологизации выступает типология, т. е. распределение изучаемых объектов по относительно однородным группам. Типологизация выполняет ряд функций в исследовании:

1. Она позволяет разграничить главные (основные, необходимые) и неглавные (второстепенные, случайные) признаки изучаемых объектов; различия признаков объектов, включенных в один и тот же тип, являются случайными; признаки объектов, на основе которых различаются типы, являются необходимыми.
2. Типология выполняет функцию описания изучаемой совокупности объектов, т. е. позволяет создать целостную и логически завершенную систему знания об их признаках.

3. Типология служит объяснению изучаемой совокупности объектов, так как включает показ взаимосвязей между различными их признаками, раскрывает «механизм» сочетания устойчивых характеристик объектов.
4. Типология обеспечивает организацию самого процесса теоретического и эмпирического исследования совокупности объектов, т. е. выполняет методологическую функцию; она позволяет формировать понятийный аппарат исследования, строить гипотезы, увязывать различные уровни исследования.

Типология выступает важным средством научного прогноза развития изучаемой совокупности объектов, что особенно важно для познания эволюционирующих систем, к которым, естественно, относится и политическая система.

Типология также служит определению исследовательских перспектив, стимулирует развитие научных направлений, способствует определению «белых пятен» в исследуемой области.

Различают теоретическую и эмпирическую типологии. Теоретическая типология строится исследователем, как правило, на основе некоторых идеальных моделей, позволяющих выделить определенный набор абстрактных признаков совокупности изучаемых объектов. Данные признаки характеризуются всеобщностью и не включают непосредственно конкретных свойств объектов. Критерии типологизации здесь обосновываются теоретическим путем. Теоретическая типология в начале научного исследования носит априорный (доопытный) характер и подтверждается, опровергается или исправляется в процессе эмпирического анализа. Теоретическая типология в конце научного исследования составляет основу разработанной теории. Эмпирическая типология строится исследователем на основе собранного эмпирического материала в процессе измерения конкретных свойств изучаемых объектов. Существенным ее отличием от теоретической типологии выступает конкретизация свойств изучаемых объектов в отдельных переменных, которые и выступают критериями типологии. Часто эмпирическая типология сопровождается *классификацией*, т. е. использованием формальных методов разбиения совокупности объектов на группы. Теоретическая и эмпирическая типологии должны быть взаимосвязаны в исследовании. Сложность этой взаимосвязи определяется многоступенчатым характером перехода от абстрактных понятий к конкретным и наоборот, необходимостью сочетания точности и содержательности исследования применительно ко всей совокупности изучаемых объектов. Если типологизация строится на основании изучения сочетаемости признаков изучаемой совокупности явлений, то *таксономия* является простой формой распределения объ-

ектов по группам, выделенных на основании одного или нескольких несвязанных критериев. Как подчеркивает Гай Питерс, «возможно, крайней версией таксономического подхода к сравнению выступает описание одного типа политической системы, в которой исследователь заинтересован, а следовательно, использование простой дихотомии для анализа: объект является „X“ или „не X“» (*Peters 2000*, p. 17).

Для построения обоснованной типологии нужен учет следующих основных требований.

1. Типология должна охватывать всю совокупность изучаемых объектов, т. е. категории типологической схемы должны быть исчерпывающими: должны быть категории для каждого возможного случая, и каждый возможный случай должен соответствовать категории.
2. Критерии, на основе которых строится типология, должны быть существенными, раскрывать необходимые черты изучаемых объектов. (Таксономии, которые иногда используются для разбиения изучаемой совокупности объектов на основе внешних подобий, не являются типологиями. Они могут служить лишь в качестве дополнительного или промежуточного средства исследования.)
3. Построенная типология должна относительно равномерно распределять объекты изучаемой совокупности по группам. Если все или почти все объекты сгруппированы в одну категорию, то ряд существенных подобий и различий исключается из рассмотрения. К тому же при переходе на эмпирический уровень анализа и использования классификации ограничивается использование статистических методов анализа и группировки.
4. Совокупность критериев типологии должна быть целостной, т. е. по возможности выражать не только комплекс основных характеристик изучаемой совокупности объектов, но и давать представление об органической целостности соответствующих типов.
5. Критерии типологии должны быть сравнимы. Все категории должны быть определены в терминах одного и того же критерия. Разнородные критерии (например, при изучении политических систем иногда используются для одной и той же типологии критерии культурологические, технологические, политические) свидетельствуют о недостатках идеально-типического моделирования.

8.2. Виды типологий политических систем

Типологии политических систем широко используются в современной политической науке. Но уже в истории политических идей мы обнаруживаем интерес к типологизации политической жизни, осо-

бенно такого ее института, как государство. Самая древняя и наиболее известная научная типология государств была осуществлена Аристотелем, жившим в Древней Греции в IV веке до н. э., в его книге «Политика». Аристотель различает правильные формы государства и неправильные. Правильными являются те, где истинная цель государства состоит в общем благе. Неправильными являются государственные формы, в которых имеются в виду выгоды одних правителей, а не народа. Государственный строй, считает Аристотель, представляется из себя такой порядок, при котором господство принадлежит законно установленной власти. Наряду с критерием общего блага он использует и критерий количества лиц, осуществляющих управление — один человек, немногие, многие. Отсюда у него появляется известная типологическая схема (см. табл. 4).

Таблица 4

Аристотелевская типология государств

Правят	Правильные государства (общее благо)	Неправильные государства (частное благо)
один	<i>монархия</i>	<i>тирания</i>
немногие	<i>аристократия</i>	<i>олигархия</i>
многие	<i>полития</i>	<i>демократия</i>

Среди правильных форм государства он выделяет монархию, или царство, где властвует один для общего блага; аристократию, или господство лучших для общего блага; политию, или господство многих для общего блага. Каждой правильной форме противостоит неправильная: тирания, где имеется в виду только польза правителя; олигархия, где правят немногие богатые для собственной выгоды; демократия, где властвуют многие бедные, имея в виду только собственный интерес. Аристотель также выделяет ряд критериев для типологии основных правильных и неправильных форм государств: как формируются должностные лица (назначение, выборы), оплачивается ли выполнение должностных обязанностей, правит ли закон, какова система гражданства и т. д.

Нынешние типологии политических систем учитывают не только характер государства, но и многие иные признаки, присущие современному политическому процессу. Одни из них делают акцент на исторической динамике политических систем, выстраивая последовательность в эволюции политических систем и режимов. Подобные типологии строятся при изучении процессов политической модернизации, состояния политических режимов в развивающихся странах, переходов от авторитарных политических систем к демократическим

в условиях третьей волны демократизации. Эти типологии условно можно обозначить как эволюционные или сравнительно-исторические. Другие типологии уделяют внимание строению политических систем, особенностям политического процесса в них. Такие типологии наиболее распространены, и их можно назвать «морфологическими». При этом заметим, что цель и характер исследования определяют конкретную модификацию самой типологической схемы. Анализ имеющихся «морфологических» типологий политических систем позволяет разделить их на два основных вида: линейные бинарные типологии и координатные — парные и множественные — типологии. Линейные типологии базируются на предпосылке, что все политические системы можно расположить на некоем континууме, обозначив крайними полюсами этого континуума предельные характеристики двух противоположных типов политических систем: демократических и авторитарных (тоталитарных). Как правило, эти характеристики рассматриваются как противоположные друг другу или отрицающие друг друга. Соответственно передвигаясь по этой линии и находя узловые точки, мы группируем вокруг них соответствующие политические системы. Но можно для типологии взять два основных критерия и сравнить по ним имеющиеся политические системы. Такая типология является парной координатной типологией. Если же берутся не два, а большее количество критериев и по их соотношению распределяются политические системы, то типологию можно назвать множественной координатной. Ниже мы рассмотрим основные виды «морфологических» типологий, а также эволюционных типологий.

8.3. Линейные типологии политических систем

Гарольд Лассуэлл и Абрахам Каплан — известные американские политологи — предложили биполярную типологию политических систем правления в своей книге «Власть и общество» (1957). Все политические системы правления они распределили на два основных типа: демократические и деспотические. При этом они использовали следующие основные критерии: расположение власти — в чьих руках находится власть; границы власти — как далеко распространяется власть государства в обществе; разделение власти — концентрируется или нет власть в одних руках (в одном государственном органе); рекрутирование элит — как формируется элита и является ли она открытой или закрытой; ответственность — ответственна ли власть перед народом; распределение ценностей — способствует ли власть общему благосостоянию или она эксплуатирует свой народ; решения — как принимаются решения и можно ли их оспаривать.

Деспотические и демократические политические системы определяются на основе противопоставления признаков, следующих из предложенных критериев (см. табл. 5). Демократия здесь определяется следующими тремя основными характеристиками властного процесса:

1. Власть осуществляется с максимальной собственной ответственностью. Демократия несовместима с любой формой авторитаризма, невзирая на пользу, проистекающую из такой концентрации ответственности.
2. Процесс власти не является абсолютным и замкнутым: решения обусловлены и подвержены оспариванию. Демократия несовместима с волюнтаризмом и неконтролируемым осуществлением власти, несмотря на большинство, которое эту власть осуществляет.
3. Польза от процесса власти распределяется между всеми в политической структуре. Демократия несовместима с существованием привилегированных каст, невзирая на ожидания, касающиеся предполагаемого «общего интереса».

Таблица 5

Характеристики демократического и деспотического правлений

Характеристика	Демократическое правление	Деспотическое правление
Организация власти	Республиканская (открытая элита)	Автократическая (ограниченная элита)
Границы власти	Либеральные (добровольность)	Тоталитарные (строгая дисциплина и единообразие)
Разделение власти	Баланс (рассеивание)	Диктаторское (концентрация)
Рекрутирование элит	Равноправное (открытый класс)	Дискриминаторское (закрытый класс-каста)
Ответственность	Либертарианская (личность)	Авторитарная (другие)
Распределение ценностей	Благотворное (государство всеобщего благосостояния (беспристрастное))	Эксплуататорское (пристрастное)
Решения	Юридические (оспариваемые)	Тиранические (неоспариваемые)

Источник: *Lasswell, Kaplan, 1957, p. 235.*

Иные характеристики, как считают Лассулл и Каплан, эмпирически и по определению проистекают из трех основных свойств демократического правления. Таким образом, демократия является скорее либеральной, чем тоталитарной (добровольность максимизирована, а регламентация минимизирована), а также по определению либертарной, т. е. связанной с личной ответственностью. Она связана с равноправием (элита составляет скорее открытый класс, чем закрытую касту) по определению государства всеобщего благосостояния и с точки зрения справедливости. Она является скорее республиканской, чем автократической (открытая форма правления скорее, чем ограниченная олигархическая). Данное правление является сбалансированным (распределенным), а не диктаторским (концентрированным), что служит эмпирическим условием юридической защиты. Подобно этому понятие деспотизма описывается как автократическое, тоталитарное, эксплуатирующее и т. д. правление.

Данная типология представляет собой пример типологии, построенной на основании чистых идеальных моделей демократии и деспотизма. Она является теоретической типологией без конкретизации предложенных критериев для эмпирического анализа. К тому же эта типология не предполагает выделения большего числа групп политических систем на основании поиска критериев изменения качества предложенных характеристик.

Известной типологией линейного типа с более дробной группировкой и попыткой внести в нее элемент эволюции политических систем является типология Гэбриэла Алмонда и Бингхема Пауэлла, представленная в их совместном труде «Сравнительная политика: Эволюционный подход» (1966). Рассматривая современные политические системы, они выделяют две их группы — демократические и авторитарные. Возникает вопрос относительно критерия, по которому можно было бы с большой долей уверенности распределять политические системы на эти две группы. С одной стороны, эти критерии должны быть ясными и соотноситься с реальной политической практикой. С другой стороны, эти критерии должны быть настолько общими и абстрактными, чтобы с их помощью можно было бы произвести оценку всех современных систем. Центром такой категоризации, считают авторы, мог бы выступить вопрос о *политическом контроле*. В этом контексте любая политическая система может быть разделена на три составляющих ее элемента: правящие, управляемые и органы управления. Между этими элементами можно выстроить (и они существуют на самом деле) отношения политического контроля (см. схему 2). Направленность и сила политического контроля и будут служить критерием распределения политических систем на демократические и авторитарные.

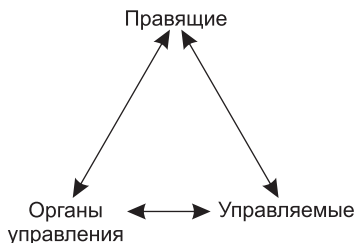


Схема 2. Направленность политического контроля

Правящие составляют слой политической элиты, предназначенной для принятия и проверки осуществления политических решений, которые реализуются посредством органов управления. Управляемые в зависимости от их доступа к источникам политической информации, от степени их организованности, развития местного самоуправления и принятия мифов политической игры могут или не могут влиять на политический процесс. Отсюда, политическая система считается демократической, если управляемые контролируют тех, кто правит, налагают ограничения на поведение элиты, принимающей решения. Политическая система считается авторитарной, если, наоборот, правящие имеют преимущество в контроле над управляемыми и не ограничены ими в процессе принятия и реализации решений. Ясно, что подобная типология относится к теоретической и является идеально-типической.

Для распределения политических систем на группы уже внутри демократических и авторитарных систем понадобился еще один критерий, который можно было бы использовать в качестве переменной, т. е. измерять степень демократичности и авторитарности системы. В качестве такой переменной выступила *внутрисистемная автономия*. Концептуально внутрисистемная автономия означает степень, в которой организации и инструменты политического участия и контроля — преимущественно политические партии, группы интересов и пресса — развиты (степень организационного развития) и плюралистически дифференцированы (степень организационной независимости). В пределе демократические политические системы характеризуются полной внутрисистемной автономией, а авторитарные — отсутствием таковой. Используя критерий внутрисистемной автономии, можно выделить четыре типа демократических и четыре типа авторитарных систем (см. схему 3). Все политические системы располагаются на некотором континууме, точки которого выражают степень внутрисистемной автономии. Близость политических систем по уровню внутрисистемной автономии позволяет говорить о том или ином типе или классе систем. Названия классов систем определяются

исходя из уровня внутрисистемной автономии, хотя и не всегда в данной типологии этот принцип соблюдается.



Схема 3. Континуумы демократических и авторитарных систем¹

Представленная выше схема разрабатывалась для современных политических систем, существовавших вплоть до 1960-х гг. Конкретные примеры стран отражают это время, хотя сама типология может быть применена и к более позднему периоду, т. е. к 1970–1990 гг. Охарактеризуем содержание данных типов.

Демократические политические системы включают четыре группы. В «высокоавтономных политических системах» политические партии, группы интересов и пресса относительно высоко развиты и независимы одни от других. Пример Великобритании здесь появляется не случайно. Политическая система этой страны, имеющей богатый опыт демократического правления, состояла и состоит из развитой системы политических партий (сегодня основные политические партии: Консервативная партия, Лейбористская партия, Союз Социальной демократической и Либеральной партий, Социал-демократическая партия, «Зеленые» и др.), системы групп интересов (включает следующие группы: немногочисленные по составу членов постоянные ассоциации религиозных, спортивных, профессиональных и других интересов, которые включаются в политический процесс, если они считают, что правительство угрожает их интересам; постоянные группы интересов — типа Союза защиты сельской Англии, которые по преимуществу выставляют политические или морально-политические требования; временные группы интересов, организующиеся на короткий срок для защиты своих интересов), средств массовой информации, организационно независимых от основных политических сил. При этом

¹ Источник: *Almond, Powell, 1966*, p. 308.

в Великобритании наблюдается высокая степень самостоятельности в деятельности политических организаций, групп давления и средств массовой информации.

Вторую группу демократических политических систем составляют «ограниченно автономные системы». В такой системе политические партии, группы интересов и средства информации существуют относительно независимо, и они являются развитыми в организационном отношении. Но в политическом процессе наблюдается постоянное стремление к объединению, коалиционным действиям организаций и групп близкой идеологической ориентации; формируются так называемые «идеологические семьи» консервативного, либерального, социалистического и т. д. направлений. Хотя Алмонд и Пауэлл в качестве примера приводят 4-ю республику во Франции, но и современные Франция (5-я республика с 1958 г.), Италия, Германия попадают в эту же категорию. Во Франции постоянно существуют правые (Союз за французскую демократию и Голлисты) и левые (Социалистическая партия и союзы с Коммунистической партией) коалиции партий, формирующие правительства; профессиональные союзы и другие группы интересов тяготеют к той или иной политической силе (например, Французская демократическая конфедерация труда поддерживает левые партии и тяготеет к ним идеологически, «Форс увриер» включен в правый спектр и т. д.), средства массовой информации не только идеологически, но иногда и организационно связаны с теми или иными партиями.

«Низкоавтономные демократии» характеризуются наличием отдельных партий и организаций, средств массовой информации, но здесь существует одна политическая сила (партия), которая доминирует в политическом процессе и победа которой в конкурентной борьбе с другими партиями предопределена ее силой. Данная политическая сила длительное время является правящей. Различные формы политической активности и организованности так или иначе выстраиваются в нечто напоминающее иерархию. Такие страны, как Мексика периода политического господства Институционально-революционной партии (1930–1980-е гг. при наличии еще Социалистической народной партии, Партии национального действия и др.), Индия периода господства Индийского национального конгресса (1940–1980-е гг.) относятся к подобным политическим системам.

«Предмобилизационные демократические» системы наблюдаются в развивающихся странах с сильными традиционными структурами, где демократические институты являются слабыми, формальными, а управление осуществляется внешне демократическими структурами без активного участия населения в политике и без механизмов его мобилизации. Слабость демократических институтов не позволяет осуществлять действительную демократическую конкуренцию за

власть. Часто такие системы разрушаются, в них велика опасность военного переворота. В Нигерии, например, политические партии и организации стали формироваться задолго до получения этой страной независимости (Национальный совет нигерийских граждан — 1944 г., Группа действия — 1950 г., Северный народный конгресс — 1951 г.). Однако установленное гражданское правление после получения независимости в октябре 1960 г. просуществовало недолго и было заменено военным правлением в январе 1966 г. Причиной этого стала неспособность гражданских элит справиться с непрекращающимися кризисами, постоянное соперничество и борьба за личное господство между лидерами партий. Двадцать четвертого мая 1966 г. декретом военного правительства была запрещена политическая деятельность около 80 организаций и партий. Запрет на политическую деятельность просуществовал до 1978 г.

Авторитарные политические системы также распределены на четыре группы. Крайние две группы составляют тоталитарные режимы — радикально-тоталитарные и консервативные тоталитарные. К ним отнесены политический режим, установленный в Советском Союзе при Сталине, и фашистский режим в Германии (1933–1945). Следует заметить, что понятие «тоталитаризм» имеет сильную идеологическую нагрузку и используется не всеми исследователями в качестве типологической характеристики политических систем. Особенно это касается определения политической системы в Советском Союзе в постсталинский период. Тем не менее концепция тоталитаризма как политической системы с почти всеобщим политическим контролем над населением и почти полным отсутствием автономии организаций, групп интересов и средств массовой информации хорошо характеризует закрытое общество. Она стала разрабатываться в 1950-е гг., и наибольший вклад в нее внесли такие исследователи, как Ханна Арендт, Збигнев Бжезинский, Карл Фридрих, Леонард Шапиро, Раймон Арон, Карл Поппер. Воспользуемся характеристикой тоталитаризма, предложенной Бжезинским и Фридрихом (*Friedrich, Brzezinski, 1956*, р. 9), которая включает шесть основных черт:

1. *Идеология.* Тоталитаризм включает в себя в качестве основы тщательно разработанную идеологию, состоящую из доктрины управления всеми жизненными аспектами человеческого существования. Этой идеологии привержен каждый живущий в тоталитарном обществе, по крайней мере, пассивно.
2. *Единственная партия.* В тоталитарном обществе существует единственная массовая партия, обычно руководимая одним человеком — «диктатором» и состоящая из относительно небольшого процента населения (до 10 %). Население предано идеологии пар-

тии, в значительной мере пассивно и бездумно, и готово различным способом участвовать в поддержке генеральной линии партии.

3. *Террористическая полиция.* Методом управления обществом, как правило, служит система террора, физического или психического, проводимого партией или секретной полицией.
4. *Монополия на коммуникацию.* В обществе существует технологически обусловленная, почти полная монополия на контроль в руках партии и правительства за всеми действующими средствами коммуникации — прессой, радио, кино, ТВ.
5. *Монополия на оружие.* Особенностью тоталитарной системы правления является также технологически обусловленная, почти полная монополия со стороны партии на использование силовых структур государства — армии, полиции. При этом эти структуры политизируются и используются в политических целях.
6. *Централизованно управляемая экономика.* Тоталитаризм не может обойтись без централизованного контроля за развитием внутренней экономики посредством бюрократической координации формально независимых корпоративных структур, включая также ассоциации и группы давления.

Остальные две группы авторитарных систем отличаются от тоталитарных следующим образом. «Предмобилизационные авторитарные» системы характеризуются наличием традиционных авторитарных структур управления (традиционные монархии в развивающихся странах) без механизма мобилизации населения на поддержку режима активным образом. Здесь действует традиционная или подданическая политическая культура со значительной степенью отчуждения населения от политики. Примером таких систем являются Саудовская Аравия, Марокко. Гана была отнесена к подобному типу в связи с тем, что в 1960-е гг. в ней господствовала Народная партия конвента, в которую входило формально большинство взрослого населения страны и которая придерживалась идеологии «научного социализма». В 1966 г. в стране произошел военный переворот. В настоящее время Гана находится ближе к центру представленного континуума политических систем.

«Осовремененные авторитарные системы» были отличительной чертой всего состава политических систем 1970-х гг. Они характеризовались отсутствием политического плюрализма, часто военным правлением и активной мобилизацией населения на поддержку авторитарных режимов с помощью радикальной и националистической идеологии. Подобная система рассматривалась лидерами соответствующих стран как необходимая для решения задач выхода из экономического и политического кризиса. Типичным примером подобных систем являлись такие страны, как Сирия, Иран, Бразилия после 1964 г., Чили

после 1973 г. В Чили после военного свержения президента Альенде в сентябре 1973 г. был установлен военный режим под руководством генерала Пиночета, политика которого опиралась на доктрину «национальной безопасности», мобилизационный потенциал, включавший идеи нации, войны и биполярного мирового устройства.

8.4. Координатные типологии политических систем

Линейные биполярные типологии политических систем хотя и выполняли некоторые функции, свойственные типологиям, но обладали рядом недостатков, ограничивающих их применение в развитом сравнительном анализе. С одной стороны, жесткое разнесение политических систем по двум основным группам не давало возможности для исследования смешанных по ряду признаков политических систем. Одномерные критерии, с другой стороны, обедняли содержательную сторону типа политических систем. Поэтому наряду с линейными типологиями стали появляться типологии, основанные на сопоставлении различных характерных черт политических систем. В зависимости от количества критериев, положенных в основание отбора типов, можно говорить о двухмерных и многомерных координатных типологиях.

В качестве примера приведем ряд двухмерных общих типологий политических систем и типологий демократических систем. В этом ряду известной типологией политических систем является типология Роберта Даля, положенная им в основание эмпирического исследования полиархий. Она довольно проста и служит хорошим инструментом для формулирования основных понятий и гипотез эмпирического сравнительного анализа. Типология политических систем Даля относится к априорным и концептуальным типологиям. Она излагается им в первой части его работы «Полиархия: Участие и оппозиция» (1971).

Даль использует два основных критерия, с помощью которых строит свои идеальные типы политических систем. Первый критерий имеет отношение к допустимой оппозиции или политической конкуренции. Второй критерий касается участия населения в процессе публичного соперничества за власть. Оба критерия берутся в качестве переменных и выражаются соответственно в степени допустимой оппозиции или политической конкуренции (здесь мы не будем говорить об операционализации этой переменной, т. е. о том, как в дальнейшем ведется счет, так как в данном случае это второстепенный вопрос) и в пропорции населения, имеющего право участвовать в системе публичного соперничества. Акцент на измерении данных критериев необходимо сделать, так как в данном исследовании типы систем от-

бираются на основании простой шкалы наличия или отсутствия соответствующего качества, которые располагаются на соответствующих осях системы координат (см. схему 4).



Схема 4. Типология политических систем Дала¹

В соответствии с предложенными критериями и их измерением выделяются четыре типа политических систем. Если отсутствует оппозиция и политическая конкуренция или она близка к нулю, а доля населения, имеющего право участвовать в публичном соперничестве, мала, то данная система названа «закрытой гегемонией». При маленькой конкуренции и большом участии населения можно говорить о политической системе типа «включающей гегемонии». Большая степень оппозиционности и конкуренции в сочетании с маленькими долями участия дает «конкурирующую олигархию». И наконец, наличие значительной степени политической конкуренции и оппозиционности и большой доли населения, имеющего право участвовать в публичном соперничестве, порождает политическую систему, названную «полиархией». То, что обычно называется демократической политической системой, соответствует понятию полиархии. Реальные политические системы по конкретным показателям политической конкуренции и участия при расположении их в данной системе координат будут тяготеть к той или иной идеально-типической группе, заняв в целом пространство в центральной части прямоугольника.

¹ Источник: *Dahl, 1971*, p. 7.

Иногда при построении типологий политических систем используют не только собственно политические критерии, но и показатели, касающиеся общества в целом. В качестве последних берутся показатели экономического развития, социально-экономического неравенства, социальной и культурной дифференциации. Примером может служить типология демократических систем Аренда Лейпхарта. Ранее говорилось о том, что зачастую типологический анализ служит общей концептуальной проработке исследования и при эмпирическом дополнении служит также проверке гипотез исследования. В данном случае Лейпхарт, анализируя условия стабильности политических демократий, находит, что большой процент стабильных демократий при наличии в них серьезных дифференцирующих население факторов имеет свое объяснение в поведении политических элит. Сегментированные или субкультурные расколы в общественной структуре могут компенсироваться стремлением политических элит к кооперации своей деятельности. Эта ситуация явно просматривается в таких странах, как Нидерланды, Бельгия, Австрия и Швейцария, где элиты работают сообща, чтобы понизить потенциально дестабилизирующую роль социальной дифференциации. В то же самое время элиты используют ценности субкультур для укрепления своего авторитета и, следовательно, для повышения вероятности того, что сделка между элитами будет принята населением.

На этой основе Лейпхарт и строит свою типологию демократических систем, используя два критерия:

- 1) структура общества — однородная или плюралистическая;
- 2) поведение элит — враждебное или коалиционное.

В результате появляются четыре типа политических демократий, представленных соответствующими странами (см. табл. 6).

Таблица 6

Типология демократических систем Лейпхарта

		Структура общества	
		однородная	плюралистическая
Поведение элит	Коалиционное	Деполитизированные Австрия (1966 — по настоящее время)	Сообщественные Бельгия, Нидерланды, Швейцария, Австрия (1945–1966)
	Враждебное	Центростремительные Финляндия, Дания, Норвегия, Великобритания, Швеция, США, Западная Германия	Центрбежные Франция, Италия, Канада

В системах с однородной социальной структурой и соответствующей однородной политической культурой демократии, вероятно, будут стабильными независимо от типа поведения элит, хотя Лейпхарт видит возможность возникновения новых форм протеста в таких политических демократиях, в которых слишком много коалиций на всех уровнях общества (деполитизированные демократии). В системах с многообразными структурами и культурами культурные различия имеют двойную функцию. Они выступают источником потенциального раздора и даже разрушения системы, но они также могли бы помочь в процессе стабилизации, если элиты различных субкультур выберут сотрудничество. Ключевым здесь является понятие общественной демократии, при которой элиты стремятся к сотрудничеству на основе ценностей всего общества и обязанности поддержать единство в стране, а также на основе готовности сотрудничать с другими элитами на принципах доверия и компромисса. В центростремительной системе враждебное отношение элит не нарушает стабильности, так как существует относительная однородность ценностей на уровне общества. В центробежной системе, наоборот, есть опасность нестабильности и беспорядка в связи с плюралистической системой ценностей на уровне общества и некооперативным поведением политических элит.

Лейпхарт использует и другие критерии для группировки демократических систем. Так, он строит эмпирическую типологию демократий в зависимости от сочетания уровня однородности или неоднородности общественной структуры. Для типологизации используются два критерия:

- 1) уровень религиозной и лингвистической однородности и неоднородности;
- 2) уровень закреплённости этой однородности и неоднородности в различных политических, социально-экономических, культурных, образовательных и иных организациях.

По первому показателю система классифицируется как однородная, если 80% населения и более принадлежат к одной и той же религии (католичество, объединение различных ветвей протестантизма, иудаизм или перекрещивающаяся буддистско-синтоистская вера в Японии) или говорит на одном языке. Если этот показатель менее 80%, то система относится к группе неоднородных. Второй показатель фиксирует организационный плюрализм и включает три градации: неплюралистическое, полуплюралистическое и плюралистическое общества. Распределение стран по группам в соответствии с этими критериями приведено в табл. 7.

Таблица 7

**Степень плюрализма и религиозно-лингвистической однородности
в 21 демократической стране**

	Неплюралистическое общество	Полуплюралистическое общество	Плюралистическое общество
Религиозно и лингвистически однородное	Великобритания Дания Исландия Ирландия Новая Зеландия Норвегия Швеция Япония	Финляндия Франция Италия	Австрия Израиль Люксембург
Религиозно и/или лингвистически неоднородное	Австралия	Канада Германия США	Бельгия Нидерланды Швейцария

Источник: *Lijphart, 1984*, p. 43.

Только три страны оказались лингвистически разделенные — Бельгия, Канада и Швейцария. Шесть религиозно разделенных стран оказались разными по составу религиозных групп: четыре страны (Канада, Германия, Нидерланды и Швейцария) имели приблизительное равенство католического и протестантского населения, в двух странах (Австралия и США) имелось протестантское большинство. Две трети исследуемых стран оказались религиозно и лингвистически однородными. Большинство из них имели 80% и немного больше однородного по этому показателю населения, и только Великобритания и Новая Зеландия — около 90%. Среди религиозно и лингвистически однородных стран шесть могут рассматриваться как плюралистические или полуплюралистические. В четырех странах, где наблюдается преобладание католического населения (Австрия, Люксембург, Франция и Италия), имеется значительное политическое различие между активными и пассивными католиками. Соответственно, этот раскол выражается в партийной структуре и идеологических ориентациях: наличие религиозных партий, противоречия между социалистическими и либеральными партиями, серьезные расхождения между коммунистами и некоммунистами и т. д.

Шесть из семи неоднородных стран классифицируются как плюралистические или полуплюралистические. Лингвистические различия способствуют разделению общества на субструктуры с отдельными организациями. Девять стран относятся к неплюралистической группе.

За исключением Ирландии и Японии все они в основном протестантские. В значительной мере уровень плюрализма определяется однородностью или неоднородностью страны, но также следует учитывать размер страны: больший плюрализм отмечается в странах с большим населением.

Мы рассмотрели координатные типологии политических систем, построенные на взаимодействии двух критериев. Примером координатной типологии с бóльшим количеством переменных служит типология Жана Блонделя. Основанием разделения систем на группы служит здесь отношение трех переменных: политическая конкуренция, структура элиты и политическое участие населения. Первая переменная — политическая конкуренция — оценивается с точки зрения того, является ли она открытой (т. е. существуют ли легальные условия для оппозиции и для конкурентной борьбы оппозиции с властвующей элитой) или закрытой (т. е. оппозиция запрещена и борьба за государственную власть осуществляется скрытно внутри различных групп властвующей элиты или смена руководства осуществляется без борьбы по принципу наследования). Вторая переменная — структура элиты — показывает, есть ли субгруппы в структуре элит и каков уровень их автономии. В этом смысле различаются монолитные элиты и дифференцированные элиты. Третья переменная — политическое участие населения — характеризуется степенью включения населения в политическую жизнь. Население может быть включено в политическую жизнь посредством различных форм политического участия, и это является необходимостью для существования системы. Такая система называется инклюзивной (включающей). Население может не быть включено в политический процесс и данное положение рассматривается как нормальное или вынужденное. Такая система получила название эксклюзивной (исключающей). Соотношение этих переменных порождает шесть типов политических систем (см. табл. 8): традиционные, эгалитарно-авторитарные, авторитарно-бюрократические, авторитарно-неэгалитарные системы, конкурирующая олигархия, либеральная демократия. Каждый тип политической системы может быть охарактеризован еще иными сопутствующими характеристиками, проистекающими из основных дифференцирующих переменных. В названии некоторых типов присутствует дополнительная характеристика, касающаяся базовой политической идеологии режима (эгалитарная идеология, т. е. ориентированная на принцип равенства) или особенностей дифференциации элит (роль бюрократической элиты). Большое число переменных позволяет осуществить более полное описание существующих политических систем и режимов, но, конечно, также не является исчерпывающей.

Таблица 8

Типология политических систем Блонделя

Режимы (системы)	Закрытые с монолитной элитой	Закрытые с дифференци- рованной элитой	Открытые
Исключающие	Традиционный	Авторитарно- бюрократический	Конкурирующая олигархия
Включающие	Эгалитарно- авторитарный	Авторитарно- неэгалитарный	Либеральная демократия

Источник: *Blondel, 1990*.

В качестве примеров политических систем соответствующих типов можно назвать современные и исторические системы. Традиционные системы характерны для стран с монархическими режимами, где правит закрытая монолитная элита и население исключено из политического процесса. В XX в. монархии в странах так называемого «третьего мира» могут быть отнесены к подобным системам. На сегодняшний день из них осталось лишь 12, однако не все оставшиеся монархические режимы — традиционные. Безраздельная власть монархов осталась лишь в шести странах — Бахрейне, Брунее, Омане, Катаре, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратах, а в Свазиленде существует «парламент», избираемый частично племенными советами и частично назначаемый королем. Авторитарно-бюрократические системы могут быть представлены военными режимами стран Латинской Америки периода 1970–1980-х гг. (Чили, Аргентина, Уругвай), где в результате переворотов были установлены прямые или косвенные военные режимы с резким ограничением политического участия населения и повышением роли бюрократического аппарата государства. В прошлом многие страны прошли этап своего развития, когда открытая конкуренция политических элит предшествовала политическому участию населения, т. е. система конкурирующей олигархии была довольно распространенным явлением. Сегодня она существует в тех странах, где на результаты борьбы за власть между различными группами элит население фактически не оказывает влияния. Так, например, в Тонга и Западном Самоа партии отсутствуют, а органы законодательной власти фактически формируются различными знатными кланами. Как пример эгалитарно-авторитарных режимов можно привести страны бывшей мировой системы социализма, где существовала относительно монолитная элита, население мобилизовывалось на поддержку режиму посредством определенных массовых форм политического участия и господствовала идея социального равенства. В настоящее время к таким системам можно отнести Китай, Северную

Корею, Кубу. Что касается авторитарно-неэгалитарных систем, то они существовали в странах, где были установлены фашистские режимы (Германия, Испания, Италия). Наконец, либеральные демократии существуют в современных европейских странах — Великобритании, Швеции, Франции и т. д., в США и Канаде, Австралии, Японии, Новой Зеландии. Отметим, что общим недостатком представленной типологии политических систем является то, что она относительно хорошо описывает традиционные и авторитарные системы, но слабо «работает» на дифференциацию демократических систем и режимов. Фактически все демократии попадают в одну группу. К тому же она не учитывает динамический аспект, т. е. фактически не говорит о переходных и смешанных режимах.

8.5. Типологии переходных политических систем

Проблема переходных политических систем и их типологизации наиболее широко впервые была поставлена в связи с политической модернизацией, т. е. концепцией, описывающей переход от традиционных политических систем к современным. Под последними, как правило, понимались демократические либеральные системы и режимы. Начиная с середины 1980-х гг. акцент в исследовании переходных режимов смещается в сторону изучения процессов демократизации, связанных с третьей волной демократии. Хотя иногда и последние процессы описываются в терминах концепции модернизации, тем не менее существует явное различие между политической модернизацией и переходом от авторитарных (тоталитарных) систем к демократическим в последние два десятилетия. Оно связано прежде всего с тем, что большинство стран, осуществляющих переход, явно не попадало под категорию традиционных стран с низким уровнем индустриального развития, архаической социальной структурой, неграмотностью населения и т. д. В целом существует две концепции: *политической модернизации*, описывающей процесс перехода от традиционных структур к современным политическим, и *демократизации*, описывающей проблемы третьей волны демократизации. Поэтому следует различать типологии переходных систем в концепции политической модернизации и типологии переходных систем в концепции демократизации. В данной главе мы обратим внимание на типологии переходных политических систем и процессов, связанных с концепцией демократизации.

Трудности с определением типологии переходных политических систем очевидны. Во-первых, ясно, что переходные политические системы находятся в развитии. Отсюда, сложно однозначно интер-

претировать содержание их признаков. Обычно говорят о смешанных системах и режимах, следовательно, о наличии в них черт авторитарных и демократических систем. Во-вторых, так как большее значение здесь придается процессуальным характеристикам, а не устойчивым системным, то часто типологизируют не системы, а политические переходные процессы. В этой связи особое внимание уделяется различным видам разрыва со старой авторитарной системой. В-третьих, между различными регионами мира, где осуществляются процессы демократизации, существуют социально-экономические и культурные различия, а потому сложно выбрать единые критерии типологизации. Хотя общие типологии существуют, но часто исследователи более склонны выбирать для анализа группы стран, в определенной степени близкие по ряду показателей, т. е. регионально сравнимые.

Обычно типологии переходных процессов выполняют как функцию описания динамики развития соответствующей группы стран, так и функцию объяснения условий наиболее благоприятных или неблагоприятных для консолидации демократии. При этом освещаются две основные темы:

- 1) с чего начинается процесс перехода, каковы условия, определяющие необходимость коренных преобразований;
- 2) в какой форме осуществляются преобразования, а следовательно, как ведут себя политические элиты в процессе перехода от авторитарного к демократическому режиму.

Ответ на вопросы первой темы привел исследователей к такой типологии переходов, которая в основание группировки кладет понятие «кризис». Особенности переходов определяются тем, находилась ли страна, ее экономика в кризисе в начале перехода, или нет. Соответственно, выделяют два типа переходов: кризисные и некризисные (см. табл. 9). При всей простоте такой постановки вопроса, она позволяет акцентировать внимание на многих важных составляющих переходных процессов и, главное, позволяет объяснить многое в поведении старой политической элиты и ее взаимоотношении с нарождающейся демократической оппозицией. В принципе, любой переход здесь выражает кризис системы. Выделяется три типа кризиса, взаимосвязь между которыми может и не наблюдаться: кризис легитимации авторитарного режима, кризис экономического развития, политический кризис. Так вот, в представленной типологии речь идет прежде всего об экономическом кризисе.

Эмпирическая проверка этих типов переходов проводилась на основе сравнения десяти стран, осуществивших переход от военного правления. В шести странах — Аргентина (1983), Боливия (1980), Бразилия (1985), Перу (1980), Уругвай (1985) и Филиппины (1986) —

наблюдались кризисные переходы. В Аргентине, Боливии, Уругвае и на Филиппинах режим менялся во время глубокого экономического спада; латиноамериканские страны также страдали от высокой инфляции. Хотя бразильский и перуанский переходы проходили вначале при коротком экономическом всплеске, обе страны ранее испытали ряд экономических потрясений.

Таблица 9

Политическая экономия демократических переходов

	Кризисные переходы	Некризисные переходы
Политический вызов авторитарному правлению	Политические требования пересекаются: дезертирством бизнес-элиты, экономически мотивированным массовым протестом, расколом внутри правительства относительно распределения ресурсов	Преимущественно политические требования либерализации
Процесс конституционной реформы	Сильное влияние оппозиции	Принимается авторитарными силами как обязанность
Полномочия избранных официальных лиц	Сокращение авторитарной территории. Понижение прерогатив военных	Значительные авторитарные территории. Существенные прерогативы военных
Барьеры перед началом политического перехода	Некоторые ограничения на участие. Необязательный избиратель и законы о регистрации партий	Продолжающиеся ограничения некоторых политических групп. Сдержанный избиратель и ограничительные законы о регистрации партий
Политические расколы и расстановки	Слабые сохраняющиеся партии. Фрагментированные и/или поляризованные партийные системы	Сильные сохраняющиеся партии. Центристские партийные системы

Источник: *Haggard St., Kaufman R. The Political Economy of Democratic Transitions // Comparative Politics. 1997. Vol. 29. № 3. P. 269.*

Некризисные переходы были в таких странах, как Чили (1990), Корея (1986), Таиланд (1983) и Турция (1983). Авторитарные правительства здесь сталкивались с серьезным внешним и внутренним политическим давлением. Однако, что касается экономики, то в этих странах отмечался значительный экономический рост и относительная макроэкономическая стабильность.

Ответ на вопрос второй темы связан с типологиями переходов, которые включают опыт латиноамериканских и восточноевропейских государств (см. схему 5). В качестве критериев в данном исследовании брались характеристики политических элит. Акцент на элитах был сделан не случайно: одной из центральных в концепции демократизации является идея о зависимости перехода не столько от объективных условий, сколько от деятельности элит и их выбора.

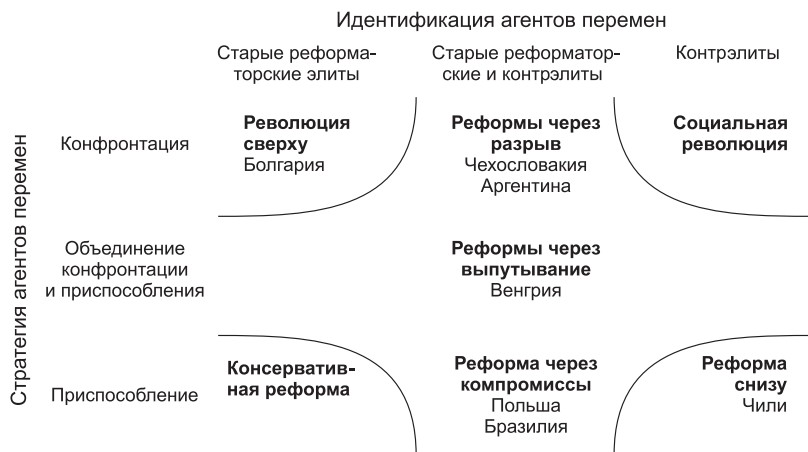


Схема 5. Типы перехода. Некоторый опыт Южной Америки и Восточной Европы¹

Типологическая схема фиксирует шесть возможных форм перехода от авторитарного правления к демократии: революция сверху, революция снизу, социальная революция, консервативная реформа, реформа посредством разрыва, реформа через выпутывание, реформа через компромиссы. Они выделяются при сопоставлении двух критериев: 1) какая группа элит осуществляет переход — старая элита или новая контрэлита, 2) какую стратегию перехода выбирает элита — конфронтацию или приспособление. Измерение предполагает также смешанные формы элит и стратегий. На схеме показаны страны, в которых с наибольшей силой проявился тот или иной тип перехода.

Приведем некоторые примеры. В Болгарии переход проходил в форме революции сверху. Тогда правящей ранее Болгарской коммунистической партии, переименованной в Социалистическую партию, удалось в июне 1990 г. выиграть парламентские выборы, организованные по мажоритарной системе, которая создает благоприятные

¹ Источник: *Munk, Leff, 1997*, p. 346.

условия для победы для хорошо организованной партии. Между тем как оппозиционный к правящей партии Союз демократических сил таковой не являлся. Пример Польши и Бразилии показал, что возможен переход через компромиссы с участием старых и новых элит при выборе ими стратегии скорее приспособления, чем конфронтации. Польские коммунисты (Польская объединенная рабочая партия) после запрета в декабре 1981 г. оппозиционной «Солидарности» вынуждены были в августе 1988 г. выдвинуть идею проведения «круглого стола», на заседании которого можно было бы договориться с оппозиционными силами о проведении политической реформы. «Солидарность» во главе с Лехом Валенсой также приняла это компромиссное решение. В апреле 1989 г. подобное заседание оппозиционных и правящих политических сил состоялось, и на нем было принято решение о проведении государственной реформы (создание второй палаты парламента — сената, введение института президентства, легализация деятельности оппозиционных сил) и выборов в парламент на основе квот представительства от правящих партий (65 %) и оппозиции (35 %). Выборы в июне 1989 г. проходили на основе договоренностей, но показали, что «Солидарность» обладает большей поддержкой в обществе, чем ПОРП. В частности, Сенат оказался полностью под контролем «Солидарности», а бывшие партнеры ПОРП — Демократическая партия и Объединенная крестьянская партия, шедшие вместе с польскими коммунистами на выборах в Сейм (нижняя палата парламента), после выборов вошли в коалицию с «Солидарностью». В результате выборов было сформировано смешанное правительство во главе с представителем «Солидарности» Тадеушем Мазовецким. В январе 1990 г., несмотря на попытки сохранить ПОРП, преобразовав ее в новую партию — Социал-демократию Республики Польши, она фактически распалась на ряд организаций. Новые парламентские выборы в октябре 1991 г. были по-настоящему первыми конкурентными выборами, которые и завершили переход. Начало перехода в Бразилии можно датировать выборами в парламент в 1982 г., когда оппозиционные силы (Партия бразильского демократического движения) и военный режим не пошли на конфронтацию, а использовали тактику взаимных компромиссов. Оппозиция поставила режим перед выбором: применить репрессии для остановки либерализации или позволить демократизацию. Правящая элита выбрала второй путь, но сконцентрировалась на том, чтобы использовать свою еще значительную власть для навязывания выгодных для себя компромиссов. В частности, когда в 1984 г. оппозиция вела активную кампанию за проведение прямых и всеобщих выборов президента, правящая элита навязала решение о не прямых выборах. На выборах президента в 1985 г. победу одержал кандидат оппозиции Хосе Сарней, но еще вплоть до парламентских

выборов в октябре 1990 г. шла компромиссная борьба между новыми и старыми элитами за правила политической игры.

В процессе осуществления перехода от авторитарной политической системы к демократической устанавливаются, как правило, временные правительства, которые отражают смешанный характер перехода и неустойчивость политической системы. Естественно, что их конфигурация зависит от особенностей форм перехода. Хуан Линц выделяет четыре типа переходных правительств, учитывая соотношение правящих и оппозиционных сил, а также влияние международного фактора:

1) революционные временные правительства, которые возникают вследствие внутренних революций или государственных переворотов;

2) правительства, в которых авторитарные элиты и их демократические оппоненты разделяют власть в ожидании новых выборов;

3) правительство, временно руководящее страной до новых выборов, после которых уходящая элита собирается передать власть демократически избранному правительству;

4) временные национальные правительства, установленные международным сообществом, которое осуществляет наблюдение за ходом демократических перемен.

История демократических переходов в отдельной стране может включать различные типы правительств. В качестве примеров отметим, что первый тип правительства наблюдался в Румынии после свержения режима Чаушеску в декабре 1989 г. Компромиссное правительство второго типа уже отмечалось нами в Польше — правительство Мазовецкого, сформированное в результате выборов 1989 г. Третий тип правительства с ограниченными полномочиями существовал в 1983 г. в Аргентине, когда после поражения в войне с Великобританией за Фолклендские (Мальвинские) острова было сформировано правительство Антонио Биньоне, начавшее подготовку к выборам и переходу к гражданскому правлению. Правительство, находящееся под международным контролем, можно было наблюдать в Намибии, Камбодже.



Рассмотренные в этой главе типологии политических систем и режимов позволяют получить общее представление о многообразии качеств и форм политической жизни в различных странах. Естественно, что данными типологиями не ограничивается весь спектр сравнительной политики. Можно говорить также о том, что прогноз увеличения количества государств в мире, отчасти подтверждаемый сегодня мировым всплеском национализма, заставляет задуматься о дальнейшей применимости некоторых типологий. Развитие срав-

нительных исследований несомненно приведет к возникновению различных модификаций старых типологических схем и созданию новых их моделей.

Основные понятия

Типологический анализ, типология, классификация, таксономия, линейные типологии, координатные типологии, политические системы/режимы, демократический режим, авторитарный режим, тоталитарный режим.

Основная литература

- Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. — М.: Аспект-пресс, 2002.
- Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. — М.: Социально-политический журнал, 1994.
- Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли. Зарубежная политическая мысль: В 5 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1997.
- Татарова Ю. Н. Типологический анализ в социологии. — М.: Стратегия, 1993.

Дополнительная литература

- Ачкасов В. А. Сравнительная политология. — М.: Аспект-пресс, 2011.
- Голосов Г. В. Сравнительная политология. — СПб.: Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2001.
- Дербишайр Дж., Дербишайр Я. Политические системы мира: В 2 т. — М.: Рипол Классик, 2004.
- Исаев М. А., Чеканский А. Н., Шишкин В. Н. Политическая система стран Скандинавии и Финляндии. — М., 2000.
- Политические системы и политическая культура. — М.: МГИМО-университет, 2008.
- Политические системы и политическая культура Востока. — М.: АСТ, Восток-Запад, 2007.
- Селезнев Л. И. Политические системы современности: Сравнительный анализ. — СПб., 1995.

ГЛАВА 9

Условия демократии

Тема обусловленности демократии разнообразными факторами внешней по отношению к ней среды появилась в сравнительной политологии во второй половине 1950-х гг., а затем органично вошла в теорию модернизации в 1960-е и последующие годы. Несмотря на сегодняшнюю критику теории модернизации за ее западоцентризм при рассмотрении процесса становления современной демократической системы и акцент на рационализации как основном процессе консолидации демократии, проблема условий демократии не потеряла своего значения и привлекает внимание многих исследователей.

9.1. Концепция условий демократизации Липсета

Один из главных инициаторов разработки этой проблематики Сеймур Липсет, статья которого в 1959 г. определила многие исследовательские направления, уже в первой половине 1990-х гг. писал о возрождении и развитии проблематики условий демократии в связи с новыми процессами в политическом мире в 1980–1990-е гг. (*Lipset, 1959, 1994*). Признанию значимости изучения факторов демократии и демократизации в сравнительной политологии служат работа, изданная в честь Липсета в 1992 г. (*Marks, Diamond, 1992*), и многие другие публикации.

Особенностью исследований обусловленности демократии является их нацеленность на подтверждение общих теоретических гипотез о детерминации демократии уровнем экономического развития, социально-структурными параметрами, уровнем образования и культуры, международными факторами, религиозной дифференциацией или гомогенизацией населения и другими условиями. При этом эмпирический анализ связи включает в себя как количественный, так и качественный аспекты. Прежде чем рассматривать современное состояние в области изучения условий демократии, обратим внимание на уже упомянутую статью Липсета 1959 г. Она интересна для нас по многим соображениям.

Во-первых, Липсет ставил проблему обусловленности демократии как проблему коррелятивности, а не каузальности, т. е. выделенные

им социально-экономические условия (благополучие, урбанизация, индустриализация, образование) рассматривались как факторы, способствующие возникновению демократии, а не требующие ее. Он писал, что крайне высокая корреляция между такими аспектами общества, как доход, образование, религия, с одной стороны, и демократией — с другой, не может быть свидетельством обязательности возникновения демократии в силу известной автономности политической системы и ее зависимости от суммы конкретно исторических условий (*Lipset /1959/ 1969*, р. 154).

Во-вторых, тогда проблема взаимосвязи демократии и социально-экономических условий решалась исходя из предпосылки линейной зависимости, при которой рост показателей благополучия, урбанизации и индустриализации способствуют росту демократичности системы.

В-третьих, особое внимание Липсет обращал на стабильность политической системы и ее социально-экономических условий. Его анализ включал сопоставление средних показателей социально-экономического развития с характеристиками политических систем выделенных им групп стран: европейские и англоговорящие страны со стабильной демократией, европейские и англоговорящие страны с нестабильной демократией и диктатурой, латиноамериканские страны с демократией и нестабильной диктатурой, латиноамериканские страны со стабильной диктатурой.

В-четвертых, кроме социально-экономических условий, по Липсету, на стабилизацию демократической системы влияли ее эффективность и легитимность. Под эффективностью политической системы он понимал результат ее деятельности, который бы удовлетворял основным предпочтениям граждан и властных групп, способных поставить систему под угрозу. Под легитимностью он понимал способность политической системы утверждать веру в то, что существующие политические институты наиболее пригодны для общества. Легитимность, с одной стороны, выступала условием преодоления кризисов эффективности, а с другой — являясь результатом разрешения исторических противоречий между социальными силами, проблематизировала саму демократию в зависимости от избранного пути достижения согласия.

В-пятых, Липсет утверждал, что при изучении условий демократии не следует руководствоваться ни редукционистским подходом, ни «идеально-типической» методологией. Нельзя сводить множество условий демократии к какому-либо одному существенному фактору, но и нельзя считать, что демократия является абстракцией и не имеет необходимой связи с многообразными качествами сложных социальных систем. В его исследовании методологической предпосылкой выступала идея о многовариативной связи демократии с ее услови-

ями, а также идея о многовариативных последствиях установления демократических политических систем.

В последующие десятилетия сравнительных исследований условий демократии многие идеи Липсета получили развитие, часть из них была скорректирована, некоторые отвергнуты. Но неизменной оставалась установка на принципиальную возможность выявить корреляционные, а может быть, и каузальные, связи и тенденции во взаимоотношениях демократической системы с окружающей средой. Каждый исследователь пытался внести свой оригинальный вклад в развитие темы; каждый новый этап рождал свои каузальные и корреляционные модели. Если попытаться суммировать каким-то образом весь накопленный материал, то основной вывод будет состоять в следующем довольно простом утверждении: «Демократия является как результатом развития современного общества, его экономических, социальных, культурных, международных и т. п. условий, так и важным фактором утверждения современности». Сравнительная политология эмпирически обосновала указанные взаимосвязи в качестве долговременной *тенденции*. Другой вопрос, что тема демократии проблематизировалась сегодня постмодернизмом и постструктурализмом, критической теорией общества, синергетическим направлением в общественных науках, феминизмом, коммунитаризмом, но, по-видимому, здесь мы имеем дело скорее с критикой «недостатка демократии», чем с критикой демократии по существу. С другой стороны, конечно же, мы наблюдаем и некоторую модификацию демократической теории, происходящую под воздействием новых процессов в развитии политических систем в конце прошлого и начале нынешнего столетий.

9.2. Объяснительные модели возникновения демократии

Для общего представления о современном состоянии дел в этой отрасли сравнительной политологии необходимо иметь в виду некоторые основные исследовательские подходы или модели, которые описывают взаимосвязь демократии с ее условиями исходя из некоторых базовых допущений и гипотез, находящих эмпирическое подтверждение. Несопоставимость отдельных исследовательских стратегий определяется временем их появления, выбором региона, господствующей методологической парадигмой.

Объяснительные модели возникновения демократии условно можно разделить на три группы, внутри которых, естественно, есть свои модификации. Первая группа включает в себя объяснительные модели, основанные на поиске непосредственных причин возникновения демократических политических систем. Здесь не выделяют какой-либо

одной ведущей причины, а считается, что только комплекс условий позволяет считать возможным возникновение демократии. Вторая группа объясняющих моделей особо подчеркивает значение социально-экономических условий. Здесь есть своя модификация, определяемая решением вопроса о непосредственном или опосредованном характере связи экономики и демократии. Следует отметить также предпосылки линейного или нелинейного характера взаимосвязи, оказывающие влияние на интерпретацию полученного эмпирического материала. Третья группа объясняющих моделей включает в себя исследования, ставящие акцент на различных факторах, исключая экономический рост. Выделяются следующие факторы:

- 1) международные условия;
- 2) внешние по отношению к политике национальные факторы, связанные с культурой, религией, историческими условиями и т. д.;
- 3) внутренние политические условия: институты, особенность государственной политики, политико-культурные факторы.

Рассмотрим подробнее содержание объяснительных моделей условий демократии.

9.3. Экономические условия демократии

Очень часто в качестве объясняющей переменной возникновения демократии используются показатели экономического развития. Считается, что чем выше уровень развития экономики (для его характеристики обычно используют показатели валового национального продукта на душу населения, показатели индустриализации — производство электроэнергии на душу населения и др.), тем вероятнее система будет становиться демократичной. Правда, часть стран как бы выпадает из данной взаимосвязи (Индия, восточные «тигры», нефтедобывающие страны Востока), но здесь находятся конкретно исторические объяснения отклонений, и к тому же в странах с экономическим ростом так или иначе создаются материальные условия для демократизации в будущем. Ник Мур, анализируя ситуацию с исследованием экономических условий демократии, делает следующие выводы:

1. Ортодоксальный взгляд, что имеется кросс-секционная статистическая взаимозависимость между уровнем дохода и демократией, оказывается обоснованным.
2. Более важно, что имеется сильное подтверждение того, что эта связь каузальна: перемены в уровнях дохода служат значительной причиной перемен в степени демократии.

3. Мы остаемся все-таки в неведении относительно того, насколько перемены в уровне демократии зависят от перемен в уровне дохода (*Moore, 1996*, р. 3).

Следует заметить, что анализ взаимосвязи между демократией и экономическим развитием позволил ряду исследователей говорить о наличии некоего порога экономического развития, после которого вероятность возникновения демократии возрастает. Роберт Даль (*Dahl, 1971*, р. 67–68) в свое время утверждал, что существует верхний порог в пределах 700–800 долларов валового продукта на душу населения, выше которого шансы полиархии становятся наиболее предпочтительными, и нижний порог — 100–200 долларов, ниже которого шансов у полиархии для возникновения слишком мало. Хантингтон, анализируя третью волну демократизации, показал, что около двух третей стран, осуществляющих переход к демократии, имели показатели валового внутреннего продукта на душу населения 300–1300 долларов в ценах 1960 г. Из 31 страны, которые осуществили демократизацию или значительную политическую либерализацию между 1974 и 1989 г., половина характеризовалась показателем 1000–3000 долларов (*Huntington, 1991*, pp. 62–63). Предложив свою объяснительную модель взаимосвязи экономики и демократии, Липсет, Сен и Торрес нашли, что шансы для демократии возрастают для стран с уровнем экономического развития до 2346 долларов; в пределах 2346–5000 долларов они значительно понижаются, а после пяти тысяч происходит стабилизация отношений между демократией и экономикой (*Luncet, Sen, Torres, 1993*, с. 17–19).

Ларри Дайамонд приводит таблицу распределения государств по типам политического режима (используя показатели «Дома свободы») и уровням валового внутреннего продукта на душу населения (по данным МБРР) (см. табл. 10).

Из таблицы мы видим, что среди стран с наиболее высокими экономическими показателями около 83% стран являются в наибольшей степени демократическими и свободными.

Четыре страны в этой экономической группе характеризуются как гегемонистские государства с авторитарными режимами; но все они относятся к нефтедобывающим странам персидского региона, где высокий уровень валового внутреннего дохода на душу населения еще не свидетельствует об общем высоком уровне экономического развития. Сингапур также относится к группе стран с высоким ВВП на душу населения, но с недемократическим режимом. Интересно, что в группе стран с уровнем ВВП ниже среднего наблюдается тенденция к большей демократичности, чем в странах с уровнем ВВП выше среднего.

И, наконец, среди стран с низкими экономическими показателями мы видим относительное и абсолютное преобладание недемократических режимов. Восемьдесят процентов из них относятся к гегемонистским и неконкурентным государствам.

Таблица 10

**Распределение стран по уровню свободы (1990)
и валового внутреннего продукта на душу населения (1989)**

Тип режима	ВВП на душу населения				
	Высокий уровень	Выше среднего	Ниже среднего	Низкий уровень	Всего
Гегемонистские государства, закрытые (13–14)	2 10,5% 6,7%	2 10,5% 11,1%	2 10,5% 4,1%	13 68,4% 28,9%	19 100,0% 13,4%
Гегемонистские государства, частично открытые (11–12)	2 7,7% 6,7%	3 11,5% 16,7%	3 11,5% 6,1%	18 69,2% 40,0%	26 100,0% 18,3%
Бесконкурентные, частично плюралистические (10)	0 — —	1 9,1% 5,5%	5 45,4% 10,2%	5 45,4% 11,1%	11 100,0% 7,7%
Полуконкурентные, частично плюралистические (5–6)	1 4,1% 3,3%	3 12,5% 16,7%	14 58,3% 28,6%	6 25,0% 13,3%	24 100,0% 16,9%
Конкурентные, частично несвободные (5–6)	1 6,7% 3,3%	1 6,7% 5,5%	12 80,0% 24,5%	1 6,7% 2,2%	15 100,0% 10,6%
Конкурентные, плюралистические, частично институционализи-рованные (3–4)	5 20,8% 16,7%	6 25,0% 33,3%	12 50,0% 24,5%	1 4,1% 2,2%	24 100,0% 16,9%
Либерально-демократические (2)	19 82,6% 63,3%	2 8,7% 11,1%	1 4,3% 2,2%	1 4,3% 2,2%	23 100,0% 16,2%
Всего	30 21,1% 100,0%	18 12,7% 100,0%	49 34,5% 100,0%	45 31,7% 100,0%	142 100,0% 100,0%

Примечание. Верхний процентный ряд относится к распределению режима по уровню ВВП на душу населения. Нижний процентный ряд — к распределению регионов внутри той или иной экономической группы.

Источник: *Diamond, 1992*, p. 99.

Хотя основные модели, характеризующие особенности статистической зависимости экономики и демократии, представлены в переведенной на русский язык работе Липсета, Сена и Торреса (1993),

тем не менее для полноты изложения вопроса вкратце опишем их здесь. Ранняя модель Липсета, как уже отмечалось, основывалась на предпосылке линейной зависимости, существующей между уровнями экономического и демократического развития. Эта модель позволяла использовать для анализа эмпирических данных корреляционный и регрессионный методы. Результаты в целом всегда подтверждали довольно высокую степень зависимости между этими переменными, что выражалось в показателях коэффициентов корреляции: по разным исследованиям — от 0,47 до 0,78 (*Lane, Ersson, 1990*, р. 71). Модель взаимосвязи экономического развития и демократии Джэкмана (*Jackman, 1973*) нелинейной зависимости между этими переменными, когда не только (при высоких показателях) наблюдаются стабилизационные эффекты в демократическом развитии при продолжительном экономическом росте, но и отмечается некоторая область связи, где при росте экономики уровень демократии может падать. Керт (*Kurth, 1979*) считал, что уровень демократии определяется не столько уровнем экономического развития, сколько типом производства, или фазой индустриального развития. В этом смысле наиболее благоприятными для развития демократии являются фазы экономики, связанные с производством потребительских товаров кратковременного и длительного пользования, а наиболее неудачной здесь является фаза производства средств производства. Прямую причинную зависимость между уровнем экономического развития и демократии доказать трудно. Как правило, всегда возникают проблемы, когда пытаются в качестве третьей переменной брать время. Некоторые исследователи подчеркивают, что между переменными в уровнях дохода и переменными в уровнях демократии имеется некий временной лаг, т. е. только со временем можно наблюдать демократическую результативность экономического развития (*Moore, 1996*, р. 16–17).

Концепция непосредственного влияния уровня развития экономики на демократию имеет своих противников. Как правило, считается, что не столько экономическое развитие, сколько связанные с ним социально-экономические факторы (социальная структура, урбанизация, образование и т. д.) оказывают каузальное влияние на демократическое развитие. Уже в 1960-е гг. издатели сборника «Эмпирическая демократическая теория» Чарльз Кнадд и Дин Нейбауэр писали о некоем последовательном ряде условий (исторические обстоятельства, экономическое развитие, социальная организация), взаимодействие между элементами которого в конечном итоге способствует возникновению и утверждению демократии. В качестве непосредственной причины они выделяли развитие средств массовой коммуникации. В целом, цепь причинных связей им представлялась в следующем виде (см. схему б).

Они писали: «Явные и неявные результаты исследования состоят в том, что демократия является следствием некоторой целой цепи развития от исторических событий к индустриализации, а затем через урбанизацию, образование, грамотность, массовые коммуникации к демократии. К тому же имеются возможности прямого влияния исторических событий на демократию, а также урбанизации на индустриализацию, а индустриализации на историю» (*Ibid*, р. 518). Подобные представления об условиях демократии заложили основы так называемой «эволюционной» модели развития демократических систем.

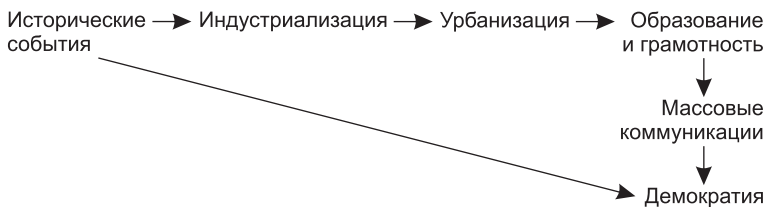


Схема 6. Влияние факторов окружающей среды на демократию¹

9.4. Исторические условия демократии

Что касается возможности прямого влияния исторических событий и ситуаций на возникновение демократических политических систем, то, как правило, объяснение историй встречается чаще всего тогда, когда та или иная страна «выпадает» из общей логики влияния экономических и социальных условий на демократию (например, Индия, Германия). Но иногда исторические условия пытаются использовать более широко, придавая им решающее объяснительное значение. Особенно это характерно для исследования третьей волны демократизации, когда полуразвитые и неразвитые страны начали движение в сторону расширения демократического участия, политических свобод и гражданских прав, плюрализма и политической конкуренции. Наиболее ранним в этом смысле исследованием, противостоящим липсетовской тенденции в сравнительной политологии, была работа Денкворта Растоу о переходе к демократии, опубликованная в 1970 г. В ней утверждалось, что демократии исторически существовали и при низких уровнях экономического развития (например, Соединенные Штаты в 1820 г., Франция в 1870 г., Швеция в 1890 г.). Единственными действительными предпосылками демократии, по мнению Растоу, были дух национального единства и некоторая склонность элит к демократическому переходу, часто осуществляемому не потому, что

¹ Источник: *Cnudd, Neubauer, 1969*, р. 517.

демократию ценят саму по себе, а в силу того, что она, как представляется, дает наилучший шанс для разрешения возникшего конфликта (Rustow, 1970, p. 352). Историко-ориентированный подход характерен для многих работ по сравнительной политологии третьей волны демократизации, когда причиной демократического перехода выступают причудливые стечения обстоятельств, связанные с международными условиями, состоянием общественного сознания, готовностью политических элит к демократическим переменам и т. д.

Роберт Дикс, используя некоторые идеи исторического подхода Р. Даля к возникновению полиархий, проанализировал три волны демократизации (Dix, 1994). Он сформулировал пять основных вопросов, касающихся исторической *последовательности* возникновения некоторых главных характеристик демократии и *способов*, посредством которых демократические режимы вступают в действие. Дополнительно он исследовал влияние этих обстоятельств на стабильность и нестабильность политических режимов.

Что касается исторической последовательности условий, то Дикс выделил четыре возможных ситуации:

- 1) политическая конкуренция предшествует значительному расширению политического участия;
- 2) значительное расширение политического участия предшествует политической конкуренции;
- 3) политическая конкуренция и участие появляются более или менее одновременно, причем в короткие сроки, т. е. наблюдается «стремительная» демократизация;
- 4) страны имели опыт конкурентных политических систем с участием, но также опыт реверсивного авторитарного движения.

Результаты эмпирического анализа государств представлены соответствующей таблицей (см. табл. 11), из которой видно, что наиболее предпочтительной для демократии является такая эволюционная историческая ситуация, когда политическая конкуренция предшествует широкому политическому участию, но она является результатом особых исторических и культурных условий и вряд ли повторится вновь. Третья волна демократизации продемонстрировала значение исторического опыта для становления новых полиархий, а также разнообразие путей их формирования. Что касается способов вступления в действие полиархических режимов, то третья волна характеризовалась по преимуществу либо трансформацией существовавших гегемонистских режимов (девять стран, среди которых отмечаются Испания, 1977, Эквадор, 1979, Перу, 1980 и т. д.), либо их крушением или низвержением (восемь стран, среди них — Греция, 1974, Португалия, 1975, Доминиканская Республика, 1975 и т. д.) (*Ibid*, p. 97).

Конечно, формы переходов к демократии значительно более разнообразны, чем это представлено Диксом (об этом еще будет идти речь впереди). Но его исследование заставило обратить внимание на значение одновременности и разновременности в истории таких важных переменных демократии, как политическое участие и политическая конкуренция.

Таблица 11

Историческая последовательность условий и демократические режимы

Опыт	Конкуренция предшествует участию	Прерванный опыт демократии	Стремительная демократизация	Участие предшествует конкуренции	Всего
Первая волна демократизации (1848–1934)					
Удачный*	13 США (1865) Канада (1867) Швейцария (1878) Норвегия (1898) Австралия (1901) Н. Зеландия (1907) Дания (1915) Нидерланды (1917) Великобритания (1918) Швеция (1918) Финляндия (1919) Бельгия (1919) Ирландия (1921)	1 Франция (1875)	0	0	14
Неудачный**	1 Италия (1919)	3 Уругвай (1918) Югославия (1919) Испания (1931)	4 Франция (1848) Австрия (1919) Чехия (1919) Польша (1919)	1 Германия (1919)	9
Вторая волна демократизации (1942–1968)					
Удачный	5 Индия (1947) Коста-Рика (1949) Тринидад (1962) Ямайка (1962) Маврикий (1968)	5 Австрия (1945) Италия (1946) Япония (1947) Германия (1949) Колумбия (1958)	4 Израиль (1948) Малайзия (1957) Венесуэла (1959) Ботсвана (1966)	0	14

Опыт	Конкуренция предшествует участию	Прерванный опыт демократии	Стремительная демократизация	Участие предшествует конкуренции	Всего
Не-удачный	4 Ливан (1946) Филиппины (1948) Мьянма (1948) Чили (1958)	5 Уругвай (1942) Греция (1946) Аргентина (1946) Панама (1956) Турция (1961)	4 Куба (1944) Турция (1950) Индонезия (1950) Нигерия (1960)	1 Шри-Ланка (1948)	14
Третья волна демократизации (1973–1991)					
Удачный	0	12 Греция (1974) Испания (1977) Эквадор (1979) Перу (1980) Гондурас (1982) Аргентина (1983) Турция (1983) Бразилия (1985) Уругвай (1985) Филиппины (1986) Чехия (1989) Польша (1989)	3 Папуа — Н. Гвинея (1975) Португалия (1975) Южная Корея (1988)	3 Доминиканская Республика (1978) Боливия (1982) Венгрия (1979)	18
Не-удачный	0	2 Турция (1973) Нигерия (1979)	0	0	2
Всего:	23	28	15	5	71
В том числе					
Удачный	18	18	7	3	46
Не-удачный опыт	5	10	8	2	25

Примечание. * Удачный опыт фиксирует полиархии, которые выжили до настоящего времени, ** Неудачный — которые разрушились после своего появления.

9.5. «Распределительные» модели условий демократии

Рассмотрим далее те модели условий демократии, которые основываются на идее, что экономический рост влияет на возникновение и укрепление демократии не непосредственно, а через иные социально-экономические факторы, связанные с этим ростом. Особое место в этой группе занимают так называемые «распределительные» модели: модель распределения властных ресурсов Ванханена, модель социального равенства/неравенства Мюллера и модель «многовариантной каузальности» Дайамонда.

Тату Ванханен считал, что демократия предполагает широкое распределение властных ресурсов, под которыми он понимал социально-профессиональный статус, образование и наличие земельной собственности. Чем шире распределены властные ресурсы, тем реальнее возможность возникновения демократии. Для эмпирического анализа взаимосвязи демократии (его индекс демократии рассмотрен нами ранее) и социально-экономических условий Ванханен формирует пять измерителей распределения властных ресурсов (*Vanhanen, 1984*, р. 38):

1. IOD (index of occupational diversification) — индекс профессиональной диверсификации, подсчитанный как среднее арифметическое доли городского населения и доли несельскохозяйственного населения.
2. IKD (index of knowledge distribution) — индекс распределения знания, подсчитанный как среднее арифметическое долей учащихся и грамотных.
3. FF (family farms) — индекс распределения земельной собственности, подсчитанный как доля семейных земельных участков в общем числе земельных владений.
4. Среднее арифметическое IOD, IKD, FF.
5. IPR (index of power resources) — индекс властных ресурсов, вычисляемый по формуле:

$$IPR = IOD \times IKD \times FF / 10\,000.$$

Эмпирическое обследование 119 государств (*Ibid*), а затем 147 государств (*Vanhanen, 1989*) включало анализ процесса возникновения демократии по десятилетиям, начиная с 1850 и по 1988 гг. В качестве статистических методов анализа эмпирических данных использовались корреляционный и регрессионный анализы. Впоследствии данная методология и методика с некоторым дополнением индексов Ванханен использовал для анализа процесса демократизации в Восточной Европе.

Первые исследования Ванханена были направлены на подтверждение следующих гипотез:

- 1) арифметическое среднее IPR по десятилетиям явно выше у демократий, чем у недемократий;
- 2) политические переменные положительно коррелируют с IPR и его компонентами;
- 3) все страны стремятся пересечь порог демократии при одном и том же уровне IPR;
- 4) все страны стремятся пересечь порог демократии, когда IOD, IKD, FF и их арифметическое среднее достигает уровня 30–50%.

В общем и целом результаты эмпирического анализа свидетельствовали о наличии достаточно тесной связи между распределением властных ресурсов и показателями демократии (см. табл. 12).

Таблица 12

Корреляции политических переменных с IPR и его составляющими

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)
Конкуренция (1)	1,00	0,409	0,777	0,642	0,643	0,519	0,604
Участие (2)	—	1,00	0,688	0,587	0,604	0,481	0,611
Индекс демократии (3)	—	—	1,00	0,685	0,643	0,625	0,803
IOD (4)	—	—	—	1,00	0,840	0,446	0,738
IKD (5)	—	—	—	—	1,00	0,562	0,748
FF (6)	—	—	—	—	—	1,00	0,752
IPR (7)	—	—	—	—	—	—	1,00

Источник: *Vanhanen, 1984*, p. 45.

Коэффициенты корреляции, приведенные в таблице, показывают, что переменная политической конкуренции имеет более высокие показатели коррелятивности, чем переменная политического участия, за исключением взаимосвязи с обобщающим индексом властных ресурсов. Индекс демократии в целом имеет самый высокий показатель взаимосвязи с индексом властных ресурсов (0,803) и достаточно высокие показатели корреляции с его составляющими. Все это позволяет говорить о достаточно тесной зависимости между двумя наборами переменных.

Доказана была гипотеза и о более значимых показателях распределения властных ресурсов у демократий, чем у недемократий. Так,

арифметическое среднее IPR у демократий по десятилетиям составило: 1850–1959 — 6,1; 1900–1909 — 11,3; 1970–1979 — 23,9; за весь обследуемый период, т. е. 1850–1979 — 16,3; у недемократий — соответственно 1,0; 1,5; 3,1; 1,7 (*Ibid*, p. 49).

Эдвард Мюллер предложил свою модель демократизации как процесса, определяемого экономическим развитием, которое находит выражение в особенностях классовой структуры и в уровнях распределения доходов. Именно последние факторы и следует, по его мнению, считать непосредственными причинами демократизации. Схематически его модель выражается следующим образом (см. схему 7). Он пишет: «Имеется правдоподобное теоретическое основание ожидать, что отношение между экономическим развитием и демократией может быть более сложным, чем положительная монотонная связь. Действительно, я полагаю, что процесс капиталистического экономического развития имеет положительное прямое влияние и отрицательное не прямое влияние на процесс демократизации» (*Ibid*).

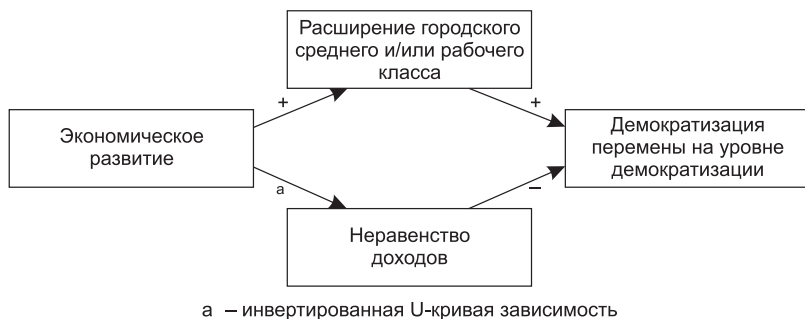


Схема 7. Отношение между экономическим развитием и демократизацией¹

С одной стороны, процесс капиталистического экономического развития оказывает положительное влияние на демократизацию, так как он сопровождается переходом от сельскохозяйственной занятости населения к его включению в сферу индустрии и услуг. Этот переход вызывает рост городского среднего класса и городского рабочего класса, которые способствуют введению демократии. С другой стороны, капиталистическое экономическое развитие также первоначально усиливает социальное неравенство и, следовательно, негативно воздействует на демократизацию, так как высокий уровень неравенства доходов радикализирует рабочий класс, усиливает классовую поляри-

¹ Источник: *Muller, 1995*, p. 969.

зацию и понижает толерантность буржуазии к политическому участию низших классов. Следовательно, неравенство доходов несовместимо со стабильностью демократии во времени.

Если говорить о равенстве/неравенстве, то существует несколько моделей взаимосвязи демократии и уровня распределения доходов. Не все исследователи согласны, что такая зависимость существует на национальном уровне. Так, Фредерик Тернер и Марита Карбальо де Силей, сравнивая данные Всемирного банка о распределении доходов с результатами исследования уровней политических прав «Домом свободы», не находят связи между ними на внутринациональном уровне (*Тернер, де Силей, 1993*, с. 165). Но одновременно они выдвигают положение о наличии связи между демократией и международным равенством. Конечно, социальное равенство внутри страны играло свою роль в возникновении демократии, но только в истории (США, например). Сегодня следует говорить о том, что возможности полиархии усилились именно потому, что рост доходов на душу населения характеризует сегодня все большее число стран. С другой стороны, опасностью для демократии является разрыв в доходах на душу населения между богатыми и бедными странами. Так, выгоды, полученные от роста, распределяются неравномерно среди стран и народов: 20% населения мира, представляющие собой самую богатую его часть, умножали свои доходы в период между 1960 и 1989 г. в 2,7 раза быстрее, чем 20%, относящиеся к категории бедняков. В 1989 г. 20% самых богатых в мире получали в 60 раз больше, нежели 20% самых бедных (и если говорить о самых богатых и самых бедных, то пропорция составляла 150 : 1) (*Попповиц, Пине́йру, 1995*, с. 100).

Модель «разрыва», предложенная Зехрой Арат, говорит о том, что первоначальный неизбежный разрыв, который существует между удовлетворением гражданских и политических прав и удовлетворением социальных и экономических прав на начальном этапе демократизации, при сохраняющемся или даже понижающемся уровне удовлетворения последних ведет к падению демократии (*Arat, 1991*).

Что касается роли классов в политике и политических переходах, то внимание к ним в последние годы также возросло. На это указывает Рэй Кили, критикуя предшествующую концепцию развития за неисторичность, эволюционизм, функционализм, догматизм и неспособность объяснить перемены в современном мире, хотя он и не ограничивает объяснительные причины классами и классовой борьбой (*Kiely, 1995*). Интерес к анализу отклоняющихся от статистической зависимости случаев демократизации приводит к восстановлению исторического подхода, опирающегося на поиск причин в классовых взаимоотношениях. В этих условиях приобретает популярность классовый анализ

становления диктатуры и демократии марксистского направления в сравнительной политологии. Вновь вызывает интерес классическая книга Баррингтона Мура о социальных источниках диктатуры и демократии (*Moore, 1996*). Исследователи этого направления делают акцент на классах, классовых коалициях, социальных основаниях аппарата государства и т. д. Так, авторы «Капиталистического развития и демократии» указывают, что демократизация в течение исторической фазы ранней индустриализации стимулировалась рабочим классом, позже — средний класс становится в этом процессе более значимым и, вероятно, хотя и не всегда, сотрудничает с рабочим классом. Главную роль в демократизации они отводят низшим классам. Капиталистическое развитие ослабляет традиционную земельную элиту, рабочие приобретают опыт классовой власти. Становление демократии в истории (и в регионе современных развивающихся стран) подтверждают следующие выводы:

- 1) рабочий класс был наиболее последовательной продемократической силой, хотя иногда склонный к мобилизации харизматическими, а не авторитарными лидерами и партиями;
- 2) земельный высший класс, зависимый от использования значительного по размеру дешевого труда, был последовательно антидемократической силой и противился включению в политику низших классов;
- 3) роль среднего класса в процессе демократизации была двойственной, так как он пытался расширить свое участие в политике, но иногда отвергал подобное участие для рабочего класса (*Rueschemeyer et al., 1992*).

Ларри Дайамонд также считает, что экономическое развитие хотя и связано с возникновением демократии (что эмпирически может быть подтверждено), но следует учитывать все-таки те факторы, связь которых с демократизацией более существенна. Эти факторы, конечно, определяются уровнем экономического развития, но эмпирически подтверждается их большее влияние, чем собственно экономики. Анализируя связи и оценивая более чем тридцатилетний период исследований социально-экономической обусловленности демократии, он делает следующие обобщающие выводы.

1. Имеется сильная положительная связь между демократией и социально-экономическим развитием. Последнее может быть показано и как ВВП на душу населения, и через индекс физических условий жизни.
2. Эта связь каузальна по крайней мере в одном направлении: более высокие уровни социально-экономического развития порождают бóльшую возможность для демократического управления.

3. Она также свидетельствует и о том, что высокие уровни социально-экономического развития связаны не только с наличием, но и со стабильностью демократии.
4. Связь между социально-экономическим развитием и демократией является линейной, но в последние десятилетия все более явно походит на кривую — растущие шансы для демократии среди бедных стран и, возможно, среди стран с доходом ниже среднего затем нейтрализуются или даже возникает отрицательный эффект для демократии на среднем уровне развития и индустриализации, и вновь растут в точке, где демократия становится крайне вероятной на определенном высоком уровне экономического развития (приблизительно при доходе на душу населения 6000 долларов в текущих ценах США).
5. Каузальная связь между развитием и демократией может быть нестабильной во времени и может сама изменяться по периодам или волнам в мировой истории. Нынешняя волна глобальной демократической экспансии может ослабляться или разрушаться при падении дохода ниже «нижней границы», когда, в соответствии с Далем, возможности для демократии являются «хрупкими». Даже более того, нынешняя волна может быть уменьшена или разрушена обратной связью между демократией и развитием на средних уровнях экономического развития.
6. Уровень социально-экономического развития является наиболее важной переменной в детерминации возможностей демократии, но она не является полностью детерминационной. Другие переменные оказывают влияние, и множество стран все еще имеют формы режимов, которые явно ненормальны при сравнении их с уровнями развития.

Хотя национальный доход на душу населения, по-видимому, должен быть единственной независимой переменной, которая предполагает наиболее надежное и устойчивое предсказание уровня демократии, эта переменная, вероятно, является заменителем более широкой меры нормального человеческого развития и благополучия, которая более тесно связана с демократией. Тезис Липсета может быть, таким образом, слегка переформулирован: чем более зажиточным является народ страны в среднем, тем больше вероятность, что он будет благосклонно относиться к демократии, стремиться к ней и устанавливать демократическую систему в своей стране (*Diamond, 1992*, р. 108–109).

Описанные выше объяснительные модели условий демократии основной акцент делают на социально-экономических факторах. Ясно, что стремление выстроить объективный механизм возник-

новения демократических политических систем заставляет исследователей искать детерминанты демократии прежде всего в сферах экономики, социального расслоения, международных отношений. Тем более, что для эмпирического анализа связей есть необходимый материал и достаточно легко применяются методы статистической науки. Однако наряду с этими исследованиями сравнительная политология включает и модели, основная идея которых состоит в поиске не факторов окружающей среды (инвайроментальных факторов), а внутренних, связанных с развитием самой политической системы. По-видимому, объяснение возникновения демократии посредством собственно политических факторов позволяет решить проблему частичного несовпадения демократии и социально-экономического развития, о котором говорил Ларри Дайамонд. Кроме того, необходимо учитывать, что политика является относительно автономной сферой жизни общества, имеет свои собственные зависимости и детерминационные связи, учитывать которые необходимо при решении вопроса о трансформации политических систем. Часто возникает вопрос, что первично: демократия или экономическое развитие, не оказывает ли демократическое устройство не просто стимулирующее воздействие на экономический рост и благосостояние, а становится необходимым моментом начала такого развития? Здесь, конечно, демократия из зависимой переменной превращается в независимую, что, в свою очередь, требует иных объяснительных подходов к ее возникновению.

Рассматривая разнообразные факторы демократизации — легитимность, лидерство, политическую культуру, гражданское общество, электоральные системы, конституционные нормы, децентрализацию и т. д., — авторы «Политики в развивающихся странах» признают связь между развитием и демократией несовершенной. Однако они настаивают, что накопление исторических и количественных свидетельств способствует опровержению аргумента, преобладавшего в мышлении исследователей в 1960–1970-е гг., о том, что бедные страны должны забыть о демократии и сосредоточиться на развитии; что авторитарные режимы растут более быстро, чем демократические, и что демократическое политическое участие должно, следовательно, «сдерживаться, по крайней мере, временно, для благоприятствования экономическому продвижению от низшей к средней стадии прогресса» (Diamond, Linz, Lipset, 1995, p. 24).

В общем, можно выделить следующие основные объяснительные модели, основанные на поиске внутренних факторов демократии: институциональная модель, культурологическая модель и элитистская модель. Подобные модели дополняют картину условий демократии и зачастую служат объяснению новых возможностей ее возникновения при отсутствии достаточных социально-экономических реквизитов.

Хотя более подробно некоторые из этих моделей будут объяснены в последующих главах, здесь все же отметим ряд основных моментов.

Институциональные основы становления демократии связывают с конституционными нормами, с социально-политическими движениями, с политическими партиями, с государственно-политическими режимами. Так, особую роль в переходных процессах играют правительства, деятельность которых способствует или препятствует демократизации. Выделяют, например, четыре модели промежуточных правительств:

- 1) революционные временные правительства, которые вырастают из внутренних революций или государственных переворотов;
- 2) правительства, в которых авторитарные силы и их демократические противники разделяют власть в ожидании выборов;
- 3) правительство, временно руководящее страной до новых выборов, после которых уходящая элита стремится передать власть демократически избранному правительству;
- 4) международные временные власти, при которых ООН наблюдает за процессами демократических перемен.

При этом главным вопросом переходных правительств выступает обеспечение легитимации своей деятельности, без которой переход к демократии невозможен (*Shain, Linz, 1995, ch. 1–4*).

Вновь появляется значительный интерес к политической культуре и ее роли в переходных процессах, а также в укреплении демократии. Джон Мартц специально пересматривает роль политико-культурного измерения политики, особенно при объяснении переходных структур (*Martz, 1991*). Ларри Дайамонд считает, что политическая культура относится к одной из решающих вмешивающихся переменных при исследовании процессов демократизации, и выделяет следующие каналы, через которые политическая культура определяет демократическое становление системы или, наоборот, препятствует демократизации:

- 1) через изменение верований и ощущений руководящих элит;
- 2) через изменение массовой политической культуры;
- 3) через возрождение демократических норм и предпочтений.

Новые демократии могут процветать или ухудшаться со временем; их окончательное разрушение является другим возможным результатом. Дайамонд утверждает, что «перемены в положении, силе или стабильности демократии редко случаются без некоторых заметных включений в этот процесс политической культуры» (*Diamond, 1993, p. 27*).

Элитологический подход к проблеме становления демократии предполагает, что при отсутствии некоторых важных социально-эко-

номических, институциональных, культурно-массовых политических условий или их слабости политическая элита выполняет важные стимулирующие и организационные функции. В этой связи особое значение приобретает «интернационализация» национальных политических элит, которая базируется на интенсивных мировых процессах обмена рабочей силой, технологиями, информацией и культурой. Трудность здесь заключается в готовности и умении «интернационализированной» на основе демократических ценностей политической элиты сочетать демократию с уровнем социально-экономического развития и культурными национальными традициями.

Таким образом, заключая материал данной главы, следует сказать, что изучение условий демократии развивалось двумя путями. Во-первых, происходило усиление многовариативности в выделении основных объясняющих факторов процесса становления демократии. Во-вторых, исследователи сочетали статистически значимые обобщения каузальных связей с историческим анализом отклоняющихся от закономерных случаев.

Основные понятия

Условия демократии, корреляционные и причинные взаимосвязи, модели взаимосвязи экономики и демократии, исторические условия демократии, распределительные модели взаимосвязи условий и демократии.

Основная литература

- Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. — М.: Новое издательство, 2011.
- Липсет С. М., Сен К.-Р., Торрес Д. Ч.* Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии // Международный журнал социальных наук. Сравнительная политология, 1993. № 3.
- Пишеворский А.* Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. — М.: РОССПЭН, 1999.
- Тернер Ф. С., де Силей М. К.* Равенство и демократия // Международный журнал социальных наук. Сравнительная политология. 1993. № 3.

Дополнительная литература

- Лейн Ж.-Э., Эррсон С.* Сравнительная политология: от политической социологии к сравнительной социальной политике // Политические процессы в России в сравнительном измерении / Под ред. М. А. Василика и Л. В. Сморгунова. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997.

Мельвилъ А. Ю. И вновь об условиях и предпосылках движения к демократии // Политические исследования. Полис, 1997. № 1.

Роузфилд Ст. Сравнительная экономика стран мира. Культура, богатство и власть в XXI веке. — М.: РОССПЭН, 2004.

Теория и методы в современной политической науке / Под ред. Ст. Ларсена. — М.: РОССПЭН, 2009.

ГЛАВА 10

Третья волна демократизации

В 1980–1990-е гг. вновь вырос интерес исследователей-компаративистов к проблемам демократии и факторам, ее обуславливающим. Это объясняется отчасти тем, что демократизация, проходящая в ряде регионов мира, сопровождается тенденциями, ранее не свойственными становлению демократии. Эти новые политические реалии создают дополнительный импульс для исследователей: формируется новая предметная сфера анализа, а следовательно, ситуация спора и размышления о новых теоретических подходах к ней. Сравнительная политология в подобных условиях обретает возможность, во-первых, проводить сравнение различных исторических этапов становления демократии, во-вторых, выявлять группы стран, осуществляющих сходные по тенденции процессы в различных географических, социально-экономических, культурных и международных условиях.

Как никогда возросло внимание к теоретической стороне вопроса. Оказалось, что прежние концептуализации «условий демократии» потребовали либо серьезной трансформации, либо вообще отказа от некогда подтвержденных эмпирических обобщений. К тому же интерес к демократии в Латинской Америке, Африке, Азии и Восточной Европе заставил исследователей-компаративистов обратить внимание и на состояние демократии в тех регионах, которые характеризовались давними демократическими традициями. Выявилось, что господствующая либеральная модель демократии при практическом ее применении в других регионах не выказывает ряда своих достоинств. С другой стороны, ликвидация «железного занавеса», оказалось, дает возможность непредвзято посмотреть и на «домашнюю» демократическую систему. Все более и более стали поговаривать о кризисе либеральной демократии.

Российский опыт демократической реформы также был включен в общий процесс. Вопросы о разделении властей и эффективности управления, об экономическом кризисе и социальном государстве, о конфликте и консенсусе политических сил, о политических элитах и социальной основе демократии, о легитимности демократического устройства и делегитимизации политики правительства и т. п. осмыс-

ливались и разрешались в русле с общемировыми процессами и тенденциями. Вместе с тем российский опыт имеет свою уникальность, которая заметна при сравнении.

В данной главе обращается внимание на:

- 1) концептуализации перемен в ряде стран и регионов, начиная с середины 1970-х гг., получивших наименование «третьей волны демократизации»;
- 2) особенности современного этапа теоретического и эмпирического анализа условий демократизации.

10.1. Концепция «третьей волны демократизации»

Концепция «третьей волны демократизации» была разработана не без очевидного влияния известной книги А. Тоффлера «Третья волна» (*Toffler, 1980*), посвященной переменам во всех сферах общественной жизни под влиянием электронной и информационной революций. Среди исследователей третьей волны демократизации следует особо выделить Сэмюэла Хантингтона. Его статья «Демократическая третья волна», опубликованная весной 1991 г. в «Демократическом журнале», и книга «Третья волна: Демократизация в конце XX столетия» (1991) вызвали особый интерес у исследователей, так как включали проблему демократизации 1970—1980-х гг. в широкий исторический и социальный контекст (*Huntington, 1991; 1991a*). Они сразу же были отмечены и использованы исследователями-компаративистами.

Концепция «третьей волны демократизации» базируется на следующих основных предпосылках.

Во-первых, переход к демократии в различных странах трактуется как глобальный процесс, т. е. между различными переходными процессами и формами демократизации можно не только отметить нечто общее, но и рассмотреть их как частные случаи мирового политического движения. А это значит, что на форму, интенсивность, характер переходных демократических процессов оказывают влияние не только национальные исторические, экономические, социальные и культурные условия, но и фактор международный. Глобализация процесса демократизации выражается и в том, что ни одна страна (даже если в ней и продолжает сохраняться иной тип политического режима, нежели демократический) не может не испытывать влияния общего демократического движения. Можно также сказать, что третья волна демократизации захватывает и сферу международных отношений, наполняя их демократическим содержанием.

Во-вторых, предложенная концепция демократизации рассматривает демократию как самоценность, не связывая ее установление с прагматическими, инструментальными целями. Хотя на практике на демократические институты часто возлагают решение экономических и социальных задач, однако отмечается явная тенденция рассматривать демократию не просто как более предпочтительную в данных условиях форму политического устройства, а как потребность саму по себе. Не случайно отмечается относительная устойчивость демократических ориентаций даже в условиях экономического кризиса. Как пишет Амарья Сен: «Демократия — это гарантия избирательных прав граждан, защита свободы и равенства прав личности, свобода слова, отсутствие цензуры СМИ. Достоинства демократии как универсальной ценности проявляются в том, что она способна практически помогать людям. Если вышеприведенный анализ был очевидным, тогда демократические притязания на ценность основываются не только на ее достоинствах. Имеется множество особенностей: во-первых, внутренняя важность политического участия и свобод в жизни человека; во-вторых, инструментальная значимость политических стимулов в осуществлении ответственного и согласованного управления; в-третьих, конструктивная роль демократии в формировании ценностей и осознании нужд, прав и обязанностей» (*Sen, 1999, p. 10*).

В-третьих, концепция базируется на идее плюральности возможных форм демократического порядка. В этом отношении возникает двойственная задача: с одной стороны, защита и обновление европейского либерализма, с другой стороны — формирование толерантности к иным формам демократического устройства. Возникает закономерный вопрос о том, что расширение пространства демократии, выход ее за рамки европейской цивилизации неизбежно должны обогатить ее содержание за счет ценностей других цивилизаций.

В-четвертых, демократизацией в конце XX в. не заканчивается процесс перемен в мире, не завершается история демократии. В этом смысле концепция «третьей волны» базируется на предположке синусоидального характера демократического процесса, т. е. как возможного реверсивного движения (часть стран может откатиться назад), так и возможной «четвертой волны», но уже в XXI в. В политической теории возрос интерес к прогнозу развития новых форм демократии.

В-пятых, важной интеллектуальной установкой исследователей третьей волны демократизации является оптимизм, убеждение в непреодолимости в конечном итоге движения к демократии в различных странах. В этой связи обосновывается идея о демократической природе человека. Другой вопрос, как соединить и как соединяется движение к демократии с нарастающей тенденцией культурной ге-

теронии, культурных конфликтов в мире. Как пишет Рабий Райт, «в ироническом смысле, но отсутствие альтернатив демократии также поддерживает этнические и религиозные страсти» (*Wright, 1994*, p. 262).

10.2. Волны демократизации

Становление и развитие современных демократий в мире происходило неравномерно по странам и регионам. В целом отмечается три волны демократизации, каждая из которых характеризовалась своими историческими условиями, особенностями течения, своими причинами укрепления демократии в отдельных странах и регионах и неудачных демократических опытов — в других. Исследователи неоднозначно определяют исторические границы волн демократизации, число стран с успешным и неуспешным установлением демократии, основные причины этих процессов и т. д. Это объясняется многими обстоятельствами: различием концептуальных подходов к определению того, что есть демократия; различными индикаторами демократического развития, различным пониманием интенсивности демократических процессов. В значительной мере это касается первых двух волн демократизации, но и распространяется на современный процесс. Так, С. Хантингтон считает, что первая волна демократизации начинается в 1820 г. и заканчивается в 1926 г., а Р. Дикс начало и конец датирует соответственно 1848 и 1931 гг. С. Хантингтон выделяет 29 демократий, установившихся в результате первой волны, а Р. Дикс со ссылкой на исследования Р. Даля, Т. Ванханена, Л. Дайамонда, Х. Линца и С. Липсета насчитывает 21 демократию, среди которых 7 оказались неудачными.

Приведем результаты исследования С. Хантингтона, касающиеся волн демократизации, а также реверсивных волн (табл. 13).

Первая волна демократизации привела к становлению 29 демократий, характеризующихся парламентаризмом, партийной системой и широким избирательным правом. Реверсивная волна связана с возникновением фашизма и возвращением ряда стран к авторитарным режимам или установлением нового для политики тоталитарного режима.

Вторая волна демократизации начинается во время Второй мировой войны; становление демократии определяется антиколониальным движением и победой над фашизмом. Тридцать шесть стран были включены в демократический мир к началу 1960-х гг., однако в дальнейшем наблюдается реверсивное движение, в некоторых странах устанавливаются военные режимы и режимы «нового авторитаризма» (Греция и Чили, например).

Таблица 13

Волны демократизации и реверсивные волны

Годы	Число демократий	Возвращено к авторитарным режимам
Первая волна		
1820–1926	29	
1926–1942		12
Вторая волна		
1942–1962	36	
1960–1975		6
Третья волна		
1975 — по настоящее время	ок. 40	
?		4–5 (?)

Источник: *Huntington, 1991*, р. 13; 1994, р. 31–32.

Третья волна демократизации начинается с разрушения авторитарных режимов в Греции (1974), Португалии (1975) и Испании (1977), затем захватывает Латинскую Америку (Доминиканская Республика — 1975, Гондурас — 1982, Перу — 1988), некоторые страны Азии (Турция — 1983, Филиппины — 1986, Ю. Корея — 1988) и, наконец, «снежным комом» обрушивается на Восточную Европу (Венгрия, Польша, Чехословакия, Болгария — 1989, Россия, Украина — 1991 и т. д.). Уже в 1988 г. Тату Ванханен, который провел тщательный анализ условий демократизации в 1980-е гг. и классифицировал политические режимы на основе индикаторов политической конкуренции и участия, отмечал рост числа демократических стран в мире (табл. 14).

Как видно из данных табл. 9, переломными для демократизации в мире были 1980-е гг., а именно первая их половина (число демократий увеличилось к 1984 г. на десять единиц). Здесь существенное приращение произошло за счет Латиноамериканского континента (Перу, Гондурас, Боливия, Аргентина, Бразилия) и других регионов.

Интересно исследование Кейта Джаггерса и Тэда Гарра, которые разработали особый набор показателей демократии и автократии «Polity III» для анализа процесса демократизации в послевоенный период. Все политические системы они разделили на согласованные (coherent) и несогласованные (incoherent) в зависимости от их «инсти-

туциональной консолидации», т. е. степени согласованности системы и их институциональных структур: для демократий — политическое участие является конкурентным, исполнительные должности элективными и давление на исполнительные власти существенным (*Jagers, Gurr, 1995*, р. 479). Данные их анализа представлены в табл. 15.

Таблица 14

Частотность распределения 147 стран по категориям демократий, полудемократий и недемократий

Категории	Годы								
	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988
Демократии	48	49	51	52	58	58	60	60	61
Полудемократии	7	6	7	7	5	6	6	5	5
Недемократии	92	92	89	88	84	83	81	82	81
Всего	147	147	147	147	147	147	147	147	147

Источник: *Vanhanen, 1989*, р. 33.

Отметим, что доля согласованных автократических систем понизилась с 55 до 18% за период с 1975 по 1994 гг., а доля согласованных демократий выросла за это же время с 27 до 50%. Наблюдается также рост неконсолидированных автократий с 13 до 19% и демократий с 5 до 13% (в число подобных автократий из стран СНГ попали Таджикистан и Казахстан, а демократий — Белоруссия, Грузия, Киргизия и Молдавия) (*Ibid*, р. 480–481).

Таблица 15

Глобальные тенденции в развитии согласованных и несогласованных политических систем, (%)

Годы	Согласованные политические системы			Несогласованные политические системы			N
	Авто-кратии	Демо-кратии	Всего	Авто-кратии	Демо-кратии	Всего	
1946	22	35	57	24	19	43	63
1955	34	33	67	20	13	33	85
1965	44	28	72	16	12	28	122
1975	55	27	82	13	5	18	135
1985	49	34	83	13	4	17	135
1994	18	50	68	19	13	32	151

Каковы же общие условия третьей волны демократизации? Хантингтон выделяет пять условий, определявших демократический процесс в 1970–1980-е гг.

1. Делегитимация авторитарных режимов, зависимость этих режимов от успешной политики и их неспособность достигнуть «легитимности действия» из-за экономических (и иногда военных) неудач.
2. Беспрецедентный глобальный экономический рост в 1960-е гг., когда выросли жизненный стандарт, образование и значительно вырос городской средний класс во многих странах.
3. Глубокий перелом в доктрине и деятельности католической церкви, проявившийся на втором Ватиканском Соборе 1963–1965 гг., и переход национальных католических церквей от защиты статус-кво к противодействию авторитаризму.
4. Перемены в политике действующих на международной арене сил, особенно Европейского Сообщества, США и Советского Союза.
5. «Снежный ком» или демонстрационное воздействие перехода первых в третьей волне стран на стимулирование и обеспечение моделей для соответствующих усилий демократизации (*Huntington, 1991, p. 12–13*).

Естественно, это самые общие причины столь бурной демократизации, но зачастую приходится их модифицировать или добавлять новые, если исследуются особые регионы или отдельные страны. Вот здесь как раз и возникают исследовательские споры о релевантности предложенных факторов, значимости тех или иных условий, о соотношении внутренних и внешних причин. Сравнительная политология сегодня находится в поиске новых исследовательских подходов, которые и выкристаллизовываются в дискуссиях о третьей волне демократизации. В этой связи можно выделить следующие узловые проблемы исследования факторов демократизации в третьей волне, которые будут объяснены в следующей части главы.

10.3. Методологическая эволюция

Исследование третьей волны демократизации в сравнительной политологии обострило ряд исследовательских проблем и сформулировало новые точки напряжения. В обобщенном виде они сводятся к следующим противопоставлениям: *контекстуализм vs универсализм, глобализм vs локализм, институционализм vs экологизм, самолегитимация vs легитимация экономической эффективности, демократическая диффузия vs демократическая эволюция*.

При исследовании современных переходных процессов сохранилось и даже обострилось давнее противоречие *контекстуализм*

vs *универсализм*. Стремление выявить особые закономерности становления демократии часто приводило исследователей к поиску каких-то единых ключевых факторов (экономических, социальных, политических и т. д.), которые бы выступали объяснительными переменными каузальных связей. Ориентация на универсальные причины демократизации сопровождалась забвением исторического и культурного контекстов, а значит, и особых механизмов и характеристик переходных процессов. Знание универсальных причин оказывалось в значительной мере трудно применимым к анализу отдельных стран либо в силу чрезмерной абстракции, либо из-за вероятностного его характера. Так, оказывалось, что показатель уровня экономического развития в качестве объяснительной переменной не работает для Индии, а индустриализация — в Малайзии.

В этой связи некоторые исследователи отказываются от универсализма в пользу поиска, может быть, и с трудом проверяемых на многих примерах, но работающих в отдельных случаях исторических обстоятельств политической демократии. Д. Решемейер, Э. Стефенс и Дж. Стефенс отвергают допущение об однородности причинных структур демократизации. Используя «одинаковые ключевые переменные, схватывающие процессы демократизации» в Европе, Латинской Америке и Карибском бассейне, они делают вывод, что «сочетание причин и, следовательно, путей к демократии (и диктатуре) было различным в различных исторических контекстах и в различных регионах» (*Rueshemeyer, Stephens and Stephens, 1992*, p. 284). Т. Карл и Ф. Шмиттер утверждают, что «поиск причин демократии на основе вероятностных связей с экономическими, социальными, культурными, психологическими или международными факторами не дал пока ни общего закона демократизации, не создаст его, вероятно, и в ближайшем будущем, несмотря на недавнее увеличение числа случаев». Соответственно, они отвергают проблему «набора единственных и одинаковых условий» вследствие «восприимчивого к обстоятельствам понимания» демократических переходов (*Karl, Schmitter, 1991*, p. 270). Подобные идеи поддерживает также К. Реммер, который пишет о том, что «большинство довольно экономных построений, подобных теории модернизации, способствует ограниченному проникновению в эмпирические перемены во времени и пространстве, тогда как более богатые и более всесторонние объяснительные усилия стремятся получить сложные и не подвергаемые систематической проверке фактами исторические оценки политической демократии» (*Remmer, 1995*, p. 110). Валери Бунк, в свою очередь, проводит различие между универсальными обобщениями и обобщениями, которые возникают на основе анализа демократизации в отдельных регионах. Вопрос, который он ставит в своем исследовании, «является ли каждый случай

уникальным, или политические структуры, связывающие причины и результаты, обобщаемы в пространстве и во времени?» не имеет однозначного ответа. Бунк пишет: «Во-первых... без сомнения, имеется ряд отличающихся аспектов в опыте демократизации каждой страны и, где это имеет место, в опыте редемократизации. Во-вторых, в то же самое время имеются близкие к универсальным характеристики демократизации, особенно, если мы ограничим наше внимание структурами внутри волн [демократизации]. Наконец, имеются важные процессы демократизации, которые попадают между этими двумя крайностями. В определенном аспекте демократизация наследует устойчивые структуры внутри регионов, которые различаются тем не менее между регионами. То, что вырастает в исследовании сравнительной демократизации, следовательно, является средней — не усредняющей — позицией относительно универсальности политической динамики» (Bunce, 2000, p. 726–727).

Отмеченная характеристика третьей волны демократизации как мирового явления обострила проблему соотношения *глобальные факторы* vs *локальные факторы* (глобализм vs локализм). Сравнительная политология в 1950–1970-е гг. базировалась на изучении национальных политических систем как автономных единиц сравнительного анализа. Эта автономность рассматривалась в качестве аксиоматического постулата и редко подвергалась рефлексии. На этой основе отмечалось некоторое отчуждение между изучением политических систем в сравнительной политологии и в относительно самостоятельной отрасли — международной политике. Последняя, наоборот, рассматривала политический процесс в каждой отдельной стране, зачастую подчиняя внутренние факторы внешним, а процесс демократизации трактовала как результат глобальных перемен в международной системе и его интенсивность как переменную, зависимую от места политической системы в мировой политике. Уже отмеченные С. Хантингтоном факторы третьей волны демократизации явно подчеркивают большую значимость глобальных условий по сравнению с локальными. Мелвин Кон в этой связи выделяет так называемый транснациональный вид сравнительного исследования, когда национальное государство изучается как компонент большой международной системы (Kohn, 1989, p. 24), а Роберт Исаак наряду с этим подчеркивает значение «экстериоризации внутренних структур или политик» (Isaak, 1992, p. 20).

Анализируя процесс становления демократии в Южной Корее и на Тайване, Роберт Скалапино подчеркивает решающее значение интернационализации экономики, образования, информационных потоков. В частности, он пишет: «Региональные и глобальные тенденции в значительной мере содействовали движению к демократии в этих странах. В век, когда современные средства массовой информации сра-

зу и быстро распространяют новости по миру, кончина марксизма-ленинизма и триумф демократии быстро осознаются как среди масс, так и на уровне элит. Особенно значимым было распространение ценной информации о наилучшей стратегии для осуществления и поддержания быстрого экономического развития. Тайвань и Южная Корея применили подобное знание с очень большой пользой» (*Scalapino, 1994, p. 136*). Ларри Дайамонд, Эндрю Янош и Денкворт Растоу наряду с внутренними факторами выделяют военные поражения, экономические санкции, международные спортивные события, многостороннее давление, конец холодной войны и усовершенствование коммуникационных технологий в качестве важных объясняющих переменных современной демократизации (*Diamond, 1993; Janos, 1991; Rustow, 1990*).

Однако существует и позиция, когда вновь проявившееся стремление к независимости национальных групп (так называемый неотрайбализм), как и дальнейшая глобализация политических процессов, рассматриваются в качестве угрозы демократизации (*Barber, 1994, p. 268–272*).

В последнее время значительное внимание в сравнительной политологии стали уделять не факторам, относящимся к внешним условиям демократизации (имеется в виду весь комплекс — экономические, социальные, культурные, международные и т. п. условия «окружающей среды»), а внутренним для политической системы — институциональным факторам. Это напряжение можно было бы обозначить как *институционализм vs экологизм*. «Новый институционализм» как методологическая ориентация исследования демократии в сравнительной политологии основывается на убеждении, что «политическая демократия зависит не только от экономики и социальных условий, а также от композиции политических институтов» (*March, Olsen, 1984, p. 738*).

Джеймс Марч и Йохан Олсен, которым и принадлежит предыдущее высказывание, строят свою новую институциональную теорию политики и демократии, отталкиваясь от критического рассмотрения наиболее характерных теоретических подходов в политической науке начиная с 1950-х гг. Это:

1) контекстуальный подход, при котором исследователь склонен рассматривать политику как интегральную часть общества и менее склонен отделять политическую систему от остального общества;

2) редукционистский подход, при котором исследователь склонен рассматривать политические феномены как общие условия индивидуального поведения и менее склонен приписывать результаты политики организационным структурам и правилам соответствующего поведения;

3) утилитаристский подход, при котором исследователь склонен рассматривать действие как проистекающее из рационально опре-

деленного собственного интереса и менее склонен рассматривать действие как ответ на обязанности и долг;

4) инструменталистский подход, при котором исследователь склонен определять производство решений и распределение ресурсов как центральные проблемы политической жизни и менее внимателен к способам, посредством которых политическая жизнь организована вокруг движения смысла в символах, ритуалах и церемониях;

5) функционалистский подход, при котором исследователь склонен рассматривать историю как эффективный механизм для достижения единственно подходящего эквилибриума и менее заинтересован вероятностью плохой адаптации и неоднозначностью в историческом развитии (*March, Olsen 1989*, pp. 3–8).

Отсюда следуют и новые методологические ориентации институционализма.

Институциональный подход, развиваемый этими и другими исследователями, рассматривает политические институты в качестве фундаментальных признаков политики и важнейших факторов стабильности и перемен в политической жизни. Институциональный анализ, не отрицая значимости иных условий политической организации, все же делает акцент на более независимой роли политических институтов в политике; они являются более значимым фактором, чем простым отражением социальных сил. Процесс демократизации осуществляется или не осуществляется, демократия укрепляется или не укрепляется в зависимости от структуры и характера действующих политических институтов, а также от институциональных реформ, которые должны носить всесторонний и перманентный характер. Так, Д. Марч и Й. Олсен считают, что для современной демократии важным является то, на какой тип государства ориентирована институциональная реформа: корпоративно-сделочную (*corporate-bargaining*) модель или суверенную, институциональную, универсамную (*supermarket*), государственные модели (*Ibid*, p. 112–115).

Появился интерес к определению роли формы государственного правления (парламентская или президентская республика) в процессе демократической консолидации. Альфред Степан и Кинди Скэч считают, что чистый парламентаризм (глава исполнительной власти должен быть поддержан большинством законодательного органа власти и может уйти в отставку, если получит вотум недоверия; исполнительная власть — обычно совместно с главой государства — вправе распустить органы законодательной власти и назначить выборы) имеет тенденцию больше коррелировать с подобной консолидацией, чем чистый президенциализм (у законодательной власти есть фиксированный электоральный мандат, который является ее собственным источником легитимности; глава исполнительной власти наделен фиксированным

электоральным мандатом, который является его собственным источником легитимности) (*Stepan, Skach, 1994*, p. 77–87).

Хуан Линц, чья статья вызвала споры, доказывает, что парламентные системы являются более подходящими для стабильной демократии, чем президентские (*Linz, 1990*). Арендт Лейпхарт выдвигает спорное положение о том, что система пропорциональных выборов больше коррелирует со стабильными парламентскими демократиями (*Lijphart, 1995*, p. 71–84). Отметим еще одно исследование, где «новый институционализм» был применен к анализу демократий периода третьей волны. Адам Пшеворски, определяя демократию как «систему управляемой открытой завершенности или организованной неопределенности», формулирует проблему способности демократии к поддержанию своего собственного существования на языке теории вероятностного коллективного выбора или децентрализованного стратегического согласия. По Пшеворскому, «политические силы соглашаются с нынешним поражением, так как они верят, что институциональная структура, которая организует демократическую конкуренцию, даст возможность им продвинуть свои интересы в будущем». При определенном наборе социоэкономических условий некоторые институциональные структуры могут быть консолидированы, а другие — нет. При иных условиях ни один комплекс институтов не предотвратит поражения (*Przeworski, 1991*, p. 28, 39).

Нельзя не отметить еще одной центральной проблемы сравнительного исследования третьей волны демократизации. Речь идет об источниках легитимации демократического режима. Условно эту проблему можно обозначить как *самолегитимация vs легитимация экономической эффективности*. Традиционно легитимация демократических режимов связывалась с их способностью решать экономические проблемы и на этой основе удовлетворять растущие притязания населения. Начиная с Сеймура Липсета, который считал, что легитимность сильно коррелирует с эффективностью политической системы, т. е. «степенью, с которой она удовлетворяет основные функции управления, определенные как ожиданиями большинства членов общества, так и ожиданиями таких властных групп внутри него, которые могли бы угрожать системе, как вооруженные силы» (*Lipset, 1969*, p. 166), большинство исследователей рассматривали уровень распределяемого богатства общества в качестве важнейшего знака эффективности системы. Однако уже в 1984 г. Раймонд Гастил отбрасывает социально-экономическое объяснение демократизации и доказывает, что она в основном зависит от распространения демократических идей. Таким образом, проблема легитимности режима переносится из социально-экономической сферы в идеологическую. Гастил допускает, что благоприятные экономические условия могут помочь

демократической системе иметь успех, но они являются «вторичными факторами в более общем процессе распространения демократии» (*Gastil, 1984*, р. 161–179). Этим он объяснял по преимуществу процесс демократизации на африканском континенте.

Третья волна демократизации обострила в дальнейшем проблему демократии и экономического развития. Выявилось, что демократии в различных странах зачастую возникают в условиях экономического упадка и слабо способны решать кризисные задачи. Многими исследователями эта проблема разрешалась определением уровня развития демократии, т. е. временной ее хрупкости. Отсюда же выводились и причины ее возможного разрушения. Анализируя литературу, преимущественно касающуюся демократизации в Латинской Америке, К. Реммер пишет, что концепция «хрупкости демократии» теоретически и эмпирически не неотразима. Он связывает легитимность вновь появляющихся демократий с кооперацией различных классов, которая укрепляется на основе пониженных ожиданий, а не растущих надежд: «Экономический упадок может скорее облегчить, чем увеличить трудности достижения классового или элитного компромисса, если окажется, что действующие силы предпочтут кооперацию с неопределенными будущими выплатами перспективе длительных материальных потерь. Неблагоприятные экономические условия могут также усилить согласие не только посредством понижения цены проигрыша в демократической игре, но и понижением выгоды от победы. Противоположностью „революции растущих ожиданий“ может стать „демократия пониженных ожиданий“» (*Remmer, 1995*, р. 113). Но это в значительной мере определяется институциональными характеристиками проводимых реформ, в которых консолидация демократии выступает ключевой целью. И хотя важной характеристикой демократических переходов выступает пластичность режимов, все же есть угроза потери демократической консолидации при решении экономических проблем рыночно-ориентированной политикой. В этих случаях становящиеся демократические режимы балансируют между двумя тенденциями: ориентацией на технократический стиль управления и ориентацией на политическое участие населения. Как отмечает Адам Пшеворски, как только правительства «колеблются между технократическим политическим стилем, присущим рыночно-ориентированным реформам, и патисипаторным стилем, необходимым для поддержания консенсуса», репрезентативные институты разрушаются и демократия ослабляется (*Przeworski, 1991*, р. 183). При этом следует заметить, что, как правило, ориентация на экономический рост сопровождается ростом социально-экономического неравенства,

что в свою очередь подрывает демократический консенсус. Задача, следовательно, заключается в поиске модели взаимосвязи экономического роста с социальной справедливостью, что и обеспечивает легитимность демократическому режиму. Сама эта модель может возникнуть только при демократии. «Легитимность действия» демократического режима есть результат легитимности самого режима.

Третья волна демократизации поставила перед компаративистами еще одну проблему, которая связана с условиями и механизмами установления демократии. Она обозначается как *демократическая диффузия* vs *демократическая эволюция*. Традиционные исследования процессов демократизации, как правило, характеризовались эволюционным подходом. Суть последнего состояла в том, что для установления демократии в той или иной стране необходимы определенные условия, до которых общество должно дозреть. Тем самым отрицалась возможность демократизации в доиндустриальном обществе при сохранении в нем традиционных социально-экономических, технологических и культурных форм. Особенно грешила этим модернизационная теория, определявшая решающую роль индустриализации и рационализации для установления демократии. Вместе с тем опыт демократизации в мире, особенно на Востоке, показал, что демократические институты зачастую не просто мирно уживаются с традиционными структурами, но «проникают» в восточное общество, основываясь на его традициях. Культурная диффузия демократии, о которой писал Раймонд Гастил (*Gastil, 1984*, р. 161–179), становится более значимым процессом, чем эволюционная подготовка условий. В этой связи, например, Эдвард Креншоу строит свою концепцию «структурного благоприятствования демократии», доказывая, что сложные аграрные общества с соответствующей социальной и культурной структурой могут рассматриваться как удобные для диффузии демократии (*Crenshaw, 1995*, р. 702–718).

* * *

Рассмотренные нами проблемы изучения третьей волны демократизации не покрывают всего комплекса исследовательских теоретико-методологических противоречий. Сравнительная политология не случайно пытается преодолеть свой «методологический кризис» обращением одновременно к теории и опыту демократизации. Отказываясь от всеобъемлющей методологической конструкции, компаративисты-политологи все же не отрицают необходимости получения истинного знания путем соединения «факта» и «ценности» демократии.

Основные понятия

Волны демократизации, третья волна демократизации, условия третьей волны демократизации, методологические проблемы изучения третьей волны демократизации, контекстуализм демократизации, институционализм демократизации, самолегитимация демократизации, демократическая диффузия.

Основная литература

- Дайамонд Л.* Прошла ли «третья волна» демократизации? // Политические исследования. Полис. 1999. № 1.
- Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. — М.: Новое издательство, 2011.
- Растоиу Д.* Переходы к демократии: попытка динамической модели // Политические исследования. Полис. 1996. № 5.
- Сен А.* Развитие как свобода. — М.: Новое издательство, 2004.
- Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века. — М.: РОС-СПЭН, 2003.

Дополнительная литература

- Баранов Н. А.* Трансформации современной демократии. — СПб.: Изд-во БГТУ, 2006.
- Латинская Америка. Испытание демократии. Векторы политической модернизации. В 2 т. — М.: Ин-т Лат. Ам. РАН, 2009.
- Мельвиль А. Ю.* Демократические транзиты. Теоретико-методологические и прикладные аспекты. — М., 1999.
- Мельвиль А. Ю., Сергеев В. М.* От метафоры к объяснительной модели: «волны демократизации» и «воронка причинности» // Принципы и направления политических исследований. — М.: РОССПЭН, 2002.
- Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетия. — М.: Наука, 2001.
- Россия и Центрально-Восточная Европа: трансформации в конце XX — начале XXI века: В 2 т. — М.: Наука, 2005.
- Теория и методы в современной политической науке / Под ред. Ст. Ларсена. — М.: РОССПЭН, 2009.

ГЛАВА 11

Проблемы и модели консолидации демократии

Исследование третьей волны демократизации включает проблему консолидации новых демократических политических систем. Эта тема имеет множество аспектов, и ее постановка связана прежде всего с поиском оснований, которые бы позволили предотвратить или, по меньшей мере, снизить натиск реверсивных движений. Хантингтон выделяет новые опасности, которые угрожают демократиям третьей волны. Первая опасность, в которую он мало верит, — это реставрация власти бывших коммунистических партий, «красный поворот». Если даже он и произойдет в странах Центральной и Восточной Европы, то вряд ли реставрация задержится надолго; «поворот» будет носить эпизодический характер и не повлияет серьезно на возврат к прежней системе. Вторая потенциальная угроза новым демократиям исходит от партий и движений с заведомо антидемократической идеологией, особенно религиозно-фундаменталистской направленности. Но более серьезной, по Хантингтону, является третья опасность — сосредоточение власти в руках избранного главы исполнительных структур государства. Сосредоточение власти ведет к возрождению авторитаризма и поддержке жестких методов руководства в ущерб политическому участию и представительству интересов. Наконец, угроза также может исходить от ограничения политических прав и гражданских свобод, связанных со свободой средств массовой информации, оппозиционностью в политической системе и защитой прав этнических и иных меньшинств (Huntington, 1996, р. 8–10). Отсюда то огромное внимание, которое сейчас обращается на консолидацию демократии как условие ее дальнейшего развития. В исследовании консолидации демократии выделяются несколько подходов: структурный, транзитологический, институциональный. *Структурный подход* акцентирует внимание на внешних условиях, определяющих процесс демократизации. *Транзитологический подход* связан с теорией выбора действующими в политике акторами демократических форм политической жизни. *Институциональный подход* выделяет роль различных институционализированных режимов в ходе укрепления демократии.

11.1. Консолидация демократии

Консолидация демократии представляет собой ключевой этап в переходе от авторитарной формы правления к демократической. Он начинается после решающего разрыва с предыдущим режимом и заканчивается, когда можно уже говорить о том, что демократии развиваются на своей собственной основе, позволяющей им при всех перипетиях экономической, социальной и культурно-идеологической жизни поддерживать некоторое устойчивое развитие. Консолидация демократии в этом отношении есть процесс обоснования новых политических отношений не только в смысле субъективного принятия ее ценностей и норм, но и в смысле надежности дальнейшего функционирования демократических институтов. Ставя вопрос о консолидации демократии, исследователи так или иначе актуализируют и саму проблему переходности режимов, установленных в ходе третьей волны демократизации. Если консолидированная демократия не заканчивает процесс перехода, то, по-видимому, можно говорить о целой эпохе переходов от одного вида демократического режима к другому. То есть консолидированная демократия является базисным условием выбора системой подходящей модели демократии.

Понятие «консолидация демократии» приобрело значение категориального термина в сравнительной политологии, начиная с работы, опубликованной в 1986 г. Гуилермо О'Доннеллом и Филиппом Шмиттером «Переход от авторитарного правления» (*O'Donnell, Schmitter, 1986*). В ней представлен по преимуществу транзитологический подход к этой теме. В 1990-е гг. эта тема становится одной из ведущих в демократической литературе. Смещение интереса от исследования перехода к демократии к вопросам ее консолидации вызвано вполне понятными причинами: эмпирически ориентированная политология отражает ситуацию неоднозначности процессов становления новых демократических режимов и поиск оснований их закрепления. Вместе с этим, однако, можно отметить и отчетливо выраженный методологический поворот. Он связан с критикой концепции условий демократии, господствовавшей в 1960–1980-х гг. При общем критическом настрое политологи-компаративисты признают вклад прежней концепции в объяснение необходимых факторов демократизации, но считают, что этого недостаточно: нужно определить не только необходимые, но и достаточные факторы и не только для возникновения, но и для закрепления демократии. Крайнее мнение здесь выражает Филипп Шмиттер, который пишет, что нынешняя дискуссия о демократизации «включает отрицательное отношение к предыдущему широко распространенному суждению, что демократия является функциональным условием или этическим императивом.

Ни уровень экономического развития, ни гегемония буржуазии не могут автоматически гарантировать появление, более того, укрепление демократии. Не является этот режим также очевидным результатом некоторого предыдущего достигнутого уровня „цивилизации“, грамотности, успехов в образовании или особой политической культуры. Это не значит отрицание того факта, что благосостояние, относительно равное распределение богатства, конкурентноспособная на мировом рынке экономика, хорошо обученное население, большой средний класс, а также готовность принять разнообразие, доверять сопернику и разрешать конфликты компромиссом являются преимуществом; это значит как раз то, что демократия все еще должна быть выбрана, воплощена и увековечена „агентами“, реально живущими политическими акторами с их особыми интересами, страстями, памятью и — почему нет? — фортуной и судьбой» (*Schmitter, 1992, p. 158–159*). Не все придерживаются подобной довольно радикальной позиции, но она верно выражает общее настроение. Это настроение связано с необходимостью идти дальше в исследовании демократии, с некоторым сомнением относительно статистических зависимостей, с ощущением необходимости перехода от объективизма к объективности, когда конфликт интересов не всегда однозначно связан с одним каким-либо выбором. В этом смысле сравнительная политология сегодня не то что менее оптимистична, скорее она более приближена к реальной истории. Конечно, делая обобщения и строя модели, ученый-компаративист понимает их ограниченность. Более того, отмечается тенденция более свободного отношения к уже выработанным концептуальным вещам, что позволяет избегать догматики.

Концептуально консолидация демократии может быть представлена несколькими подходами, в какой-то мере взаимодополняющими друг друга, ибо каждый из них, прорабатывая те или иные механизмы и факторы консолидации, так или иначе вынужден компенсировать недостатки конкурирующих подходов. Все исследователи, между тем, сходятся в том, что консолидация демократии есть необходимый этап ее становления, этап длительный и противоречивый, этап, порождающий инновационные механизмы и, возможно, модифицирующий западные представления о демократических политических системах. Нельзя четко определить начало консолидации, так как процесс перехода уже включает некоторые ее элементы. «Демократическая консолидация, — пишет Дайамонд, — поощряется множеством перемен в институтах, политике и поведении. Многие из них прямо улучшают управление (*governance*) через усиление компетенции государства; через либерализацию и рационализацию экономических структур; через социальную безопасность и политический порядок вместе с обеспечением основных свобод; через совершенствование

горизонтальной подотчетности и господство права; через контроль над коррупцией. Другие [перемены] улучшают репрезентативные функции демократического правления посредством развития политических партий и их связей с социальными группами, посредством снижения фрагментации партийной системы, увеличения собственной компетенции и общественной подотчетности законодательных органов и местных властей, укрепления гражданского общества» (*Diamond, 1997, р. XVIII*).

Первые исследователи консолидации демократии — О’Доннелл, Шмиттер — проводили различие между переходом к демократии и ее консолидацией. Во время перехода «организуются основные институты нового порядка и начинают работать и взаимодействовать согласно новым правилам игры». Консолидация же требует «институционализации новых норм и структур режима, расширения их легитимации и устранения препятствий, которые на первоначальных этапах делают их установление трудным». Сам процесс консолидации демократии включает в себя четыре направления:

1) быстрое ограничение, сведение к минимуму или связывание ее идеологических и институциональных несоответствий;

2) установление ее автономии перед лицом старых властей, особенно армейских сил;

3) мобилизация гражданского общества в политических формах его выражения;

4) развитие относительно стабильной партийной системы, способной обеспечивать формирование ответственного перед народом правительства (*O’Donnell, Schmitter, 1986, р. 73, 89*).

Хотя эти направления консолидации и содержат некоторые общие моменты, свойственные третьей волне демократизации, но не учитывают последующие демократические движения в мире, особенно в Восточной Европе и на территории бывшего Советского Союза. Более поздние исследования позволили дополнить и конкретизировать многое из анализа середины 1980-х гг. Во-первых, оказалось, что процесс консолидации демократии предполагает не только институционализацию новых норм и структур, но и зачастую связан с использованием элементов традиционной культуры и даже менее радикальным отношением к предшествующему авторитарному режиму. Во-вторых, консолидация демократии невозможна без соответствующей реформы государственных административных структур. Возникающая демократия вступает в противоречие не только с авторитарным стилем государственного управления, к которому склонно старое чиновничество, но и с рационализированной правовыми нормами бюрократической машиной управления. В-третьих, консолидация демократии необязательно следует одной — либеральной — модели, но может

осуществляться на основе своеобразного сочетания разнообразных форм и моделей. В-четвертых, хотя партийная система и является ключевым элементом демократии, но ее консолидация предполагает некоторый резерв для динамичного процесса выражения интересов посредством разнообразных, иногда спонтанно возникающих движений, корпоратизма, местного самоуправления и т. д. В-пятых, консолидация демократии имеет и международные параметры, связанные не только с оказываемой новым демократиям помощью, но и с включением демократизирующихся стран как равных партнеров в международные сообщества.

Что же сегодня включают исследователи в определение «консолидация демократии»? Опишем здесь ряд подходов. Естественно, что используемые понятия будут отражать своеобразие соответствующих концептуальных подходов и подчеркивать значение тех или иных важных факторов консолидации. В целом же они позволят сформировать общее представление о современной проблематике укрепления новых демократических политических систем.

11.2. Проблемы консолидации демократии

В концепции третьей волны демократизации Хантингтона проблематика консолидации демократии занимает важное место (*Huntington, 1991*, р. 208–279). Хантингтон связывает ее с вопросом об условиях новой реверсивной волны в 1980–1990-е гг.: будет ли отход от демократии спорадическим или устойчивым, зависит от консолидации демократии. Консолидация демократии здесь выступает как процесс, связанный с решением ряда проблем, с которыми неизбежно сталкиваются новые политические режимы. Хантингтон выделяет три рода таких проблем: проблемы перехода, контекстуальные проблемы и системные проблемы (см. схему 8).

Политическая эволюция			
Тип проблем	Авторитарная система	Фаза перехода	Демократическая система
Контекстуальные	■	■	■
Переходные		■	
Системные	■		■

Схема 8. Проблемы стран третьей волны демократизации¹

¹ *Huntington, 1991*, р. 210.

Проблемы перехода проистекают непосредственно из того факта, что страны осуществляют переход от авторитарного к демократическому режиму. Они включают установление новых конституционных и избирательных систем, замену чиновников в структурах власти на лояльных к демократии, замену или модификацию законов, которые противоречат демократии, упразднение или коренную переделку таких авторитарных структур, как секретные службы, отстранение, что было свойственно однопартийным авторитарным системам, партий от выполнения ими государственных функций. Среди всех этих проблем Хантингтон выделяет две ключевые проблемы:

- 1) как следует поступить с теми официальными лицами старого режима, которые явно участвовали в подавлении прав человека («проблема палачей»);
- 2) как снизить вовлечение военных в политику и установить профессиональную структуру отношений между военными и гражданскими («преторианская проблема»).

Контекстуальные проблемы связаны с природой общества, его экономикой, культурой и историей. Эти проблемы в некоторой степени безразличны к форме правления и возникают при любом режиме. Авторитарные режимы не разрешили этих проблем, и, вероятно, они не будут разрешены полностью демократическими режимами. Контекстуальные проблемы имеют страновую специфику, их решение отличается от страны к стране (см. табл. 16). Между тем, можно выделить ряд таких проблем, которые присущи странам третьей волны демократизации: бунты, местные коммунальные конфликты, региональные антагонизмы, бедность, социально-экономическое неравенство, инфляция, низкие показатели экономического роста, внешний долг. Исследователи, говорит Хантингтон, часто пишут об угрозе, которую эти проблемы создают консолидации демократии. Фактически, однако, за исключением низких показателей экономического развития, число и разнообразие контекстуальных проблем, кажется, имеет умеренное отношение к вопросу об удаче или неудаче консолидации демократии.

Наконец, как только новые демократии становятся консолидированными и достигают определенной степени устойчивости, они сталкиваются с *системными проблемами*. Авторитарные политические системы страдают от проблем, которые связаны с их природой (сверхконцентрация принятия решений, дефицит обратной связи, зависимость от перформативной легитимности). Демократические системы имеют свои собственные проблемы, которые возникают при долговременном существовании демократии. Новые демократии не имеют иммунитета против них. К таким проблемам Хантингтон

относит: демократический пат, неспособность достигнуть решения, чувствительность к демагогии, доминирование крупных экономических интересов.

Таблица 16

Распределение стран по контекстуальным проблемам в 1970–1980-е гг.

Контекстуальные проблемы	Страны
Большие бунты	Эль Сальвадор, Гватемала, Перу, Филиппины
Этнические/коммунальные конфликты (отдельно от бунтов)	Индия, Нигерия, Пакистан, Румыния, Судан, Турция
Крайняя бедность (низкий показатель ВВП на душу населения)	Боливия, Эль Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Индия, Монголия, Нигерия, Пакистан, Филиппины, Судан
Сильное социально-экономическое неравенство	Бразилия, Эль Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Индия, Пакистан, Перу, Филиппины
Хроническая инфляция	Аргентина, Боливия, Бразилия, Никарагуа, Перу
Существенный внешний долг	Аргентина, Бразилия, Венгрия, Нигерия, Перу, Филиппины, Польша, Уругвай
Терроризм (отдельно от бунтов)	Испания, Турция
Экстенсивное государственное влияние на экономику	Аргентина, Бразилия, Болгария, Чехословакия, Восточная Германия, Венгрия, Индия, Монголия, Никарагуа, Перу, Филиппины, Польша, Румыния, Испания, Турция

Источник: *Huntington, 1991*, pp. 253–254.

Среди условий, которые благоприятствуют консолидации демократии, Хантингтон отмечает наличие в истории страны опыта демократического развития, особенно длительного; относительно высокие показатели экономического развития, индустриализации и образования; международные связи и зарубежная помощь; длительность осуществления перехода к демократии, нахождения страны в третьей волне демократизации; мирный, консенсуальный переход от авторитарного режима к демократическому; нормальное отношение политических элит и населения к возникающей у демократического правительства невозможности разрешить контекстуальные проблемы. Он считает, что имеется еще ряд условий, но эти шесть относятся к первостепенным.

11.3. Факторы консолидации демократии

Артуро Валенцуэла связывает демократическую консолидацию с двумя процессами: упразднением остатков старой системы, которые несовместимы с действием демократического режима, и с построением новых институтов, которые укрепляют демократические правила игры. Определение демократической консолидации проистекает из минимального определения демократии, включающего тайное голосование, всеобщее избирательное право и ответственность правительства. Это определение базируется на концепции необходимых условий для демократии, описанной Робертом Далем. Таким образом, можно сказать, что страна имеет консолидированную демократию, если все основные политические силы и деятели принимают правила демократической игры, соответствующие минимальному определению демократии, и если никто из них не использует каких-либо средств, находящихся вне этих санкционированных демократических игр (*Mainwaring, O'Donnell, Valenzuela, 1992*, р. 48–49, 60–62). Здесь, как видно, акцент ставится на институционализации демократических правил взаимоотношений борющихся политических сил, принятых ими в качестве императивов своей деятельности. Фактически речь идет о некотором закреплении границ политической борьбы, выход за которые ставит всю демократическую политическую систему под угрозу.

На внутренние условия закрепления правил игры обращает внимание и Ларри Дайамонд. Он проводит различие между электоральной демократией, имеющей формальный характер (или «псевдодемократией»), и настоящей либеральной демократией, обеспечивающей не только формальную процедуру выборов, но и эффективную защиту гражданских прав и политических свобод. Используя индекс «Дома свободы», он говорит о том, что именно последние демократии, т. е. либеральные демократии, обладают качеством консолидированности. Анализ состояния дел в области свободы и демократии в 1990–2000-е гг. показывает, что доля свободных государств среди формальных демократий демонстрирует U-образную тенденцию, понижаясь к середине 1990-х и возрастая после этого (см. табл. 17). «В сущности, — пишет Дайамонд, — консолидация есть процесс достижения такой широкой и глубокой легитимации, при которой все политические акторы — на уровне как элит, так и масс — верят, что демократический режим является лучшим для их общества, чем любая иная реалистическая альтернатива, которую они могут себе вообразить» (*Diamond, 1996*, р. 33). При этом подобная легитимность должна не только быть неким абстрактным доверием к системе, но и включать определенные нормативные обязательства и бихевиоральные структуры.

Таблица 17

Формальные и либеральные демократии, 1990–2010

Год	Число формальных демократий	Число свободных государств (либеральные демократии)	Доля свободных государств в формальных демократиях	Всего стран
1990	76 (46,1%)	65 (39,4%)	85,5%	165
1991	91 (49,7%)	76 (41,5%)	83,5%	183
1992	99 (53,9%)	75 (40,3%)	75,8%	186
1993	108 (56,8%)	72 (37,9%)	66,7%	190
1994	114 (59,7%)	76 (39,8%)	66,7%	191
1995	117 (61,3%)	76 (39,8%)	65,0%	191
1996	117 (61,3%)	76 (39,8%)	65,0%	191
2000	120 (63%)	86 (45%)	71,7%	192
2006	123 (64%)	90 (47%)	73,2%	193
2010	115 (59%)	87 (45%)	75,7%	194

Существенными в этом процессе являются перемены в политической культуре, которые выражаются в поведенческих структурах и предполагают переход от «инструментальных» установок к демократии к «принципиальным», т. е. демократия в этом случае становится ценностью, которая передается в процессе политической социализации и укореняется в ценностной структуре личности на правах одной из ведущих. Сравнительный анализ процессов возникновения и консолидации демократии показал, что политическая культура оказывает на них влияние тремя путями: переменой в сознании и ощущении властвующих элитных групп; изменением массовой политической культуры; оживлением демократических норм и предпочтений. Ларри Дайамонд делает акцент на ответственности элит за укрепление или разрушение демократии со временем, хотя и не отрицает значения массовой культуры. Он убежден, что политическая культура может как расширить, так и ограничить возможности для демократии: «В действительности можно утверждать, что перемены в роли, силе или стабильности демократии редко случаются без некоторых заметных подвижек — или отсутствия перемен — в политической культуре» (*Diamond, 1993, p. 27*).

Различие между процессом перехода к демократии и ее консолидацией приводит к необходимости определить некоторый набор

необходимых и достаточных условий, при которых последний процесс может начаться. Хуан Линц и Альфред Степан выделяют три таких условия (*Linz, Stepan, 1996*, р. 14–15). Во-первых, при современной политической организации общества свободные и признанные выборы не могут быть реализованы, победители не могут осуществлять монополию легитимной власти и граждане не могут эффективно реализовать свои права, защищенные господством закона, если не существует государства. Во-вторых, демократия не может стать консолидированной, если демократический переход не завершен. Демократический переход считается завершенным, когда деятельность всех ветвей власти (исполнительной, законодательной и судебной) имеет высокий уровень свободы от влияния со стороны военных, религиозных структур и других авторитарных сил. В-третьих, ни один режим не может быть назван демократическим до тех пор, пока его правители не правят демократично, т. е. исполнительная власть не покушается на конституцию, не подавляет права личности и меньшинств, не вмешивается в дела законодательной власти и т. д.

Все три условия говорят о том, что консолидированной демократией может стать только демократия, а не либерализированный недемократический режим, псевдодемократии или гибридные демократии, где некоторые демократические институты сосуществуют с недемократическими институтами вне контроля демократического государства. Под консолидированной демократией они, таким образом, понимают «политический режим, при котором демократия как сложная система институтов, правил и структурных побуждений и препятствий стала буквально „единственной игрой в городе“» (*Ibid*, р. 15). В поведенческом смысле демократический режим тогда можно считать консолидированным, когда никакие значительные национальные, социальные, экономические, политические или институциональные акторы не имеют возможности достигнуть своих целей путем создания недемократического режима или отделения от государства. В смысле установок демократический режим является консолидированным, когда подавляющая часть населения, даже при наличии экономических проблем и разочарований, имеет мнение, что демократические процедуры и институты являются наиболее подходящими для управления общественной жизнью, и когда поддержка антисистемных альтернатив является небольшой и более-менее изолирована от продемократических сил. Наконец, в конституционном смысле демократический режим является консолидированным, когда правящие и управляемые одинаково подчиняются механизму разрешения конфликта внутри границ особых законов, процедур и институтов, санкционированных новой демократической конституцией. Условиями консолидированной демократии могут стать лишь гражд-

данское общество, относительно автономное политическое общество, подчинение государства и основных политических акторов господству права, защита индивидуальных свобод и социальной жизни, институционализированное экономическое общество и эффективное государственное управление.

Значительное внимание в исследованиях процессов консолидации демократии уделяется элитам. Следует заметить, что консолидация демократии при использовании концепции элит предстает как процесс перемен, осуществляемых по выбору различными группами элит, отношения между которыми и отношения которых к демократии составляют центр проблемы. Борьба за власть между различными элитарными группами часто переворачивает однозначную зависимость между демократией и демократической элитой. В этом случае консолидация демократии определяется уровнем прагматизации политического сознания старой и новой элиты. Существует довольно подвижная и тонкая граница между стремлением не допустить реставрации политического режима и установкой на демократию. Как пишут некоторые исследователи, «немногие политические акторы готовы поставить свое будущее в зависимость от демократических институтов; они ищут другие, часто неправовые и антидемократические пути для укрепления своих позиций, поддерживая демократический процесс до тех пор, пока он не угрожает их интересам» (*Higley, Gunther, 1992, p. 31*). В этом смысле центральной проблемой консолидации демократии выступает формирование действительно демократической элиты, которая может подчинять свои интересы демократической процедуре и ищет их удовлетворения в рамках демократических правил игры.

11.4. Проблема институционализации демократического транзита

Как уже было сказано, институционализация демократии является важным условием ее консолидации. Вопросы, с этим связанные, касаются, например, выбора форм государственного правления. Хуан Линц считает наиболее подходящими для стабилизации демократии не президентские, а парламентские режимы. Его аргументы сводятся к следующему. Во-первых, в президентских системах всегда существуют противоречивые претензии президента и парламента на бóльшую легитимность. Эти институты власти избираются населением, так что по источникам своей власти они не зависят друг от друга. Линц пишет: «Конфликт [между парламентом и президентом] является всегда латентным и временами, вероятно, должен прорываться весьма драматично; здесь нет демократического принципа для его разрешения» (*Linz, 1994, p. 7*). Во-вторых, фиксированный срок пребывания

в должности президента и его кабинета создает жесткость в системе, которая менее благоприятна для демократии, чем механизм возможной смены правительства в результате недоверия к нему парламента, свойственный парламентским системам. В-третьих, президентские системы вводят в политический процесс нежелательный элемент «всеобщего победителя», тогда как для консолидации демократии важным является не доминирование какой-либо государственной структуры, а механизм согласия, на который рассчитана как раз парламентская система (Linz, 1990, р. 51–69). В-четвертых, стиль президентской политики менее свойственен демократии, чем стиль парламентской политики. Ощущение себя представителем всей нации способствует тому, что президент может вести себя нетолерантно по отношению к оппозиции. «Чувство обладания независимой властью, мандатом от народа, — пишет Линц, — должно, вероятно, дать президенту понимание власти и его миссии, несопоставимой с той пропорцией голосов, которая позволила ему победить. Это, в свою очередь, может сделать противодействие, с которым он сталкивается, бóльшим источником фрустрации, деморализации и раздражения, чем сопротивление, обычно испытываемое премьер-министром» (Linz, 1994, р. 19). В-пятых, политические аутсайдеры более вероятно могут одержать победу на президентских выборах, соответственно заняв пост главы исполнительной власти, что имеет значительный дестабилизирующий эффект. Индивиды, избранные прямым голосованием населения, менее зависят от политических партий и более подвержены стремлению руководить в популистской, антиинституционалистской манере.

Доводы Линца находят косвенное подтверждение в исследовании Фреда Риггса, который указывает на слабость президентских режимов вообще по сравнению с парламентскими (Ruggs, 1993, с. 93). Арендт Лейпхарт также поддерживает парламентскую форму демократии, делая акцент на пропорциональной системе выборов, которая обеспечивает консенсуальный демократический режим (Leiphardt, 1995, с. 136–137).

Среди индикаторов, на основании которых можно судить о консолидации режима демократии, другие исследователи выдвигают:

- 1) чередование во власти конкурентов;
- 2) продолжительность и широту поддержки и стабильность режима во время крайних экономических трудностей;
- 3) успешную победу над небольшой, но стратегически значимой группой бунтовщиков, и их наказание;
- 4) стабильность режима перед лицом радикальной перестройки партийной системы;
- 5) отсутствие политически значимой антисистемной партии или социального движения (Gunther, Diamandouros, Puhle, 1995, р. 12–13).

В общем, тем не менее, консолидация демократии осуществляется не на основе выбора какого-либо одного режима, а через поиск положительных элементов многих режимов, включая и использование некоторых традиционных институтов и норм. Более того, значительную роль в консолидации демократии играют неформализованные политические процессы и факторы. Одним из тех, кто обратил внимание на плюралистическую природу режима консолидирующейся демократии, был Филипп Шмиттер (*Schmitter, 1992*, р. 156–181). Для него «консолидация могла бы быть определена как процесс трансформации случайных договоренностей, благоразумных норм и зависящих от обстоятельств решений, которые появились во время перехода, в отношения сотрудничества и конкуренции, которые известны как надежные, регулярно практикуются и добровольно принимаются личностями и коллективами (т. е. партиями и гражданами), участвующими в демократическом управлении» (*Ibid*, р. 158). Ключевой дилеммой консолидации он считает вопрос о том наборе институтов, с которыми политики могут согласиться и который пожелают поддержать граждане. Необходимо согласие относительно определенного набора правил, с использованием которых разрешались бы возникающие конфликты. В этом отношении в основе консолидированной демократии лежит понятий в широком смысле компромисс. Во-первых, современная демократия концептуализируется не как «режим», а как компромисс «частных режимов», каждый из которых институционализируется вокруг некоторых пространств репрезентации социальных групп и разрешения их насущных конфликтов. Хотя конституции пытаются установить некоторый единый набор «метаправил», но подобный формальный стандарт не всегда может быть успешно применен к политическому процессу в силу его абстрактности и чрезмерной логичности.

Конечно, принятие конституции — важный момент консолидации, но многие политические режимы все-таки останутся не определенными ею. В этой связи заслуживает внимания также позиция О'Доннелла, который считает, что партикуляризм (или клиентелизм) играет существенную роль в становлении и консолидации демократии третьей волны (*O'Donnell, 1996*). Во-вторых, по-видимому, можно говорить не о консолидации демократии, а о консолидации многих демократий, т. е. ни один набор современных институтов демократии не является в этом отношении исчерпывающим, наилучшим для современной практики. В-третьих, результат процесса демократизации в третьей волне не слишком зависел от определенных предварительных условий, но, скорее, от обстоятельств конкретного переходного процесса, когда решались вполне определенные задачи. В-четвертых, как указывает Шмиттер, современная демократизация свидетельствует, что новые социальные движения и ассоциации, составляющие

формирующееся гражданское общество, будут находиться в более выгодной позиции, чем политические партии, так как старые власти будут более терпимы к ним. Этот парадокс также проистекает из плюральности возможных форм и процессов становления и консолидации новых демократий. Хотя, конечно, не следует умалять и консолидирующую роль политических партий.

Консолидация демократии — это также перемены в системе административно-государственного управления. Движение к усилению демократического контроля над государственной администрацией и повышение ее ответственности перед демократически избранными органами власти, децентрализация и деконцентрация бюрократического аппарата, ограничение деятельности государственного аппарата законом, гарантия легальности актов управления — все это составляет необходимое условие для укрепления демократии. Но ясно, что многое в этом процессе будет зависеть от того, как будет сформирована новая управленческая структура и каким целям она будет служить. Если при переходе к демократии возможно говорить о двух основных стратегиях в отношении чиновничества: их лояльность к новому режиму или полная замена чиновничества, то при консолидации демократии речь уже должна идти, во-первых, не просто о лояльности административного аппарата к демократическому режиму, а о приверженности его правилам и нормам; во-вторых, о новом механизме и принципах его профессионализации; в-третьих, о способе влияния основных политических структур на формирование аппарата; в-четвертых, об отношениях, на которых строится государственная служба.

Как показывают исследования, консолидация демократии в третьей волне проходит в условиях сложного сочетания рационализированных формальных правил, свойственных репрезентативной демократии, и неформальных механизмов согласования интересов, основанных на патронаже в большей степени, чем на меритократических условиях. Так, становление новых демократических режимов в Португалии, Греции и Испании сопровождалось приходом в государственные учреждения представителей политических партий и расширением использования клиентелистских средств. Часто партии пользуются обещанием предоставления постов в государстве для расширения своего влияния. Луис Ронигер пишет о значительной роли патронажа в современных демократиях. Он подчеркивает, что «по-видимому, в репрезентативных демократиях даже более, чем в иных политических режимах, патронаж и клиентелистские структуры могут быть значительно эффективными в поощрении и вознаграждении партийных активистов и в формировании ответственности у государственных служащих» (*Roniger, 1994*, p. 216). В этом смысле патронаж может быть использован для формирования демократической политиче-

ской организации и создания условий для ее консолидации. Правда, никто не знает границ эффективности патронажной системы; слабо исследованы дисфункции патронажа. В истории развития государственной службы патронаж всегда рассматривался в качестве отрицательного механизма формирования государственных чиновников, делались многочисленные попытки заменить его принципами заслуг, т. е. бюрократической рационализированной машиной. В свою очередь бюрократия показала наличие организационных, экономических и социально-психологических дисфункций, нарушающих эффективное функционирование организации. Возвращение вновь к патронажу может свидетельствовать как об отсутствии альтернативы бюрократии, так и о повышении роли неформальных механизмов во взаимосвязи исполнительных и представительных структур власти.

11.5. Возможна ли четвертая волна демократизации?

В конце 1990-х гг. третья волна демократизации явно пошла на спад. Об этом свидетельствовали данные многих замеров демократического развития и, прежде всего, показатели «Дома свободы». Действительно, одна группа стран третьей волны демократизации успешно проходила стадию консолидации демократии, в другой группе эти процессы застопорились и обозначилась явная тенденция к откату. Если сравнить показатели *структурной группировки стран* по уровню политической свободы по десятилетиям, начиная с 1980 г., то наблюдается замедление темпов структурных изменений в странах по данному показателю. Так, показатель среднего изменения структуры между десятилетними периодами стремится к минимизации. Он равен для 1980–1990 гг. — 5,27%, для 1990–2000 гг. — 3,6%, а для 2000–1910 гг. — уже 0,47%. В 1990-е гг. среднегодовой показатель изменения структуры насчитывает 2,1%, а в первое десятилетие 2000-х гг. — всего 0,8%.

СТРУКТУРНАЯ ГРУППИРОВКА

Структурная группировка характеризует структуру совокупности по какому-либо одному признаку, изменяющемуся во времени. Ее основная функция: дать возможность изучать интенсивность вариации группировочного признака.

Показатель среднего изменения структуры между двумя периодами измеряется следующей формулой:

$$d = \sum |w_{i1} - w_{i2}|/k,$$

где d — показатель среднего изменения структуры между двумя периодами, w_{i1} — доли/проценты i -й группы в период 1, w_{i2} — доли/проценты i -й группы в период 2, k — число групп.

Отмечается также тенденция усиления снижения показателей свободы в мире, если характеризовать страны в динамике изменений (см. диаграмму на рис. 1). Из диаграммы видно, что во второй половине десятилетия число стран, которые характеризовались положительной динамикой, сократилось, и, наоборот, увеличилось число стран, где ситуация стала хуже. Так, по результатам исследования в 2009 г. в худшую сторону изменился статус таких стран, как Джибути, Эфиопия, Мексика, Украина; изменился в худшую сторону рейтинг еще пяти стран, а в 16 странах наблюдается тенденция падения показателей. Так возможна ли в этих условиях четвертая волна демократизации?

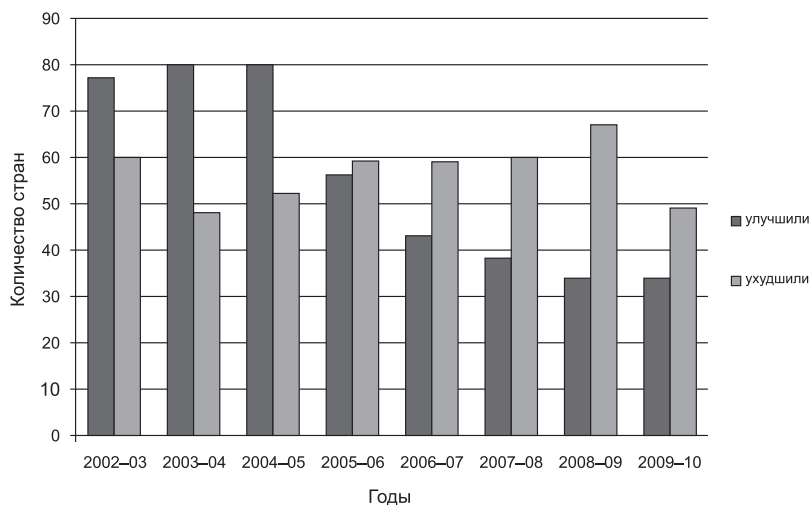


Рис. 1. Количество стран, которые улучшили или ухудшили показатели свободы (по данным «Дома свободы») в первом десятилетии XXI в.¹

Отмеченный нами оптимизм исследователей, изучавших третью волну, а также тенденция квалифицировать демократию как ценность, а не как инструмент, позволяют делать соответствующие прогнозы. Сам Хантингтон в начале 1990-х гг. отмечал возможность четвертой волны демократизации, связывая ее с общемировым экономическим ростом и деятельностью передовых политических элит. Уже в конце 1990-х гг. некоторые исследователи начали делать прогнозы относительно возможности четвертой волны демократизации. Ларри Дайа-

¹ Источник: www.freedomhouse.org.

монд, отмечая наличие неустойчивых политических систем с крайней поляризацией в этническом или экономическом смысле, писал о том, что в случае кризиса и под воздействием мировой поддержки эти страны могут двинуться в сторону демократии. Особую надежду на новое мировое движение к демократии он связывал с будущим Китая (*Diamond, 1999*, р. 262, 271). Майкл Макфол более осторожен в своем анализе перспектив демократизации в связи с гибридными режимами посткоммунистических стран и их неоднозначными транзитами. Но и он допускает возможность четвертой волны демократизации (*MacFaul, 2002*). Следует обратить внимание и на аргументацию, возникающую в среде исламских передовых политологов и обществоведов. Выступая против господствующего суждения о разрыве цивилизаций и неготовности исламского мира к демократической революции, они полагают, что в исламской культуре достаточно потенциала для реализации демократии и прав человека, и именно в этом мире может вскоре начаться четвертая волна демократических переходов (*Olimat, 2007*). Этот оптимизм подтверждается начавшимися изменениями в 2011 г. в Северной Африке (Египет, Тунис, Ливия) и на Ближнем Востоке (Йемен, Оман, Бахрейн), где выступления объединяли социальные требования с требованиями политических прав и свобод. Демократическая перспектива в этих и других странах региона — пока открытый вопрос, но потенциал протеста может повернуть и в эту сторону.

* * *

Рассмотренные здесь подходы к консолидации демократии свидетельствуют об отсутствии какой-либо единой парадигмы в этой теме. По-видимому, переходные политические процессы сложно вписываются в логически завершенную схему, так как, с одной стороны, велико значение субъективного компонента политического процесса, порождающего множество случайных величин, с другой стороны, в них появляется много новых механизмов и характеристик, требующих нестандартных концептуальных разработок.

Основные понятия

Демократический транзит, консолидация демократии, контекстуальные, переходные и системные проблемы демократического транзита, либеральные демократии и псевдодемократии, институционализация демократического транзита, структурная группировка стран, четвертая волна демократизации.

Основная литература

- Карл Т., Шмиттер Ф.* Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы // Политические исследования. Полис, 2004. № 4.
- Пишеворский А.* Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. — М.: РОССПЭН, 1999.
- Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века. — М.: РОССПЭН, 2003.
- Шмиттер Ф.* Процесс демократического транзита и консолидация демократии // Политические исследования. Полис, 1999. № 3.

Дополнительная литература

- Воскресенский А. Д.* Политические системы и модели демократии на Востоке. — М.: Аспект-пресс, 2007.
- Гельман В. Я.* Из огня да в полымя? (Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе) // Политические исследования. Полис, 2007. № 2.
- Елисеев С. М.* Выйти из «бермудского треугольника»: о методологии исследования посткоммунистических трансформаций // Политические исследования. Полис, 2006. № 2.
- Испания. Траектория модернизации на исходе двадцатого века. — М.: [б. и.], 2006.
- Крауч К.* Постдемократия. — М.: Изд. дом ГУ — Высш. шк. экономики, 2010.
- Лапкин В. В., Пантин В. И.* Освоение институтов и ценностей демократии украинским и российским массовым сознанием (Предварительные итоги) // Полис, 2005. № 1.
- Латинская Америка. Испытания демократии. Векторы политической модернизации: В 2 т. — М.: Ин-т Лат. Ам. РАН, 2009.
- Россия и Центрально-Восточная Европа: трансформации в конце XX — начале XXI века: В 2 т. — М.: Наука, 2005.
- Яжборовская И. С.* Глобализация и опыт трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. — М.: Academia, 2008.

ГЛАВА 12

Измерение демократии

В статистических исследованиях различных процессов распространенным способом анализа является *индексный метод*. Под ним понимается исследование динамики процессов с помощью некоторых обобщенных показателей. В сравнительной политологии понятие «индекс» имеет по меньшей мере два значения. Первое значение (традиционное) связано с агрегацией ряда взаимосвязанных индикаторов в новый комплексный (композиционный) индикатор. Второе значение (расширительное) указывает на комплекс индикаторов, хотя и внутренне взаимосвязанный, но не имеющий какого-либо единого квантифицированного выражения. Обычно это расширительное понятие используется для характеристики особенностей индивидуальных исследований, например «индекс политического развития Катрайта», «индекс общего уровня политической демократии Смита», «индекс демократического развития Джэсмана» и т. д. Мы будем использовать понятие «индекс» и в первом, и во втором его значении. Специфика использования будет ясна из контекста.

12.1. Логика развития индексов демократии

К настоящему времени в сравнительной политологии накоплен значительный объем эмпирических исследований уровней демократического развития, позволяющих осуществлять классификацию стран и ранжировать политические системы по критерию их демократичности. При всей неоднозначности интерпретаций полученных результатов специальный анализ используемых эмпирических индикаторов показывает прогресс в этой области как с точки зрения все большей близости используемых методик, так и с точки зрения большей их точности и обоснованности. На сегодня выработано более десятка различных индексов демократии (см. табл. 18), которые охватывают различные аспекты демократического устройства и развития политических систем. Обратим здесь внимание лишь на некоторые, наиболее значимые (по различным соображениям) из них.

Таблица 18

Эмпирические исследования демократии

Автор (год)	Индекс	Анализируемый период	Число анализируемых стран	Метод анализа
Катрайт (1963)	политического развития	1940–1960	77	Корреляция
Нейбауэр (1967)	демократического действия	1940–1960	23	Корреляции и регрессии
Джэкман (1973)	демократического развития	1960	60	Множественная регрессия
Боллен (1979, 1983)	политической демократии	1960, 1975	113	Факторный анализ
«Дом свободы» (с 1973)	политической свободы	Ежегодно	193	Классификация
Шкала политического террора (с 1976)	подавления прав человека	Ежегодно	180	Классификация и ранжирование
Ванханен (1979, 1988)	демократизации	1850–1979 1980–1988	119 147	Корреляции и регрессии
Гарр (1974, 2000)	институциональной демократии Polity IV	1999 — н. вр.	161	Классификация, корреляции
Арат (1991)	демократии	1948–1982	152	Корреляции
Коппидж-Рейнике (1990)	полиархии	1985	170	Корреляции и регрессии
Кеман (2002)	демократичности	1980–2000	127	Корреляции и регрессии
Интеллектуальная секция «Экономиста»	демократии	2007 — н. вр.	167	Классификация и рейтингование

История измерения демократии начинается в 1960-е гг. и развивается путем совершенствования измерительной техники, поиска такой шкалы, которая позволяла бы собрать наиболее богатый материал и отражала бы наиболее существенные стороны демократии. Логика развития индекса демократии состоит в том, что от этапа к этапу индексы становятся более насыщенными, включают то, что можно обозначить мерой сущности демократии. В целом, можно говорить о трех основных логических периодах в развитии демократических индексов. При внимательном прочтении последующего материала,

где дается описание конкретных показателей демократии, читатель сможет сам проверить или уточнить эту логику. В начале пути исследователи (Катрайт, например) скорее обращали внимание на формальную сторону демократии, пытаясь в измерителях отразить институциональные ее стороны. Однако скоро выяснилось, что наличия институтов демократии недостаточно для того, чтобы в целостности описать данный политический режим. Более того, при наличии одинаковых демократических институтов сложно было дифференцировать страны по уровню демократии. Этот первый этап можно определить как *институциональное* измерение демократии (институциональные индексы). Не отрицая значения демократических институтов, исследователи-компаративисты в последующем обратили внимание на то, как институты действуют и как можно охарактеризовать процессуальную сторону демократического режима. Отсюда, внимание обращалось на избирательный процесс и его условия. *Процессуальное* измерение демократии (процессуальные индексы) нашло выражение в таких индексах, как индекс демократического действия Нейбауэра, индекс демократизации Ванханена, индекс политической демократии Боллена, индекс полиархической демократии Даля. Эти индексы позволили измерить демократический процесс участия и определить более точно уровень демократического развития той или иной страны. Вместе с тем, когда на первый план оценок демократии стали выходить права человека, исследователи попытались сформировать индексы, которые позволили бы измерить не только уровень провозглашения прав, но и особенности их реализации. Это *субстанциальное* измерение демократии (субстанциальные индексы) стало наиболее популярным в последние десятилетия. Следует сказать, что измерение демократии с использованием концепции прав человека (индекс свободы «Дома свободы», индекс прав человека Хьюмана, Шкала политического террора) отнюдь не игнорировало предыдущие измерения. Они были органично включены в новую систему, где подчеркивалось значение институтов и процессов для реализации политических прав и гражданских свобод. В последнее десятилетие проявилось стремление сформировать *обобщенные индексы демократии*, которые включали бы в себя весь комплекс основных демократических параметров. Уже «Дом свободы» фактически измеряет не только свободу в мире, но и состояние демократии. К подобным индексам следует относить индекс демократичности Кемана и индекс демократии Интеллектуальной секции «Экономиста» (The Economist Intelligence Unit) — одной из крупнейших исследовательских и консультационных компаний.

12.2. Индекс политического развития Катрайта

Исследование Филиппа Катрайта было, пожалуй, первым опытом компаративного эмпирического анализа собственно политического развития (*Cutright, 1963*). Оно было первоначально опубликовано в «*American Sociological Review*» в 1963 г. как реакция на исследование условий демократии, предпринятое Сеймуром Липсетом, в котором деление стран на демократические и авторитарные не сопровождалось эмпирическим анализом уровня политического развития с помощью каких-либо индексов (*Lipset, 1959*). Липсет распределил страны Европы, Северной и Латинской Америки на группы демократических и диктаторских, стабильных и нестабильных систем, используя следующие критерии:

- 1) «политическая формула», т. е. признаваемая всеми система верований, легитимизирующих демократические системы и особые институты — партии, свободную прессу и т. д.;
- 2) один набор политических лидеров, которые формируют правительство;
- 3) один или более наборов лидеров, которые не формируют правительство, действуют в качестве легитимной оппозиции, пытаясь завоевать правительственные посты (*Lipset /1959/ 1969*, p. 153).

Своей задачей он ставил показать, как различные условия (благо-состояние, индустриализация, образование и урбанизация) влияют на характер политического режима и на его стабильность. Но он не пытался измерять характеристики самих политических режимов. В этом отношении Катрайт пошел дальше и попытался определить переменные и индикаторы политического развития, которые позволили бы осуществить ранжирование исследуемых стран. Он исходил из убеждения, что «степень политического развития может быть измерена, и каждая нация может быть размещена на континууме развития, что позволит сравнивать ее с любой другой нацией в мире» (*Cutright, /1963/ 1969*, p. 195).

Индекс политического развития строился Катрайтом с акцентом на демократическом процессе формирования государственных институтов (законодательной и исполнительной ветвей власти). При этом он утверждал, что концепция, которой автор руководствуется при конструировании индекса, довольно простой: «Политически развитая нация имеет более сложные и специализированные национальные политические институты, чем менее политически развитая». Операционально, подчеркивал Катрайт, акцент ставится на той роли, которую играют политические партии в государственной

жизни (*Ibid*). Оценочная шкала от 0 до 3 баллов используется им для анализа формирования законодательных и исполнительных органов государственной власти в 77 странах (исключая африканские) за период 1940–1960 гг. Каждое государство оценивалось за каждый отдельный год путем приписывания баллов (0–2) за формирование законодательной власти и – (0–1) за формирование исполнительной власти. Таким образом, за весь период (21 год) каждое государство могло получить максимально 63 балла. Баллы распределялись в зависимости от следующих критериев:

- 1) политический плюрализм;
- 2) формирование институтов власти — выборность и конкурентность;
- 3) влияние меньшинства.

Индекс политического развития Катрайта

Баллы	Критерии
Законодательная власть	
2	Нижняя палата парламента или весь парламент состоит из представителей двух или более политических партий, партийное меньшинство занимает по меньшей мере 30% всех мест
1	Парламент существует, его члены представляют более одной политической партии, но «правило 30%» нарушено
0	Парламент не существует или был упразднен; парламент представляет одну партию; деятельность парламента подчинена военным или иной политической силе (пародийные парламенты колониальных стран)
Исполнительная власть	
1	Государством управляет глава исполнительной власти, который был назначен на основе многопартийной конкуренции; при этом сохранялись условия получения 2 баллов законодательной властью
0,5	Глава исполнительной власти был избран, но не соблюдались условия для получения 1 балла законодательной властью
0	Парламент прекратил существование; государство управляется традиционным правителем

Данный индекс политического развития использовался Катрайтом не только для ранжирования государств, но и для корреляционного анализа взаимосвязи политического и социально-экономического развития (образование, экономическое развитие, системы коммуникации, урбанизация и распределение рабочей силы). Индекс Катрайта использовался при исследовании влияния социально-экономических условий на демократию А. Смитом (*Smith, 1969*) при изучении го-

сударственного развития М. Олсоном (*Olson, 1968*). Однако индекс политического развития Катрайта подвергся и справедливой критике за узость и слишком большой акцент на государственных институтах. Впрочем, заслуга Катрайта в постановке и первом решении проблемы измерения демократии никем не умалялась.

12.3. Индекс демократического действия Нейбауэра

Дин Нейбауэр предложил свой индекс демократического действия, основываясь на экономической модели демократии Даунса и концепции демократии Даля (*Neubauer, 1967*). Он критически отнесся к индексу политического развития Катрайта, так как считал, что, во-первых, неправомерно отождествлять сложность и специализацию политических институтов с демократическим политическим развитием, во-вторых, индекс Катрайта «не работает» на дифференциацию стран с высоким уровнем политического развития. Используя концепции условий демократии Даунса и Даля, Нейбауэр выбирает две основные переменные — электоральное равенство и электоральную конкуренцию — в качестве основы измерения демократии. Наиболее характерным признаком демократических режимов, как писал Нейбауэр, служат выборы лиц на ключевые посты в государстве. Выборы являются механизмом, посредством которого граждане показывают те предпочтения, которыми должны были бы руководствоваться принимающие политические решения. Однако форма выборов не может быть единственным гарантом демократичности. Демократическими можно считать выборы, когда оппозиционным группам предоставляется некоторая возможность бороться с правящими группами за посты в государстве. А это возможно лишь при электоральном равенстве, которое обеспечивается множеством источников информации, и при электоральной конкуренции. Нейбауэр считал следующие индикаторы наиболее предпочтительными для формирования индекса демократического развития:

1. Процент взрослого населения, имеющего право голоса. Этот индикатор является базовым для понятия «демократичности». Различие между нациями по этому измерению показывает, какой процент населения исключен из голосования по причине различных цензов (пол, раса, проживание, грамотность и т. д.). Государства попадают на высокие места по данной шкале измерения, если они обеспечивают максимальное участие взрослого населения в выборах.
2. Равенство представительства. Принцип «один человек — один голос» является также базовым для современной концепции де-

мократии. Этот принцип требует, чтобы голоса имели равный вес при выборе кандидатов. Нейбауэр использовал здесь показатель «амплитуды искажения» при сравнении долей полученных партиями голосов и долей мест, распределенных в парламенте. Данный показатель позволял сделать вывод о сверхпредставленности или недопредставленности партий в парламенте.

3. Информационное равенство. Нейбауэр подчеркивал, что это условие отсутствует в концепции Даунса, но имеется у Дая: «Все индивиды обладают одинаковой информацией об альтернативах». Однако измерение этого индикатора прямым способом оказалось трудным делом. Нейбауэр исходит здесь из двух предпосылок. Во-первых, измерение должно учитывать плюрализм средств массовой информации (преимущественно газет), т. е. если существует плюрализм в сфере распространения газет, то можно предположить его и в сферах иных средств массовой информации. Во-вторых, плюрализм обеспечивается различной собственностью на газеты; эти данные существуют для крупных городов, следовательно, в качестве индикатора можно взять столичные города. Общая формула имеет вид:

$$\text{Информационное равенство} = N(T/K),$$

где N — число газет разных собственников, T — средний тираж, K — численность населения столицы.

4. Конкуренция. Электоральная конкуренция между политическими партиями считается значимой, если занятие оппозицией правительственных постов характеризуется реальной возможностью. Мера, как считал Нейбауэр, должна благоприятствовать тем странам, которые обеспечивают реальность подобной альтернативы. Для конкуренции он предложил два измерения:

А. Процент времени правления доминирующей партии за период обследования. Конкуренция может быть сильной, но если нет смены партий у власти длительный период, то альтернатива, ощущаемая электоратом, существенно отличается от той ситуации, когда альтернатива действительно имеет место.

Б. Средний процент голосов, полученных побеждающей партией (партиями). Этот индикатор, согласно Нейбауэру, действительно измеряет силу конкуренции. В тех странах, где альтернатива по сути не имеет места, этот показатель сильно отличается. Отсутствие альтернативы при распределении голосов 51–49 отличается от ситуации, когда распределение составляет 90–10.

С помощью этих индикаторов Нейбауэром было проведено эмпирическое обследование двадцати трех стран. Оценки затем были сведе-

ны в единый индекс демократического действия, а результаты использовались для множественного регрессионного анализа взаимосвязи демократии и социально-экономических условий. Результаты ранжирования стран по уровню демократии представлены в табл. 19.

Таблица 19

Порядок стран на основе индекса демократического действия

Ранг	Страна	Баллы	Ранг	Страна	Баллы
1	Великобритания	236,3	13	Зап. Германия	199,4
2	Франция	231,4	14	Италия	198,6
3	Финляндия	229,2	15	Канада	196,8
4	Швеция	225,8	16	Соединенные Штаты	190,9
5	Нидерланды	220,9	17	Венесуэла	188,3
6	Бельгия	214,9	18	Австрия	186,9
7	Япония	212,7	19	Чили	184,6
8	Люксембург	210,1	20	Ирландия	181,4
9	Норвегия	209,7	21	Индия	172,7
10	Новая Зеландия	209,4	22	Швейцария	169,3
11	Дания	205,7	23	Мексика	121,9
12	Израиль	203,2			

Источник: *Neubauer /1967/ 1969*, p. 232.

Как видно из таблицы, действительно, индекс демократического действия Нейбауэра позволял проводить более точное ранжирование стран по уровню их демократичности, к тому же он был более содержательным, чем индекс Катрайта. Исследование Нейбауэра показало, что при измерении демократии можно использовать не только приписывание баллов политическим системам, но и использовать более объективный набор показателей, базирующихся на статистических данных относительно электорального участия и конкуренции.

12.4. Индекс демократизации Ванханена

К той же группе индексов, измеряющих качество политических систем по критериям политического участия и конкуренции, относится индекс демократизации Тату Ванханена (*Vanhanen, 1984; 1989*). Ванханен разработал его для исследования возникновения демократии и зависимости этого процесса от распределения в обществе властных ресурсов.

Он исходит из предположения, что в современных демократических обществах политическая власть зависима от народа, источники власти широко распределены между различными группами населения, а сама «демократия означает, что народ и группы людей свободны состязаться за власть и что носители власти избраны народом и ответственны перед ним» (*Vanhanen, 1984, p. 33*). Властные ресурсы — занятость в индустриальном секторе экономики, образование и собственность на землю — обеспечивают влияние на демократический процесс и распределены так, что способствуют подрыву политического монополизма в обществе.

Для анализа уровня демократичности Ванханен, основываясь на концепции Даля, выбирает две переменные — политическое участие и политическую конкуренцию, и на их основе строит свой индекс демократизации. Операционализация этих переменных достаточно проста, но обоснованна. Следует учитывать тот факт, что Ванханен исследует становление демократии за длительный период исторического развития — сначала 1850–1979 гг., затем — 1980–1988 гг. При этом в первом исследовании анализируется 119, во втором — 147 стран. Эти обстоятельства нужно было учитывать при выборе индикаторов так, чтобы не было проблем с поиском статистических данных и чтобы можно было обеспечить релевантность индексов к различным культурным и историческим условиям.

Ванханен использует два количественных индикатора для измерения демократии.

Первый — уровень конкурентности (K) — определяется им по доле голосов, полученных маленькими (оппозиционными) партиями на парламентских или президентских выборах (или на тех и других). Эта доля подсчитывается вычитанием из ста процентов процента голосов, полученных правительственной партией (блоком партий). Если берутся и парламентские, и президентские выборы, то подсчитывается их среднее арифметическое.

Второй индикатор — уровень электорального участия (Y) — определяется как доля населения, действительно участвовавшая в голосовании. Процентная доля подсчитывается от всего населения, а не только взрослого или имеющего право голоса. Это также связано с особенностями исследования.

На основании двух индикаторов Ванханен строит индекс демократизации (ИД), считая, что значимость конкуренции и электорального участия одинакова для оценки демократии. Общая формула индекса демократизации следующая:

$$ИД = (K \times Y) / 100.$$

Ванханен видел важное преимущество своих индикаторов и индекса демократизации в простоте и возможности достигнуть количественной точности. Он писал: «Мои индикаторы демократизации отличаются... по двум важным пунктам: 1) я использую только два индикатора и 2) оба индикатора основаны на количественных электоральных данных. Большинство других измерений демократии включают в себя большее число индикаторов, и большинство из них основаны на более или менее качественных данных. Я полагаю, что лучше использовать простые количественные переменные с некоторыми недостатками, чем более сложные меры с весами и оценками, основанными на субъективных суждениях» (*Vanhanen, 1989, p. 23*).

Показатели электоральной конкуренции, участия и индекс демократизации используются Ванханеном для классификации политических систем на демократические, полудемократические и недемократические. Так, уровень электоральной конкуренции 30% и более, электорального участия 15% и более, индекс демократизации 5 (немного выше, чем нижняя граница при учете электоральной конкуренции и участия) и более — характерны для демократических политических систем. Для полудемократий электоральная конкуренция должна составлять 20–30%, электоральное участие — 10–15%, а индекс демократизации — 2–5. Оценки ниже этого уровня говорят о недемократических политических системах. В главе 10 мы уже приводили данные Ванханена относительно распределения политических систем по данным группам за 1980-е гг. (см. табл. 14). Здесь же покажем, как изменялся индекс демократизации в группе из 20 демократических государств (см. табл. 20).

Данные таблицы свидетельствуют об относительной стабильности демократических политических систем, хотя такие страны, как Дания, Исландия, Новая Зеландия, Франция, Австрия, показывали в 1980-е гг. значительные перепады (более 5 пунктов у Франции) в показателях индекса демократизации. Интересно, что в эти же годы 16 стран переступили порог демократизации (5,0 значения ИД). Резкий скачок наблюдался в таких странах, как Аргентина (0 в 1980 г., 24,1 в 1983 г.), Боливия (соответственно, 0 и 16,8), Эль Сальвадор (0 и 13,6 в 1984 г.), Гондурас (0 и 14,2 в 1981 г.), Турция (0 и 11,6 в 1983 г.) и др. (*Ibid, p. 27–28*).

Таблица 20

**Страны, ранжированные по уровню демократизации в 1980 г.,
с оценками индекса демократизации в 1980–1988 гг.**

№	Страна	80	81	82	83	84	85	86	87	88	Динамика 1988 к 1980
1	Италия	40,1	40,1	40,1	43,7	43,7	43,7	43,7	44,1	44,1	+4
2	Нидерланды	39,7	42,2	40,1	40,1	40,1	40,1	40,0	40,0	40,1	+0,4
3	Дания	38,2	40,9	40,9	40,9	41,7	41,7	41,7	46,4	45,7	+7,5
4	Швеция	37,3	37,3	36,3	36,3	36,3	36,9	36,9	36,9	36,4	–0,9
5	Бельгия	35,9	44,2	44,2	44,2	44,2	43,3	43,3	44,7	44,7	+8,8
6	З. Германия	35,2	35,2	39,2	39,2	39,2	39,2	39,2	39,1	39,1	+3,9
7	Исландия	35,0	35,0	35,0	33,7	33,7	33,7	33,7	46,2	46,2	+11,2
8	Норвегия	32,8	38,5	38,5	38,5	38,5	37,1	37,1	37,1	37,1	+4,3
9	Н. Зеландия	32,7	35,1	35,1	35,1	34,0	34,0	34,0	29,3	29,3	–3,4
10	Франция	32,5	28,3	28,3	28,3	41,3	41,3	41,3	41,2	27,6	–8,5
11	Израиль	32,2	30,8	30,8	30,8	32,4	32,4	32,4	32,4	35,8	+3,6
12	Греция	32,2	30,3	30,3	30,3	30,3	34,7	34,7	34,7	34,7	+2,5
13	Люксембург	31,7	31,7	31,7	31,7	31,5	31,5	31,5	31,5	31,5	–0,2
14	Великобритания	31,4	31,4	31,4	31,3	31,3	31,3	31,3	33,2	33,2	+1,8
15	Испания	31,3	31,3	28,1	28,1	28,1	28,1	28,9	28,9	28,9	–2,4
16	Австрия	31,2	31,2	31,2	33,5	33,5	33,5	36,5	36,5	36,5	+5,3
17	Австралия	31,0	31,9	31,0	28,5	33,0	33,0	33,0	30,9	30,9	–0,1
18	Мальта	30,2	31,4	31,4	31,4	31,4	31,4	31,4	30,0	30,0	+0,2
19	Португалия	28,7	28,7	28,7	30,2	30,2	32,0	33,4	27,1	27,1	–1,6
20	Япония	28,0	28,0	28,0	25,8	25,8	25,8	25,1	25,1	25,1	–2,9

Источник: *Vanhanen, 1989, p. 26.*

12.5. Индекс свободы «Дома свободы»

Эмпирические исследования свободы начинаются в 1970-е гг. Первым, кто начал эту работу в 1973 г., был Раймонд Гастил. С этого времени проводятся ежегодные обзоры состояния свободы в мире, а с 1978 г. «Домом свободы» (исследовательский центр в США) ежегодно публикуется отчет под названием «Свобода в мире: Политические права и гражданские свободы» (Гастил с 1977 по 1989 г. был директором программы «Сравнительный обзор свободы» в «Доме свободы»). Эмпирическое изучение свободы нашло своих последователей среди политологов-компаративистов, но самой известной и используемой до сих пор «Домом свободы» остается методология и методика исследования свободы Гастила. За этот период она была усовершенствована, некоторым образом изменились индикаторы и шкалы, но общая направленность осталась той же. Здесь мы приводим индекс свободы по ежегодному изданию «Дома свободы» 2011 г. (*Kramer, 2011*).

Подчеркнем, что Гастил первоначально проводил различие между исследованием свободы и исследованием демократии. Он писал: «Хотя свобода всегда понималась преимущественно через сравнение ее с современной политической демократией, но прошли годы, прежде чем автор понял, что обследование [свободы] было, по сути, обследованием демократии. Вот почему исследование имеет меньшее отношение к институциональным устройствам и законам и большее к реальному поведению в противоположность большинству дискуссий о демократических свободах. Эта причина может также объяснить, почему автор все еще включает в рассмотрение демократические системы с ограниченными свободами или широкие свободы без демократической системы» (*Gastil, 1991*, p. 22). Действительно, эмпирическое исследование свободы, по Гастилу, позволяет использовать его двояко: некоторые используют его в том смысле, о котором говорит сам Гастил, т. е. проводят различие между степенью демократичности и уровнем свободы, другие же трактуют показатели свободы в качестве более реальных для оценки уровня демократичности, чем институциональные показатели в духе Катрайта, и используют их для проведения различия между реальной и формальной демократией (*Diamond, 1996*).

Методология и методика подсчета уровня свободы достаточно проста. Оценка уровня свободы осуществляется на основе двух перечней: списка политических прав и списка гражданских свобод. Имеется также два дополнительных вопроса, касающихся традиционных монархий и влияния правительства или оккупационных властей на этническое устройство. В оценивании на основании методики «Дома свободы» участвуют около пятидесяти экспертов. Организация имеет своих представителей во многих странах и регионах мира.

Список *политических прав* включает в себя десять пунктов (1–10), распределенных по трем субкатегориям (А, В, С):

А. Электоральный процесс:

1. Избран ли глава правительства или иной глава государственной власти на свободных и честных выборах?
2. Избраны ли депутаты парламентов на свободных и честных выборах?
3. Являются ли избирательные законы и системы честными?

В. Политический плюрализм и участие:

4. Имеет ли население право организовываться в различные политические партии или иные конкурирующие политические группировки по своему выбору, и является ли система открытой для возникновения или исчезновения этих конкурирующих партий или группировок?
5. Имеется ли голос у значимой оппозиции и реальная возможность для оппозиции усиливать свою поддержку или завоевывать власть посредством выборов?
6. Является ли политический выбор людей свободным от давления со стороны военных, зарубежных властей, тоталитарных партий, религиозных иерархов, экономических олигархов или любой иной властной группы?
7. Действительно ли имеют культурные, этнические, религиозные или другие меньшинства полные политические права и электоральные возможности?

С. Функционирование органов государственной власти:

8. Определяет ли свободно избранный глава правительства и депутаты национальных парламентов политику государства?
9. Свободно ли правительство от постоянной коррупции?
10. Подотчетно ли правительство электорату между выборами и действует ли оно с открытостью и доступностью?

Список *гражданских свобод* включает в себя пятнадцать пунктов (11–25), сгруппированных по четырем субкатегориям (D, E, F, G):

D. Свобода выражения мнений и веры:

11. Имеются ли свободные и независимые средства массовой информации и иные культурные формы выражения мнений? (Примечание. В случаях, когда средства массовой информации контролируются со стороны государства, но обеспечивают плюрализм точек зрения, система имеет преимущества.)

12. Являются ли религиозные институты и сообщества свободными, чтобы на практике осуществлять свою веру и выражать себя в публичной и частной жизни?
13. Имеется ли академическая свобода и свободна ли образовательная система от настойчивой политической индокринации?
14. Есть ли открытая и свободная частная дискуссия?

Е. Права на создание ассоциаций и организаций:

15. Имеется ли свобода собраний, демонстраций и открытого публичного обсуждения?
16. Есть ли свобода для неправительственных организаций? (Примечание. Подразумеваются гражданские организации, заинтересованные группы, фонды и др.)
17. Имеются ли свободные профсоюзы и крестьянские организации или их эквиваленты и имеется ли эффективная система коллективных договоров? Имеются ли свободные профессиональные и другие частные организации?

Ф. Правление закона:

18. Есть ли независимая судебная система?
19. Преобладает ли верховенство закона в гражданских и уголовных делах? Находится ли полиция под непосредственным гражданским контролем?
20. Есть ли защита от политического террора, несправедливого лишения свободы, ссылки или пыток, будь то со стороны групп, которые поддерживают систему или выступают против нее? Свободна ли страна от войны и мятежей?
21. Гарантируют ли законы, политика и практика равное отношение различных слоев населения?

Г. Личная автономия и индивидуальные права

22. Удовлетворены ли граждане свободой передвижения или выбором места жительства, работы или высшего учебного заведения?
23. Имеют ли граждане право на владение собственностью и создание частных предприятий? Является ли деятельность частного бизнеса чрезмерно зависимой от правительственных чиновников, сотрудников сил безопасности, политических партий/организаций или организованной преступности?
24. Есть ли личные социальные свободы, в том числе гендерное равенство, выбор брачных партнеров и размера семьи?
25. Есть ли равенство возможностей и отсутствие экономической эксплуатации?

Оценка политических прав и гражданских свобод осуществляется первоначально с использованием четырехбалльной шкалы для каждого пункта списков, а затем используется семибалльная шкала, баллы из которой выставляются отдельно по спискам политических прав и гражданских свобод в зависимости от количества баллов, выставленных на основании первоначальной шкалы (см. табл. 21). При этом считается, что балл 7 — это показатель наименьшего уровня прав и свобод, а балл 1 — наибольшего.

Таблица 21

Шкалы оценок политических прав и гражданских свобод

Политические права	Первичные баллы	Гражданские свободы	Первичные баллы
1	36–40	1	53–60
2	30–35	2	44–52
3	24–29	3	35–43
4	18–23	4	26–34
5	12–17	5	17–25
6	6–11	6	8–16
7	0–5	7	0–7

Затем оценки политических прав и гражданских свобод суммируются, выводятся средние величины, а страны на их основании ранжируются. «Дом свободы» на основании полученных оценок производит классификацию стран и разбивает их на три группы, используя следующие показатели баллов:

1–2,5 — свободные страны;

3,0–5,0 — частично свободные страны;

5,5–7 — несвободные страны.

В табл. 22 дается распределение стран по уровню свободы на основании оценок, полученных по описанной выше методике (*Kramer, 2011*). Следует заметить, что исследование «Дома свободы» руководствуется предпосылкой Гастила, что уровень свободы и уровень демократии не тождественны. Так, в 1995 г. число формальных демократий выросло до 117 и составило 61% от 191 государства. В 1985 г. только 41% государств мира были формальными демократиями. В то же время не все демократии смогли попасть в класс свободных стран. Из 117 демократий только 76 были свободными, 40 — частично свободными и 1 (Босния, из-за войны) — несвободная (*Ibid*, p. 4–5).

Таблица 22

**Глобальная тенденция развития свободы в мире
(классификация стран по уровню свободы)**

Годы	Группы стран:			
	свободные	частично свободные	несвободные	всего
1980	51	51	60	162
1990	65	50	50	165
2000	86	58	48	192
2010	87	60	47	194

Источник: *Kramer 2011*.

Что касается России и стран СНГ, то в 1990-е гг. отмечается тенденция развития свободы в этом регионе, хотя для некоторых стран она была не столь очевидна. Большинство стран в конце 1990-х гг. попали в категорию частично свободных, и ни одна страна не попала в категорию свободных. Следуя логике «Дома свободы», ситуация с гражданскими свободами по сравнению с 1990-ми гг. в нынешнем десятилетии по некоторым странам изменилась; Россия, Белоруссия и Азербайджан попали в группу несвободных стран, изменялась ситуация в Армении, Грузии, Украине, Молдове, хотя эти страны остались в прежней группе (см. табл. 23).

Индекс политических прав и гражданских свобод «Дома свободы» часто используется в сравнительных исследованиях демократии наряду с другими индексами, что позволяет создать более подробную и точную картину демократического развития в мире. Исследователей привлекает глобализм анализа тенденций развития свободы, тщательная оценка стран и возможность создать хорошую классификацию. Правда, как подчеркивает сам Гастил, существуют проблемы сравнения стран с различными культурными и историческими контекстами с помощью таких индексов, как индекс прав и свобод. «Демократические права, — пишет он, — имеют свое выражение в странах, характеризующихся особыми культурами и особыми внутренними и внешними обстоятельствами, которые ограничивают, канализируют или усиливают свободы. То, что исследование находит в Индии, не может быть абсолютно конгруэнтным с тем, что мы находим в Соединенных Штатах... Пункты в списке внешне довольно хорошо смотрятся, но никто не должен удивляться... Мы определенно знаем, что страны, находящиеся наверху нашего континуума свободы, очень отличаются от тех, что располагаются на другом конце, но

внутри этой определенности мы часто ощущаем себя неуверенными» (*Gastil, 1991, p. 37*).

Таблица 23

Свобода в постсоветских странах в 2010 г.

Страна	Политические права	Гражданские свободы	Классификация страны
Азербайджан	6	5	несвободная
Армения	6	4	частично свободная
Беларусь	7	6	несвободная
Грузия	4	3	частично свободная
Казахстан	6	5	несвободная
Киргизия	5	5	частично свободная
Латвия	2	2	свободная
Литва	1	1	свободная
Молдова	3	3	частично свободная
Россия	6	5	несвободная
Таджикистан	6	5	несвободная
Туркменистан	7	7	несвободная
Украина	3	3	частично свободная
Узбекистан	7	7	несвободная
Эстония	1	1	свободная

Источник: <http://www.freedomhouse.org/ratings/index.htm>.

12.6. Индекс политической демократии Боллена

Кеннет Боллен был одним из первых исследователей-компаративистов, кто начал проводить систематический анализ обоснованности предложенных другими исследователями индексов демократии, степень близости предложенных мер, систематические ошибки измерения и т. д. (*Bollen, 1979; 1980; 1993*). Одновременно с этим он разрабатывает свой собственный индекс демократии, который получает признание в сравнительной политологии. Наиболее полно индекс представлен в статье Боллена 1980 г.

Исходной теоретической посылкой Боллена выступает понимание демократии как определенной системы взаимосвязи элит и неэлит. Именно различия в обладании политической властью между элитами и неэлитами позволяет определить, какая нация является демократической. Отсюда следует его определение демократии: «Я определяю политическую демократию как степень, в которой политическая власть элиты минимизирована, а политическая власть неэлиты максимизирована» (*Bollen, 1980, p. 372*). Сложность эмпирического анализа демократии заключается в отсутствии общепринятой меры политической власти. Боллен считает, что предложенные индикаторы политического участия (процент населения, принимающего участие в выборах) и политической стабильности либо являются недостаточными, либо вообще не свидетельствуют о степени демократичности (особенно стабильность).

Боллен вырабатывает свой индекс политической демократии (POLDEM), который он применяет для анализа демократий в 1960 и 1965 гг. и сравнивает его обоснованность и эффективность с иными мерами. В качестве переменных анализа он выделяет две характеристики политической демократии: *политические свободы* и *народный суверенитет* (выраженный в электоральном процессе). Операционализируя эти переменные, Боллен выделяет ряд индикаторов, измерение которых осуществляется на основании шкал различной размерности.

Тремя индикаторами политических свобод являются: 1) свобода прессы, 2) свобода групповой оппозиции и 3) правительственные санкции. Свобода прессы оценивается по девятибалльной шкале, позволяющей измерить степень контроля, обычно осуществляемого любым официальным органом, который имеет власть вмешиваться в распространение и обсуждение новостей. Свобода групповой оппозиции измеряет уровень политического плюрализма. Здесь используется четырехбалльная шкала, учитывающая отсутствие партий, наличие одной партии, наличие доминантной партии с сателлитами и наличие множества самостоятельных партий. Индикатор «правительственные санкции» определяется как действия правительства, которые направлены на ограничение политической активности одной или более групп населения. Они включают в себя цензуру средств массовой информации, институционализацию комендантского часа, запрещение или шельмование политических партий, арест членов оппозиционных партий. Этот индикатор основан на числе таких событий.

Народный суверенитет рассматривается как право населения на выбор политических правящих элит и реализация этого права. Он измеряется тремя мерами: 1) справедливость выборов, 2) выборность исполнительной власти и 3) выборность законодательной власти. Справедливость выборов определяется как степень, при которой

Таблица 24

**Ранжирование стран по уровню демократии в 1965 и 1960 гг.
(индекс политической демократии Боллена)**

Страна	Индекс политической демократии	
	1965	1960
Исландия	100	100
Новая Зеландия	100	100
Австралия	99,9	100
Швеция	99,9	99,9
Норвегия	99,9	99,9
Дания	99,9	99,9
Бельгия	99,9	99,7
Япония	99,8	99,3
Нидерланды	99,7	99,9
Швейцария	99,7	99,6
Барбадос	99,6	—
Уругвай	99,6	99,8
Канада	99,5	99,9
Люксембург	97,7	100
Финляндия	97,3	97,3
Ирландия	97,2	94,8
Австрия	97,1	97,2
Чили	97,0	99,7
Италия	96,8	97,0
Израиль	96,8	94,6

Источник: *Bollen, 1980*, p. 387–388.

выборы являются относительно свободными от коррупции и принуждения. Шкалирование этого индикатора основано на том, существует ли альтернативный выбор, какова степень зависимости выборов от администрации, являются ли выборы честными и признают ли их результативность все партии. Шкала состоит из четырех пунктов. Индикатор выборности исполнительной власти показывает уровень ее зависимости и легитимности. Индикатор выборности законодательной власти определяет не только факт выборов, но и включает оценку эффективности этого органа. Самые низкие оценки получают страны

с отсутствием парламента и избрания его членов, а самые высокие — страны с избираемыми парламентами и эффективностью их деятельности. Избираемость государственных органов оценивалась баллами 1 или 0, для законодательных органов полученные баллы умножались на оценку эффективности их деятельности.

Каждый из шести компонентов индекса политической демократии затем линейно трансформируется в оценки от 0 до 100, а страны ранжируются на основе средних значений из шести оценок. Страны, получившие по более чем трем компонентам нулевые оценки, исключаются из анализа.

Боллен использовал факторный анализ для подтверждения гипотезы о том, что все шесть индикаторов политической демократии относятся к одному и тому же феномену и имеют высокие корреляции с рядом других индексов.

Приведем итоговые данные исследования Болленом политической демократии в 1960 и 1965 гг. (см. табл. 24). Ранжирование стран осуществлено по показателям 1965 г.

Индекс Боллена оказался довольно чутким инструментом измерения уровня развития демократии. Он также часто используется исследователями и входит в число наиболее обоснованных инструментов анализа (*Lijphart, Sen, Torpes, 1993*).

12.7. Индекс институциональной демократии Гарра (Polity IV)

Одним из последних разработанных и активно используемых индексов является индекс институциональной демократии Polity IV, созданный Тэдом Гарром в содружестве с другими компаративистами на основе им же прежде составленных индексов Polity I, Polity II и Polity III (*Gurr, 1974; Jagers, Gurr, 1995; Marshall, Gurr, Jagers, 2010*). Особенностью исследования с помощью этого индекса является то, что оно касается институциональных аспектов демократии и делает акцент на анализе уровня демократичности для нынешнего столетия. Процесс демократизации при этом анализируется на фоне сравнения демократии и автократии, а также при изучении неудач в формировании эффективных государств.

Операционализация понятия демократии остается прежней; авторы выделяют три ее существенных элемента. Во-первых, при демократии существует комплекс институтов и процедур, через которые граждане выражают свои предпочтения относительно политиков и политических стратегий. Это предполагает наличие регулярной и явной конкуренции между индивидами и организованными группами,

высокую степень политического участия при выборе лидеров и политических стратегий и определенный уровень политических свобод, достаточный для интеграции демократического участия, процедур и институтов. Во-вторых, западные демократии характеризуются существованием институциональных границ, налагаемых на деятельность исполнительной власти. Отсюда, уровень демократичности определяется не только способностью выбрать своих представителей в органы власти, но и способностью установить необходимые границы их деятельности. В-третьих, демократия предполагает учет гарантий гражданских свобод для всех граждан, которые они используют в частной и публичной жизни. Они полагают, что иные характеристики плюралистической демократии, как то: правление закона, система сдержек и противовесов, свобода прессы и т. п. являются выражением этих трех основных принципов. Правда, в своем изучении демократии они не используют измерение гражданских свобод.

Делая акцент на институциональных мерах демократии и автократии, Гарр и Джаггерс выбирают шесть следующих индикаторов:

- 1) формирование исполнительной власти;
- 2) конкурентность формирования исполнительной власти;
- 3) открытость формирования исполнительной власти;
- 4) ограничение деятельности главы исполнительной власти;
- 5) регулирование участия;
- 6) конкурентность участия.

Они утверждают, что когда политическое участие является полностью открытым и конкурентным, исполнительная власть избирается и границы, налагаемые на деятельность главы исполнительной власти, существенны, то корреляция между демократическими институтами и демократической практикой будет относительно высокой. При этом нет какого-то условия, которое может характеризовать политическую систему как демократическую полностью, скорее демократия является здесь переменной. Хотя, конечно, система может быть определена в качестве согласованной демократии, если:

- а) политическое участие неограниченное, открытое и полностью конкурентное;
- б) формирование исполнительной власти основывается на выборах;
- в) ограничения на деятельность главы исполнительной власти являются существенными.

Для измерения степени демократичности и автократичности разработчики используют шкалу от 0 до 10. В табл. 25 представлены предлагаемые индикаторы и их оценки.

Таблица 25

Состав индикаторов демократии и автократии в Polity IV

Индикатор	Демократическая шкала	Автократическая шкала
Конкурентность формирования главы исполнительной власти		
Отбор	0	2
Двойственность/переходное	1	0
Выборы	2	0
Открытость формирования исполнительной власти		
Закрытое	0	1
Двойственность/назначение	0	1
Двойственность/выборы	1	0
Открытое	1	0
Границы исполнительной власти		
Неограниченная власть	0	3
Промежуточная категория	0	2
Небольшие ограничения	0	1
Промежуточная категория	1	0
Существенные ограничения	2	0
Промежуточная категория	3	0
Исполнительный параллелизм или подчинение	4	0
Регулирование участия		
Секторальность	0	1
Ограниченное	0	2
Конкурентность участия		
Репрессированное	0	2
Скрытое	0	1
Частичное/фракционное	1	0
Переходное	2	0
Конкурентное	3	0

Источник: *Marshall, Gurr, Jaggers, 2010*, p. 15–16.

Каждое значение индикаторов подробно расшифровывается. Например, конкурентность политического участия включает в себя следующие значения (*Marshall, Gurr, Jaggers, 2010*, p. 26–27):

- ★ *Репрессированное участие*: не разрешена никакая оппозиционная деятельность вне рамок режима и правящей партии; тоталитарные партийные системы, авторитарные военные диктатуры и деспотические монархии обычно кодируются этой переменной.
- ★ *Скрытое участие*: наблюдается некоторая организованная политическая конкуренция в политической системе, но без серьезного объединения; режим систематически и сразу ограничивает ее формы и степень с тем, чтобы исключить из участия существенные группы (20% и более от взрослого населения).
- ★ *Частичное/фракционное участие*: системы с периферийными или этническими политическими фракциями регулярно конкурируют за политическое влияние для продвижения частных вопросов в противовес общим.
- ★ *Переходное участие*: любое политическое устройство, переходящее от частичных или фракционных структур к полностью конкурентным, или наоборот.
- ★ *Конкурентное участие*: имеются относительно стабильные и стойкие светские политические группы, которые регулярно конкурируют за политическое влияние на национальном уровне; существует смена правящих групп и коалиций.

Согласно этому индексу, полностью институционализированные демократии будут иметь оценку +10, полностью институционализированные автократии — −10. В промежутке между ними (−5 — +5) располагаются такие политии, которые отнесены авторами к *анократиям*, т. е. системам со смешанными характеристиками в устройстве и методах правления (демократическими и автократическими). Здесь институты и политические элиты недостаточно эффективно способны решать фундаментальные задачи и обеспечивать свою собственную устойчивость.

Проведенное исследование с использованием индекса Polity IV продемонстрировало общую тенденцию укрепления демократических политий. Если в 1946 г. из 71 независимого государства к демократическим относились 20 (28,2%), к автократическим — 19 (26,8%), к анократическим — 32 (45,1%), то в 2009 г. ситуация изменилась (см. рис. 2). Из 162 обследованных государств 92 (56,8%) были демократическими, 23 (14,2%) — автократическими и 47 (29,0%) относились к анократиям (*Marshall, Cole, 2009*, p. 10–12).

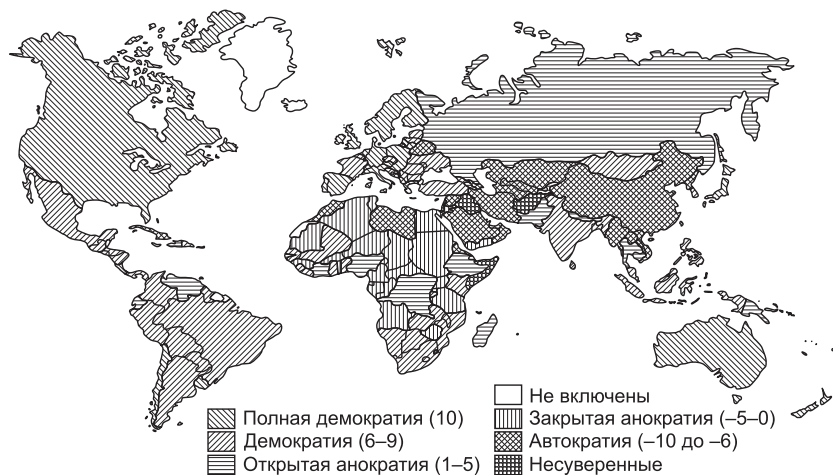


Рис. 2. Распределение политических режимов в мире, 2009 г.

12.8. Обобщенный индекс демократичности Кемана

Ханс Кеман, анализируя возможности эмпирического исследования демократий и определяющих их условий, пришел к выводу, что в предыдущих исследованиях, которые связаны с измерением структурных и функциональных компонентов демократии, все же неудовлетворительно решен вопрос об истинной сравнительной переменной демократии. Причины этого он видит в разрыве между субъективными и объективными подходами к измерению. С его точки зрения, этот разрыв можно преодолеть, если попытаться в новой шкале объединить оценочные и фактуальные подходы, с одной стороны, и провести различие между условиями для плюрализма и институтами полиархии — с другой (*Keman, 2002*, р. 47). Для доказательства возможности формирования комплексного индекса демократичности он использует факторный анализ, позволяющий оценить взаимосвязи критериев плюрализма и полиархии с демократичностью.

Под *плюрализмом* он понимает такую характеристику демократии, которая предоставляет возможность организовываться группам вне зависимости от государства. В качестве критериев плюрализма Кеман берет показатели политических прав и гражданских свобод «Дома свободы» и индекса Коппидж—Рейнике. *Полиархия* связана с позитивными условиями, обеспечивающими участие населения в разработке и принятии государственных решений. Для нее он предлагает использовать показатели индекса Ванханена и индекса Джаггерса—Гарра.

Демократичность представляет собой соединение переменных плюрализма и полиархии. Таблица 26 представляет обобщенные средние результаты анализа уровня демократичности для различных групп стран.

Таблица 26

Средние оценки уровня демократичности для групп стран

Тип страны	Плюрализм (N = 161)	Полиархия (N = 145)	Демократичность (N = 127)
Страны-члены ОЭСР (N = 28)	1,06 (17,4%)	1,25 (20,0%)	2,29 (22,0%)
Посткоммунистические страны (N = 23)	-0,67 (3,7%)	0,04 (15,9%)	-0,55 (4,7%)
Латиноамериканские страны (N = 22)	0,59 (19,9%)	0,32 (15,2%)	0,73 (17,3%)
Другие страны (N = 72)	-0,48 (59,5%)	-0,62 (49,7%)	-1,19 (56,7%)

Источник: *Keman, 2002*, p. 48.

Таблица демонстрирует, что значительная группа стран имеет положительные оценки по всем трем показателям плюрализма, полиархии и демократичности. Те страны, которые набрали оценку демократичности 1 и более, считаются Кеманом по-настоящему демократическими. По его подсчетам таких стран насчитывается 43. Кеман использует свой индекс демократичности для анализа процессов третьей волны демократизации.

12.9. Оценка степени близости индексов демократии

Представленные выше индексы демократии широко используются в сравнительной политологии, но, конечно, к ним не сводится все многообразие демократических инструментов измерения. Следует упомянуть индексы Смита, Култера, Хьюмана, Джэкмана и др. Важно отметить, что специальные исследования степени близости избранных мер демократии свидетельствуют о совершенствовании методологии и методики измерения. Коэффициенты корреляции между различными мерами демократии в целом достаточно высокие, что свидетельствует о приблизительно одинаковом содержательном наполнении предложенных индексов. Так, для 1960-х гг., за исключением индексов Катрайта и Нейбауэра, между индексами отмечается высокая корреляция (*Lane, Ersson, 1990*, p. 67).

Высокие показатели корреляции характерны для индекса Боллена с другими политическими индексами демократии. На основании срав-

нения различных индексов Боллен делает вывод, «что безразлично, какая мера используется, так как все они тесно связаны» (*Bollen, 1980*, р. 382). Правда, используя факторный анализ для определения характера связи между индексами, он отмечает, что методические факторы ряда индексов свидетельствуют об их региональной склонности. Так, методический фактор Гастила имеет тенденцию благоприятствовать странам Центральной и Южной Америки, западным индустриальным нациям и в меньшей степени странам региона Океания (*Bollen, 1993*, р. 1223). Джаггерс и Гарр пишут о большом доверии к различным индексам демократии и посредством коэффициента корреляции Пирсона обосновывают значимость индекса Polity III (*Jaggers, Gurr, 1995*, р. 475).

Как ясно из вышеизложенного, индексы демократии в основном базируются на либеральном понимании демократии и в меньшей мере на иных ее моделях. Это связано не только с мировоззренческой ориентацией исследователей, но и с содержательной приспособленностью либеральной модели к квантификации ее свойств. Следует отметить, что измерение уровня демократии редко составляет самостоятельную задачу. Как правило, она соотносится с проблемами условий демократии и демократизации или с исследованием влияния демократических систем на общество (проблема эффективности и действенности демократии); именно с последним и связана идея демократического аудита.

12.10. Идея демократического аудита

Измерение демократии, вначале осуществляемое для исследовательских целей, впоследствии стало использоваться в практической политике. Например, Всемирный банк использовал данные о демократическом состоянии тех или иных стран для определения собственной политики по отношению к этим странам и определял возможности финансовой помощи им. В 1990-е гг. появляется идея демократического аудита, т. е. использование измерительной техники для проведения постоянного независимого обследования уровня и характера развития демократии в отдельных странах для оказания влияния на практическую политику. В 1992 г. при Центре прав человека Эссекского университета совместно с Благотворительным трестом Йозефа Роунтри в Великобритании возникает организация под названием «Демократический аудит Великобритании», целью деятельности которой становится оценка уровня демократии в этой стране. За это время проведен ряд исследований демократии в Великобритании, результаты которых опубликованы в книгах и в периодическом издании «Democratic Audit Paper». В 1994 г. в Швеции совместно с Центром бизнеса и изучения политики возникает «Демократический аудит

Швеции». Организация подготовила семь ежегодных докладов, последние из которых были посвящены темам «Демократия: шведский путь» (1999), «Демократия без партий?» (2000), «Транснациональная демократия» (2001). Позднее появляются подобные организации в Канаде, Австралии; возникает Всемирный демократический аудит.

Деятельность аудиторских организаций по оценке демократии в соответствующих странах и в мире в целом основана на идее включения исследовательской методики и полученных на ее основе результатов в общий процесс дискуссий относительно демократии в каждой отдельной стране. Как пишет Дэвид Битэм, один из участников демократического аудита в Великобритании, «демократический аудит... является формой оценивания демократии, которая имеет множество различных качеств. Он организуется местными аудиторами как часть проходящих споров относительно качества и демократического характера политической жизни в стране. Он вырабатывает систематические критерии и стандарты для определения того, какие аспекты с демократической точки зрения удовлетворительны, а какие нет, но он не пытается обобщать это во всеобъемлющих оценках для того, чтобы, например, создавать международные рейтинги или объединенные таблицы. В то же самое время он не предлагает специфических решений для преодоления определенной им демократической неполноценности. Необходимость для этого может действительно проистекать из его результатов, однако для защиты особых решений аудит как таковой не создается» (*Beetham, 1999*, p. 569–570).

Ключевым вопросом для организации демократического аудита является поиск критериев оценки демократии, а значит, и выработка демократической концепции, которая в максимальной степени позволяла бы выявить и отразить национальные признаки демократической жизни. В этом отношении концепции демократии и построенные на их основе критерии оценок характеризуются следующим основными чертами. Во-первых, концепции демократии более сложные и конкретные. Это означает, что минимальные теоретические модели демократии, которые часто используются для международных сравнений, не могут служить основой оценки национальной демократической системы. Во-вторых, в формируемых для аудита концепциях делается попытка выявить особенности национальной демократической формы и представить национальную демократию в целостности ее признаков. В-третьих, демократическая концепция должна быть эмпирической и в смысле ее основы, и в смысле возможности создания на ее базе развернутой системы эмпирических критериев оценки национальной демократии.

Шведский демократический аудит использует концепцию демократии, включающую в себя три основных критерия, и созданные

на их основе тринадцать индикаторов (*Micheletti, 1998*). Демократия понимается как:

- 1) *народное правление* и означает, что люди должны быть свободны для организованного управления собой;
- 2) *конституционное правление*, правовая система которого должна удовлетворять определенным фундаментальным требованиям и уважаться административными властями и общественностью;
- 3) *эффективное правление*, означающее институциональную способность политической системы осуществлять свои решения.

Как подчеркивает Микель Микелетти, «такое определение демократии имеет различные основания. Во-первых, исходные пункты включают в себя больше, чем минимальное определение демократии. Это означает, что демократия есть больше, чем пакет минимальных требований или основных ценностей. Она есть больше, чем всеобщее избирательное право, свободные выборы и либеральные свободы слова, прессы и ассоциаций. Эти пограничные требования формируют демократическую структуру, которая в общем принимается всеми политологами. Однако они не являются особенно полезными для аудита зрелой демократической политической системы, как в случае со Швецией. Выбор критериев и индикаторов, используемых Демократическим аудитом Швеции, ориентирован на качество демократии. Вместе они формируют идеальный тип, который является и абстракцией, и нормой для сравнения» (*Ibid*). Каждый из критериев (или принципов) демократии выражается совокупностью индикаторов, которые для удобства читателя мы свели в табл. 27.

Каждый индикатор интерпретируется в рамках общей концепции демократии и особенностей выражаемого им критерия демократии. Так, например, «контроль над повесткой дня» означает, что представители народа (депутаты парламента) влияют на постановку вопросов в парламенте; «просвещенное понимание» говорит о необходимости публичной сферы, в которой через средства массовой информации граждане информируются о политических вопросах, по ним проводится открытая дискуссия гражданами, политиками и правительственными чиновниками. Для оценки индикаторов используется пятибалльная шкала. Результаты аудита в 1995–1997 гг. засвидетельствовали, что не по всем показателям демократии Швеция характеризуется высокими результатами. Особенно низкими были такие показатели, как «контроль над повесткой дня», «просвещенное понимание», «разделение полномочий» и «контроль над ресурсами».

Таблица 27

**Критерии и индикаторы демократии, используемые
Демократическим аудитом Швеции**

Критерии демократии	Индикаторы
Народное правление	Контроль над повесткой дня
	Просвещенное понимание
	Эффективное участие: электоральное участие, свободные ассоциации, местное самоуправление
	Качество принятия решений
	Гражданская терпимость
Конституционное правление	Фундаментальные права и свободы
	Правление права
	Разделение полномочий между центром и местным самоуправлением
Эффективное правление	Контроль над ресурсами; способность принимать решения; контроль над результатами

Составлено по: *Micheletti, 1998*.

Демократический аудит Великобритании использует концепцию демократии, основываясь скорее на ее либеральном понимании. Дэвид Битэм пишет: «Мы начали с простого предположения о том, что демократия должна быть определена, во-первых, в качестве комплекса принципов, или регулятивных идеалов, а во-вторых, как институты и практики, через которые эти принципы реализуются в большей или меньшей степени. За эти принципы мы взяли общественный контроль над принятием публичных решений и над теми, кто такие решения принимает, а также равенство статуса и осведомленности в отношении этих решений. Общественный контроль и политическое равенство входят в состав наших двух ключевых демократических принципов и являются лакмусовой бумажкой для проверки того, в какой мере политическая жизнь в стране может считаться демократической» (*Beetham, 1999, p. 570*).

Эти принципы затем конкретизируются в политических институтах либеральной демократии (конкурентные выборы, процедуры для открытого, ответственного и чувствительного правительства), в гарантиях политических прав и свобод, а также в способности граждан

влиять на институциональные процедуры и эффективно осуществлять свои права. На основе этого формируются конкретные индикаторы для оценки демократии в стране. Выделены четыре группы индикаторов:

- 1) свободные и честные выборы;
- 2) степень открытости, подотчетности и чувствительности правительства;
- 3) качество защиты гражданских и политических прав и свобод;
- 4) действенность ассоциаций, подотчетность экономических институтов, плюрализм средств массовой информации, гражданская активность и терпимость к различию.

Для аудиторов формулируются вопросы, касающиеся степени проявления соответствующих качеств демократии.

Для аудита местной демократии в Великобритании используются данные местных выборов (*Rallings, Thrasher, 1999*, р. 58–76). Здесь важными индикаторами выступают понимание избирателями системы выборов; уровень электорального участия; возможность для политического выбора и степень партийной конкуренции за контроль над местными властями; отчетливость местных выборов как механизма выражения местных, а не общенациональных интересов; способность электоральной системы выражать действительное поведение избирателя.

Идея демократического аудита находит поддержку и понимание во многих странах. Она свидетельствует, что тема измерения демократии может быть развита на национальном уровне и может выполнять практическую задачу, создавая условия для публичного дискурса и решений относительно развития политических институтов и процедур. Национальный демократический аудит, в свою очередь, создает дополнительный импульс для развития сравнительных международных политических исследований с более совершенной методологией и методикой.

* * *

Пятидесятилетняя история сравнительного изучения демократии с использованием эмпирического инструментария для измерения ее свойств продемонстрировала жизнеспособность данной суботрасли сравнительной политологии. Критика квантификации и эмпиризма заставила компаративистов совершенствовать свою деятельность и доказывать теоретическую и практическую значимость проводимой работы. Полученные в результате эмпирические данные и теоретические обобщения составляют ценное достижение политической науки

в целом и являются основой для дальнейших сравнительных исследований демократии на глобальном и национальном уровнях.

Основные понятия

Индексный метод, индекс, индексы демократии, институциональные индексы демократии, процессуальные индексы демократии, субстанциональные индексы демократии, обобщенные индексы демократии, сопоставимость индексов демократии, демократический аудит.

Основная литература

Мангейм Д., Рич Р. Политология. Методы исследования. — М.: Изд-во «Весь мир», 1997.

Даль Р. Полиархия: Участие и оппозиция. — М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010.

Сравнительная социология. Избранные переводы / Под ред. И. Б. Орловой. — М.: Academia, 1995.

Дополнительная литература

Голосов Г. В. Сравнительная политология: Учебник. — СПб.: Летний сад, 2001.

Мельвиль А. Ю. и др. Политический атлас современности. Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. — М.: РОССПЭН, 2007.

Митрохина Т. Н. Методология политической компаративистики. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2004.

Попова О. В. Политический анализ и прогнозирование. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009.

ГЛАВА 13

Изучение государственных институтов в сравнительной политологии

При всей значимости государственных институтов в политике сравнительная политология уделяет им меньшее внимание, чем другим политическим институтам. Дело в том, что многие вопросы организации и деятельности парламентов, правительств, президентов, судов изучаются в сравнительном ключе в таких разделах науки, как сравнительное конституционное право и сравнительное публичное управление. Особенность же сравнительной политологии здесь состоит в том, что государственные институты изучаются преимущественно во взаимосвязи с такими факторами, как:

- 1) внешние условия (социальные, экономические, культурные) их деятельности;
- 2) другие политические институты, процессы и механизмы (партии, избирательные системы, политические системы и режимы;
- 3) в аспекте сравнительного элитообразования и политического лидерства и т. д.

В последние десятилетия, однако, наметилась тенденция большего взаимодействия сравнительных исследований в праве, в политической науке и публичном управлении. Государственные институты перестают рассматриваться преимущественно в качестве зависимой переменной в исследованиях, отсюда интерес к их структурным характеристикам, внутренней архитектонике, особенностям функционирования и влияния.

13.1. Институциональные дизайны государственного правления

В политологии принято рассматривать современное государство с точки зрения выбора той институциональной структуры, которая обеспечивает взаимодействие в ней политических акторов. В противоположность конституционному праву, где используется понятие «фор-

ма государственного правления», в политологии используется другое понятие — институциональный дизайн государственного правления (или режима). Смысл замены понятия двойной: во-первых, новым понятием подчеркивается конструктивистский характер государственного правления, т. е. его сознательный выбор; во-вторых, новое понятие придает государственному правлению динамические характеристики, т. е. фиксирует наше внимание не на форме, а на режиме. Под институциональным дизайном государственного правления понимается организация высшей государственной власти и система ее отношений с населением. Организация высшей государственной власти включает в себя состав высших органов государства, положение главы государства и систему их взаимоотношений между собой. К высшим органам государственной власти относятся глава государства (монарх или президент; однако в некоторых государствах нет официального главы государства, например КНР), законодательный/представительный орган государственной власти (парламент), правительство и высшие суды. Отношения между ними является важнейшим критерием разделения их на различные формы. Немаловажное значение имеет и система отношений этих органов с населением, гражданами государства, которые могут принимать непосредственное участие в их формировании.

Распределение государств по институциональным дизайнам государственного правления дано на рис. 3. Обычно в качестве критерия выделения различных институциональных дизайнов государственного



Рис. 3. Институциональные дизайны государственного правления

правления на первичные разновидности используется положение главы государства. Если власть главы государства передается по наследству и не производна ни от какого бы то ни было государственного органа или населения, то такое государство называется *монархией*. Если же глава государства сменяем и его власть производна либо от представительного органа, либо от населения, то такое государство по своему дизайну относится к *республике*.

Большая часть современных государств по институциональным дизайнам государственного правления относятся к республикам, среди которых доминирующее место занимают по формальным признакам демократические республики (см. табл. 28). Авторитарных республик насчитывается 28. Монархический дизайн правления составляет 24% от всех форм государственного правления. Часть государств, хотя и являются республиками, но относятся к их специфическому виду, где отсутствует реальное разделение властей и формирование органов государственной власти осуществляется фактически главенствующей коммунистической партией. Такие государства называются здесь коммунистическими. Их всего осталось пять. Некоторые государства по ряду причин не являются самостоятельными или не определились с институциональным дизайном государственного правления. Это — государства с переходными формами институциональных дизайнов. Так, Ирак и Афганистан находятся в состоянии оккупации иностранными войсками, и хотя здесь формально присутствуют республиканские дизайны, однако окончательно они не утвердились.

Таблица 28

Распределение государств по институциональным дизайнам правления

Институциональный дизайн правления и режима	Число	Примеры
Демократическая республика	99	Франция, Россия, Германия, США и др.
Конституционная монархия	37	Бельгия, Великобритания, Япония и др.
Абсолютная монархия	9	Объединенные Арабские Эмираты, Свазиленд, Тонга и др.
Авторитарная республика	28	Алжир, Египет, Тунис и др.
Правление военных	3	Центрально-Африканская Республика, Мьянма, Судан
Коммунистические государства	5	КНР, КНДР, Куба, Вьетнам, Лаос
Переходные дизайны правления	10	Ирак, Афганистан, Бурунди и др.
Всего	191	

Таблица 29

Список современных монархий

Конституционные монархии		Абсолютные монархии
<i>Королевства</i>	<i>Монархии</i>	<i>Королевства</i>
Бахрейн	Самоа	Саудовская Аравия
Бельгия	Япония	Свазиленд
Бутан	Малайзия (выборная монархия)	Тонга
Великобритания		
Камбоджа	<i>Часть состава Британского содружества</i>	<i>Султанаты</i>
Дания	Антигуа и Барбадос	Бруней
Иордания	Австралия	Оман
Лесото	Багамские острова	
Марокко	Белиз	<i>Эмираты:</i>
Непал	Канада	Кувейт
Нидерланды	Гренада	Катар
Норвегия	Джамайка	Объединенные Арабские Эмираты
Испания	Новая Зеландия	
Швеция	Папуа Новая Гвинея	<i>Государство Папы Римского:</i>
Таиланд	Сент Киттс и Невис	Ватикан (выборная монархия)
	Сент Винсент и Гренадины	
<i>Княжества:</i>	Соломоновы острова	
Андорра	Тувалу	
Лихтенштейн		
Монако		

Современные монархии. Монархический дизайн государственного правления сохранился в 46 государствах (см. табл. 29). При том, что отношение к монархиям в странах дифференцировано, тем не менее большинство населения поддерживает данные дизайны правления и считает их легитимными. Хотя монархии переживают различные периоды, связанные с уровнем стабилизации, тем не менее в сравнении

с республиками — это наиболее устойчивый дизайн государственного правления. Основными признаками монархических дизайнов правления являются следующие их характеристики.

- ✦ Главой государства является монарх, получивший власть в порядке наследования (в случае прерывания династии выборы монарха осуществляются из семей, принадлежащих к монархическому роду).
- ✦ Монарх — признанный символ единства государства и власти; ему может принадлежать вся власть, либо его власть ограничена по конституции.
- ✦ К монарху, так или иначе, восходят все ветви власти; он имеет или юридические, или политические, или моральные полномочия в отношении всех ветвей власти.

В двух монархиях (Малайзия и Ватикан) глава государства выбирается. В Малайзии — парламентарной монархии — Верховный правитель (король) избирается каждые пять лет из состава султанов, правящих в девяти султанатах, на основе критерия старшинства или длительности правления. В Ватикане — абсолютной монархии — функции главы государства исполняет папа римский, избираемый пожизненно специальным собранием кардиналов.

Монархии могут быть абсолютными либо ограниченными, или конституционными. В абсолютной монархии законодательная, исполнительная и судебная власти принадлежат монарху. Даже если здесь существуют парламент, правительство и глава правительства, все же источником законодательной и исполнительной власти является монарх. Так, Свазиленд — небольшое государство на юге Африки — абсолютная монархия, где король обладает законодательной и исполнительной властью, назначает и сменяет правительство. Хотя двухпалатный парламент существует, но он фактически выполняет совещательные функции при короле. Однако большинство монархий сегодня имеют конституции, которые ограничивают власть главы государства. Такие монархии называются ограниченными, или конституционными. Ограничение власти монарха может быть более или менее радикальным. Менее радикальны дуалистические монархии, где монарх не обладает законодательной властью (хотя и участвует в законодательном процессе), но сохраняет за собой исполнительную власть, т. е. правительство. К таким монархиям относятся, например, Марокко и Иордания. Другим типом является парламентская монархия, в которой глава государства выполняет представительские и церемониальные функции, законодательная деятельность выполняется парламентом, а правительство формируется на парламентской основе (формирует правительство лидер победившей партии) и ответствен-

но перед парламентом. Королева Великобритании, например, имеет следующие основные формальные права.

1. Равноправный участник законодательного процесса (право абсолютного вето, право распускать парламент, право присутствовать в парламенте).
2. Глава исполнительной власти (назначает и смещает министров, а также всех гражданских служащих, заслушивает премьер-министра).
3. Является верховным главнокомандующим; объявляет войну и заключает мир.
4. Суды выносят приговор именем монарха.
5. «Защитник веры».

Однако на практике значительная часть этих прав являются «спящими», а реально законодательная власть сосредоточена в двухпалатном парламенте (Палате общин и Палате лордов), а исполнительная — в правительстве, премьер-министр которого назначается из лидеров победившей партии с согласия парламентского большинства, и правительство несет ответственность перед парламентом. Подобная система получила наименование Вестминстерской по названию места, где заседает парламент.

Республиканский институциональный дизайн. Современная республика также имеет свои разновидности. Если проанализировать институциональные дизайны правления трех республик — США, ФРГ и Франции, то по формальному составу высших органов государственной власти они похожи: в каждой из них есть президент, парламент, правительство. Но при анализе взаимоотношений этих органов власти в каждой стране можно заметить явные отличия. В США в политике выделяется явно президент, но и Конгресс оказывает серьезное влияние на президентскую политику. Политика Федеративной Германии ассоциируется с федеральным канцлером (так называют там премьер-министра), который назначается президентом республики, но обязательно с учетом партийной расстановки мест в парламенте и поддержки этой кандидатуры парламентским большинством. Во Франции по политической значимости на первом месте стоит президент, который избирается всеобщим голосованием и активно участвует в формировании и деятельности правительства, хотя правительство формируется на парламентской основе из победившей партии/коалиции партий и есть пост премьер-министра. То же самое можно сказать и о других странах. Следовательно, каждое государство отличается своим институциональным дизайном республиканского правления, который может быть *президентским* (США,

Мексика, Венесуэла, Уругвай и др.), *парламентским* (ФРГ, Италия, Греция и др.) и *смешанным*, или полупрезидентским (Франция, Финляндия, Португалия и др.).

Президентской республикой называют такую форму институционального дизайна правления, в которой во главе государства стоит президент, избираемый всеобщим прямым или косвенным голосованием и сочетающий полномочия главы государства и главы правительства. В президентской республике правительство формируется президентом, как правило, из состава той партии, к которой он сам принадлежит. Существующая система сдержек и противовесов приводит к тому, что у президента нет права роспуска парламента, но и парламент не может смещать правительство, участвуя лишь в даче согласия на заполнение отдельных наиболее значимых постов. Правда, Конгресс США, например, имеет право привлечения президента к особой юридической ответственности посредством процедуры импичмента, что использовалось на практике всего трижды за всю историю этой страны (Эндрю Джонсон — 1868; Ричард Никсон — 1974; Билл Клинтон — 1998–1999). Во внутренней и внешней политике в президентской республике и президент, и парламент играют значимую роль. Здесь следует отметить, что, так как президент и парламент избираются населением, то возможно формирование так называемого «раздельного правления», когда президент и парламентское большинство принадлежат к различным партиям. Это создает вроде бы дополнительные противовесы в деятельности органов государственной власти и ослабляет власть президента. Однако, как свидетельствуют исследования, система раздельного правления дает более сильное президентство, чем совмещенное. Внимательное изучение взаимодействия президента и Конгресса (оппонирование, вето, поддержка и т. д.) показывает, что при «разделенном правлении» сила президентской власти на 53% больше, чем при таком, когда президент обладает партийным большинством в парламенте (Krehbiel, 1998, p. 159).

Парламентская республика — институциональный дизайн государственного правления, который характеризуется верховенством парламента в формировании правительства и политической ответственностью правительства перед ним. Здесь правительство формируется на парламентской основе, т. е. из представителей партий, получивших большинство в парламенте или входящих в коалицию. В парламентской республике имеется пост премьер-министра, который руководит правительством, то есть является центральной фигурой в формировании и осуществлении политики государства. Именно он становится по существу первым лицом в государстве. Парламент, выражая свое отношение к правительству, может оказать ему недоверие, что вле-

чет за собой либо отставку правительства, либо роспуск парламента президентом по собственному усмотрению, либо по предложению правительства. В последнем случае вновь назначаются выборы в парламент, а новое правительство формируется исходя из результатов голосования. В парламентской республике есть пост президента — главы государства. Однако его роль здесь значительно меньшая, чем в президентской республике. Он не является главой правительства, хотя и участвует в его формировании, но с учетом парламентского большинства. Президент избирается, как правило, либо непосредственно парламентом, либо особой коллегией, формируемой на основе парламента. Президент имеет право распускать парламент, но лишь в особых случаях, связанных по большей части с формированием правительства. Президент может быть смещен парламентом в исключительных случаях: нарушение конституции или государственная измена. В целом функции президента ограничиваются представительством, значительная часть полномочий осуществляется по согласованию с правительством (так называемая процедура контрасигнатуры, т. е. одновременное подписание документов президентом и членом правительства, причем ответственность за выполнение лежит на последнем). Такое положение позволяет говорить о неответственном главе государства. Парламентская республика действует в Германии, Италии, Австрии, Венгрии и других странах.

Отличительной чертой *смешанного, или полупрезидентского, институционального дизайна правления* является соединение в нем черт президентской и парламентской республиканских форм. Здесь наблюдается большой объем президентских полномочий, его влияние на формирование и деятельность правительства, но одновременно сохраняются традиционные для парламентских республик механизмы связи президента и парламента, парламента и правительства. Правительство и премьер-министр назначаются президентом, правда, парламент дает на это свое согласие, и, как правило, правительство формируется из состава победившей партии или коалиции партий и должно получить доверие со стороны парламента. Таким образом, правительство несет ответственность и перед президентом, и перед парламентом. Во Франции президент является одновременно главой государства и конституционным главой правительства, хотя он имеет право роспуска нижней палаты парламента — Национальной ассамблеи, а сам является неответственным главой государства. Большая роль президента здесь даже дала право политологам называть пятую республику во Франции (1958 — по н. вр.) суперпрезидентской. В смешанной республике также возможно формирование системы «раздельного правления». Смешанные республиканские дизайны представлены еще в таких странах, как Финляндия, Польша, Россия, Украина.

Рассмотрим ряд тем, которые вызывают особый интерес в сравнительной политологии при изучении государства и институциональных дизайнов государственного правления, помимо их классификации.

13.2. Устойчивость институциональных дизайнов государственного правления и связь с политическими режимами

Монархии и республики довольно разнообразны по своим государственно-политическим режимам. Есть демократические и авторитарные монархии, есть демократические и авторитарные республики. Вместе с тем, в соотношении парламентаризма и президентства не все так неоднозначно, если иметь в виду тенденцию режима и формы правления. При изучении консолидации демократии выявилось, что власть парламента является значимым моментом укрепления демократического режима, а усиленная власть президента тормозит демократическую консолидацию. Отмечается и то, что политические партии и партийные системы находят больше условий для своего развития в парламентских, а не президентских республиках. Страны с сильной президентской властью склонны иметь слабую партийную систему и наоборот. Страны с сильным президентством и слабой партийной системой склонны к авторитаризации режима.

Таблица 30

Демократия и формы государственного правления

Режим	Плюрализм (N = 161)	Полиархия (N = 145)	Демократичность (N = 127)
Президентский	0,45 (27,1%)	0,48 (34,1%)	0,89 (31,4%)
Парламентский	0,94 (22,1%)	1,23 (20,5%)	2,16 (21,5%)

Источник: *Ketan, 2002*, р. 48.

Из табл. 30 видно, что хотя президентских республик больше, чем парламентских, однако по степени плюрализации режимов, их чувствительности к исходным интересам (полиархия) и комбинированному показателю демократичности парламентские устройства власти характеризуются более высокими цифрами. По уровню демократичности парламентские институциональные режимы почти в два с половиной раза опережают президентские институциональные режимы.

Отличаются они и по своей устойчивости. Выше уже отмечалась устойчивость монархий по сравнению с республиками. Президентские демократии менее устойчивы, чем парламентские. Чем выше степень

концентрации власти президента, тем вероятнее конфликт между президентом и парламентом и тем менее устойчивой в этом смысле является система. В то же время президентские системы отличаются меньшей частотой смены правительства. В странах третьего мира президентские режимы более устойчивы, чем парламентские.

13.3. Президенциализация современного государственного правления и политики

Хотя институциональные дизайны современных демократических государств остаются относительно неизменными, тем не менее реальная практика функционирования государственного управления и политики изменяется. Последние тенденции характеризуются таким общим процессом, как *президенциализация политики* (см.: *Poguntle, Webb, 2005*). *Президенциализация означает процесс, при котором институциональные режимы становятся все более президентскими по своей актуальной деятельности без изменения в большинстве случаев формальной структуры, т. е. типа правления.* В основе данного процесса лежит ряд структурных и случайных причин, которые порождают тенденцию усиления персонального лидерства в политике и управлении. Эти процессы характерны для многих стран, таких как Великобритания, Япония, Бельгия и др., где за последние десятилетия явно усилилась власть премьер-министра без особых правовых изменений. В основе президенциализации лежат взаимосвязанные изменения в международных и внутренних условиях деятельности современного государства. Так, глобализация приводит к интернационализации политики и повышению роли персонального лидерства на уровне глобального политического управления. Возрастание роли национального государства связано с его институциональной дифференциацией и плюрализмом, что сопровождается централизацией власти для усиления координации усложнившейся структуры государственного управления, а также секторизацией выработки политики, когда падает влияние коллективного управления и усиливается взаимодействие соответствующих министров с главой исполнительной власти. На президенциализацию влияют и социальные условия, размытие социальных расколов и формирование более однородной структуры интересов, которые могут быть представлены консенсуальным лидером. Средства массовой информации вносят в этот процесс свои коррективы, заставляя упрощать коммуникационное взаимодействие политиков с населением путем символизации политики лидером, а не путем сложного объяснения существа политических программ.

Выделяют три основные формы президенциализации: президенциализация в исполнительной власти, внутрипартийная президенци-

ализация и электоральная президенциализация. *Президенциализация в исполнительной власти* характеризуется повышением роли главы исполнительной власти и связана, во-первых, с ростом зон автономного контроля над дифференцированными секторами политики и управления, во-вторых, с усилением институциональной способности лидера преодолевать сопротивление других. *Внутрипартийная президенциализация* определяется формированием лидерского характера партий, в которых явно отмечаются преимущества для занятия лидерских позиций. *Электоральная президенциализация* связана с тем, что лидерство становится эффективным механизмом мобилизации электората и регулирования электорального поведения.

13.4. Распределение и разделение власти

Методология рационального выбора активно используется при исследовании одного из ключевых феноменов политики — власти. Существенным при этом выступает вопрос о том, как власть делится между различными акторами, ее осуществляющими. Мартин Шубик отмечает парадоксальный по своему характеру первоначальный момент моделирования власти в теории рационального выбора. Он пишет: «Парадоксальный аспект оценочных решений состоит в том, что они преимущественно мотивированы интересом справедливости и беспристрастного разделения. Взаимосвязь между справедливым разделением и властью устанавливается при условии рассмотрения того, как оценивается точка, где сделка отсутствует между двумя любыми коалициями. В сущности статус-кво, или точка, где отсутствует сделка, могла бы быть определена через власть тех, кто заключает сделки. Процедура справедливого разделения применяется при использовании этой детерминированной властью первоначальной точки как основы для урегулирования» (*Shubik, 1982, р. 393*). Приведем две модели власти, используемые при сравнительном исследовании государственных институтов: распределения и разделения власти.

Модель распределения власти применяется для оценки того, каким объемом власти обладают различные акторы, взаимодействующие при принятии политических решений. В качестве таких действующих агентов могут выступать депутаты парламентов, органы государственной власти — парламент и правительство, взаимодействующие коалиционные группы и т. д. При этом речь идет не столько о характере распределения власти, сколько об объеме власти, который подсчитывается с помощью специально сконструированных индексов распределения власти. Обратимся к первому опыту конструирования подобного индекса (*Shapley, Shubik, 1954*). Индекс Шепли—Шубика

был сконструирован для априорной оценки распределения власти между различными структурами и лицами, принимающими решение. Авторы публикации исходят из простой предпосылки, что распределение власти в любой системе при голосовании по проекту решения определяется тем, кто в побеждающей коалиции оказался центральным, или решающим для победы. «Наше определение власти индивидуального члена, — пишут они, — опирается на возможность, которую он имеет по отношению к успеху побеждающей коалиции» (*Ibid*, р. 787). Схема последующих рассуждений включает описание некоторого гипотетического процесса голосования по проекту решения. Пусть имеется группа индивидов, желающих голосовать за некоторый законопроект. Они голосуют по порядку. Как только большинство проголосовало за него, он объявляется принятым. При этом голосующий по данному законопроекту последним, голос которого и явился центральным для принятия решения, принимается в качестве определяющего выбор. Пусть порядок голосования будет случайным. Тогда можно подсчитать частоту, с которой индивидум принадлежит к группе тех, чьи голоса определили победу, а также определить, как часто он является центральным голосующим (*pivotal voter*). Это последнее число и принимается в качестве индекса распределения власти. Этот индекс измеряет число раз, когда действие индивида действительно изменяет положение дел. Простым условием этой формальной схемы является предпосылка о равенстве числа голосов, которым обладает каждый индивид, т. е. каждый будет наделен $1/n$ -й долей власти, если n — число участников голосования. Эту систему можно применить и к взаимодействию коалиций или любых участников распределения власти.

ИНДЕКС ШЕПЛИ—ШУБИКА

Рассматриваются взаимодействия между коалициями.

Предпосылки:

В расчет принимаются все последовательные коалиции (весь набор комбинаций участников, присоединяющихся последовательно друг к другу).

Ключевым игроком рассматривается тот последний участник, который делает коалицию выигрышной.

Индекс считается как соотношение числа позиций ключевого игрока для участника и числа всех возможных последовательных коалиций (факториал числа участников коалиции, $n!$).

Используем гипотетический пример:

Пусть имеется три участника возможных коалиций — А, В, С — с соответствующим количеством голосов 5, 3, 2 = 10.

Тогда количество возможных сочетаний участников в коалициях подсчитывается как факториал числа 3:

$3! = 1 \times 2 \times 3 = 6$ (т. е. возможно формирование шести коалиций).

Пусть все коалиции являются выигрышными и формируются последовательно добавлением участников.

Следовательно, имеется шесть возможных коалиций: АВ, АС, ВА, ВСА, СА, СВА.

Ключевыми игроками выступают: А — четыре раза, В и С — по одному разу.

Возможные коалиции	Число голосов выигрышной коалиции	Ключевой игрок
АВ	5+3	В
АС	5+2	С
ВА	3+5	А
ВСА	3+2+5	А
СА	2+5	А
СВА	2+3+5	А

Индекс Шепли—Шубика для игрока А: $4/6 = 2/3 = 67\%$.

Индекс Шепли—Шубика для игроков В и С: $1/6 = 17\%$.

Таким образом, игрок А почти в 4 раза сильнее, чем игроки В и С.

В качестве примера авторы приводят результаты оценки распределения власти между Сенатом, Палатой представителей и президентом в США, который позволяет увидеть «работу» этого индекса. Приведем его здесь (*Ibid*, р. 789). Все три перечисленные выше структуры оказывают влияние на судьбу законопроекта. Для прохождения законопроекта нужно большинство в обеих палатах Конгресса и согласие президента или две трети большинства в обеих палатах без президента (норма для преодоления права вето). При этом допускается любая возможная последовательность голосования. Для каждой палаты и президента в случае трех участников голосования можно указать три относительных центральных голосующих — по одному в каждой палате и президент. В случае преодоления вето президента таких голосующих имеется два — по одному в каждой палате. Один из этих пяти индивидов будет центральным голосующим в конечном итоге для всей процедуры голосования. Например, если президент «голосует» после двух центральных голосующих в первом случае, но до одного или двух в случае с правом вето, тогда он является в конечном итоге решающим в процессе принятия законопроекта. Частота этого случая, если рассматриваются все возможные порядки (при условии, что в процесс

включены 533 индивида — члены Конгресса и президент), составляет приблизительно $1/6$ (17%). Это и есть властный индекс президента. Для Палаты представителей и Сената в целом эта цифра составляет приблизительно $10/12$ (83%). Следовательно, соотношение индексов власти президента, Палаты представителей и Сената выразится в пропорции $2 : 5 : 5$. Если индекс распределения власти использовать для одного представителя Палаты, одного сенатора и президента, то пропорция примет следующий вид — $2 : 9 : 350$, т. е. у Президента в 175 раз больше власти, чем у одного члена Палаты представителей, и в 39 раз больше, чем у отдельного сенатора.

В практике исследования используются и другие индексы распределения власти (см., например, индекс Банзафа: *Banzhaf, 1965*). Логика индекса Банзафа такая же, как и у индекса Шепли—Шубика. Отличия состоят в том, что в расчет берутся только выигрышные коалиции безотносительно к размеру, не учитывается распределение по шкале «левые—правые» и ключевым игроком здесь является тот, выход из коалиции которого делает ее невыигрышной. Расчет данного индекса можно увидеть на основе некоторого гипотетического примера.

ИНДЕКС БАНЗАФА

Рассматриваются взаимодействия между коалициями.

Предпосылки:

Учитываются только выигрышные коалиции, независимо от размера.

Ключевым игроком считается тот, выход из коалиции которого делает ее проигрышной.

Индекс представляет собой соотношение числа положений участника коалиции как ключевого игрока к общему числу ключевых игроков:

$$b(i) = b_i / (\sum b_j),$$

где: $b(i)$ — индекс Банзафа для i -й партии; b_i — число коалиций, в которых партия i является ключевой; b_j — число коалиций, в которых партии являются ключевыми.

Пусть имеется три участника возможных коалиций — А, В, С — с соответствующим количеством голосов 5, 3, 2 = 10.

Коалиция считается выигрышной при 6 и более голосах.

Выигрышные коалиции формируются без ограничения размера и учета распределения по шкале левые—правые.

Тогда выигрышными будут коалиции: 1) АВ (5+3); 2) АС (5+2); 3) АВС (5+3+2).

Ключевые игроки: 1 коалиция — А, В; 2 коалиция — А, С; 3 коалиция — А. Итого: А — 3 раза, В — 1 раз, С — 1 раз.

Индекс Банзафа для А: $3/5 = 60\%$.

Индекс Банзафа для В и С: $1/5 = 20\%$.

Следовательно, игрок А в три раза сильнее игроков В и С.

В сравнительной политологии индексы распределения власти использовались для анализа принятия законов в Германии и США (Konig, Brauning, 1996), в европейских странах (Jonston, 1977; Kitschelt, 1989).

Вторая модель разделения власти разработана для анализа государственных институтов, взаимодействующих на основе принципа разделения властей. В ее основе лежит идея о том, что в системе государственной власти, состоящей из законодательных, исполнительных, судебных и бюрократических структур, существует структура, оказывающая решающее влияние на политическую повестку, касающуюся законодательства, политической стратегии. Эта модель хорошо разработана для исследования взаимодействия властей в США, хотя используется и для других стран (Weingast, 1996).

Во взаимодействии законодательной (Конгресс), исполнительной (президент) и судебной властей суд и парламент имеют преимущество перед президентом в интерпретации принятых законов и изменении их использования. Отсюда, юридическая власть является решающей. Рациональная модель подчеркивает взаимодействие между судом и иными ветвями власти. В качестве предпосылки утверждается, что законодательный процесс и судебный процесс являются перекрещивающимися и взаимными: не только суды могут переинтерпретировать законы, но и законодательная ветвь власти может реагировать на судебные решения. Вайнгаст подчеркивает, что эта модель, во-первых, показывает, как потенциальные юридические правила изменяют выбор официально избранных во власть людей в отношении законодательства, во-вторых, показывает, как перспектива законодательства, опровергая судебные решения, имеет прямое и принуждающее влияние на эти решения (Ibid, p. 173).

РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ

Расположим законодательную (З), исполнительную (И) и судебную (С) власти на некотором континууме и определим, что законодательство (Ю) принимается посредством торга между исполнительной и законодательной ветвями власти (см. схему 9).



Схема 9. Разделение властей

Если суд рассматривается в качестве органа, соотносящего законодательство с политикой, то его выбор оказывается решающим и неогра-

ниченным, так как интерпретация законов осуществляется в точке С. При рассмотрении суда в качестве соучастника законодательного процесса возникает иная ситуация. Предположим, что законодательство располагается в точке Ю, суды имеют возможность выбирать интерпретацию, законодательный и исполнительный (президент) органы имеют возможность опровергнуть судебную интерпретацию законодательства. При этих предпосылках суд не будет стремиться внести поправки, руководствуясь своей позицией С, так как это решение может быть изменено З и И одновременно. Ясно, что суд попытается склониться к позиции И, в таком случае президент не будет участвовать в процессе опровержения действий суда. Наилучшая позиция для суда возникает в условиях «разделенного правления», наихудшая — когда обе ветви власти идеологически едины.

13.5. Институциональные дизайны и состав парламентов

Парламенты относятся к самым демократичным по природе органам государства. Представительский характер парламента означает, что парламент рассматривается как выразитель интересов и воли народа (нации), т. е. всей совокупности граждан данного государства. Следовательно, здесь действуют основные принципы:

- ✦ конституционность учреждения национального (народного) представительства;
- ✦ нация (народ) уполномочивает парламент осуществлять от ее имени законодательную власть;
- ✦ нация (народ) избирает в парламент своих представителей;
- ✦ представители ответственны перед нацией (народом).

Парламент обладает непосредственной легитимностью, так как формируется посредством прямых выборов в открытой и конкурентной борьбе, которая проводится, как правило, на партийной основе, т. е. парламент имеет прямую связь с гражданским обществом (следует учесть трансформацию современных партий и сомнительность их как представителей гражданского общества (см. главу 15)). Два основополагающих принципа составляют основу для деятельности парламента: 1) принцип парламентского верховенства (принимает конституцию, вносит в нее поправки, принимает законы, толкует законы и конституцию) и 2) принцип парламентского ответственного правления (формирует государственную политику, осуществляет контроль над правительством). Парламенты выражают сущность демократии, так как они формируются, как правило, демократическим путем, являются формой политического общения и строят свою работу на основе

поиска компромисса и согласия. Парламенты выражают сущность публичности государственных дел. Они действуют на основе открытости, публичной подконтрольности своей деятельности, принципа выборности и сменяемости состава парламента.

Парламенты обладают широкой компетенцией и выполняют разнообразнейшие функции, среди которых следует особо отметить законодательную компетенцию, финансовую компетенцию, право формирования органов государственной власти, контрольные функции, международные функции, полномочия в области обороны и безопасности, судебные функции и др.

Компетенция парламента определяется конституцией государства. Если конституция определяет полный небольшой перечень полномочий, вне которого парламенты не могут принимать к своему рассмотрению вопросы, то такие парламенты характеризуются *абсолютно ограниченной компетенцией* (Франция, Сенегал, Габон). Парламенты с *относительно ограниченной компетенцией* характеризуются тем, что перечень их полномочий, хотя и определяется исчерпывающе конституцией, достаточно широк и позволяет парламенту быть активным в государственной политике (США, Испания, Колумбия). Есть парламенты с *неограниченной компетенцией*, когда они могут принимать к рассмотрению вопросы государственной жизни, исходя из сложившейся теории и практики взаимодействия властей в государстве, а конституция не определяет перечень парламентских полномочий (Великобритания, Япония). Парламенты, которые выполняют лишь совещательные функции при главе государства (обычно в абсолютной монархии), можно квалифицировать как *формальные*.

В настоящее время существуют *однопалатные и двухпалатные парламенты*. В истории существовали парламенты с большим количеством палат (Южно-Африканская Республика, Социалистическая Федеративная Республика Югославия, Испания; по Конституции СФРЮ 1974 г. парламенты ее республик должны были состоять из трех палат, обеспечивающих представительство граждан, представительство общин и представительство общественно-политических организаций). Двухпалатные парламенты существуют как в унитарных, так и в федеративных государствах. В унитарных государствах существование второй палаты, как правило, определяется необходимостью сбалансировать процесс принятия законов. В федеративных государствах вторая палата представляет федеративные единицы (штаты, земли, области), т. е. позволяет повысить их роль в государственной политике. Нижняя палата парламента, как правило, избирается населением; состав верхней — второй — палаты формируется по-разному: выборы, представительство, делегирование, назначение и др.

Помимо палат важно выделять и другие организационные компоненты парламентов. Как правило, нижние палаты парламентов состоят из партийных фракций, комитетов, комиссий и других объединений депутатов (территориальных, профессиональных). Комитеты и комиссии могут иметь постоянный или временный характер, создаваться из депутатов одной палаты, либо — двух.

РОТАЦИОННЫЙ СОСТАВ ПАРЛАМЕНТОВ

Ротационный состав парламентов отвечает на вопрос, насколько изменяется персональный состав парламента по сравнению с предыдущим составом. Анализ включает три группы депутатов:

- Инкубенты (incumbents) — депутаты, сохранившие в результате выборов свое место в парламенте.
- Челенджеры (challengers) — депутаты, отвоевавшие места у старых депутатов.
- Депутаты «свободных мест» — депутаты, завоевавшие победу на «свободных местах» в округах.

Коэффициент возврата (incumbency return rate) — показатель степени сохранения своих мест депутатами парламента предыдущего созыва, измеряется как отношение числа инкубентов к общему числу депутатов парламента.

$$I_{\pi} = I_{nw}/D,$$

где I_{π} — коэффициент возврата; I_{nw} — количество бывших депутатов парламента, вновь победившие на выборах (инкубенты); D — общее число депутатов в новом парламенте.

Коэффициент перевыборов (reelection rate) — показатель уровня побед, одержанных инкубентами на выборах, измеряется как отношение числа инкубентов к общему числу депутатов парламента, боровшихся за депутатский мандат в мажоритарных округах.

$$R_r = I_{nw}/D_f,$$

где R_r — коэффициент перевыборов; I_{nw} — количество бывших депутатов парламента, вновь победивших на выборах (инкубенты); D_f — общее количество бывших депутатов парламента, боровшихся за депутатский мандат в мажоритарных округах.

Коэффициент текучести (turnover rate) — показатель сменяемости депутатов парламента, измеряется как отношение общего количества новых депутатов к общему числу депутатов парламента нового созыва.

$$T_r = D_{new}/D,$$

где T_r — коэффициент текучести; D_{new} — общее количество новых депутатов; D — общее число депутатов в парламенте нового созыва.

Таблица 31

**Коэффициенты возврата и текучести состава депутатов парламентов
в демократических странах**

Страна	Число выборов	Коэффициент возврата, %	Коэффициент возврата (станд. откл.)	Коэффициент текучести в год, %
США	8	84,9	6,14	7,51
Австралия	6	80,0	5,99	7,87
Западная Германия	3	78,7	3,60	5,77
Ирландия	6	76,1	6,45	9,30
Великобритания	4	75,7	1,51	5,58
Япония	6	74,9	6,29	7,77
Дания	6	74,6	5,67	10,22
Швеция	6	74,1	3,77	8,63
Новая Зеландия	5	72,5	7,74	9,17
Мальта	3	71,5	5,49	5,55
Бельгия	4	69,5	5,43	9,45
Исландия	4	66,4	8,27	10,47
Финляндия	4	65,0	2,97	9,03
Люксембург	4	64,7	7,69	7,03
Италия	4	64,5	6,89	8,97
Греция	6	64,4	15,05	13,43
Швейцария	4	64,3	3,66	8,94
Израиль	4	63,8	1,58	9,60
Нидерланды	5	63,7	10,87	10,68
Австрия	4	61,4	7,66	10,29
Норвегия	4	60,7	4,73	9,85
Франция	3	57,7	0,58	9,76
Испания	4	56,0	10,30	12,36
Португалия	5	54,8	8,84	19,10
Канада	4	53,1	21,25	13,01
В среднем		67,7		9,56

Источник: *Matland, Studlar, 2004*, p. 93.

При изучении парламентов в сравнительной политологии обращают внимание не только на их организационный состав, но также на другие качественные показатели. Важное место отводится изучению динамики состава депутатов парламента по различным критериям: ротации (см. врезку «Ротационный состав парламентов» и табл. 31), профессиональным, гендерным, возрастным характеристикам. Изучение ротации депутатов парламентов связано с анализом электоральных систем, динамики различных направлений политики, законодательной деятельности парламентов, взаимодействия парламентов и других ветвей власти, внутрипартийной конкуренции и др. Как показано в табл. 31, демократические страны различаются по параметрам стабильности состава депутатов. Наиболее стабильные парламенты в США, Австралии, Германии, наименее — во Франции, Испании, Португалии, Канады. В среднем две трети депутатов сохраняют свои места в парламентах демократических стран.

Конечно, изучается и законодательный процесс. Здесь особое место отводится взаимодействию партийных фракций, коалиционной тактике, влиянию на формирование повестки дня парламента, месту в законодательном процессе «медианного голосующего» (см. вставку Принципы «медианного голосующего»), особым технологиям обмена голосами (логроллинг), лоббированию и т. д.

ПРИНЦИП «МЕДИАННОГО ГОЛОСУЮЩЕГО»

Изучение результатов голосования показывает, что, как правило, предпочтения депутатов группируются вокруг одной, двух или немногих позиций. Одно-, двух- и несколькополюсные распределения голосов поставили вопрос об условиях группировки и о победе одной из них при голосовании по правилу большинства. Теория рационального выбора предложила свой ответ, увязав его с позицией некоего «медианного голосующего». Модель (при одномерном распределении предпочтений, т. е. «больше–меньше», «за–против» и т. д.) предполагает, что индивиды голосуют стратегически, т. е. выбирают максимально выгодную позицию при данных условиях. В ней предпочтения индивидов располагаются на некоем континууме, включающем крайние точки предпочтений, как правило, для политики — это «крайне левые» и «крайне правые». Каждый избиратель представлен некой функцией предпочтения, достигающей максимума в определенной «идеальной точке», к которой он и будет стремиться. Эта точка фиксирует то предпочтение, которое индивид рассматривает в качестве наилучшего для себя. Модель предусматривает, что на повестке стоит один вопрос, который и будет выступать точкой, отстоящей от некоторой позиции статус-кво. «Медианным голосующим», соответственно, будет тот,

кто займет место между точками, разделив всех голосующих на две равные группы. Предположим, что решается вопрос, обозначенный точкой A' , которая отстоит на некотором расстоянии от статус-кво, обозначенном точкой A . Следовательно, «медианный голосующий» займет позицию M . Представим это распределение на схеме 10.



Схема 10. Принцип «медианного голосующего»

Пусть может предлагаться любая альтернатива, которая будет отличаться от статус-кво. Победитель устанавливает новый статус-кво, и так до тех пор, пока все предложения не иссякнут. В целом при наличии одного вопроса «идеальным пунктом» решения всегда будет позиция «медианного избирателя». Именно она определяет стабильность альтернативы. Альтернатива, близкая к позиции «медианного избирателя», побеждает.

Данная модель предполагает, что при наличии индивида (или комитета, организации), который обладает монопольным правом на определение вопросов в повестке дня голосования («установщик», или «setter»), возможна ситуация, когда позиция «медианного избирателя» будет побеждена. Пусть «установщик» предпочитает политику, отображенную точкой B . Тогда весь массив голосов в пространстве $A-A'$ будет направлен против позиции B . Для того чтобы победить, «установщик» выберет ближайшую к своей позиции точку из пространства $A-A'$, которой в данном случае будет точка A' . Включение в модель «установщика» выразилось также в парадоксе: чем хуже статус-кво для «медианного избирателя», тем хуже результат политики, навязанной «установщиком», занимающим крайнюю позицию (Weingast, 1996, p. 171).

13.6. Сравнительное изучение правительств. Теория коалиций

В сравнительной политологии правительства изучаются в разнообразных аспектах. Его деятельность, структура и функции рассматриваются в сравнительном публичном управлении, которая является относительно самостоятельной отраслью науки. Наиболее распространенным, если учитывать политические аспекты, является изучение того, как происходит формирование правительства, на какой партийной основе. И здесь выделяются следующие темы: теория коалиций и коалиционных правительств, правительства меньшинства, правительства, контролируемые «медианным законодателем».

Формирование коалиций. Теория коалиций и коалиционного объединения политических сил является одной из наиболее разработанных областей политической науки, связанных с теорией рационального выбора. Наиболее часто ее используют исследователи-компаративисты, подтверждая или опровергая формальные модели создания коалиций. Естественно, что эти модели успешно могут применяться к тем политическим системам, где парламент формируется из представителей многих партий, каждая из которых в одиночку не способна сформировать правительство и проводить политические решения через процесс голосования. Модели формирования коалиций отличаются от моделей голосования, построенных на теории простых игр. Здесь речь идет об объединении голосов, а следовательно, о кооперативных играх. Применение теории игр к проблемам, включающим сделки и формирование коалиций, порождают модели двух родов: статические и динамические. Первые склонны быть экономными и не включать дополнительные переменные, связанные с институциональными или субъективными факторами. Вторые являются по большей части описательными и поведенческими (*Shubik, 1982*, р. 390). В целом имеющиеся модели формирования коалиций можно разбить на две группы также на основании того, используется в них или не используется такая переменная, как размещение политических сил, образующих коалицию, по шкале «правые—левые». Первая группа моделей основывается на количественных признаках коалиции (*Riker, 1963*, р. 32–46), вторая включает в рассмотрение близость политических позиций участников коалиций (*Axelrod, 1970*).

Рассмотрим некоторые модели и их применение в сравнительных исследованиях. В качестве конкретного примера применения различных моделей формирования коалиций возьмем распределение мест между партиями в парламенте Исландии на основе результатов выборов в апреле 1983 г. (см. схему 11). Этот пример удобен по ряду соображений: небольшой парламент (60 депутатов), достаточное количество партий (шесть), удобное для подсчета распределение мест, известный результат формирования коалиции (который позволит на основе анализа одного случая сказать о применимости той или иной модели формирования коалиций). Партии в данной схеме распределены в соответствии с их политическими предпочтениями по шкале «левые—правые», учитывая то обстоятельство, что роль партии центра стремится выполнять Прогрессивная партия. Каждая партия обозначена буквой, соответственно, также буквами обозначаются возможные коалиции при применении к данному распределению мест в парламенте различных моделей. В конце данного раздела мы скажем о реально сформированной коалиции партий в парламенте Исландии.

Партии	Союз социал-демократов	Социал-демократическая партия	Женский союз	Народный союз	Прогрессивная партия	Независимая партия
	А	Б	В	Г	Д	Е
	← Левые					Правые →
Места в парламенте	4	6	3	10	14	23
						Всего: 60
Модели:						
«Минимальная побеждающая коалиция»	АВГД	АБЕ	БВЕ	БВГД	АБГД	ГЕ ДЕ
«Минимальная величина»	АВГД					
«Теорема сделки»						ГЕ ДЕ
«Минимальное пространство»						ДЕ
«Минимальные связанные коалиции»				БВГД		ДЕ

Схема 11. Гипотетические коалиции партий в парламенте Исландии (выборы 1983 г.)¹

Модель «минимальной побеждающей коалиции» Райкера. В основе этой модели лежит разработанный Уильямом Райкером «принцип размера» коалиции. «Кооперативные решения с n -персонами, — пишет Райкер, — касаются разделения выигрыша от формирования коалиции среди ее членов, тогда как принцип размера касается числа членов или весов членов победившей коалиции. В политических ситуациях, аналогичных играм с n -персонами и с постоянной суммой, участники с ясной и полной информацией — так утверждает принцип — формируют минимальные побеждающие коалиции, т. е. коалиции настолько большие, чтобы они были достаточными для победы и не более того» (Riker, 1992, p. 218). Райкер меняет предпосылку формирования коалиций, предложенную Даунсом (Downs, 1957): политические партии пытаются максимизировать большинство. Вместо этого он утверждает, что партии при формировании коалиций не стремятся платить за голоса больше, чем это нужно для победы. Таким образом, стремление максимизировать свою власть ограничивается вполне прагматическим обстоятельством: можно победить с меньшими издержками при коалиционном дележе добычи, которой в данном случае может выступать распределение мест в правительстве или занятие ключевых постов в парламенте и его комиссиях и комитетах. Ясно и то, что чем больше по размеру коалиция, тем меньшая доля власти приходится на каждого его участника, будь то индивид или партия. Предпосыл-

¹ Данные о количестве депутатских мандатов у партий взяты из: Dick, Natkiel, 1986, p. 66.

ка «ясной и полной информации» также появляется не случайно. Райкер утверждает, что чем менее ясная и менее полная информация имеется у потенциальных участников коалиции, тем больше будут стремиться они к наращиванию размера побеждающей коалиции. Показателем «минимальной побеждающей коалиции» является то, что при выходе из нее какой-либо одной партии она теряет характер побеждающей.

В случае с распределением мест в парламенте Исландии данная модель может быть использована для прогноза о возможности формирования пяти минимально выигрышных коалиций при том, что в расчет не берутся их политические позиции. Чтобы минимально выигрышная коалиция могла быть сформирована, она должна включать более чем 30 депутатов, если принять во внимание, что большинство решений принимается простым большинством голосов. Считаем также, что все партии заинтересованы во вступлении в правительственную коалицию. Такими возможными коалициями могли бы стать коалиция партий АВГД — 31 место, АБЕ — 33 места, БВЕ — 32 места, БВГД — 33 места, АВГД — 34 места, ГЕ — 33 места, ДЕ — 37 мест. Все коалиции имеют возможность принимать решения и не нуждаются в дополнительных участниках.

Ясно, что использование модели «минимально побеждающей коалиции» позволяет сделать прогноз относительно будущего распределения сил в парламенте, однако не дает четкого ответа на вопрос, какая же из «минимально побеждающих коалиций» наиболее реальна. Все возможные коалиции, если брать основные предпосылки модели, имеют равные шансы.

Модель «минимальной величины коалиции». Данная модель пытается ответить на поставленный выше вопрос о реальности коалиций, но также без учета политических различий (*Lijphart, 1984*, р. 49). Здесь используется дополнительный критерий для оценки рациональности сформированных коалиций, который включает отношение участников коалиций к разделению власти между собой. В этом случае каждый будет стремиться сформировать коалицию с минимальным числом участников, для того чтобы максимизировать власть внутри коалиции. Партия Д, которая является участницей четырех возможных коалиций, конечно, выберет ту, в которой ее 14 мест будут более значимы. Если определить эту значимость через долю ее мест в парламентской поддержке правительства или решения, то данная партия выберет коалицию АВГД с 45% ее влияния, а не БВГД, где этот процент составит 42. Партия Г тоже выберет коалицию АВГД с 32% своей значимости, а не ближайшие по количеству участников БВГД и ГЕ с 30%. Таким же образом поступят партии А и В. Таким образом, из всех коалиций в соответствии с мо-

делью «минимальной величины коалиции» возможен лишь один вариант — АВГД, где количество участников коалиции равно 31.

«Теорема сделки». В политической науке механизм торговой сделки между политическими участниками используется при анализе партийной политики и международных переговоров (см.: *Shubik, 1982*, р. 391–392). Лейпхарт приводит ее в качестве одной из основных моделей коалиционной политики (*Lijphart, 1984*, pp. 49–50). Одной из первых работ, в которой использовался принцип сделки, была работа Майкла Лейзерсона, посвященная коалициям в японском парламенте (см.: *Groennings, Kelley, Leiserson, 1970*). В данной модели главным является не число участников коалиции (хотя оно должно быть «побеждающим»), а число партий, которые заключают альянс. Это связано с необходимостью сокращения издержек на формирование и поддержку коалиций, так как при большом числе партий труднее договориться о сделке, труднее получить полную информацию, сложнее вести переговоры. Коалиция с минимальным числом партий более маневренна и более устойчива. Эти простые соображения позволяют говорить, что из всего набора «минимально выигрышных коалиций», по-видимому, будут избраны наиболее «дешевые» коалиции. Такими в нашем случае являются коалиции ГЕ и ДЕ.

Две последующие модели используют критерий не только размера коалиций, но и размещения их участников на политической шкале «правые—левые». Ясно, что характер коалиции определяется зачастую скорее политическими пристрастиями и близостью программ партий, которые в свою очередь облегчают формирование коалиций, т. е. делают их и более «дешевыми», и более устойчивыми, что соответствует критерию рациональности.

Модель «минимального пространства». Данная модель названа так потому, что критерием, определяющим возможность формирования коалиций, выступает близость партий по шкале «правые—левые». В качестве эмпирического показателя берется пространство, разделяющее партии на соответствующей шкале. Те партии будут стремиться к коалиции, число разделяющих пространств которых является минимальным. Если мы обратимся к схеме 11, то общее число пространств здесь — 5. Коалиция АВГД характеризуется четырьмя разделяющими пространствами, АБЕ — пятью, БВЕ — четырьмя, БВГД — тремя, АВГД — четырьмя, ГЕ — двумя и ДЕ — одним. Ясно, что из всех возможных коалиций в соответствии с критерием «минимального пространства» подходит коалиция ДЕ с одним разделяющим пространством. Простота решения тем не менее может вызвать вопросы. Один из них касается одномерного распределения партий, тогда как в действительности измерений значительно больше. Применение этой модели также затрудняется, если не удастся достаточно точно

распределить партии на соответствующей шкале. Более-менее ясным является распределение партий на общие группы «левых» и «правых», сложности начинаются при измерении степени этого качества и взаимосвязи партий с центром политического спектра. Однако эти сложности не умаляют эвристической значимости представленной модели.

Модель «минимальных связанных коалиций». Она также дополняет количественные критерии качественными. Разработана эта модель Робертом Аксельродом (*Axelrod, 1970; 1984*), использовалась с небольшой модификацией Абрамом Де Сваном («теория политической дистанции») (*De Swaan, 1973*). И здесь используется однолинейная шкала, размещающая потенциальных участников коалиции «слева направо». Но в отличие от модели «минимального пространства» принимается допущение, что партии будут стремиться создать коалицию с ближайшими соседями по шкале, не «перепрыгивая» через разделяющие пространства. Если какая-либо партия попадает между возможными партнерами по коалиции, то есть большая вероятность, что она будет принята в нее, даже если «принцип размера» коалиции Райкера не будет соблюден. Это не означает принятия лишних партий. Коалиция будет стремиться к минимуму членов, необходимых для победы, но при этом учитывать непосредственную связь партий между собой. В приведенном примере такими «минимально связанными коалициями» окажутся БВГД и ДЕ.

Если обратиться к анализу схемы 11, то сразу же станет заметным различие прогнозов, составленных с применением моделей формирования коалиций. Ограничение числа вариантов во всех прогнозах, за исключением модели «минимально побеждающей коалиции», все же дает возможность предположить, что вариант коалиции ДЕ является наиболее подтвержденным теоретическими критериями. И действительно, в 1983 г. созданная в Исландии правительственная коалиция состояла из Прогрессивной партии и Независимой партии, относящихся к правоцентристскому политическому спектру. В нашем примере это были партии Д и Е. В политической науке возникал уже вопрос о степени достоверности моделей формирования коалиций, т. е. степени их реалистичности. Проведенные сравнительные исследования коалиций в различных странах показали большую предсказательную силу:

- 1) у моделей «минимальных связанных коалиций», «минимального пространства» и «минимальной побеждающей коалиции» (в порядке возрастания значимости) (см.: *De Swaan, 1973*, p. 147–158);
- 2) у моделей «минимальных связанных коалиций», «минимальной побеждающей коалиции» и «минимального пространства» (см.: *Taylor, Laver, 1973*, p. 222–227).

Все эти модели, однако, так или иначе отталкиваются от модели «минимальной побеждающей коалиции» Райкера. «Принцип размера» коалиции оказался работающим, хотя и не без критического к нему отношения. Сам Уильям Райкер в этой связи говорил: «Меня всегда удивляло, что так много людей полагали, будто принцип мог фактически всегда точно предсказать величину коалиции. Принцип проистекал из очень редкой модели, которая требует постоянной суммы условий, которая умышленно исключает идеологию и традицию, которая ограничивает длительные соглашения и которая особым образом допускает ясную и полную информацию, редко обнаруживаемую в реальном мире. Таким образом, кто-то полагал, что естественные коалиции только приблизительно соответствуют этой модели. Тем не менее полезность модели состоит в том, что она показывает значимые границы формирования коалиций, а не в том, что она предсказывает величину каждой естественной коалиции. Действительно, замечательный факт для меня состоит в том, что этот простой принцип часто оказывается достаточным, чтобы объяснить коалиции, вместо включения в рассмотрение многих других соображений» (*Riker, 1992, p. 219*). Естественные коалиции могут выходить за пределы рационального размера, и тогда формируются сверхразмерные коалиции (кабинеты) или коалиции меньшинства. Приведем данные Лейпхарта об общей длительности существования правительств (в %) за период 1945–1980 гг., сформированных на различной коалиционной основе: правительственные кабинеты минимальной побеждающей коалиции, сверхразмерные кабинеты и кабинеты, основанные на партийном меньшинстве (табл. 32).

Из таблицы видно, что 59% времени послевоенного режима у власти находились кабинеты на основе минимально побеждающих коалиций. Оставшееся время было разделено между сверхразмерными кабинетами (25%) и кабинетами меньшинства (17%). В 12 странах большую часть времени занимали минимально побеждающие кабинеты, в 7 странах преобладали сверхразмерные кабинеты, а в двух — Дании и Швеции — кабинеты меньшинства правили более чем две трети срока. Каковы причины этого разнообразия? Лейпхарт говорит о следующих основных факторах:

- 1) *модель демократии*: Вестминстерская модель связана с минимально побеждающей коалицией; консенсуальная модель связана с сверхразмерными коалициями и кабинетами;
- 2) *уровень плюрализма*: в неплюралистическом обществе больше условий для минимально побеждающих кабинетов, в полуплюралистических — сверхразмерных кабинетов, в плюралистических — отсутствует однозначная зависимость (*Lijphart, 1984, p. 62–66*).

Таблица 32

Доля времени правления минимально побеждающих, сверхразмерных и основанных на меньшинстве кабинетов в 21 демократии, 1945–1980 гг.

Страна	Выверенные проценты		Невыверенные проценты		
	Минимально побеждающие коалиции (%)	Сверх-размерные кабинеты (%)	Минимально побеждающие кабинеты (%)	Сверх-размерные кабинеты (%)	Кабинеты меньшинства (%)
Новая Зеландия	100	0	100	0	0
Люксембург	96	4	96	4	0
Великобритания	95	5	90	0	10
Ирландия	89	11	78	0	22
Исландия	88	12	86	10	4
Канада	87	13	73	0	27
Австрия	86	14	84	11	4
Австралия	86	14	86	14	0
Норвегия	83	17	67	0	33
Япония	81	19	77	15	8
Германия	78	22	78	22	0
Бельгия	76	24	75	22	3
Дания	66	34	32	0	68
Швеция	66	34	32	0	68
Финляндия	38	62	25	50	25
Франция V	37	63	37	63	0
Италия	35	65	17	46	36
Нидерланды	27	73	25	71	4
Франция IV	20	80	0	60	40
Израиль	18	82	17	81	1
Швейцария	0	100	0	100	0
Все режимы	67	33	59	25	17

Источник: *Lijphart, 1984*, p. 61.

Таблица 33

Состав и тип правительственных кабинетов в 2001 г.

Страна	Число членов кабинета	Число партий	Тип кабинета
Австралия	17	2	Минимально побеждающая коалиция
Австрия	12	2	Минимально побеждающая коалиция
Бельгия	18	6	Сверхразмерная коалиция
Канада	29	1	Однопартийное правительство большинства
Чехия	16	1	Однопартийное правительство меньшинства
Дания	18	2	Коалиция меньшинства
Эстония	15	3	Минимально побеждающая коалиция
Финляндия	18	5	Сверхразмерная коалиция
Франция	16	4	Сверхразмерная коалиция
Германия	15	2	Минимально побеждающая коалиция
Греция	20	1	Однопартийное правительство большинства
Венгрия	18	3	Минимально побеждающая коалиция
Исландия	12	2	Минимально побеждающая коалиция
Ирландия	15	2	Коалиция меньшинства
Израиль	28	7	Сверхразмерная коалиция
Италия	25	4	Сверхразмерная коалиция
Япония	18	3	Сверхразмерная коалиция

Из табл. 32 и 33 видно, что есть еще один тип правительств, который основывается на коалиции меньшинства. Каковы причины формирования таких коалиций, есть ли здесь рациональные основания? Факторы, влияющие на формирование правительства меньшинства, связаны со следующими обстоятельствами (см.: *Strom, 1990*).

1. Влияние оппозиции: измеряется по шкале 0–5, учитывающей распределение парламентских комитетов; чем больше влияние, тем вероятнее формирование правительства меньшинства.
2. Электоральная заметность (*electoral salience*): четкая альтернативность политических целей у меньшинства и близость к всеобщим выборам.

3. Электоральная подвижность: большая партийная эволюция голосов избирателей от выборов к выборам.
4. Чувствительность: рост количества партий, побеждающих на выборах.
5. Длительность правительственного кризиса: измеряется числом дней.
6. Попытки формирования: число неудачных попыток формирования правительства.
7. Фракционализация парламента: чем она выше, тем вероятнее победа меньшинства.
8. Поляризация парламента: доля мест, занимаемых крайними (экстремистскими) партиями.
9. Правительственный экстремизм: доля мест занимаемых центристскими партиями, находящимися в меньшинстве.
10. Инвеститура: наличие специальной процедуры введения в должность членов правительства.

Правительства, контролируемые «медианным законодателем».

При формировании правительства, а также в процессе его деятельности важным является не только состав коалиции и ее тип, но еще и то, какая политическая партия будет играть определяющую роль при принятии решений. В сравнительной политологии это рассматривается в теме «правительства, контролируемые „медианным законодателем“».

Под «медианным законодателем» понимается партия, которая занимает положение на шкале «левые—правые», позволяющее ей быть решающей при голосовании по правилу простого большинства при условиях:

- 1) стабильности распределения по шкале «левые—правые»;
- 2) решения одного изолированного вопроса;
- 3) нахождения между «левыми» и «правыми».

При этом «медианный законодатель» может формировать правительство сам. Также «медианный законодатель» формирует правительства, контролируемые им, при условии формирования правительства из партий, смежных на шкале «левые—правые». Как выявляется «медианный законодатель»? «Медианный законодатель» — это партия, голоса которой являются необходимыми и достаточными для формирования большинства, если его создание идет последовательно «слева» или «справа».

РАСЧЕТ «МЕДИАННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЯ»

Рассмотрим расчет «медианного законодателя» на конкретном примере, используя данные о распределении мест в парламенте Исландии в 1986 г. Пусть в парламенте существует шесть партий (А, Б, В, Г, Д, Е), и они в такой же последовательности распределены по шкале «левые–правые». Общее количество депутатов — 60. Для победы необходимо 31 голос.

А	Б	В	Г	Д	Е
Левые					Правые
4	6	3	10	14	23

Производим подсчет:

1. Формирование «слева»: $4 + 6 + 3 + 10 = 37$ (АБВГД).

2. Формирование «справа»: $23 + 14 = 37$ (ЕД).

Партия Д — «медианный законодатель».

Таблица 34

**Доля правительств, контролируемых «медианным законодателем»
(1950–1990)**

Страна	% правительств
Австралия	43,8
Австрия	61,5
Бельгия	33,3
Канада	0
Дания	29,4
Финляндия	40
Франция	18,2
Германия	71,4
Великобритания	45,5
Ирландия	30
Италия	0
Нидерланды	57,1
Новая Зеландия	28,6
Норвегия	50
Швеция	81,8
Швейцария	100

Хотя этот подход позволяет решать некоторые исследовательские задачи при изучении правительств, контролируемых «медианным законодателем», однако возникает ряд проблем, которые следует учитывать. Так, распределение по шкале «левые—правые» является некоторым огрублением реальной ситуации, что искажает результат о контрольных функциях «медианного законодателя». Контроль «медианного законодателя» является важным фактором правительственной деятельности, но не единственным (некоторые говорят, не самым влиятельным). Между странами имеются существенные различия в количестве правительств, контролируемых «медианным законодателем», что ставит под вопрос общезначимость этой модели (см. табл. 34). В странах с развитым центризмом значение «медианного законодателя» возрастает.

Институциональные дизайны государственных институтов демонстрируют большое разнообразие форм и структур. В сравнительной политологии эти вопросы исследуются в динамическом ключе с использованием различных подходов — неоинституционализма, сетевого подхода и др. Хотя институциональные дизайны государств интересны сами по себе, но их значение следует учитывать при исследовании формирования политики, отношений с партийной системой, политической культуры, политических стратегий элит, политического лидерства и т. д.

Основные понятия

Институциональные дизайны государства, государственное правление, государственное устройство, монархия, республика, президентизм, модель распределения власти, индекс Шепли—Шубика, индекс Банзафа, модель разделения власти, парламент, правительство, модели коалиций, принцип размера коалиций, «медианный законодатель».

Основная литература

- Лейнхарт А.* Конституционные альтернативы для новых демократий // Политические исследования. Полис, 1995. № 5.
- Липц Х.* Угрозы президентства // Век XX и мир. 1994. № 7–8.
- Мюллер Д.* Общественный выбор. III / Пер. с англ под ред. А. П. Заостровцева, А. С. Скоробогатова. — М.: ГУ — Высшая школа экономики, 2007.
- Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клинге-мана. — М.: Вече, 1999.

Современная сравнительная политология. Хрестоматия / Под ред. Г. В. Голосова, Л. А. Галкиной. — М.: МОНФ, 1997.

Теория и методы в современной политической науке / Под ред. Ст. Ларсена. — М.: РОССПЭН, 2009.

Дополнительная литература

Алескеров Ф. Т., Соколова А. В., Благовещенский Н. Ю., Сатаров Г. А., Якуба В. И. Влияние и структурная устойчивость в Российском парламенте (1905–1917 и 1993–2005 гг.). — М.: Физматлит, 2007.

Алескеров Ф. Т., Хабина Э. Л., Шварц Д. А. Бинарные отношения, графы и коллективные решения. — М.: Изд. Дом ГУ — Высш. шк. экономики, 2006.

Ачкасов В. А. Сравнительная политология. — М.: Аспект-пресс, 2011.

Гаман-Голутвина О. В. Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе (I, II) // Политические исследования. ПОЛИС. 2006. № 2, 3.

Голосов Г. В. Сравнительная политология. — СПб.: Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2001.

Голубева Л. А., Черноков А. Э. Сравнительное государствоведение. — СПб.: Знание, 2009.

Демократическое правовое государство и гражданское общество в странах Центрально-Восточной Европы. — М.: Наука, 2005.

Зазнаев О. И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. — Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2006.

Козырин А. Н., Глушко Е. К. Правительство в зарубежных странах. — М.: Ось-89, 2009.

Медушевский А. Н. Сравнительное конституционное право и политические институты. Курс лекций. — М.: Изд. дом ГУ — Высш. шк. экономики, 2002.

Могунова М. А. Скандинавский парламентаризм. Теория и практика. — М.: РГГУ, 2001.

Парламентаризм в России и Германии. История и современность / Отв. ред. Я. А. Пляйс, О. В. Гаман-Голутвина. — М.: РОССПЭН, 2006.

Политический процесс и эволюция политических институтов в XX веке: Учебное пособие / Под ред. П. Ю. Рахшмира, Л. А. Фадеевой. — Пермь: Изд-во Перм. ГУ, 2005.

Саидов А. Х. Национальные парламенты мира: Энциклопедический справочник. — М.: Клубер, 2005.

Эндрейн Ч. Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования. — М.: Изд. дом «ИНФРА-М», Изд-во «Весь Мир», 2000.

ГЛАВА 14

Сравнительный анализ федераций

В последние годы вырос интерес исследователей к сравнительному анализу федеративных государственных устройств. Этот интерес определялся не только «белыми пятнами» в этой тематике, но и изменениями, которыми характеризовалось развитие государств в условиях глобализации. Еще относительно недавно можно было встретить утверждение об упадке федерализма. Сегодня положение дел изменилось. Традиционные федерации (США, Германия, Австралия, Австрия, Швейцария) в последние десятилетия подверглись различным модификациям, часто серьезным, позволяющим утверждать о переходе части из них от одного федеративного типа к другому. Часть унитарных государственных устройств подверглась вызовам как со стороны глобализации международных отношений, так и со стороны локализации внутренних политических процессов. Такие государства, как Бельгия, Испания, Великобритания, Италия, ответили на это либо серьезными процессами децентрализации власти, либо формированием по сути или по конституции федеративных государственных устройств. Создание межгосударственных образований, особенно развитие Европейского Союза, поставило проблему пути, по которому они будут развиваться. Все больший вес в этой связи получали идеи, связанные с построением межгосударственных союзов на принципах федерации. Некоторые федеративные государства перестали существовать в силу ряда причин (СССР, Чехословакия, Югославия) или территориально преобразовались (например, Пакистан в 1971 г. в связи с отделением Восточного Пакистана и образованием самостоятельного государства Бангладеш). Таким образом, проблема федерации стала и теоретически, и практически актуальной. Эмпирическим индикатором интереса к изучению федераций является множество публикаций на эту тему, а также издание специализированного журнала *Publius: The Journal of Federalism*. В этой главе мы обратим внимание на ряд вопросов, касающихся сравнительного изучения федераций и состояния данного направления в политической науке: *понятие федерации, современные федерации в мире, институты федераций, федерации и политические режимы*.

14.1. Понятие федерации

В сравнительном исследовании важно определиться с точным пониманием объекта исследования. Хотя относительно понятия «федерация» нет больших споров, тем не менее есть несколько смежных понятийных рядов, неучет различий между которыми может вызвать определенные затруднения. Следует также учитывать, что новые типы федераций, появившиеся на политической карте мира, вносят ряд уточнений в общее понятие федеративного устройства государств.

Существует широкое и узкое понимание федерализма. Широкое понимание в данном контексте включает в себя понятие *федерализма как любого союза, или объединения государственных и государственноподобных территориальных образований*. Оксфордский словарь по политологии дает следующее определение этому понятию: «Термин предполагает, что все могут быть удовлетворены (или никто постоянно не испытывает неудобства) хорошим объединением национальных и региональных/территориальных интересов внутри сложной структуры сдержек и противовесов между центральной, или национальной, или федеральной системой управления, с одной стороны, и множеством региональных систем, с другой стороны» (*McLean, 1996, p. 179*). Это определение фиксирует отношения между центральными и региональными органами власти и управления, построенные на основе разделения властей. Более точным являются понятия федерализма, исходящие из его понимания как некоторой нормативной структуры, определенной наличием прав на самоуправление различных групп и/или территорий в рамках объединенной политической системы. Так, Рональд Уоттс пишет: «„Федерализм“ в основном является не описательным, а нормативным термином и отсылает к поддержке многоярусной системы управления, комбинирующей элементы совместных норм и региональных собственных норм. Он базируется на принимаемой ценности и обоснованности соединения единства и разнообразия, а также обеспечения, защиты и развития идентичностей внутри большого политического союза. Сущностью федерализма как нормативного принципа является взаимопроникновение единства и децентрализации в одно и то же время» (*Watts, 1999, p. 6*). Здесь понятие федерализма (объединения) относится к любой системе управления, где наблюдается сочетание единства и разнообразия в управлении и где существуют какие-либо структуры, имеющие особый статус управления. Отсюда, любой союз политически автономных (в определенной степени) групповых/территориальных единиц можно будет относить к политическим системам, построенным с учетом принципа федерализма. Так поступает Дэниел Элазар, а вслед за ним Рональд Уоттс, когда в числе *объединенных (федеральных) полити-*

ческих систем они выделяют союзы, конституционно-децентрализованные союзы, федерации, конфедерации, федеративноподобные отношения (*federacies*), ассоциированные государства, кондоминиумы, лиги, объединенные функциональные власти, гибриды (*Elazar, 1994, p. 2–7, 16; Watts, 1999, p. 8–9*) (см. табл. 35).

Таблица 35

Объединенные политические системы

Название	Описание	Примеры
Союзы	Системы, сформированные таким образом, что члены союза обеспечивают интеграцию исключительно через общие центральные органы правления, а не через дуальную структуру власти	Новая Зеландия, Ливан
Конституционно децентрализованные союзы	Унитарные государства со значительной функциональной автономией территорий	Италия (15 областей и 5 автономных областей), Япония (47 префектур), Нидерланды (11 провинций и 1 ассоциированное государство), Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии (4 части и 5 самоуправляемых островов)
Федерации	Системы, объединяющие субъекты федерации в единое государство с двумя (по крайней мере) уровнями политического управления — на уровне субъектов и на федеральном уровне, органы которых обладают полномочиями, полученными от народа по конституции, и каждый уровень правления прямо связан с гражданами в осуществлении законодательства, управления и взимания налогов	См. табл. 36.
Конфедерации	Системы, состоящие из суверенных государственных образований, которые объединяются для решения некоторых общих задач (международные дела, оборона или экономические вопросы), формируют общее управление, зависимое от правительств входящих в них государств, на основе делегирования представителей от этих государств	Исторические примеры: Швейцария в 1291–1847 гг., Соединенные Штаты в 1776–1789 гг. Сегодня это: Европейский Союз, Содружество Независимых Государств

продолжение ➤

Таблица 35 (продолжение)

Название	Описание	Примеры
Федеральные территории (federacies)	Политическое устройство, при котором маленькие государственные образования объединяются с большими государствами, оставляя за собой значительную политическую автономию и не участвуя в формировании федеральных органов власти, а соответственно не платя федеральных налогов. Могут выйти из состава только по взаимному согласию	Пуэрто-Рико и США; Кашмир и Индия; Азорские острова и Португалия
Ассоциированные государства	То же, что и федеральные территории, но выход из отношений с большим государством может быть односторонним в соответствии с конституирующим союз документом или договором	Острова Кука и Новая Зеландия; Бутан и Индия
Кондоминиумы	Политические образования, которые функционируют под совместным управлением двух или более внешних государств при сохранении внутреннего самоуправления	Андорра под управлением Франции и Испании до 1993 г.
Лиги	Союзы независимых государств, созданные для особых целей и управляемые общим секретариатом, а не правительством. За членами сохраняется право одностороннего выхода	НАТО, АСЕАН
Объединенные функциональные органы власти	Структуры, созданные двумя или более государствами (политическими образованиями) для совместного решения задач	Международное агентство по атомной энергии; Международная организация труда
Гибриды	Политические системы, объединяющие характеристики ряда образований.	ЮАР, имеющая все признаки федерации, но сохраняющая унитарные характеристики; Европейский Союз — конфедерация с некоторыми признаками федеративных отношений

Источник: *Elazar, 1994; Watts, 1999*, p. 8–13.

В узком смысле слова понятие федерализма относится лишь к государственному институциональному дизайну — федерации, или федеративному государству. *Федерации как центральные формы объединенных политических систем характеризуют такие отношения между центром и территориями/группами, когда соответствующие*

системы управления формируются и действуют, обладая собственными источниками легитимации власти и полномочий. Хотя этот традиционный взгляд на федерацию, основанную на разделении властей, подвержен сегодня модификации, тем не менее он лежит в основании понятия федерации как формы, или институционального дизайна государственного устройства. Это понимание федерации проистекает из опыта конституционного оформления США: «Федерализм, как традиционно понималось, означает „дуальный“ федерализм: систему разделения функций между штатами и национальным правительством, каждый из которых обладает значительной автономией в своей сфере юрисдикции» (*Beam, Conlan, Walker, 1983*, р. 248). «„Федерализм“ теперь используется для описания такой формы управления, — указывает Дэвид Робертсон, — в которой власть конституционно разделена между различными властными структурами таким образом, что каждая из них отвечает за особый набор функций и строит свои собственные институты для их выполнения. В федеральной системе каждая власть, следовательно, обладает **суверенитетом** в собственной сфере ответственности, так как полномочия, которые она осуществляет, не делегированы ей другой властью» (*Robertson, 1993*, р. 184).

Концепция «*дуального*» *федерализма* была подвергнута критике в самих Соединенных Штатах. Там подчеркивалось, что эта концепция перестала отражать реальность федерации в США уже в 1930-е гг. в результате «Большого курса» Рузвельта, во время Второй мировой войны и в первые десятилетия после нее. На смену «дуальному» федерализму пришел «*кооперативный*» *федерализм* с сильной центральной властью и ее политикой перераспределения ресурсов между штатами посредством различных федеральных программ помощи, усиления регулятивной функции центрального правительства, фискальной федеральной политики и др. Некоторые исследователи даже заговорили о конце федерализма в США: «За последние пятнадцать лет Соединенные Штаты пересекли рубежную линию от федеральной системы к децентрализованной государственной системе... Когда приходит время для определения политики, все глаза смотрят на Вашингтон, и федерализм рассматривается скорее как одно из многих затруднений, а не в качестве способа их преодоления. Когда приходит время проводить политику, федерализм превращается в управленческую модель, в которой штаты и местные сообщества играют роль среднего и низшего звеньев управления... Политическая идея штатов как политических образований и местных территорий как коммун почти исчезла» (*Schechter, 1982*, р. 61). Правда, следует заметить, что эти две формы федерализма в США некоторые исследователи рассматривают в качестве двух исходных идеальных типов, которыми руководствуются в своей политике демократы и республиканцы.

Традиционно «дуальный» федерализм был связан с консерваторами, а «кооперативный» — с либералами, хотя в реальности дело обстоит гораздо сложнее (*Janda, Berry, Goldman, 1989*, р. 116). Существует мнение, что в конце XX в. появилась третья форма федерализма, которая получила наименование «*органического*» федерализма, с еще более тесной зависимостью между федеральными структурами и составляющим федерацию единицами. В данном случае подчеркивается, что эта федерация очень близка к унитарному государству (*McLean 1996*, р. 179). Тем не менее, как представляется, первые две формы федерализма выражают две стороны одного и того же явления — единства государства при наличии автономных властей внутри него. Поэтому и в основных принципах федерального государственного устройства находят выражение характеристики обеих его сторон.

Акцент на «дуальной» природе федерации ведет к подчеркиванию разделения властей и компетенций, а «кооперативная» составляющая находит выражение в принципах единства (*Robertson, 1993*, р. 184–184; *Watts, 1999*, р. 7):

- ✦ две структуры управления, каждая из которых прямо связана со своими гражданами; обеспечение баланса власти и управления между различными уровнями федерации;
- ✦ формальное конституционное распределение законодательных и исполнительных полномочий и размещение государственных ресурсов между двумя системами управления, гарантирующими определенные области подлинной автономии для каждой системы; субсидиарность как принцип решения проблемы на том уровне управления, где она возникает;
- ✦ обеспечение представительства различных региональных позиций внутри институтов выработки федеральной политики, обычно проводимое особой формой второй палаты парламента;
- ✦ верховенство писаной конституции, поправки в которую вносятся с согласия значительной части составляющих федерацию единиц;
- ✦ посредник (в форме суда или референдумов) для разрешения споров между структурами управления и власти;
- ✦ процессы и институты для облегчения межуправленческого сотрудничества в тех областях, где существует совместная компетенция или ответственность пересекается.

14.2. Современные федерации в мире

К концу XX в. в мире насчитывалось 28 федеративных государственных устройств (см. табл. 36). Некоторые из них не имеют конституционного наименования федерации, но по всем главным признакам

могут характеризоваться в качестве федеративных государств (Испания, Южно-Африканская Республика). В Европе имеется 7 федеративных государств: Австрия, Бельгия, Германия, Испания, Россия, Швейцария, Югославия; в Азии — 6: Индия, Ирак, Малайзия, Непал, Объединенные Арабские Эмираты, Пакистан; в Америке — 6: Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Канада, Мексика, США; в Африке — 6: Коморы, Нигерия, Судан, Танзания, Эфиопия, Южно-Африканская Республика; в Океании — 3: Австралия, Острова Сент-Киттс и Невис, Микронезия.

Федеративные государства отличаются друг от друга по многим признакам: по числу жителей, по размеру территорий, по национальному и религиозному составу населения, по уровню языковой дифференциации. Исторически они возникали в разное время, и их возникновение имеет свои исторические особенности.

Федерализм в Мексике формировался в ходе долгой истории XIX в. Его история начинается в 1823 г. Первым президентом, кто попытался сделать федерализм работающим принципом организации мексиканского государства, был Гвадалупе Виктория (1824–1829), однако его попытки оказались безуспешными. Вторая половина XIX и начало XX в. прошли под знаком президентализма, усиления центральной власти над штатами и исполнительной власти над законодательной. Восстановленный в результате революции 1910 г. федерализм тем не менее не преодолел централизаторские тенденции в государстве (Rodriguez, 1998, p. 236–237).

Таблица 36

Современные федеративные государства

№	Страна	Число составляющих федерацию единиц	Население, млн. чел.	Год образования федерации	Основные расовые и этнические группы
1	Аргентина. Аргентинская Республика	22 провинции, 1 национальная территория, 1 федеральный округ	36,1	1826	аргентинцы, 82%; итальянцы, 5%; испанцы, 4%
2	Австралия. Австралийский Союз	6 штатов, 1 территория, 1 столичная территория, 7 административных территорий	19,1	1901	европейцы по происхождению, 97%
3	Австрия. Австрийская Республика	9 земель	8,06	1920	австрийцы, 91%

продолжение ⇨

Таблица 36 (продолжение)

№	Страна	Число составляющих федерацию единиц	Население, млн. чел.	Год образования федерации	Основные расовые и этнические группы
4	Бельгия. Королевство Бельгия	3 региона, 3 коммуны	10,1	1993	фламандцы, 51%; валлоны, 41%; немцы, 1%
5	Босния и Герцеговина	2 республики и 1 округ	4,03	1995	бошняки, 43,6%; сербы, 31,4%; хорваты, 17,3%
6	Бразилия. Федеративная Республика Бразилия	26 штатов, 1 федеральный столичный округ	160,5	1889	европейцы, 60%; метисы, 30%; негры, 8%; индейцы, 2%
7	Венесуэла. Боливарианская Республика Венесуэла	20 штатов, 1 столичный округ, 72 федеральных владения	23	1830	венесуэльцы, 90%; колумбийцы, 3%; испанцы, 3%
8	Германия. Федеративная Республика Германия	16 земель	82,16	1949	немцы, 96%
9	Индия. Республика Индия	25 штатов, 7 объединенных территорий	952,0	1950	индо-ариане, 74%; драви-диане, 24%; монголоиды, 2%
10	Ирак. Республика Ирак	18 провинций	26,8	2005	арабы-шииты, 55%; арабы-сунниты, 18,5%; курды, 21%
11	Канада	10 провинций, 3 территории	30,2	1867	англичане, 45%; французы, 29%; другие европейцы, 23%; индейцы и эскимосы, 1,5%
12	Коморы. Федеративная Исламская Республика Коморские Острова	4 острова	0,6	1978	потомки арабов, 95%
13	Малайзия	13 штатов, 2 федеральные территории	21,2	1963	малазийцы, 43% китайцы, 34%; индийцы, 9%

№	Страна	Число составляющих федерацию единиц	Население, млн. чел.	Год образования федерации	Основные расовые и этнические группы
14	Мексика. Мексиканские Соединенные Штаты	31 штат, 1 столичный федеральный округ	97,4	1917	мексиканцы, 84%; американские индейцы, 15%
15	Микронезия. Федеративные Штаты Микронезии	4 штата	0,14	1986	микронезийцы, 98%
16	Непал. Федеративная Демократическая Республика Непал	14 зон	27,7	2007	чхетри, 12,8%; горные бахуны, 12,7%; магары, 7,1%; гхару, 6,8 %
17	Нигерия. Федеративная Республика Нигерия	36 штатов, 1 федеральный столичный округ	115	1963	группа нигер-конго, 70,5%; хауса, 21,5%; канури, 4%
18	Объединенные Арабские Эмираты	7 эмиратов	2,7	1971	арабы ОАЭ, 50%; арабы других стран, 40%; индийцы, 6%
19	Пакистан. Исламская Республика Пакистан	4 провинции, 6 племенных районов, 1 федеральная столица	130,5	1971	пенджабцы, 65%; пуштуны, 16%; синдхи, 14%; белуджи, 2,5%
20	Россия. Российская Федерация	83 субъектов федерации: 21 республика, 46 областей, 9 краев, 2 города федерального значения, 4 округа, 1 автономная область	142	(1918) 1993	более 100 народов русские, 80%; татары, 3,3%; украинцы, 2%; чуваша, 1,1%; чеченцы, 0,94%
21	Сент-Китс и Невис	2 острова	0,42	1983	негроидная раса, 90%; англичане, 8%
22	Соединенные Штаты Америки	50 штатов, 1 федеральный округ, 2 ассоциированных государства, 3 федеральных владения и 3 федеральных территории	281,4	1789	белые американцы США, 66,5%; черные американцы, 12%; мексиканцы, 3,3%; евреи, 3%

продолжение ⇨

Таблица 36 (продолжение)

№	Страна	Число составляющих федерацию единиц	Население, млн. чел.	Год образования федерации	Основные расовые и этнические группы
23	Судан. Республика Судан (формально по конституции)	26 штатов	38,1	1998	арабы, 48%; племена негроидной расы, 30%
24	Танзания. Объединенная Республика Танзания	2 субъекта федерации	30	1964	африканцы, 98,4%; арабы, 0,6%
25	Швейцария. Швейцарская Конфедерация	26 кантонов (20 кантонов и 6 полукантонов)	7,1	1848	германо-швейцарцы, 63%; франко-швейцарцы, 17%; итальянцы, 7%
26	Эфиопия. Федеративная Демократическая Республика Эфиопия	9 штатов, 1 столичный округ	62,0	1995	100 национальностей и народностей; оромо, 45%; амкара, 20%; тиграи, 10%; шангала, 6% и др.
27	Южно-Африканская Республика (унитарная республика с элементами федерализма)	9 провинций	40,6	1996	нигер-конго, 72%; африканеры (белые потомки голландцев), 9,5%; метисы, 9%
28	Испания	17 автономных регионов	39,3	1978	испанцы, 70%; каталонцы, 19%; галисийцы, 8%; баски, 2,5%

Источник: *Janda, Berry, Goldman, 1989*, pp. 114–115; *Watts, 1999*, pp. 10, 21–33; *Rodriguez, 1998*, p. 235–254 и др.

Федерация в Соединенных Штатах Америки возникла в ходе освобождения североамериканских штатов от колониального владения Великобритании. Возникшая в 1781 г. конфедеративная форма объединения штатов оказалась неудачной. В 1789 г. с принятием Конституции США возникла федерация 13 штатов, включившая впоследствии 50 штатов, 1 федеральный округ и ряд других территорий. Конституционные основания американского федерализма состоят в следующем:

- 1) установление территориального разделения власти и функций между национальными органами власти и органами власти штатов;
- 2) обеспечение прямого представительства (до 1913 г. и непрямого впоследствии) правительств штатов в процессе принятия политических решений центральным правительством;
- 3) установление в качестве арбитра юридических споров между уровнями управления Верховного суда (*Walker, 1996, p. 271*).

До сих пор североамериканская федерация считается одним из классических примеров данного государственного устройства в современной истории.

Бельгия возникла как унитарное государство в 1830 г., но затем эволюционировала в сторону федерации. Последняя была установлена в результате конституционного развития в 1988–1993 гг. Она состоит из шести субъектов федерации: три региона — Фландрия, Валлония и Брюссель, а также несовпадающих с ними трех культурно-языковых коммун — фламандскоговорящей, франкоговорящей и немецкоговорящей. Основной причиной возникновения бельгийского федерализма называют противоречия между двумя лингвистическими группами — фламандской (58% населения) и французской (41%). Тогда как в унитарном государстве политически доминировало франкоговорящее население Бельгии, более богатое фламандское население выступило против этого доминирования. В настоящее время регионы стали ответственными за некоторые отрасли политики: научная политика, надзор за местным самоуправлением, экологический контроль, внешняя торговля, сельское хозяйство (за исключением ценовой политики в этой сфере, которая остается за центральным правительством). Коммуны стали ответственными за управление социальными вопросами, а также получили широкие полномочия в области международных дел (при необходимости консультаций по этим вопросам с федеральным правительством) (*Watts, 1999, p. 29–30*). Соответственно, система управления включает три уровня: региональный — советы регионов и региональные правительства, коммунальный — коммунальные советы и правительства (фламандский регион и фламандская коммуна имеют объединенный совет и правительство), федеральный — двухпалатный парламент и федеральное правительство.

Административно-политические реформы 1990-х гг. учитывают федеративную составляющую в тех государствах, которые по конституции относятся к унитарным. Государства, которые традиционно относятся к унитарным (Великобритания, Испания, Италия), в последние десятилетия значительно повышают самостоятельность

территориальных частей государства, так что некоторые исследователи считают этот процесс федерализацией. Так, хотя Испания по Конституции 1978 г. не называется федеративным государством, но отношения между центральным правительством и автономными коммунами здесь строятся по признакам федераций. Прежде всего следует отметить, что распределение полномочий здесь строится исходя из приоритета территорий. Конституция записала перечень исключительных полномочий за региональными властями; центральная власть обладает остаточными полномочиями и осуществляет контроль над деятельностью коммунальных властей. Семнадцать автономных коммун обладают достаточно широкими полномочиями во многих сферах общественной жизни, что дает право относить Испанию к одному из самых децентрализованных государств Европы. В данном разделе учебника Испания отнесена к федерациям. Правда, как подчеркивает Йозеф Коломер, политическая регионализация здесь обеспечивается скорее партийной стратегией, конкуренцией, соглашениями внутри свободных институциональных структур, а не конституционным мандатом (*Colomer, 1998*, р. 40–52). Что касается Великобритании, то дело здесь сложнее. Хотя процесс передачи законодательных и исполнительных полномочий (*devolution*) в различной комбинации Шотландии, Уэльсу и Северной Ирландии с 1998 г. некоторые и называют «федеральной деволюцией» (*Bordanor, 1999*), тем не менее остается значимым здесь признак парламентского приоритета, не содержащий институтов влияния регионов на Вестминстер, т. е. отсутствует прямое представительство регионов в центре. Как пишет Анна Гемпер, «деволюция, будь она законодательной или исполнительной, является термином, к которому нужно относиться со вниманием. Самое меньшее, что можно сказать, так это то, что она не во всем подходит для тех европейских систем, которые теперь имеют статус федеративного государства. Однако, конечно, Соединенное Королевство не принадлежит к таким государствам: несмотря на некоторые „псевдофедеральные“ признаки — прежде всего, на региональные полномочия первичного законодательства — оно остается сильно децентрализованным, но все же унитарным, объединенным государством» (*Gamper, 2005*, р. 1113). Особое значение федеративная составляющая реформ приобретает в связи с развитием интеграционных процессов в Европе и вовлечением внутринациональных регионов в интенсивное внутреннее и внешнее взаимодействие. Однако отмечается и другая тенденция — возрастания роли федеральных органов власти с целью повышения их способности управлять и поддерживать устойчивость и реактивную способность власти. Возникающий «координируемый капитализм» основывается

не на государственной интервенции в экономику и другие сферы общества, а на «трансформативной способности» государства, т. е. на его «умении координировать индустриальные изменения, отражая подвижный контекст международной конкуренции» (Weiss, 1998, р. 7). Стремление не потерять управляемость сопровождается усилением координирующей функции центра. Возникает то, что получило наименование асимметрической модели власти (Marsh, 2008), применительно к федерациям — «дисперсированный федерализм», «принудительный федерализм», «самоусиливающийся федерализм» (Roberts, 2008; Posner, 2007; De Figueiredo, McFaul, Weingast, 2007).

Современные федерации можно группировать по различным признакам. Часто используется такой дифференцирующий признак, как особенность формирования федераций, учитывая роль центра и территорий/групп в этом процессе. Если федерация формировалась «снизу вверх», т. е. по типу соглашений между входящими в нее субъектами, то такие федерации могут быть названы *договорными*. К таким федерациям относятся США, Танзания, Арабские Эмираты, Швейцария. Однако федерации могут формироваться при сильном влиянии центральных властей. Подобные федерации получили наименование *конституционных*. К этой группе можно отнести Индию, Пакистан, Мексику. Исторически договорные федерации отличаются большим уровнем самостоятельности входящих в них субъектов, хотя, как уже отмечалось выше, тенденция к усилению центральных правительств проявляется в ряде федераций, исторически сформированных как договорные.

Важным различием между федерациями является то, каков характер субъектов, которые ее составляют. В этом отношении выделяются *территориальные, национальные, культурно-исторические и смешанные* федерации. Территориальные федерации состоят из субъектов, выделенных на основе чисто территориального признака без учета национальных, культурно-языковых и иных признаков. К таким федерациям можно отнести США, Австралию, Австрию. Национальные федерации учитывают признаки нации и строятся на основании принципа национального самоопределения. В настоящее время к таким федерациям можно отнести Югославию. Часть федераций (Германия, Испания, Швейцария) сформировалась с учетом исторических и культурно-языковых различий между группами, проживающими на соответствующих территориях, вошедших в состав федерации. Смешанные федерации строятся с учетом многих дифференцирующих признаков подобного рода: территориальных, национальных, культурно-языковых. К ним относятся Бельгия, Россия, Индия, Эфиопия.

Спорным является выделение *симметричных* и *асимметричных* федераций. Понятие симметричных федераций означает однородность составляющих ее единиц и равенство прав и положения между ними. Асимметричные федерации включают различные составные элементы (субъекты и несубъекты), и между элементами федераций нет равенства прав и положения. В этом отношении можно отметить, что юридическое равноправие субъектов федераций, отмеченное в конституциях, нарушается фактическим неравенством (экономическим, социальным, политическим); часто в федерациях отмечаются различные конституционные ассиметрии или различные другие признаки неравноправия (Индия, Канада, Россия, Бельгия). Конституционные виды ассиметрии часто служат решению некоторых проблем, возникающих в федерациях между центральными органами и органами субъектов федерации. Они позволяют ответить на сильное давление со стороны региональных элит в отношении решения ряда вопросов (как, например, в Канаде в отношении Квебека, или в России в отношении Татарстана); часто они способствуют установлению механизмов, позволяющих решать проблему экономического и социального неравенства субъектов федерации. Рональд Уоттс отмечает, что в целом «в большинстве федераций... признание конституционной ассиметрии обеспечивает эффективный способ ответа на основные различия между субъектами федерации» (Watts, 1999, p. 68).

Наконец, можно также дифференцировать федерации по уровню централизации, т. е. по отношениям между центральными органами власти (федерацией) и органами власти субъектов федерации (единицами федерации). В этом отношении выделяются *интегральные* федерации (Мексика, Индия, Россия, Эфиопия, Германия) и *деволюционные* федерации (США, Швейцария). Иногда эти виды федераций называют *кооперативными* и *конкурирующими*, соответственно. Уровень централизации в федеративном государстве можно проследить по доле налогов, сконцентрированных в центре (см. табл. 37). Из таблицы видно, что федерации в этом отношении, конечно, отличаются от унитарных государств. В них до 50% налоговых сборов остается в субъектах федерации и на уровне местного самоуправления. Но и внутри федеративных государств наблюдаются большие различия. Так, в Австрии по сравнению с другими странами доля налогов, концентрируемых в центре, составляет 49,3%, — большая, чем, например, в Швейцарии или США, в которых эта доля составляет 35,4%; эти же две страны отличаются большей долей налогов, оставляемых на местном уровне, соответственно — 15,8 и 17,2%.

Таблица 37

**Доля налогов, собираемых на различных уровнях управления
(без учета налогов в фонды социального обеспечения) (2009 г., %)**

	Федеральный/ центральный уровень	Уровень субъектов федерации	Местный уровень	Европейский Союз
Федеративные государства:				
Австрия	49,3	12,0	9,5	0,3
Канада	41,0	39,5	9,8	
Германия	31,1	21,6	7,8	0,6
Швейцария	35,4	25,3	15,8	
США	35,4	20,5	17,2	
Унитарные государства:				
Великобритания	74,4		5,3	0,6
Дания	71,7		25,9	0,4
Франция	32,7		13,1	0,2
Италия	53,1		14,9	0,3
Япония	54,1		45,9	
Нидерланды ¹	58,8		3,3	0,9
Швеция	50,8		36,4	0,4

Источник исходных данных: *OECD. StatExtracts* (<http://stats.oecd.org>).

Иногда для измерения уровня автономии и централизации в различных видах государственного устройства используют специальные шкалы. Так, оценка *институционального дизайна государственного устройства* строится следующим образом: показателем 1 оценивается унитарное, 2 — квази-унитарное (с региональным и коммунальным уровнями управления), 3 — федеративное государство (*Lane et al., 1997*). *Уровень автономии* измеряется *индексом передачи [полномочий]* (*index of devolution*), включающим оценки федерализма, особой территориальной автономии, региональной и финансовой автономии, свободы действий местного самоуправления, функциональной автономии (*Lane, Ersson, 1994, ch. 6*). *Степень централизации* измеряется индексом, основанным на доходах от налогов центрального правительства относительно общих доходов, со шкалой от 1 (высокий уровень) до 6 (низкий уровень) (*Pennings, Keman, Kleinnijenhuis, 1999, p. 288*).

Итоговые данные измерения представлены в табл. 38. Сравнение результатов показывает, что уровень автономии нижних уровней управления в федеративных государствах значительно выше, чем в унитарных государствах, хотя это и не является необычным. Ясно, что федеративные государства тем и отличаются от унитарных, что в них наблюдается более высокий уровень полномочий и самостоятельности в деятельности субъектов федерации. Правда, сравнение самих федеративных государств позволяет сказать, что между ними есть серьезные различия в уровне автономии. Так, Австрия и Бельгия (которые вообще интерпретируются здесь как квази-унитарные государства) дают наиболее низкие показатели автономии — 4 и 5,

Таблица 38

Уровни федерализма, автономии и централизма

	Федерализм	Автономия	Централизм
Ирландия	1	0	1
Франция	1	0	2
Нидерланды	1	2	1
Новая Зеландия	1	2	2
Великобритания	1	3	3
Норвегия	1	4	3
Дания	1	4	4
Финляндия	1	4	4
Швеция	1	4	5
Япония	1	4	5
Италия	2	3	1
Австрия	2	4	3
Бельгия	2	5	2
Австралия	3	6	3
Германия	3	6	4
Швейцария	3	7	5
США	3	7	5
Канада	3	8	6

Данные за 2008 г.

Источник: *Pennings, Keman, Kleinnijenhuis, 1999, p. 288.*

тогда как Швейцария, США и Канада характеризуются цифрами соответственно 7, 7 и 8. Уровень централизма, соответственно, также различается. В последнем показателе, однако, интересно то, что у ряда стран, унитарных по форме дизайна государственного устройства, показатели централизации сопоставимы с показателями централизации федеративных государств. Так, унитарные государства — Дания, Финляндия, Швеция, Япония имеют уровень централизма такой же, как федеративные государства — Германия, Швейцария, США.

Развитие современных федеративных государств определяется новыми реалиями конца XX — начала XXI в. Отметим, что федерация оказалась довольно подвижной формой, способной ответить на вызовы нового национализма, глобализации, усиления регулятивной функции центра, развития самоуправления и т. д. Вместе с тем сравнительный анализ развития федеративных форм показывает, что классическая философия федерализма, основанная на разделении властей по вертикали и распределении полномочий, уже перестала соответствовать потребностям современных реформ. Возникает более сложный конгломерат отношений между центром, территориями и международными образованиями, который не описывается ни одной моделью.

14.3. Политические институты федераций

Политические отношения внутри федеративных государств предполагают их оформление в ряде институциональных образований. Политические институты федераций не сводятся только к представительству субъектов федераций в центральных органах власти, прежде всего парламентах. Сеть этих политических институтов более сложная. Она включает институциональные формы отношений между субъектами федераций, между ними и международными организациями. Кроме того, единство федеративного государства обеспечивается также особыми институциональными политическими формами. Отметим здесь некоторые из них.

Парламенты. Представительство федеративных единиц на уровне федерации обеспечивается, прежде всего, особым устройством представительных и законодательных органов федеративного государства. Как правило, в федерациях существует вторая палата (за исключением Танзании, ОАЭ, Венесуэлы, Коморских Островов, Микронезии), которая формируется с учетом представительства субъектов (см. табл. 39).

Двухпалатные парламенты в федеративных государствах

	Палаты парламента		Количество депутатов в палатах:		Метод формирования представительства субъектов федерации
	Представительство				
	субъектов федерации	общенациональное	субъектов федерации	общенациональное	
Аргентина	Сенат	Палата депутатов	72	257	Избираются прямыми выборами населением по 3 представителя от каждой провинции, национальной территории и округа на 6 лет
Австралия	Сенат	Палата представителей	76	148	Пропорциональная система выборов по 12 депутатов от каждого штата на 6 лет и по 2 от территорий на 3 года; половина представителей от штатов обновляется каждые 3 года
Австрия	Федеральный совет (Бундесрат)	Национальный совет	63	183	Избираются парламентами земель пропорционально числу граждан земли на срок полномочий парламентов земель
Бельгия	Сенат	Палата представителей	71	150	40 избираются всеобщим голосованием, 21 — провинциальными советами, 10 — кооптируются избранными членами; сенаторы по праву — дети королевской семьи (с 18 лет), в случае их отсутствия родственники королевской фамилии по нисходящей линии
Бразилия	Федеральный Сенат	Палата депутатов	81	513	Мажоритарная система выборов сроком на 8 лет при ротации каждые 4 года (сначала на треть, потом на две трети); по 3 сенатора и по 2 заместителя сенатора от каждого штата
Германия	Бундесрат	Бундестаг	68	669	Назначаются правительствами земель из своего состава; каждая земля имеет от 3 до 6 представителей
Индия	Совет штатов	Народная палата	244	545	232 избираются на 6 лет выборными членами законодательных собраний штатов и союзных территорий, 12 назначаются президентом
Испания	Сенат	Конгресс депутатов	252	300–400	208 избираются на 4 года по системе плюрального голосования, 44 назначаются парламентами коммун

Канада	Сенат	Палата общин	104	301	Назначаются генерал-губернатором по рекомендации премьер-министра с учетом равного представительства провинций
Малайзия	Сенат	Палата представителей	70	192	40 назначаются верховным главой (главой государства); 30 избираются от штатов на 6 лет; по 2 сенатора от каждого штата и по 2 сенатора от двух федеральных территорий
Мексика	Сенат	Палата депутатов	128	500	Избираются всеобщим голосованием по системе пропорционального представительства на 6 лет; состав обновляется на четверть каждые 3 года
Нигерия	Сенат	Палата представителей	109	360	Избираются всеобщим голосованием
Пакистан	Сенат	Национальная ассамблея	87	237	Избираются законодательными собраниями провинций на 6 лет; треть Сената обновляется каждые три года
Россия	Совет Федерации	Государственная дума	166	450	Представительство глав органов исполнительной и законодательной власти субъектов федерации (до 2002 г.), затем представительство от органов исполнительной и законодательной власти субъектов федерации
США	Сенат	Палата представителей	100	435	По 2 сенатора от штатов избираются на основе плюральной системы голосования
Швейцария	Совет кантонов	Национальный совет	46	200	По 2 депутата от каждого кантона, избираемые прямым голосованием населения по мажоритарной системе (за исключением кантона Берн, где депутаты Совета направляются парламентом кантона)
Эфиопия	Совет Федерации	Совет народных представителей	117	548	Избираются местными органами власти на 5 лет
Югославия	Веча республик	Веча граждан	40	138	Избирается прямым голосованием населения по 20 представителей от каждой республики
Южная Африка	Национальный совет провинций	Национальная ассамблея	90	400	По 6 постоянных представителей от 9 провинций и по 4 альтернативных представителя

Палаты, представляющие субъекты федерации, формируются по-разному. Можно выделить следующие основные способы формирования состава вторых палат.

1. Депутаты второй палаты парламента избираются прямым голосованием населения соответствующих субъектов федерации. В *США* сенаторы избираются населением штатов с 1913 г. на основе плюральной системы голосования. От каждого штата избирается по 2 сенатора, независимо от численности населения штата, на шесть лет. Каждые два года происходит обновление состава сената на одну треть. Сенатором может быть избран гражданин США (не менее 9 лет гражданства) в возрасте не менее 30 лет. В *Бразилии* верхняя палата — сенат избирается на основе мажоритарной системы на 8 лет. От каждого штата и федерального округа избирается по три сенатора и одновременно по два их заместителя. Каждые четыре года происходит обновление сената: сначала он обновляется на одну треть, а затем на две трети своего состава. При этом избиратель выбирает 2 сенаторов при ротации двух третей палаты и 1 — при перевыборах одной трети. Если по каким-либо причинам место сенатора освобождается, его занимает заместитель сенатора без новых выборов, но вакантным это место не может сохраняться более пятнадцати месяцев. Сенат в *Австралии* избирается населением на 6 лет с обновлением его состава каждые 3 года, когда избирается Палата представителей. При определенных обстоятельствах может быть объявлен «двойной роспуск» парламента, при котором переизбирается весь состав сената. Население избирает по 12 депутатов от каждого штата и по 2 от территорий по пропорциональной системе с одним передаваемым голосом. В *Швейцарии* члены Совета кантонов избираются по плюральной системе выборов по 2 представителя от каждого кантона на 4 года. Система выборов определяется на кантональном уровне. Единственным исключением из прямых выборов является формирование представительства от кантона Берн, где 2 члена направляются в Совет кантональными депутатами. Член Совета кантонов должен проживать на территории соответствующего кантона.
2. Формирование состава второй палаты парламента может осуществляться посредством выборов, которые проводят депутаты законодательных органов субъектов федерации. Такая система действует в *Австрии*, где Федеральный совет формируется парламентами земель, исходя из принципа пропорционального представительства в зависимости от численности населения земель. Земля с наибольшей численностью имеет 12 мест, остальные земли имеют представительство, пропорциональное численности их населения и численности населения в наиболее населенной земле.

Каждая земля должна иметь не менее трех представителей. Члены Федерального совета избираются парламентами земель по системе пропорционального представительства партий, имеющих депутатов в земельном парламенте. Обновление Федерального совета осуществляется по мере выборов в земельные парламенты.

3. Состав второй палаты парламента может назначаться главой государства, федеральным правительством или правительством субъектов федерации. В *Германии* 68 членов бундесрата назначают правительства земель, исходя из численности населения земель, но не пропорционально их населению. Земли имеют от трех до шести представителей, столько же голосов имеет каждая земля; голоса при голосовании подаются согласованно от имени земли. Членство в бундсрате не ограничено определенным сроком. Сенат в *Канаде* формируется генерал-губернатором по рекомендации премьер-министра с учетом равного представительства провинций. Все провинции разбиты на четыре группы, каждая из которых представлена в сенате 24 сенаторами. Маленькие провинции имеют от 4 до 10 сенаторов, провинции Квебек и Онтарио представлены 24 сенаторами каждая. Имеют своих представителей в Сенате и территории — по 1 сенатору.
4. Для формирования состава палат используется также принцип делегирования, когда главы органов исполнительной и законодательной власти являются одновременно и членами соответствующей палаты федерального парламента. Такая система действовала до последнего времени в *России*. Первый состав Совета Федерации (1993–1995) формировался на основе прямых выборов в субъектах Российской Федерации; это рассматривалось Конституцией в качестве переходной меры. С 1995 и по 2000 гг. действовал принцип, согласно которому главы законодательных и исполнительных органов государственной власти в субъектах федерации являлись одновременно членами Совета Федерации. В 2000 г. был принят Федеральный закон, согласно которому состав Совета Федерации будет формироваться из представителей законодательных и исполнительных органов субъектов федерации. Однако в 2000–2002 гг. установлено действие смешанной системы, когда представительство глав соответствующих органов в Совете Федерации сохраняется до их перевыборов.
5. В ряде федеративных государств действует смешанная система формирования второй палаты парламента, когда одна часть ее членов может избираться населением, а другая — парламентами субъектов федерации или назначаться теми или иными органами государственной власти. В *Бельгии* 40 членов Сената избираются населением регионов на основе пропорционального представительства.

ства (25 — от *Фландрии* и от фламандского населения Брюссельского региона и 15 — от *Валлонии* и от франкоязычного населения Брюссельского региона), 21 избирается коммунальными советами (по 10 от фламандскоязычных и франкоязычных коммун и 1 от германоязычной коммуны), а 10 кооптируется избранными сенаторами (6 от *Фландрии* и 4 от *Валлонии*). В состав Сената входят также сенаторы по праву — дети королевской семьи (с 18 лет), в случае их отсутствия — родственники королевской фамилии по нисходящей линии. В *Индии* Совет штатов формируется посредством смешанной системы, когда большая часть его состава (232 члена из 244) избирается на шесть лет законодательными собраниями штатов и союзных территорий, а 12 членов назначаются президентом из лиц, имеющих особые заслуги в различных областях литературы или искусства, науки или общественной деятельности. Совет штатов обновляется на одну треть каждые два года. Представительство штатов в Совете не является пропорциональным населению и не распределяется поровну. Представительство Штатов в палате — от одного до 34 членов.

Таким образом, формирование состава второй палаты парламентов в федеративных государствах осуществляется по-разному. Следует отметить, что это различие сказывается на других особенностях функционирования данных палат и их структуры. Во-первых, можно сказать, что там, где палаты формируются более демократично, там выше их роль в системе федеральных органов власти. Во-вторых, способ формирования палат оказывает влияние на партийную конфигурацию этих политических институтов. Она может соответствовать нижней палате, но может и отличаться от нее, что создает почву для политических конфликтов между палатами. В-третьих, влияние органов власти субъектов федерации на формирование состава палаты повышает значимость субъектов на уровне формирования федеральной политики, хотя иногда и создает основу для конфликтов между федеральными органами власти и субъектами федерации.

Полномочия палаты, представляющей субъекты федерации, определяются во многом формой государственного правления. Как подчеркивает Р. Уоттс, «где имеется разделение властей между исполнительными и законодательными органами, как в США и Швейцарии, там обычно две палаты имеют равные полномочия (хотя в США Сенат имеет дополнительные полномочия относительно назначений и ратификации договоров). Там, где имеются парламентские правительства, палата (обычно первая), которая контролирует их, неизбежно имеет большую власть» (Watts, 1999, p. 96). Тем не менее в некоторых парламентских федерациях (Австралия, Германия) в силу особенностей формирования вторых палат и наличия права вето на законы, каса-

ющиеся субъектов федерации, эти палаты оказывают существенное влияние на парламентский процесс в целом.

Совместная работа двух палат часто координируется специально созданными совместными комитетами и комиссиями, имеющим постоянный или временный характер. В Канаде отмечена деятельность постоянных совместных комитетов Палаты общин и Сената по официальным языкам, по вопросам деятельности парламента, по актам делегированного законодательства (по рассмотрению решений правительства, изданных по уполномочию обеих палат парламента). Также создавались специальные комитеты по подготовке конституционной реформы (1970-е гг.), по реформе сената (1980-е гг.).

В тех федерациях, где имеется однопалатный парламент, институты законодательной власти формируются не во всех субъектах федерации. Представительство субъектов федерации здесь учитывается по-разному. В Танзании Национальное собрание, состоящее из 232 депутатов, избирается частично населением, а часть назначается, в том числе парламентом Занзибара. В Федерации Сент-Китс и Невис Национальное собрание — однопалатный парламент состоит из 11 членов, избираемых населением сроком на 5 лет (8 от Сент-Китса и 3 от Невиса), и из 3 сенаторов, назначаемых генерал-губернатором (1 по рекомендации лидера оппозиции, 2 по рекомендации премьер-министра). Остров Невис имеет собственный парламент, частично избираемый населением, частично назначаемый. В Объединенных Арабских Эмиратах имеется Федеральный национальный совет, выполняющий консультативные функции. Он состоит из 40 представителей, назначаемых эмиратами на 2 года.

Другие институты на уровне федерации. Помимо парламентского представительства имеются другие институты, позволяющие специально решать вопросы федеративных отношений, а также субъектам федерации влиять на общую политику. Эти институты способствуют разрешению конфликтов между федерацией и ее составными частями.

Прежде всего отметим, что такой властный институт, как федеральное правительство, часто формируется и строится с учетом федеративных отношений. В общем и целом деятельность правительства в федерациях учитывает уровень и характер развития федераций, разделение полномочий, противоречия между отдельными субъектами, а также между субъектами и федеральным правительством. Состояние «двойного правления» в президентских и полупрезидентских республиках (США, Россия), когда партийная принадлежность правительства и палаты общенационального представительства различны, президент и правительство часто вынуждены опираться на вторую палату. В некоторых федерациях формирование правительства прямо определяется характером федеративных отношений. Так, в Бельгии

статья 99 конституции требует равенства в числе франкоговорящих и фламандскоговорящих министров (исключая премьер-министра). В Индии в состав правительства обязательно включаются представители крупнейших штатов (Уттар-Прадеш, Гуджарат и др.). Правительство Швейцарии фактически формируется из представителей кантонов, причем в конституции оговаривается, что от каждого кантона в правительство может назначаться не более одного министра. В Объединенных Арабских Эмиратах правительство формируется коллегией эмиров. В Канаде при формировании правительства обязательно учитываются национальность и язык.

Иногда в составе правительства выделяется специальное министерство, занимающееся делами федерации. Такое правительство было в Российской Федерации; в Австрии существует министерство по вопросам федерализма и реформе управления.

В ряде федераций практикуется проведение специальных совещаний премьер-министра федерации и глав исполнительной власти субъектов федерации (Индия, Канада). В России Государственный совет включает первых лиц субъектов федерации и предназначен компенсировать потерю их представительства в Совете Федерации.

Институты взаимодействия субъектов федераций. Взаимодействие субъектов федерации является важным каналом развития федеративных отношений. Практика институционализации таких отношений показывает, что они выполняют важную функцию координации деятельности и взаимной помощи.

Особо следует отметить специальные государственные институты взаимодействия субъектов федерации на субнациональном уровне управления. Например, в Бельгии для координации деятельности и для объединенной деятельности языковых коммун в регионе Брюссель созданы специальные объединенная комиссия коммун и объединенная коллегия. Объединенная комиссия коммун состоит из 75 членов, представляющих французскую и фламандскую коммунальную комиссии, которые совместно решают общие проблемы.

В политическом отношении следует отметить формирование в ряде федераций ассоциаций законодательных органов субъектов федераций. Координация деятельности парламентаов здесь может быть дополнена обменом опытом законодательной работы, формирования проектов законов, организации взаимодействия между населением. В России, например, существует Северо-Западная межпарламентская ассоциация. В ее задачу, в частности, входит также налаживание сотрудничества с парламентами государств, граничащих с субъектами федерации на Северо-Западе. В ряде случаев имеются советы глав исполнительной власти субъектов федерации. В Германии сотрудничество между землями развивается в форме совещаний — официальных

и неофициальных, а также так называемых встреч коллег. Создаются постоянно действующие совещания или комиссии премьер-министров земель или отраслевых министерств. Например, постоянное совещание министров культуры земель имеет свой офис в столице; оно подготовило несколько тысяч рекомендаций, которыми пользуются правительства всех земель (*Бусыгина, 2000*, с. 116). Межпарламентские ассоциации субъектов федерации и советы глав исполнительной власти создаются с целью наладить сотрудничество и не направлены против центра или других каких-либо политико-государственных образований.

14.4. Федерализм и политические режимы

Политический режим как система методов осуществления политической власти в государстве и условий, обеспечивающих свободу и права человека, жестко коррелирует с формой государственного устройства. Теоретически федерация должна создавать больше условий для демократического и меньше для авторитарного режима: «С конца XVIII столетия до сегодняшнего дня от имени федерализма делались два основных политических заявления. Первое утверждает, что федерализм обеспечивает большинство благоприятных правительственных установлений для примирения конкурирующих политических благ больших и малых республик. Второе подчеркивает его роль в предотвращении концентрации правительственной власти и обеспечении доступа общественности к принятию правительственных решений» (*Beam, Conlan, Walker, 1983*, р. 253). Вместе с тем практика свидетельствует, что политический режим, установленный в федеративных государствах, может быть различным (см. табл. 40).

Федеративные государства, как видно из таблицы, характеризуются различными типами политических режимов, уровнем демократии и свободы. Частичное несовпадение оценок (например, ЮАР, Эфиопия, Пакистан) можно отнести на счет различных периодов измерения (Эфиопия с середины 1990-х гг. меняется и в отношении своего политического режима, и в отношении формы государственного устройства), а также особенностью измерительной техники (см. главу 12). Конечно, на характер политического режима оказывают влияние множество факторов: уровень экономического развития, социальная дифференциация, неравенство, исторические традиции и т. д. Федеративное устройство создает условия для большей свободы, демократии, участия, но эти условия сами по себе не могут достаточно четко определять необходимость демократического режима. Как подчеркивал в свое время Уильям Райкер, «местное самоуправление и личная свобода могут оба сосуществовать с высокоцентрализованным унитарным

правлением в Великобритании, а диктатура Варгаса в Бразилии может сосуществовать с федерализмом» (*Riker, 1964*, p. 140). Сравнение демократических политических систем также показывает, что федеративные государства не отличаются большим уровнем демократичности по отношению к унитарным. Можно, однако, сказать, что там, где страны имеют глубокие культурные, этнические или социально-территориальные различия, более демократическим будет федеративное устройство, а не унитарное. Именно оно позволяет решить проблему соединения единства и разнообразия в рамках одного государства. Не случаен был переход к федеративному устройству по конституции и, по сути, в таких государствах, как Бельгия, Испания, ЮАР. В этом же направлении развивается государственное строительство в Великобритании и в Италии. Федерализм исторически способствовал укреплению демократии, сегодня он также создает для нее больше условий и способствует ее сохранению в традиционных демократиях, испытывающих давление межнациональных или межкультурных различий. Принцип федерализма все более принимается как основа построения новой Европы, объединяющей различные культурно-исторические и национальные общности. Глобализация делает федерализм привлекательным для многих политических движений.

Таблица 40

Свобода и демократия в федеративных государствах

Страна	Классификация стран «Домом свободы» в 1999–2000 гг.	Уровень демократии, индекс демократизации Ванханена, 1988	Классификация стран по типу режима (уровню свободы и индексу гуманитарного развития) Даймонда, 1990
Аргентина	Свободная	24,1	Конкурентный, плюралистический, частично институционализированный
Австралия	Свободная	30,9	Либеральная демократия
Австрия	Свободная	36,5	Либеральная демократия
Бельгия	Свободная	44,7	Либеральная демократия
Бразилия	Частично свободная	7,8	Конкурентный, частично нелиберальный
Венесуэла	Частично свободная	18,7	Конкурентный, плюралистический, частично институционализированный
Германия	Свободная	39,1	Конкурентный, плюралистический, частично институционализированный

Страна	Классификация стран «Домом свободы» в 1999–2000 гг.	Уровень демократии, индекс демократизации Ванханена, 1988	Классификация стран по типу режима (уровню свободы и индексу гуманитарного развития) Дайамонда, 1990
Индия	Свободная	16,2	Конкурентный, частично нелиберальный
Испания	Свободная	28,9	Либеральная демократия
Канада	Свободная	28,8	Либеральная демократия
Коморские Острова	Частично свободная	0,3	Отсутствие конкуренции, частично плюралистический
Малайзия	Частично свободная	12,3	Полуконкурентный, частично плюралистический
Мексика	Частично свободная	14,8	Полуконкурентный, частично плюралистический
Микронезия	Свободная	–	–
Нигерия	Частично свободная	0	Отсутствие конкуренции, частично плюралистический
ОАЭ	Несвободная	0	Гегемонистское государство, частично открытый
Пакистан	Несвободная	12,2	Полуконкурентный, частично плюралистический
Россия	Частично свободная	–	–
Сент-Китс и Невис	Свободная	–	Либеральная демократия
США	Свободная	16,7	Либеральная демократия
Танзания	Частично свободная	1,0	Гегемонистское государство, частично открытый
Эфиопия	Частично свободная	0	Гегемонистское государство, закрытый
Швейцария	Свободная	22,9	Либеральная демократия
Югославия	Частично свободная	–	–
ЮАР	свободная	2,8	Полуконкурентный, частично плюралистический

Источники: данные «Дома свободы» взяты с интернет-страницы этой организации: <http://www.freedomhouse.org>; Diamond, 1992, p. 128–130; Vanhanen, 1989, p. 27–29.

Вместе с тем федерализм как принцип объединения государственно-политических образований находится под прессом новых проблем. С одной стороны, федерализм, создавая условия для развития территорий и групп, способствует углублению кризиса современного национального государства, порождая сепаратизм и дифференциацию. Правда, некоторые исследователи подчеркивают, что «патология федерализма» скорее связана с особыми формами организации тех федеральных государств, в которых сепаратизм, дифференциация и поляризация проявились с особой силой, а не с федерализмом как таковым (*Watts, 1999*, р. 109). С другой стороны, отмечается такое явление, как регионализация, которое меняет картину взаимоотношений государства и территорий в современном мире. Как пишет Майкл Китинг, «то, что эти новые территориальные движения имеют общего, состоит в их модели действия, которое больше не состыкуется с государством. Старые дуалистические отношения государства к региону, которые лежали в основе старых форм территориального управления, замещаются более сложной тройной зависимостью, в которой регион должен относиться к государству, международному рынку и развивающемуся европейскому порядку, хотя и не исключительно к Европейскому Союзу» (*Keating, 1999*, р. 75). В этом смысле «асимметричное правление» выступает ответом на новые вызовы, перед которыми поставлены современные государства, испытывающие территориальные напряжения. По-видимому, недооценка этого обстоятельства мешает взглянуть по-другому на сформированный федерализм в России с его асимметричностью субъектов федерации, особенно касательно полномочий развития внешних отношений.

* * *

Современные федерации хотя и не относятся к приоритетным темам в сравнительной политологии, тем не менее все более и более привлекают внимание исследователей. Это вызвано вполне объяснимыми причинами: ростом новых территориальных и национальных движений, угрозой сепаратизма и новым регионализмом. Теория федерализма, базирующаяся на концепции дуального государства, сегодня подвергается модификации. В этом отношении сравнительный анализ позволяет создать устойчивую базу для новых обобщений и теоретических моделей. Российская Федерация испытывает влияние мировых тенденций, без учета которых вряд ли возможна эффективная федеральная политика как в центре, так и на местах.

Основные понятия

Федерализм, объединенные политические системы, федерация, дуальный федерализм, конституционная федерация, договорная федерация, территориальная федерация, национальная федерация, культурно-историческая федерация, интегральная (кооперативная) федерация, деволюционная (конкурирующая) федерация, индекс передачи полномочий, двухпалатный парламент.

Основная литература

- Андерсон Дж. Федерализм. Введение. — М.: Экономика, 2009.
- Миронюк М. Г. Современный федерализм: Сравнительный анализ. — М.: РОССПЭН, 2008.
- Смит Э. Национализм и модернизм. — М.: Праксис, 2004.
- Фарушкин М. Х. Федерализм: теоретические и прикладные аспекты. — М.: Юрист, 2004.

Дополнительная литература

- Ачкасов В. А. Сравнительная политология. — М.: Аспект-пресс, 2011.
- Голубева Л. А., Черноков А. Э. Сравнительное государственное устройство. — СПб.: Знание, 2009.
- Современный федерализм: состояние и тенденции развития / Отв. ред. О. Е. Кутафин. — М., 1999.
- Фарушкин М. Х. Сравнительный федерализм: Учебник по спецкурсу. — Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2001.
- Федерализм в России и Канаде. — М.: Формула права, 2009.
- Федерализм: Теория, институты, отношения. Сравнительно-правовое исследование / Под ред. Б. Н. Топорнина. — М., 2001.
- Чиркин В. Е. Современное федеративное государство. — М.: МНИМП, 1997.

ГЛАВА 15

Современные политические партии

Первая половина 1990-х гг. отмечена возрождением исследовательского интереса к теме партий и партийных систем. Многочисленные статьи, разбросанные по различным журналам, тематические сборники работ, монографические исследования и, наконец, издание специализированного журнала «Party Politics», первый номер которого вышел в 1995 г., — все это является эмпирическим индикатором того, что вопреки пессимистическому прогнозу об упадке роли партий в политике, что приводило к снижению заинтересованности в их изучении, мы наблюдаем сегодня обновление партийной демократии. Политические партии не только не исчезли, не просто приспособились к изменившимся обстоятельствам в постиндустриальном, постмодерном мире, но и не потеряли своего ведущего места в политическом процессе. Они оказались институтом, легко воспринимающим новые веяния в политике, использующим благоприятные возможности демократии конца столетия, иницилирующим и представляющим политические нововведения. Можно сказать, что, так же как рыночная модель экономики (с неизбежными модификациями и обновлением), партийная модель демократии, основанная на плюрализме политических сил и конкурентной борьбе за государственную власть, являются более фундаментальными ценностями современного мира, чем представлялось ранее. Конечно, сегодня мы наблюдаем множество отличий в деятельности и организации партий по сравнению с предыдущими периодами политической жизни. Эти отличия не могут не вызвать вопроса о том, имеем ли мы дело с одним и тем же феноменом — политической партией. Не называем ли мы одним и тем же словом «партия» совершенно различные политические образования? Каков родовый признак тех моделей политических организаций, которые сегодня получили наименования «кадровые партии», «массовые партии», «всеобъемлющие партии», «картельные партии»?

По-видимому, здесь нужно иметь в виду следующие обстоятельства. Во-первых, парадигмальной установкой всех исследователей политических партий являлось убеждение, что партия как политическая организация должна рассматриваться в системе отношений «гражданское общество — партия — государство». Это соответствовало той

реальности, что партия представляла собой единственный институт, который не противопоставлял себя ни государству, ни гражданскому обществу. При изменившихся со временем формах связи партия все же остается самым значимым механизмом, обеспечивающим чувствительность государства к общественным интересам. Во-вторых, партия — по преимуществу политическое образование. Трудно назвать другую организацию, которая была бы сравнима по политической значимости с партией. Даже современное государство скорее является административным, а не политическим институтом и приобретает последнее качество лишь в связи с партийной системой. Концентрация политического (the political) в партиях делает их мощным выразителем воли к общению — публичному и заинтересованному обмену политическим капиталом. Может быть, эта рыночная аналогия «хромает», но она позволяет видеть в партиях значимую форму производства политических отношений. Правда, можно также сказать, что партия есть не буквально политическое, а его метафора, некий образ современного политического тела, его означающий и замещающий. Выражая значимость политического, партия в своем определении приобретает свободу на имя. Поиск «нового образа партии» (Veute, 1996, p. 135) — «партии профессиональных структур», «медиа-партии», «картельные партии» — все это свидетельствует о стремлении выразить существующую реальность политического в метафоре-традиции, одновременно наследующей и новой. В-третьих, современная демократия остается партийной демократией при всем множестве ее идеальных типов и реальных моделей. При этом следует иметь в виду, что речь идет о демократии при государственной форме организации общества. Конечно, наряду с партийной демократией есть и другие формы демократии, но в данном случае партийная демократия представляет собой политический вид демократии, связанный с либеральным представлением о власти и механизмах ее формирования. Хотя, пожалуй, сегодня либеральное понимание является наиболее распространенным и принятым в качестве общезначимого.

15.1. Кризис политических партий

В 1970–1980-х гг. в политической жизни западных стран наблюдаются некоторые процессы, совокупность которых можно обозначить как кризис партийной демократии. Он был обусловлен рядом обстоятельств, связанных с изменениями в социально-экономической, политической и информационной сферах общественной жизни. Прежде всего к нему привели социальные изменения в обществе, из которых особенно следует выделить рост среднего класса, вовлечение женщин в производство и миграцию населения. Прежние массовые по преиму-

ществу партии ориентировались на устойчивые классовые деления и рассматривались в качестве политических представителей больших социальных групп. Рост среднего класса привел к сокращению массовой базы партий, вовлечение женщин в производство стимулировало их политическую активность и внесло много нового в требования, предъявляемые к политической организации. Миграционные процессы расшатывали устойчивость больших социальных групп, нарушая их политическое единство. Важным также явился кризис традиционных идеологий и рост постматериалистических ценностей. Прежние партии в своих идеологиях и программах ориентировались на выражение, прежде всего, материальных запросов, связанных с заработной платой, собственностью, длиной рабочего времени и т. д. Постиндустриальное общество характеризовалось приоритетом других потребностей, прежде всего связанных с карьерой, культурными запросами, престижем и т. д. Отмеченный Рональдом Инглхартом, этот поворот в сторону постматериалистических ценностей, не был по достоинству оценен политическими партиями, продолжавшими традиционную политику. Большое значение имело и технологическое развитие, связанное прежде всего с возникновением и развитием новых средств массовой коммуникации. Изменялись механизмы политической мобилизации и выражения общественного мнения. Телевидение стало занимать все более значительное место в политике. Наконец, прежние партии не учитывали изменений в организации государственной власти (децентрализация и деконцентрация).

Каково содержание этого кризиса партий и партийной демократии? Большинство исследователей склоняются к мысли, что наблюдавшийся партийный кризис связан скорее с обновлением типа партии, а не с разрушением партии как таковой. Так, Питер Мэр связывал кризис с организационной отсталостью партий при выполнении ими своих функций, а не с эрозией самих функций (*Mair, 1989, p. 177*). Клаус фон Бейме выделял три основных направления критики партий:

- 1) партии угрожают нормативно принятому «общему благу»;
- 2) партии не являются плохими *per se* (по существу), а имеются «хорошие» и «плохие» партии;
- 3) партии принимаются, но в то же время имеются и другие институты, которые выполняют их функции.

Автор считал, что кризис партий связан с изменением не только их организации, но и выполняемых ими функций (*Бейме, 1996, p. 149–150*). Пьеро Игнаци утверждал, что кризис поразил старый тип партии — массовую партию, и мы сегодня наблюдаем переход от старого типа к новому (*Ignazi, 1996, p. 550*). Существует и более радикальная

критика партий, связывающая партийный кризис с исчерпанностью потенциала политических партий. Эта критика осуществляется сторонниками массовых демократических движений, групп интересов (корпоративизм) или радикальными левыми и правыми антиполитическими партиями, выступающими против традиционных партий политического истеблишмента.

Основная причина все же видится в исчерпаемости тех форм демократии, в которые была включена традиционная партия, построенная на массовом членстве, репрезентации социальных интересов и довольно жесткой организационной структуре и идеологической идентификации. Однако то, что пришло им на смену, т. е. «всеохватные партии», «картельные партии», также оцениваются по-разному. Радикальная критика склонна видеть в них все тот же процесс упадка либеральной демократии, которая предстает в этой критике как олигархия политических профессионалов. Критика репрезентативной демократии указывает на сужение числа лиц, способных оказывать существенное влияние на процесс принятия политических решений, на иллюзорный характер выборов и манипулятивный механизм освещения политического процесса в средствах массовой информации.

Симптомы кризиса проявлялись с очевидностью. Их можно свести к следующим процессам:

- ✦ снижение количества партийных членов;
- ✦ падение доверия к партиям;
- ✦ резкое падение участия избирателей в выборах;
- ✦ снижение мобилизационной эффективности старых организационных форм деятельности.

Все же следует заметить, что хотя в целом кризис европейских партий затронул существо их позиции в политическом мире, наложил отпечаток на их организацию и структуру членства, модифицировал отношения с населением и т. п., но партиям удалось найти выход из кризиса, и это выразилось в появлении нового поколения партийных организаций, которые получили наименование «картельных партий», «партий профессионалов», «медиа-партий», «минимальных партий». Отмечается лишь начальная стадия формирования подобных партий (многие связывают начало с 1970-ми гг.), но их признаки явно просматриваются в партийных системах Австрии, Дании, Германии, Финляндии, Норвегии, Швеции, частично в Великобритании, Франции. Восточноевропейский политический процесс, включая Россию, дает много примеров партийной деятельности, отличной от традиционной. То есть партии не исчезли, они модифицировались, что отразилось и на описании их новых типов.

15.2. Классификации политических партий

В сравнительной политологии используется ряд типологий политических партий. Классической типологией является распределение партий на две группы — кадровые и массовые, которое было предложено и обосновано Морисом Дюверже в конце 1940-х — начале 1950-х гг. Его книга «Политические партии» (1951) в этом отношении основополагающая. Так как эти типы партий входят в некоторые новейшие типологии, их характеристики будут рассмотрены ниже. В настоящее время к основным следует отнести классификации политических партий Панебьянко, Каца и Мэра, Уолинетса. Именно они дают наиболее полное представление о существе современных политических партий.

Классификация политических партий Панебьянко. А. Панебьянко предложил свою типологию политических партий в 1988 г. в книге «Политические партии: Организация и власть». Он разделил все партии на два основных типа: массово-бюрократические и электорально-профессиональные. Это была одна из первых типологий, которая обозначала новые тенденции в развитии как организации, так и деятельности партий в условиях постиндустриального общества. Панебьянко одним из первых подчеркнул профессионализацию партий, главной задачей которых выступала борьба за голоса избирателей.

Массово-бюрократические партии характеризовались многими признаками, уже отмеченными в науке такими исследователями, как Роберт Михельс и Морис Дюверже. Хотя партии строились на основе привлечения в свой состав множества рядовых членов, однако эта массовость порождала потребность в сильной и управляемой организации. Отсюда возникающие политико-административные задачи порождали известный отрыв лидеров партий от ее массы, нашедший выражение в «железном законе олигархизации партий» Михельса. Как результат — *центральная роль бюрократии* в организации партийной жизни и в управлении политикой партии. Фиксированное *партийное членство* и *сильные вертикальные организационные связи* делали партию достаточно мобильной в условиях классового строения общества для мобилизации населения. При этом такая партия стремилась выражать интересы особой группы населения, «своего электората». Олигархизация партий приводила к тому, что *лидеры партии* занимали в ней особое положение, верховное по отношению ко всем ее структурам. При этом, как правило, управление такими партиями осуществлялось посредством *принципа коллективного руководства* (центральный комитет, политбюро, съезд, конференция). Помимо организации основным средством выработки политики и политической мобилизации выступала *идеология*, которой отводилась значи-

тельная роль в жизни таких партий. Не случайно, что *идеологические активисты* выполняли значимые партийные задачи и занимали соответствующее положение в партии. Массово-бюрократическая партия отличалась и процессом формирования политических финансов. Как правило, это были *членские взносы и сопутствующие виды деятельности партии* — партийные кооперативы, издательство, партийные СМИ. Немаловажную роль в этом механизме играли и связи с профсоюзами.

Электорально-профессиональные партии стали вытеснять прежний тип партий в связи с изменениями в социальной, политической и коммуникационной сферах. Электоральная индустрия, на которую стали ориентироваться партии, потребовала выполнения ряда специализированных задач, которые уже не могли качественно исполнить партийные активисты. Исследования общественного мнения, формирование имиджа партии и ее представителей, телеиндустрия, организация электорального участия, которое становилось все более институционализированным, и т. д. потребовали профессионализации этих и других видов деятельности. Отмеченная Панебьянко *центральная роль профессионалов в партии для решения специализированных задач* стала новым знаком организации партийной деятельности. Вместе с этим меняются ориентиры партий, они все большее внимание начинают уделять не повседневной деятельности по выражению политических интересов и активизации масс, а сугубо электоральным вещам. Они превращаются в *электоральные партии*, напоминающие старые кадровые типы организаций, *со слабыми вертикальными связями*. Организация партии становится довольно рыхлой, а ее управлением занимаются фактически те, кто стал представлять партию в органах государственной власти. Усиливается *персонализированное руководство* тех, кто способен выражать (и формировать) «мнение электората». Здесь уже нет ограничений на репрезентацию интересов определенных социальных групп; задача заключается в том, чтобы, *призывая к «мнению электората»*, мобилизовать как можно больше сторонников партии для победы на выборах. В этот период начинается государственное финансирование партий, меняются механизмы формирования партийных финансов, которые начинают играть все возрастающую роль в обеспечении эффективного результата на выборах. В *политическом финансировании партий возрастает роль заинтересованных групп и общественных фондов*. Хотя и раньше партии являлись каналами рекрутирования политиков, государственных деятелей и государственных служащих, однако теперь эта функция выходит на первый план. В таких партиях *карьерная функция становится решающей*, и не политические деятели, а люди, стремящиеся обеспечить свой карьерный рост, начинают задавать тон.

Классификация политических партий Каца и Мэра. Теория «картельных партий» была предложена Кацем и Мэром (*Katz, Mair, 1995*) и сразу же вызвала особый интерес у исследователей. Она строится на сравнении этих партий с предыдущими партийными типами на основе различных критериев, прежде всего касающихся исторического контекста их деятельности, места в системе «гражданское общество — государство», внутренней организации партий (членство и лидерство), особенностей проводимой политики, отношения к выборам и средствам массовой информации. Как подчеркивают авторы концепции, «картельные партии» появились прежде всего там, где наблюдается усиленная поддержка деятельности партий со стороны государства, есть возможность для партийного патронажа, активно проявляется традиция межпартийной кооперации и сотрудничества.

В основе появления «картельных партий» лежит процесс изменения отношений политической партии, с одной стороны, с гражданским обществом, а с другой — с государством. Исторически первым типом выделяются *элитные партии* (также «кадровые», или «кокус» партии). Такие партии были в основном собранием людей, тесно связанных с государством и гражданским обществом.

Элитные партии не характеризуются устойчивым членским составом; действуют скорее как клубы, а не как партийные ячейки; состоят из образованных слоев общества, занимающих господствующее положение в экономике и политике; ограничение избирательного права сказывается на довольно прохладном отношении к избирательным кампаниям; как правило, в руках представителей элитных партий находятся средства массовой информации.

Развитие индустриального общества с его социально-классовой дифференциацией и углублением конфликта между социальными группами приводит к формированию такого типа партий, как *массовые партии*. Их место в системе отношений «гражданское общество — государство» несколько изменяется. Массовые партии отвечают на усиливающийся разрыв между составом гражданского общества и составом государства, становясь по сути связующим звеном между ними и механизмом рекрутирования политического персонала государственных структур.

Возникшее всеобщее избирательное право заставляет партии более внимательно относиться к избирательным кампаниям: формируется устойчивый членский состав партий; партии борются за его расширение, ориентируются на вполне определенные социальные группы избирателей, идеологически оформляют свою политику, создают свои собственные средства массовой информации. Массовые партии — это мобилизационные партии; они придают большее значение развитию организации партии, чем собственно государству. Делегатская система

выборов предполагает ответственность избранных в государственные органы депутатов перед избирателями, которые делают выбор между партиями. Однако массовая партия, борясь за голоса избирателей, вынуждена выходить за границы своей репрезентации частных социальных интересов, обращаясь к широким социальным слоям и к единому национальному интересу. Акцент на массовых организациях как поддерживающих парламентские партии, а не на партиях как агентах этих организаций, подрывают связи партии с массами. Кроме того, ряд обстоятельств, связанных с политикой государства всеобщего благосостояния, ростом социальной мобильности и развитием средств массовой информации, заставляют партийных лидеров менять не только стратегию и тактику политической борьбы, но и характер партийной работы. Олигархизация массовых партий, с одной стороны, конституционализация их деятельности — с другой, все более и более способствуют привязке их к государству. В послевоенный период все явственнее стали проявляться черты нового типа партии — «всеохватных партий» («catch-all parties»).

Понятие «*всеохватные партии*», использованное впервые Киркхаймером в 1966 г. (Kirchheimer, 1966), отражало новые процессы в отношениях между партиями, государством и гражданским обществом. Во-первых, эрозия жестких социальных границ между группами ослабляла политическую идентификацию населения и размывала прежние зависимости между их интересами и партиями. Во-вторых, экономический рост и политика всеобщего благосостояния заставили разрабатывать партийные программы, которые отражали интересы не отдельных групп, а всего населения, или почти всего. В-третьих, развитие средств массовой информации позволило обращаться партийным лидерам ко всем избирателям сразу, а не к какой-то особой их части, и сделало последних скорее «покупателями» партий, чем их активными участниками. «Всеохватные партии» превратились в брокеров, торгующих государственными постами.

Партии все более и более проникаются государственным интересом и все менее и менее становятся агентами гражданского общества. Конечно, они продолжают агрегировать и представлять требования населения, но главной их задачей становится защита государственной политики перед населением. Соответствующей таким партиям концепцией демократии становится плюралистическая концепция. В соответствии с ней демократия представляет собой сделку и компромисс независимых интересов.

Партии, строя коалиции, защищают одни интересы от эксплуатации со стороны других интересов, т. е. становятся открытыми к любым интересам. Избирательные кампании превращаются в выбор команды лидеров, а не в борьбу идеологически и социально сгруппированных

интересов. Мэр и Кац подчеркивают, что «всеохватные партии» приобретают новые важные качества, несвойственные их предшественникам. Во-первых, положение партий как брокеров между гражданским обществом и государством предполагает, что партии начинают проявлять свои собственные интересы, отличные от интересов их клиентов. Более того, они способны брать вознаграждение за свои услуги. Во-вторых, способность партий выполнять брокерские работы зависит не только от их способности обращаться к электорату, но также от их способности манипулировать государством. Но если партия может манипулировать государством в интересах своих клиентов в гражданском обществе, она также способна манипулировать государством в своих собственных интересах (*Ibid*, p. 14).

Дальнейшее развитие партий идет в направлении все более тесной связи между партиями и государством, а также усилением связи между партиями. Возникающий тип «картельных партий» становится механизмом распределения государственных постов между профессиональными группами политиков, основывающимся на непосредственности связи политика и избирателя без участия партийной организации, на широкой коалиционной основе, на сокращении дистанции между лидерами и избирателями, на больших государственных субсидиях партийной деятельности и т. д. (*Beume*, 1996, pp. 145–146). Изменяются структуры электоральной конкуренции: они становятся определяемыми и регулируемыми. Конечно, партии продолжают конкурировать между собой за государственные посты, но, как подчеркивают Кац и Мэр, «они делают это, признавая, что они разделяют со своими конкурентами взаимный интерес в коллективном организационном выживании, и в некоторых случаях даже ограниченный стимул к соревнованию действительно заменяется позитивным стимулом не конкурировать» (*Katz, Mair*, 1995, p. 19–20). Кампании, проводимые «картельными партиями», становятся капитал-интенсивными, профессиональными и централизованными; партии всецело полагаются на ресурсы, поступающие от государства. Изменяется отношение между лидерами и партийными членами. Деятельность «картельных партий» приводит к тому, что различия между членами и нечленами партий становятся несущественными. Атомистическая концепция партийного членства основывается на возможности прямого контакта избирателя с лидерами, минуя посредническую роль партийных организаций. Усиливается самостоятельность местных партийных лидеров, а также их влияние на политику центра.

Картельные партии вызывают необходимость пересмотра нормативной модели демократии. Сущностью демократии становится способность избирателей выбирать из фиксированного числа политических партий. Партии становятся группами лидеров, которые

конкурируют за возможность занять правительственные посты и взять ответственность на предстоящих выборах за правительственную деятельность. Если ранее можно было говорить о четком разделении правящих и оппозиционных партий, то при картельном типе партии ни одна из значимых партий не может рассматриваться находящейся «вне власти». Неразличимость партийных программ делает ответственными за государственную политику все партии и в то же время понижает ответственность конкретной партии. Демократия, скорее, становится средством достижения социальной стабильности, а не социальных перемен.

Классификация партий Уолинетса. Новую типологию современных политических партий предложил известный компаративист Стивен Уолинетс в своей работе «Вне всеохватных партий: Подходы к изучению партий и партийной организации в современных демократиях» (Wolinetz, 2002, p. 136–165). Для существующих типов партий — *партии политики* (policy-seeking parties), *электоральные партии* (vote-seeking parties), *офисные партии* (office-seeking parties) — он использовал терминологию К. Строма, который говорил о таких партиях при изучении формирования коалиций. Уолинетс полагал, что ориентация партий является значимым фактором, определяющим их предпочтения, стили поведения, структуру и организацию.

Партии, ориентирующиеся на политику (*партии политики*), связаны с традиционным представлением о том, что такое политическая партия. Такие партии ориентируются на политические проблемы и выступают за определенное направление политики в различных областях общественной жизни, добиваясь ее реализации в случае, когда они приходят к власти. Как подчеркивает Уолинетс, под эту рубрику попадают не только партии с хорошо проработанной программой и/или идеологией, но и партии одного вопроса или протестные партии. Такие партии являются наследниками массовых партий, а из новейшей истории — это экологические партии и новые правые. Главной характеристикой партий, ориентирующихся на политику, является то, что они скорее отстаивают свои политические цели, чем пытаются завоевать голоса избирателей или стремятся сохранить за собой государственную власть. К таким партиям автор типологии относит социал-демократию, многие либеральные партии, христианско-демократические партии, крайне левые и правые партии.

Партии, ориентирующиеся на завоевание голосов избирателей (*электоральные партии*), свои действия и организацию подчиняют электоральному процессу. Они манипулируют своей идеологией, программными целями только для того, чтобы получить значительную поддержку на выборах. Если эти партии действуют в гетерогенном обществе и в условиях таких электоральных систем, которые обе-

спечивают весь выигрыш для победившей партии (как правило, плюральные и мажоритарные системы), то они, вероятно, будут иметь коалиционную структуру, обеспечивающую их выигрыш. В многопартийной системе такие партии подобны «всеохватным партиям» или «электорально-профессиональным партиям». Конечно, электоральные партии стремятся занять посты на всех уровнях управления в результате победы на выборах, но в организационном отношении такие партии прилагают минимум усилий для рекрутирования кандидатов для государственных постов. Эти партии полагаются на частные или правительственные фонды для финансирования капитал-интенсивных электоральных кампаний; они часто прибегают к услугам профессиональных менеджеров и консультантов. В качестве примера таких партий Уолинетс называет канадские политические партии, партии США, голлистов во Франции, Германский христианско-демократический союз.

К третьему типу партий относятся *офисные партии*, т. е. те, которые ориентируются скорее на сохранение своих мест в органах государственной власти даже в ущерб программным целям или поддержке избирателей. Они либо правят одни, либо разделяют власть с другими. Такие партии часто выступают элементом стабилизации в системе. Офисные партии избегают политических обязательств, которые могут сделать их нежелательными в качестве коалиционных партнеров. Их основная цель, определенная в контексте стабильной партийной системы, завоевать достаточное количество голосов для вхождения в коалицию. Уолинетс пишет, что такие партии могут существовать в различных формах. Одна форма такой партии, большой или маленькой, построена на патрон-клиентских сетях для получения длительных предпочтений. Другой тип может включать в себя маленькую партию в многопартийной системе, которая озабочена вхождением в коалицию для престижа, которым это вхождение сопровождается. Офисные партии не будут включать в свой состав людей с четкими политическими программами. В качестве примера к таким партиям можно отнести Христианско-исторический союз в Нидерландах, Либеральную и Республиканскую партии в Италии до 1993 г., даже итальянских Христианских демократов, которые строили свою коалиционную политику скорее для удержания постов, чем для решения политических задач.

Уолинетс разрабатывал свою типологию политических партий, учитывая возможность ее использования для эмпирических сравнительных исследований. Отсюда операционализация тех переменных, которые он считал значимыми для сравнения этих трех типов партий (см. табл. 41). Он выделяет четыре основные переменные: внутриполитические дебаты, допускаемое единство в политических позициях,

электоральные кампании и инфраструктуру поддержки политики. Для каждой переменной он выделяет соответствующие индикаторы, которые позволяют дифференцировать характеристики электоральных, офисных и политических партий.

Таблица 41

Операционализация переменных для трех типов партий Уолинетса

Возможные индикаторы	Партии политики	Электоральные партии	Офисные партии
Внутриполитические дебаты			
% времени на партийные собрания	Высокий	Низкий	Низкий
Характер дебатов	Интенсивный, затяжной, проблемный	Для формы, разрозненный, несфокусированный	Для формы, разрозненный, несфокусированный
Степень и уровень вовлечения	Экстенсивный; большинство партийных уровней вовлечено	Охватывает руководство или политические комитеты; разделенное	Охватывает руководство или политические комитеты; разделенное
Допускаемое единство в политических позициях	Высокое	Между средним и низким; изменяется в зависимости от позиций лидеров, электоральных условий	Между средним и низким
Электоральные кампании			
Определенность политической линии	Высокая	Варируется	Низкая
Определение стратегии	Связано с политической линией	Политика развивается для совпадения со стратегией максимизации голосов	Варируется, предпочтение для стратегий с низким риском
Использование новых электоральных технологий	От низкого к среднему уровню	Высокий уровень	От низкого к среднему уровню
Инфраструктура поддержки политики (т. е. исследовательские организации, мозговые центры и т. д.)	Имеются	Или минимальное количество, или в распоряжении лидеров, держателей офисов	Или минимальное количество, или в распоряжении лидеров, держателей офисов

15.3. Эмпирические типологии партийных систем

В исследовании партийных систем особую группу составляют эмпирические типологии. Они отличаются от теоретических типологий тем, что в основу типологизации кладутся признаки политических систем, которые наблюдаемы, измеряемы и проверяемы. При этом, естественно, эти типологии являются историческими в том смысле, что в них фиксируется состояние партийных систем различных стран, характерное для определенного более-менее точного временного периода.

Типология партийных систем Дюверже. Одной из первых подобных типологий выступила типология партийных систем Мориса Дюверже в работе «Политические партии» (Дюверже, 2000 [1951]). Она фиксировала партийные системы первой половины XX в. и подчинялась общей исследовательской задаче изучения соотношения партийных и электоральных систем. Дюверже выделяет три типа: *однопартийную, двухпартийную и многопартийную системы* (см. табл. 42). Внутри каждого типа возникают свои флуктуации, так что автор предпочитает говорить о той или иной системе во множественном числе. Так, *однопартийные системы*, имевшиеся в тот период в таких странах, как Италия, Германия, СССР, Турция, Португалия, отличались друг от друга по многим признакам идеологического, исторического, политического и т. п. характера. Хотя Германия и СССР характеризовались тоталитарными режимами, но даже здесь между однопартийными системами были различия. С другой стороны, эти страны с одной партией отличались от Турции (Республиканская партия народа) и Португалии («Национальное согласие»), где однопартийность была скорее данью историческому времени, чем доктринальной закономерностью. Дюверже проводит различия также между единственными партиями в государствах с демократическим прошлым (Германия, Италия) и в странах с авторитарным режимом, никогда не знавших подлинного плюрализма (СССР, Турция).

Двухпартийная система имеет свои исторические и институциональные условия формирования. В частности, Дюверже подчеркивает значение мажоритарных выборов в один тур для формирования подобных систем (см. раздел 15.7). Автор концепции различает английскую и американскую версии двухпартийности. Они отличаются по возможностям для формирования третьей политической партии, по структуре партий, по отношению к идеологиям. В зависимости от того, какие партии по их политико-идеологической ориентации составляют дуализм, Дюверже делит двухпартийность на консервативно-либеральную, консервативно-лейбористскую и консервативно-социалистическую. Наконец, если партии не оспаривают основные

устой существующего режима, то это — двухпартийность технического характера. Она наиболее устойчива. Если же борьба партий осуществляется вокруг самой природы политического режима, то это — двухпартийность сущностная.

Таблица 42

Реконструкция типологии партийных систем Дюверже

Однопартийные системы	Двухпартийные системы	Многopартийные системы
1) В тоталитарных (фашистская Германия, СССР) и нетоталитарных (но авторитарных) государствах (Турция, Португалия); 2) в государствах с демократическим прошлым (Италия, Германия) и без него (СССР, Турция); 3) законченная (СССР, фашистская Германия) и временная однопартийность (Турция, Португалия)	1) Английский и американский дуализм; 2) консервативно-либеральная, консервативно-лейбористская и консервативно-социалистическая двухпартийность; 3) двухпартийность технического характера и двухпартийность сущностная 	1) Трехпартийные системы (Австралия); 2) четырехпартийные системы (Швейцария, Канада); 3) полипартийные системы (Австро-Венгрия, Франция, Испанская республика, Веймарская республика в Германии) 
	Влияние плюральной электоральной системы (мажоритарное голосование в один тур)	Влияние мажоритарной (голосование в два тура) и пропорциональной электоральных систем

Многopартийные системы сложнее всего распределять на внутренние группы, так как между странами с одним и тем же количеством партий существует множество различий. И тем не менее все многopартийные системы разделяются Дюверже на трехпартийные, четырехпартийные и полипартийные. Трехпартийные системы возникают либо под влиянием скопления партий справа налево и наоборот при сохранении базовой дуалистической тенденции, либо под влиянием социальной дифференциации (политическое выражение интересов крестьянства наряду с интересами буржуазии и рабочего класса, например, в Австралии). Четырехпартийные системы возникают на основе движения крестьянской партии вправо и наложении ее на существующую консервативно-либерально-социалистическую трехпартийность. Полипартийные системы сложно поддаются внутренней классификации. Их истоками выступают этническое многообразие (этническая полипартийность в Чехословакии), тенденция консервативных партий к дифференциации, склонность латинских народов к личной оригинальности и некоторой анархичности. Многopартий-

ные системы стимулируются мажоритарным голосованием в два тура и пропорциональной электоральной системой.

Типология партийных систем Блонделя. Жан Блондель разработал свою типологию для партийных систем, ориентируясь на ситуацию 1944–1966 гг. (*Blondel, 1968*). Его типология привлекательна тем, что он одним из первых предложил конкретные эмпирические показатели для типологизации партийных систем, а введенные им понятия «двух-с-половинная партийная система» и «доминантная партия» стали общеупотребительными. При этом Блондель строил свою типологию на основе эмпирического анализа 19 развитых демократий. Он писал, что в качестве критериев типологизации можно брать число партий, их силу, место в идеологическом спектре, природу их поддержки, организацию и тип лидерства. Так как для изучаемой совокупности стран последние критерии не являлись основой дифференциации, то Блондель использует только первые три критерия. Операционализация включенных в анализ переменных базировалась на результатах выборов в парламент. Таким образом была выработана типология, состоящая из шести типов партийных систем.

Если голоса избирателей концентрировались вокруг двух партий и они получали на выборах 90% голосов и более, то такая система считалась *двухпартийной*. При этом сила партий определялась на основе анализа распределения голосов между двумя партиями. В соответствующей группе стран (Великобритания, США, Новая Зеландия, Австралия, Австрия) разница в доле голосов, полученных обеими партиями, была небольшой (в среднем 1,6%), что позволяло говорить о системе партийного баланса. По критерию места в идеологическом спектре данная группа стран не отличалась разнообразием. США демонстрировали чистый случай двухпартийности (консерваторы-либералы), другие страны были близки к ним, так как включали дуализм «консерваторы-социалисты», при том что социалисты провозглашали ценности свободы.

В том случае, когда доля голосов, полученных двумя партиями, равнялась 75–80%, а при этом существовала третья партия, влияющая на политический процесс, то такая система квалифицировалась как *трехпартийная система теоретически* или *двух-с-половинная партийная система* эмпирически. Блондель полагал, что если бы распределение голосов между тремя партиями было бы относительно равным, то в таком случае можно было бы говорить о совпадении теоретического и эмпирического подходов. Однако изучаемая группа стран не показывала такой результат. В таких странах, как Германия, Бельгия, Люксембург, Канада и Ирландия, наблюдались две большие партии, и была третья значимая политическая сила. При этом разница голосов между двумя партиями была большей, чем в двухпартийной

системе. Она достигала в среднем 10,5%. В идеологическом отношении данная группа стран демонстрировала определенное разнообразие. Здесь наблюдались два подтипа:

- 1) система с основными партиями слева и справа и значимая партия в центре (Германия, Бельгия, Люксембург);
- 2) система с основными партиями в центре и справа и значимая левая партия (Канада, Ирландия).

Особо выделялась *многопартийная система с доминантной партией*. В такой системе доминантная партия получала на выборах от 40 до 50% голосов, при этом почти в два раза больше, чем вторая партия. Такую систему имели Норвегия, Швеция, Дания, Исландия, Италия. По идеологическому критерию здесь выделялись два подтипа:

- 1) с доминантной социалистической партией и разделенным правым спектром (Норвегия, Швеция, Дания);
- 2) с доминантной правой партией и разделенным левым спектром (Исландия, Италия).

Наконец, в таких странах, как Нидерланды, Швейцария, Франция и Финляндия, существовали *многопартийные системы без доминантной партии*. В таких системах некоторые партии набирают около 25% голосов, другие же значительно меньше. Их распределение в идеологическом спектре разнообразно, и нигде не наблюдается какой-то значимой концентрации.

Типология партийных систем Сартори. В основе типологии партийных систем Джованни Сартори (*Sartori, 2008 [1976]*) лежат два основных критерия: уровень конкуренции в партийной системе и уровень поляризации партийных систем, т. е. смещение партийной конкуренции вправо, влево или в центр партийного противостояния (центробежные или центростремительные системы). Уровень партийной конкуренции определялся потребностью партий в коалиционном взаимодействии. При этом небольшие партии включались в рассмотрение, если они имели коалиционный потенциал или потенциал шантажа. Коалиционный потенциал партии определялся количеством мест в парламенте, позволявшем партии претендовать на участие в правительственной коалиции. Потенциал шантажа состоял в способности партии блокировать формирование тех или иных коалиций. Направленность партийной конкуренции выражала поляризацию партийной системы, т. е. смещение партийного спектра по идеологической шкале «левые—центр—правые». Соответственно, направленность конкуренции могла быть центробежной, если фокус конкуренции смещался в сторону правых или левых партий. Центростремительная конкуренция означала, что фокус борьбы находился в центристской части партийной системы.

Сартори выделяет три типа партийных систем: неконкурентные, конкурентные многопартийные (плюралистические) и атомизированные партийные системы. Неконкурентные партийные системы включают в себя однопартийные и гегемонистские партийные системы, в которых фактически отсутствует конкуренция, или преобладающие партийные системы, в которых одна партия регулярно получала большинство мест в парламенте, фактически подавляя другие партии. *Конкурентные многопартийные системы, или плюралистические системы*, характеризовались конкуренцией, однако можно было говорить о различных их классах в зависимости от направленности конкуренции. Здесь выделялись системы умеренного плюрализма с тремя-пятью партиями, в которых конкуренция имела центростремительную направленность. Фактически это были биполярные системы англосаксонского типа, либо системы с правоцентристскими и левоцентристскими коалициями. Партийные системы поляризованного плюрализма включали в себя шесть-восемь партий с центробежной направленностью конкуренции, где конкуренция происходила между партиями, не стремящимися занять центристскую позицию. В таких системах существовали центристские партии, но они были относительно слабыми. К тому же наличие антисистемных партий, которые конкурировали с центристскими партиями, заставляло центристские партии сдвигаться влево или вправо. Такие партийные системы характеризовались большими идеологическими различиями, «неответственной оппозицией» и политикой «чрезмерных обещаний». Наконец, выделялись *атомизированные партийные системы*, в которых множество партий конкурировали за места в парламент, но сила конкуренции была небольшой из-за фрагментированности системы. Такие системы были недостаточно структурированы и консолидированы.

Типология партийных систем Сиароффа. Канадский исследователь Алан Сиарофф разработал интересную типологию партийных систем в демократических странах, опираясь на результаты выборов и распределения мест в парламенте (*Siaroff, 2000; 2009*). Он считает, что классификация партийных систем определяется комбинацией следующих факторов при сравнении ряда последующих выборов:

- 1) средним числом партий, получивших по крайней мере 3% мест в парламенте;
- 2) средней величиной мест, полученных двумя наиболее значимыми партиями;
- 3) средней величиной соотношения мест, полученных первой и второй партиями;
- 4) средней величиной соотношения мест, полученных второй и третьей партиями.

Число партий с тремя и более процентами мест в парламенте позволяет осуществить общую классификацию, состоящую из следующих классов:

- 1) двухпартийная система;
- 2) умеренная многопартийной системы с тремя-пятью партиями;
- 3) крайняя многопартийная система с шестью-девятью партиями.

Факторы, касающиеся распределения мест и соотношения этого распределения для первой, второй и третьей партий, дают возможность автору классификации определиться с соотношением сил партий в парламенте: партийные системы с доминантной партией, с двумя главными партиями и с балансом между партиями. Концентрированным критерием классификации является показатель эффективного числа парламентских партий, на основании которого строится общая типологизация (см. табл. 43)

Таблица 43

Классификация партийных систем Сиароффа (2000)

Тип партийной системы	Эффективное число парламентских партий
Двухпартийная система	1,92
Двух-с-половинная партийная система	2,56
Умеренная многопартийность с одной доминантной партией	2,95
Умеренная многопартийность с двумя главными партиями	3,17
Умеренная многопартийность с балансом между основными партиями	3,69
Крайняя многопартийность с одной доминантной партией	3,96
Крайняя многопартийность с двумя основными партиями	4,41
Крайняя многопартийность с балансом между партиями	5,56

Двухпартийная система характеризуется большой долей мест, полученных двумя партиями (95% и выше), но она может быть конкурентной, когда одна партия сменяет другую у власти, и несбалансированной, если одна из партий длительное время находится у власти. Пример первой — США и Мальта. Пример второй — Ботсвана и ряд штатов в США. В *двух-с-половинной партийной системе* обычно существуют от трех до пяти партий, но имеются две большие партии, которые занимают более 80% мест. Между этими двумя партиями

существует небольшой разрыв в доле занимаемых мест, но ни одна из них не может завоевать большинство. Отсюда, у партий имеется стремление формировать коалиции с третьей партией, которая значительно слабее первых двух, но достаточно сильная, чтобы правительственная коалиция сформировалась. Примером таких стран являются Австралия, Западная Германия (до объединения), Канада в 1980-е гг. *Умеренная многопартийность* в целом характеризуется системой, состоящей из трех-пяти партий. Такая система может быть с доминирующей партией, с двумя главными партиями (менее 80% мест) или с балансом между основными партиями. К таким системам относятся Австрия, Германия, Мексика. *Крайне многопартийная система* насчитывает более шести партий, из которых одна может доминировать (крайняя многопартийность с доминантной партией), две партии выполняют основные функции, но ни одна из них не может самостоятельно сформировать коалицию с третьей партией, и, наконец, множество партий с относительно равномерным распределением мест (крайняя многопартийность с балансом между партиями). Примеры таких систем показывают Израиль, Бразилия, Бельгия, Нидерланды. В 2009 г. Сиарофф выделяет еще однопартийную преобладающую систему, которая характеризуется наличием слабого плюрализма, т. е. существованием нескольких партий, однако только одна из них имеет подавляющее большинство (Монголия в 2000 г., Гренада в 1999 г.).

15.4. Политические финансы

Государственное финансирование партийной деятельности в странах Запада начинается в середине 1960-х гг. (см. табл. 44). Хотя и ранее финансирование партийной деятельности привлекало внимание исследователей (*Heard, 1960*), но именно в 1960-е гг. начинается сравнительное изучение процессов, связанных с формированием политических финансов и их использованием в политической деятельности (*Heidenheimer, 1970*).

В 1980–1990-е гг. интерес к политическим финансам возрастает, что не в последнюю очередь определяется той ролью, которую финансы начинают играть в политической деятельности. Отметим здесь основные причины роста влияния политических финансов на деятельность политических партий.

Во-первых, отмечается серьезная зависимость деятельности современных партий от затрат на проведение различных кампаний, используя прежде всего электронные средства массовой информации. Как пишут Карл-Хайнц Нассмахер и Карл фон Оссиетцкий, «во многих исследованиях политических финансов в различных странах выдвигается понятие „лавина затрат“. Так как низовая политическая

активность, по-видимому, исчезает, политика и политики становятся все более и более зависимыми от электронных средств массовой информации. «Электорально-профессиональные» партии (Панебьянко) противодействуют эрозии их связей с гражданским обществом путем все возрастающей траты денег на кампании, на события, на профессиональные услуги и на оборудование» (*Nassmacher, Ossietzky, 2000*, р. 8). Коммерциализация деятельности выражает «принцип спектакля за деньги», который снижает роль партийной деятельности членов и повышает влияние политических консультантов. В этой связи изменяется природа партийной конкуренции, которая включает скорее соревнование лидеров в средствах массовой информации, а не традиционную конкуренцию партий.

Таблица 44

**Начало государственного финансирования партийных групп
в парламентах и политических партиях в странах Запада**

Страна	Парт. группы	Партии	Страна	Парт. группы	Партии
Австрия	1963	1973	Нидерланды	1964	1971
Бельгия	1971	1989	Великобритания	1975	нет
Ирландия	1973	нет	Швеция	1965	1965
Норвегия	1960	1970	Дания	1965	1987
Финляндия	1967	1967	Германия	1968	1959
Италия ²	1974	1974	США	1974	1974

Источник: *Katz, Mair, 1992*.

В 1993 г. партийные субсидии в Италии были упразднены на основании проведенного референдума.

Во-вторых, происходит процесс капитализации партийной деятельности, когда значение приобретают большие финансовые дотации в обмен на привилегии и оказание услуг. Это ведет к тому, что в рамках партийной деятельности все большую опасность приобретает коррупция и другие формы нелегального получения финансов. «Снижение роли традиционных средств партийного финансирования (членских взносов, добровольных пожертвований, мероприятий по сбору средств, лотерей), так же как и вложений от бизнеса и труда (в силу того, что политика становится менее идеологической), заставляет партии искать альтернативные и часто нелегальные источники для своих фондов» (*Pujas, Rhodes, 1999*, р. 46). Политические финансы партий складываются из различных источников. Конечно, резко упала доля финансов, получаемых за счет членских взносов. В этом отношении

партии перестали уделять особое внимание росту числа своих членов. Интересно, что развитие политических партий в посткоммунистических странах в этом отношении характеризуется той же тенденцией. Даже коммунистические и посткоммунистические партии, несмотря на большую сравнительно с другими партиями долю членских взносов в общих финансах, формируют свой бюджет из других источников. Так, в Болгарии в 1995 г. процент членских взносов в общем доходе Болгарской социалистической партии составлял 23,1%, Союза демократических сил — 6,87%; в Венгрии в 1995 г. эта цифра составляла для Венгерской социалистической партии 3,27%, для Венгерского демократического форума — 0,96%; в Польше Крестьянская партия в 1998 г. имела 0,42% от общего дохода за счет членских взносов, а Рабочий союз в 1997 — 2,09% (Walecki, 2000). Часто в переходных обществах финансирование партийной деятельности превращается в средство формирования новой богатой номенклатуры. Даниел Трейсмэн на основе анализа выборов в России делает вывод: «Деньги играют роль во всех электоральных системах. Но в переходных режимах... слабый контроль над финансами кампаний и коррупция часто сопровождается растущим экономическим неравенством и ростом новой богатой номенклатуры, что вызывает опасность плутократической консолидации посредством электоральной системы» (Treisman, 1998, p. 16).

В-третьих, современные партии, как уже отмечалось ранее применительно к «картельным партиям», становятся все более и более зависимыми от государства. Этому способствует и государственное финансирование политических партий. Этот процесс различается по странам, но общая тенденция отмечена для всех современных партийных систем. В таблице представлена информация о проценте государственных субсидий в общих партийных финансах по странам.

Таблица 45

Государственные субсидии партиям (% от общего партийного дохода)

	1966	1976	1986	1989
Швеция	50,6	59,1	61,4	47,1
Германия	—	49,8	63,0	73,6
Норвегия	—	53,1	55,2 ²	45,0
Италия	—	32,3	15,6	39,4
Австрия	—	40,9	20,8	25,1
Финляндия	—	69,0	82,7	84,3

Источник: Katz, Mair, 1992.

За 1987 г.

Из табл. 45 видно, что Финляндия, Германия и Швеция являются лидирующими странами в отношении финансирования партийной деятельности. Следует заметить, что именно эти страны, наряду с Италией и Израилем, относятся к странам с наибольшим затратами, приходящимися на одного избирателя (*Nassmacher, Ossietzky, 2000*, р. 9). Прямое финансирование партийной деятельности есть и в странах Центральной и Восточной Европы: Болгарии, Чехии, Венгрии, Литве, Польше, России. Но здесь оно не является решающим фактором формирования партийных финансов из-за финансовой слабости государств. Так, в Польше процент государственного финансирования Крестьянской партии составил всего 4,44%, а Союза свободы — 11,63% в 1998 г. (*Walecki, 2000*). Среди исследователей нет единого мнения относительно оценки влияния государственного финансирования на политические партии. Некоторые считают, что партии используют привилегированные позиции в государственных органах (законодательных и исполнительных) для получения денег для собственных нужд. Субсидии в этом смысле являются инструментом успешной кооптации партиями государства. Другие полагают, что государственное финансирование партий направлено на поддержание партийного статус-кво, т. е. направлено против формирования новых политических организаций. Третьи утверждают, что государственные финансы есть ответ на снижение массовости членства в партиях, а их расширение демобилизует активность партий в отношении пополнения своих членов.

15.5. Гражданское общество, типы партий и модели демократии

Изменение типа партий в Западной Европе и отчасти в других регионах мира связано с изменением характера демократического режима. Уже отмеченные характеристики моделей демократии позволяют говорить, что партиям и их взаимоотношениям принадлежит центральная роль в определении механизма политического участия, особенностей деятельности государства, выбора различных политических курсов и т. д. Неслучайно для классификации демократических политических систем в качестве необходимого критерия используют особенности партийных отношений. Обобщая материал о партиях и демократиях, мы представляем здесь следующую таблицу (см. табл. 46). В ней показана взаимосвязь гражданского общества, его видов, типа партии, модели демократии и основного принципа демократической организации. Конечно, в определенном смысле здесь представлены «идеальные типы», которые позволяют систематизировать наши представления об изучаемых феноменах. Вместе с тем они сформировались в со-

знании исторически, т. е. выражают содержание вполне конкретных исторических этапов в развитии политического мира, построенного на принципах партийно-государственной демократии.

Представляется, что элитная партия хорошо действует в условиях *ограниченной демократии* (или, по Далю, системы «закрытой гегемонии»), когда конкуренция элит проходит в пространстве ограниченного политического участия. Гражданское общество явно противопоставляет себя государству, базируется на автономии частной сферы, критически настроено и группируется по «клубному» принципу. Этот принцип организации гражданского общества в данном случае означает, что общество структурировано в относительно замкнутых, по большей части бизнес-профессиональных клубах, выходящих в публично-политическую сферу через своих продвинутых членов, составляющих наиболее образованную и активную группу. Хотя политика здесь еще не является профессией и бизнесом, но элитные партии еще формируются в сфере гражданского общества и обслуживают его интересы. Элиты борются за власть, представляя свои интересы в качестве всеобщих. Принципом демократичности системы здесь выступает не просто конкуренция элит, а смена их групп в руководстве государством. При этом конкуренция характеризуется публичностью, а элита — относительной открытостью.

Таблица 46

Гражданское общество, типы партий и модели демократии

Гражданское общество	Партия	Демократия	Основной принцип демократии
«Клубное»	Элитная	Ограниченная	Смена элит
Поляризованное	Массовая	Репрезентативная	Ответственность
Мозаичное	«Всеохватная»	Плюралистическая	Оппозиционность
Сетевое	«Картельная»	Консенсуальная	Легитимность

Массовая партия связана с *репрезентативной демократией*. Здесь присутствует не только конкуренция за власть, но и относительно широкое массовое участие, определяемое всеобщими выборами. Партии стремятся выразить определенные интересы социальных групп. Избранные лица и партии ответственны перед избирателями за свою политику. Гражданское общество здесь поляризовано; оно раскалывается на относительно устойчивые большие группы на основании собственности, религии, образования, поселения или иного признака. Оно объединяется посредством преимущественно партий, держащих в своих руках средства массовой информации. Идентификация со-

циальной группы с политической позицией репрезентативной партии становится важным условием политической мобилизации населения в ходе выборов. Естественно, что партии используют идентификационные механизмы для мобилизации своих сторонников на выборах и в повседневной политической борьбе.

«Всеохватная партия» может хорошо действовать в условиях *плюралистической демократии*, которая позволяет размывать идеологические и репрезентативные идентификации. Эта модель демократии позволяет различать партии и их программы только по принципу оппозиционности по отношению к властвующей партии или коалиции. При «всеохватных партиях» выборы не играют существенной роли в контроле над властью, а оппозиционность обеспечивает защиту прав меньшинства и контроль над правительственным большинством. Плюрализация гражданского общества подрывает условия политической идентификации. Здесь группы обособливаются и формируют аморфные движения, опереться на которые партии могут, только отказавшись от жесткой привязки своей политики к определенной идеологии. «Неотрайбализм», или «новые племена», составляют основу гражданского общества, энергия которого направлена на защиту самостоятельности существования. Подчеркнуто аполитический характер деятельности и мировоззрения этих групп вступает в противоречие с политической ангажированностью партий. Государство начинает контролировать партийную деятельность, используя политические партии для политической институционализации гражданских инициатив. Вместе с этим политические партии становятся все более зависимыми от государства, теряют свою самостоятельность и общественный характер.

«Картельные партии», неразличимые по политическим программам и являющиеся сообществами «государственных деятелей», предполагают *консенсуальную демократию*, т. е. такой набор правил политической игры, который бы признавался всеми и где все были бы согласны относительно некоторых исходных общественных ценностей, типа справедливости, свободы, рынка, прав личности и т. д. Здесь признаком демократии выступает легитимность политического порядка и его элементов как основа для сделки конкурирующих партий. Легитимность обеспечивается выборами и средствами массовой информации. Смена правящих элит, выборы и оппозиционность здесь не играют прежней роли в качестве показателей демократичности режима, так как элитные группы неразличимы, оппозиционность представляет собой составную характеристику политического истеблишмента любой направленности (даже близкие к правительству партии и лидеры используют часто козырь «оппозиционности» для тактической победы), выборы обеспечивают всем более-менее значи-

мым партийным группам вхождение во власть. Демократия превращается в процедуру легитимации политики партий, говорящих «мы сделаем лучше то, что они (и мы) предлагают». Важно отметить, что «картельные партии» действуют в условиях нового типа гражданского общества, которое можно обозначить как «сетевое». Гражданское общество, описанное через категорию «сеть», представляет собой комплекс множества общественных сетей, связи внутри которых возникают в результате ресурсной взаимозависимости между составляющими их социальными образованиями и которые формируются для решения определенных кооперативных задач. В отличие от плюралистического гражданского общества с мозаичной структурой относительно независимых гражданских ассоциаций сетевое гражданское общество включает в себя множество гражданских сетевых структур, которые взаимодействуют между собой и являются принципиально открытыми для такого взаимодействия. Политические партии с их ориентацией на предвыборную борьбу и на правительственную политику в этих условиях взаимодействуют с сетевыми структурами гражданского общества, скорее, являясь агентом государства. Проблема легитимации политики партий как раз и возникает в силу того, что политические партии формируют особое политическое общество наряду с гражданским обществом. Конечно, тот или иной тип сети гражданского общества модифицирует роль и назначение политических партий (*Голосов, Шевченко, 1999*), но в целом следует признать, что сетевая структура гражданского общества изменяет сам принцип демократических связей, заставляя политические партии и элиты находить новые каналы движения к государственной власти.

15.6. Альтернативные формы политической организации

Политическая картина современного мира была бы неполной, если бы не были отмечены тенденции, направленные в иную сторону, нежели развитие основных типов партий. Можно выделить следующие альтернативные картельным партиям формы политической организации: массовые движения, популистские партии правого и левого толка, неокорпоративизм.

Массовые движения, вышедшие на политическую арену в 1970-е гг., довольно хорошо описаны в литературе. Их вызов партиям заключался в критике институционализации политики, огосударствления политической организации, отрыва партий от исходных массовых интересов, узкой идентификации, заполитизированности (публичное против частного), элитарности и олигархизации. В настоящее время потенциал массовых движений не иссяк, и они продолжают оказывать суще-

ственное влияние на политическую мобилизацию населения для решения насущных проблем. Отмечаемый рост непартийной активности свидетельствует о снижении эффективности партийно-политической деятельности. В значительной мере протестная активность населения при решении отдельных вопросов («single-issue campaigns») определяется тем, что партии скорее ориентируются на усредненную политику и избегают решений противоречивых или неоднозначных проблем.

Более заметны на политическом поле популистские партии правого толка, которых в литературе называют неопопулистскими или «антиполитическими», «антиистеблишментскими» партиями. В последние годы «крайне правые» партии получали значительную поддержку населения на выборах, что не могло не сказаться на общей политической атмосфере в ряде западных стран. Приведем данные последних выборов в национальные или региональные парламенты, характеризующие влияние данных партий среди населения (см. табл. 47). Как свидетельствуют результаты выборов в национальные и территориальные парламенты, в ряде стран произошло увеличение процента голосов, отданных за крайне правые партии.

Таблица 47

Результаты недавних парламентских выборов

Страна	Название партии	Число голосов, %	Год выборов и уровень парламента
Австрия	Австрийская свободная партия	27	1999
Бельгия	Фламандский блок	16	1999, парламент Фландрии
Дания	Датская народная партия	7	1998
Франция	Национальный фронт	15	1997
Германия	Германский народный союз	13	1998, Ландтаг земли Саксония-Анхальт
Италия	Национальный альянс Северная лига	16 10	1996 1996
Норвегия	Прогрессивная партия	15	1997
Швейцария	Швейцарская народная партия	23	1999

Источник: *Eatwell, 2000*, p. 408.

Наиболее значительный вес приобрели Австрийская свободная партия, получившая 27% голосов избирателей в 1999 г., Швейцарская народная партия — 23% голосов в 1999 г., Национальный альянс в Ита-

лии — 16% голосов, полученных на парламентских выборах в 1996 г. Эти партии сумели приспособить свою политику к настроениям значительной части электората, недовольного старыми партиями (протестное голосование), тенденциями экономической и политической глобализации, миграционными процессами. Политика «национального предпочтения», поддержка идеи сильного государства, критика традиционных форм демократии сочетается в то же время с отказом от насилия внутри страны, что ведет к замене термина «радикально правые» применительно к этим партиям на «крайне правые». Все это создает новую конфигурацию для политических процессов и отношений в тех странах, где «антиполитические» партии приобретают большее значение, чем ранее.

Данные партии характеризуются следующими основными чертами. Во-первых, они противопоставляют себя политическим партиям, представляющим основной политический класс, и считают себя единственными силами, способными защитить интересы всего угнетенного народа. Все те партии, которые считают себя оппозиционными, как утверждают лидеры популистских партий, на деле таковыми не являются. Только партии типа Национального фронта во Франции, Национального действия в Швейцарии или ЛДПР в России якобы являются истинно оппозиционными. Во-вторых, подобные партии и их лидеры критикуют истеблишмент за рационализированную и онаученную риторику, выступая за необходимость «понятности» политики, ее соответствие здравому смыслу, за простоту решений. В-третьих, в своей деятельности они используют антиавторитарные мотивы, определяя существующую демократию как «фальшивую», «авторитарную». Их моральный код базируется на противопоставлении хорошего общества и плохой политики, «хороших низов» и «плохих верхов». В-четвертых, критика больших партий сопровождается подчеркиванием своей маргинальности, периферийности, несистемности. Небольшой размер этих партий зачастую трактуется то как показатель их «новизны», то как свидетельство их «невинности» относительно «грязной» большой политики. В-пятых, «антиполитические партии» атакуют современную политику, используя агрессивный стиль оппозиционной борьбы; они предпочитают не согласие, а постоянную конфронтацию. Данные партии не признают компромиссов и ратуют за «новую демократию». Они рассматривают себя в качестве «жертв» современной политики властвующих элит, которые не только якобы манипулируют народом, но и подавляют всякую живую альтернативу. В-шестых, идеологической основой подобных партий выступает «харизматический популизм» (*Schedler, 1996, p. 301–302*):

- 1) идея перемен сочетается с образом единственного героя, ратующего за них;

- 2) антиинституциональная идея и рассмотрение себя в качестве широкого движения сочетаются с подчеркиванием значения лидерства;
- 3) афишируются идеи «неполитического» человека, «неполитического» языка; часто используются архаические символы и эксплуатируются формы культурной, спортивной, «ресторанной» или увеселительной лексики и кампаний.

Третьим направлением, выделившимся в критике современной партийной демократии, являются «корпоратизм» и «неокорпоратизм». Активное исследование современного корпоратизма было стимулировано статьей Филиппа Шмиттера «Все ли еще век корпоратизма?» (*Schmitter, 1974*). Представленный ассоциациями рабочих, сельских тружеников, предпринимателей, работников других профессиональных и социальных групп, тесно связанных с государством, «неокорпоратизм» стал рассматриваться некоторыми исследователями в качестве замены (или важного дополнения) партийной демократии и прямого контакта групп интересов с партийным государством. Корпоративная демократия, как и демократическая модель с картельными партиями, ориентируется на поддержание стабильности, но в отличие от последней базируется скорее на праве, чем на политике. Как пишет Филипп Шмиттер: «По сей день связь между корпоратизмом и демократией остается „существенно противоречивой“» (*Schmitter 1992, р. 167*). Хотя значение корпоратизма велико и в «старых» демократиях, но оно значительно повышается в странах консолидирующихся демократий третьей волны.

15.7. Эмпирический анализ партийных систем

Изучение партийных систем в сравнительной политологии на эмпирическом уровне строится как поиск зависимостей между партийными системами на электоральном или парламентском уровнях и факторами электоральной, социальной и государственной систем. Хотя все официально зарегистрированные партии входят в политическую систему, но их число как действительных политических акторов резко уменьшается в процессе выборов и распределения мест в парламентах. Более того, даже оказываясь на электоральном уровне и в парламенте, не все партии являются действенными, или эффективными. Изучается также вопрос о факторах, определяющих уровень партийной раздробленности парламентов (или фракционализации парламентов). Приведем несколько примеров эмпирического анализа подобного рода.

Исследование условий фракционализации парламентов. Политический плюрализм как показатель демократичности системы

имеет границы, переход за которые грозит ее устойчивости. Потому в сравнительной политологии проблема раздробленности политических структур занимает важное место. Изучаются не только показатели дифференциации партийных систем, парламентов, но и пытаются определить причины, влияющие на величину политической дифференциации. Одним из исследований подобного рода было изучение Пауэллом партийной фракционализации парламентов в 27 странах (84 случая выборов) за период 1965–1976 гг. (Powell, 1982). В качестве факторов, определяющих уровень раздробленности парламентов, он выделяет особенности электоральной системы, социальную дифференциацию общества и форму государственного правления. В этом исследовании Пауэлл исходит из того, что уровень партийной фракционализации парламентов определяется уровнем раздробленности социальных структур, так как партии представляют особые интересы и проводят их в парламент через процесс делегирования. Важным фактором числа партий в парламенте является характер избирательной системы. Еще в 1950-е гг. Морис Дюверже установил, что избирательные системы обладают различной силой, влияющей на партийные системы. Самой сильной считается плюральная система выборов (или мажоритарная в один тур), которая ведет к становлению фактически двухпартийной системы; хотя на самом деле имеются и другие политические партии помимо двух, но они не играют значительной роли и не определяют политический процесс. Третьим фактором влияния оказывается президентская система государственного правления, при которой президент избирается прямым или косвенным голосованием населения. Операционализация выделенных переменных осуществляется в этом исследовании следующим образом.

В качестве *зависимой переменной* выступает фракционализация парламента, которая определяется специальным индексом — индексом RAE. Индекс фракционализации фиксирует раздробленность парламента и измеряется как разность между единицей и суммой квадратов долей мест, занятых *i*-й партией в парламенте.

Индекс $RAE = 1 - \sum S_i$, где S_i — доля мест *i*-й партии в парламенте.

Данный индекс был предложен Дугласом Рэйем в его книге «Политические условия электорального права» (Rae, 1971) — первом систематическом сравнительном исследовании воздействия электоральных систем на партийную систему.

Приведем конкретный пример использования *индекса RAE*.

Выборы в Бундестаг в ФРГ в марте 1983 г. дали следующее распределение голосов и мест в нижней палате парламента (см. табл. 48).

Индекс $RAE = 1 - (0,24 + 0,15 + 0,005 + 0,003) = 1 - 0,4 = 0,6$.

По сравнению, например, с Японией (индекс $RAE = 0,67$ для выборов 1983 г.), в ФРГ уровень партийной фракционализации парламента

ниже, но он выше, чем в США (0,49 — для выборов 1984 г. в палату представителей).

Таблица 48

**Распределение голосов избирателей и мест
в парламенте в ФРГ (1983)**

Партии	Доля голосов, % ⁵	Число мест	Доля мест, %
Христианско-демократический союз/ Христианско-социальный союз	48,8	244	49,0
Социал-демократическая партия	38,2	193	38,8
Свободная демократическая партия	7,0	3	6,8
«Зеленые»	5,6	27	5,4
Национально-демократическая партия	0,2	0	0
Коммунистическая партия	0,2	0	0
Другие	0,1	0	0
Итого:	100	498	100

Источник: *Leonard, Natkiel, 1986*, р. 49.

Независимые переменные в исследовании Пауэлла, т. е. воздействующие факторы, выражались следующими индикаторами.

Этническая дифференциация: подсчитывалась также с помощью индекса *RAE*.

Индекс $RAE = 1 - \sum g_i$, где g_i — доля i -й этнической группы в составе населения.

Индекс сельскохозяйственного населения: для его измерения использовалась шкала от 1 до 3. Она сопоставлялась с долей сельскохозяйственного населения следующим образом:

- ✦ 5–19% сельскохозяйственного населения — 1;
- ✦ 20–49% сельскохозяйственного населения — 2;
- ✦ 50–80% сельскохозяйственного населения — 3.

Индекс католического населения: для его измерения использовалась шкала от 1 до 3. Она сопоставлялась с долей католического населения аналогично предыдущему индексу:

- ✦ 5–19% католического населения — 1;
- ✦ 20–49% католического населения — 2;
- ✦ 50–80% католического населения — 3.

«Сила» электоральной системы подсчитывалась по шкале от 1 до 3. Баллы шкалы сопоставлялись с видом электоральной системы следующим образом:

- ✦ плюральная система выборов при одномандатных округах — 3;
- ✦ смешанная система — 2;
- ✦ пропорциональная система — 1.

Форма государственного правления оценивалась по шкале 0 — 1:

- ✦ президентская форма государственного правления — 1;
- ✦ другие — 0.

Используя множественную регрессию, автор сделал вывод, что фракционализация парламента поощряется следующими условиями: немажоритарными электоральными системами, всеми видами дифференциации, президентской системой государственного правления.

Исследования эффективного числа электоральных и парламентских партий. Исследование электорального процесса в многопартийных системах показало, что не все партии оказывают влияние на ход выборов и не все из них значимы для избирателя. В свою очередь, распределение мест в парламенте модифицировало распределение власти и влияние уже парламентских партий на деятельность представительных органов. Фактически влияние на государственную политику и законотворческий процесс ограничивалось неким, так называемым «эффективным числом» партий, которое было меньшим, чем общее число партий, участвовавших в выборах. Впервые индекс «эффективного числа партий» был предложен Макку Лааксо и Рейном Таагепера в 1979 г. (*Laakso, Taagepera, 1979*). По мнению авторов, преимущество использования эффективного, а не действительного числа партий состоит в том, что оно предоставляет точный способ для различения между значимыми и менее значимыми партиями. Формула индекса такова, что каждая партия «взвешивается» посредством возведения в квадрат ее доли. Очень маленькие партии представлены в индексе слабо, а большие вносят в него еще больший вклад. Формула, которую они предложили, была следующей:

$$N = 1 / \sum_{i=1}^n p_i^2,$$

где N — эффективное число партий, p_i — доля мест (или голосов), полученных i -й партией.

Эффективное число партий измеряется как частное от деления единицы на сумму квадратов долей голосов избирателей (мест в парламенте) каждой партии.

Следует заметить, что этот индекс измеряет дисперсию номинальных переменных. Его статистический смысл состоит в том, что он характеризует степень концентрации случаев вокруг центральной тенденции в исследуемой переменной, измеряемой таким показателем, как *мода*. В политическую науку эта мера приходит из экономической литературы, в которой в начале 1960-х гг. описываются измерения концентрации фирм в индустриальной отрасли с помощью индекса Херфиндала (*Herfindahl-index*). Номинальная мера дисперсии достигает своего минимума, когда имеется только одна фирма или партия. Отсюда, минимальная оценка меры концентрации составляет 1. Если бы все фирмы или партии обладали равной значимостью, то максимальная дисперсия для номинальной переменной с n фирмами или партиями равнялась бы n .

Затем исследователи-компаративисты решили подсчитать это «эффективное число» применительно к избирательному процессу и к распределению мест в парламенте. Они предложили такие показатели, как эффективное число электоральных партий (effective number of party votes — ENPV) и эффективное число парламентских партий (effective number of party seats — ENPS), которые характеризовали число партий, оказывающих наибольшее влияние на политический процесс. В качестве зависимых переменных эти показатели берутся многими исследователями. Данные переменные измеряются следующими индексами:

Эффективное число электоральных партий (ENPV):

$$ENRV = 1 / \sum_{i=1}^n v_i^2,$$

где v_i — доля голосов, полученных i -й партией на выборах.

Эффективное число парламентских партий (ENPS):

$$ENRS = 1 / \sum_{i=1}^n s_i^2,$$

где s_i — доля мест в парламенте, полученных i -й партией.

Пример. Подсчитаем эффективное число электоральных и парламентских партий для результатов парламентских выборов в Финляндии в марте 1983 г. Данные выборов приведены в табл. 49.

Как видно из расчетов, эффективное число парламентских партий в Финляндии в 1983 г. было меньшим, чем эффективное число электоральных партий, хотя и ненамного.

Таблица 49

Результаты парламентских выборов в Финляндии (1983 г.)

Партии	Число голосов	%	Число мест	%
Социал-демократическая партия	795,953	26,7	57	28,5
Национально-коалиционная партия	659,078	22,1	44	22,0
Партия центра ¹	525,207	17,6	38	19,0
Народный демократический союз	416,270	13,8	27	13,5
Сельская партия	288,711	9,7	17	8,5
Шведская народная партия	146,881	4,9	11	5,5
Христианский союз	90,410	3,0	3	1,5
Конституциональная партия	11,104	0,4	1	0,5
«Зеленые»	42,045	1,4	2	1,0
Другие	4,035	0,1	0	0,0
Всего	2,979,694		200	

Источник: *Leonard, Natkiel, 1986, p. 49.*

$$\begin{aligned} \text{ENPV} &= 1/(0,267^2 + 0,221^2 + 0,176^2 + 0,138^2 + 0,097^2 + 0,049^2 + \\ &+ 0,03^2 + 0,004^2 + 0,014^2 + 0,001^2) = 1/(0,0713 + 0,0448 + 0,031 + + \\ &0,019 + 0,0094 + 0,0024 + 0,0009 + 0,0 + 0,0002 + 0,0) = \\ &= 1/0,183 = \mathbf{5,46} \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} \text{ENPS} &= 1/(0,285^2 + 0,22^2 + 0,19^2 + 0,135^2 + 0,085^2 + 0,055^2 + \\ &0,015^2 + 0,005^2 + 0,01^2) = 1/(0,0812 + 0,0484 + 0,0361 + 0,0182 + \\ &+ 0,0072 + 0,003 + 0,0002 + 0,0 + 0,0001) = 1/0,1944 = \mathbf{5,14} \end{aligned}$$

Это связано с тем, что в Финляндии парламент избирается на основе пропорционального представительства с использованием формулы D'Hondt при распределении мест. В других странах разница между ENPV и ENPS может быть большей. Так, во Франции в 1981 г. эффективное число электоральных партий составляло 4,13, а эффективное число парламентских партий — 2,68. Дело в том, что до 1986 г. во Франции существовала мажоритарная система выборов нижней палаты парламента, предполагающая для победы более 50% голосов избирателей и два тура голосования, если в первом ни один из кандидатов не набирает необходимой доли голосов. Различие между этими двумя показателями может также определяться значительным политическим плюрализмом, системой распределения мест в парламенте, наличием значительных избирательных порогов для политических партий и т. д.

Индексы диспропорциональности. В практике сравнительных исследований используются специальные измерители диспропорциональности, которая существует в различных политических системах между распределением голосов на выборах и распределением мест в представительных органах власти. При том, что существует трудность в соблюдении пропорциональности как бы изначально, тем не менее на нее оказывают влияние избирательные системы и способы расчета голосов. Существуют два широко используемых индекса диспропорциональности. Первый был разработан Дугласом Рэем (*Rae, 1971*, р. 84–86). Этот индекс (I) основывается на подсчете модульной разницы между процентом голосов и процентом мест всех партий, которые набрали по крайней мере полпроцента голосов, суммирования этой разницы и нахождения средней величины, которая и является показателем диспропорциональности. Индекс показывает средний процент сверхпредставленных и недопредставленных избирателей, приходящихся на одну электоральную партию. Чем выше эта величина, тем большая диспропорциональность наблюдается в системе.

$$I = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n |v_i - s_i|$$

где n — число партий, v_i — процент голосов, полученных i -й партией, s_i — процент мест, полученных i -й партией.

Второй индекс диспропорциональности (D) предложен Джоном Лусмором и Виктором Ханди. Индекс основывается на другой идее: сумма отклонений между полученными голосами и местами для сверхпредставленных в парламенте партий будет той же самой, что и сумма соответствующих отклонений для недопредставленных в парламенте партий. Отсюда, общую модульную величину суммы отклонений они делят на два. Индекс диспропорциональности приобретает у них следующую форму:

$$D = \frac{1}{2} \sum_{i=1}^n |v_i - s_i|$$

где n — число партий, v_i — процент голосов, полученных i -й партией, s_i — процент мест, полученных i -й партией.

Этот индекс фиксирует процент избирателей, недопредставленных или сверхпредставленных в парламенте. Большая величина показывает большую диспропорциональность. Иногда для того, чтобы уменьшить влияние маленьких партий на показатель диспропорциональности (так как для сравнения более значима диспропорциональность в представительстве больших партий), используют квадратичный индекс диспропорциональности. Существо последнего состоит в том,

что разницу в доле голосов и мест возводят в квадрат, суммируют полученный результат, делят его на два, а затем извлекают корень квадратный из полученного результата (*Moser, 1999, p. 370*). Формула данного индекса диспропорциональности следующая:

$$LSq = \sqrt{\frac{1}{2} \sum (v_i - s_i)^2},$$

где LSq — квадратичный индекс диспропорциональности, v_i — процент голосов, полученных i -й партией на выборах, s_i — процент мест, полученных i -й партией в парламенте.

Как свидетельствует практика сравнительных исследований партийных систем, первый индекс диспропорциональности очень чувствителен к маленьким партиям и в действительности преувеличивает пропорциональность пропорциональной системы выборов. Второй индекс чувствителен к числу партий, участвующих в выборах, а потому склонен недооценивать пропорциональность пропорциональной системы выборов. Для того чтобы избежать слабостей обоих индексов, Лейпхарт предложил индекс диспропорциональности как среднюю величину суммы отклонений между процентом полученных голосов и мест в парламенте двух наибольших партий (*Lijphart, 1984, p. 163*).

Сравним показатели диспропорциональности для трех стран, учитывая, что в ФРГ имеется смешанная избирательная система, в Финляндии — пропорциональная, а в Канаде — плюральная, т. е. по относительному большинству голосов. Таблицы распределения голосов и мест в парламентах ФРГ и Финляндии приведены выше. Покажем подобное распределение для Канады на выборах в Палату общин (нижняя палата парламента) в 1984 г. (см. табл. 50).

Таблица 50

Результаты выборов в Палату общин Канады в сентябре 1984 г.

Партии	Голоса	%	Места	%
Прогрессивная консервативная партия	6 276 530	50,0	211	74,8
Либеральная партия	3 516 173	28,0	40	14,2
Новая демократическая партия	2 358 676	18,8	30	10,6
Другие	394 594	3,1	1	0,4
Всего	12 545 973		282	

Источник: *Leonard, Natkiel, 1986, p. 25*.

Подсчитаем модульную сумму отклонений процентов голосов и мест для каждой страны, а затем вычислим индексы диспропорциональности I , D , Лейпхарта и LSq .

Германия:

$$I = (1/n) \sum |v_i - s_i| = (|48,8 - 49,9| + |38,2 - 38,8| + |7,0 - 6,8| + |5,6 - 5,4|)/4 = (1,1 + 0,6 + 0,2 + 0,2)/4 = 2,1/4 = \mathbf{0,53}$$

$$D = (1/2) \sum |v_i - s_i| = (2,1 + 0,2 + 0,2 + 0,1)/2 = 2,6/2 = \mathbf{1,3}$$

$$\text{Индекс Лейпхарта} = 1,7/2 = \mathbf{0,85}$$

$$LSq = \sqrt{((1,21 + 0,36 + 0,04 + 0,04 + 0,04 + 0,04 + 0,01)/2)} = \mathbf{0,93}$$

Финляндия:

$$I = (1/n) \sum |v_i - s_i| = (|26,7 - 28,5| + |22,1 - 22,0| + |17,6 - 19,0| + |13,8 - 13,5| + |9,7 - 8,5| + |4,9 - 5,5| + |3,0 - 1,5| + |1,4 - 1,0|)/8 = (1,8 + 0,1 + 1,4 + 0,3 + 1,2 + 0,6 + 1,5 + 0,4)/8 = 7,3/8 = \mathbf{0,9}$$

$$D = (1/2) \sum |v_i - s_i| = (7,3 + 0,1)/2 = 7,4/2 = \mathbf{3,7}$$

$$\text{Индекс Лейпхарта} = 1,8 + 0,1/2 = 1,9/2 = \mathbf{0,95}$$

$$LSq = \sqrt{((3,24 + 0,01 + 1,96 + 0,09 + 1,44 + 0,36 + 2,25 + 0,16 + 0,01)/2)} = \mathbf{2,2}$$

Канада:

$$I = (1/n) \sum |v_i - s_i| = (|50,0 - 74,8| + |28,0 - 14,2| + |18,8 - 10,6| + |3,1 - 0,4|)/4 = (24,8 + 13,8 + 8,2 + 2,7)/4 = 49,5/4 = \mathbf{12,4}$$

$$D = (1/2) \sum |v_i - s_i| = 49,5/2 = \mathbf{24,8}$$

$$\text{Индекс Лейпхарта} = 38,6/2 = \mathbf{19,3}$$

$$LSq = \sqrt{((615,04 + 190,44 + 67,24 + 7,29)/2)} = \mathbf{21}$$

Сравнение полученных показателей диспропорциональности свидетельствует, что смешанные системы и пропорциональные системы в принципе незначительно отличаются друг от друга по репрезентативности выборов. В Германии индексы диспропорциональности I , D , Лейпхарта и LSq составили соответственно 0,53; 1,3; 0,85 и 0,93; в Финляндии соответственно — 0,9; 3,7; 0,95 и 2,2. Что же касается плюральной системы в Канаде, то она дает высокие показатели диспропорциональности — соответственно 12,4; 24,8; 19,3 и 21. В целом здесь 24,8% избирателей оказались недопредставленными в парламенте, т. е. не имеют там своих представителей. Прогрессивно-консервативная партия Канады, завоевав 50% голосов избирателей,

получила почти 75% мест, тогда как Либеральная партия получила в два раза меньше мест, чем голосов избирателей. Подобная ситуация с плюральными выборами хорошо известна, но индексы диспропорциональности позволяют не только наглядно продемонстрировать недостатки этой системы, но и могут быть применены при эмпирическом обследовании и других условий партийной системы и парламентаризма.

Исследование условий, определяющих партийные системы. Для изучения факторов, которые определяют количественные параметры партийных систем, в сравнительной политологии используются следующие теоретические модели. Во-первых, ряд исследователей основывается на том, что получило наименование «закона Дюверже»: «система простого большинства с одним туром [т. е. с правилом относительного большинства при одномандатных округах] благоприятствует двухпартийной системе» (*Duverger, 1954*, р. 217). Здесь основным фактором выступает характер партийной системы, а логика этого подхода состоит в том, что избиратели при подобной избирательной системе скорее будут голосовать за потенциальных победителей, чем за третьи партии, а лидеры партий будут стремиться к коалициям либо наращивать потенциал собственной партии для завоевания большинства голосов. Эта модель заложила основу для так называемого институционального подхода при изучении партийных систем, когда условиями разнообразия выступают не только избирательные системы, но и другие институциональные факторы — политические режимы, формы государства, нормы правового регулирования партийных систем и т. д. Во-вторых, ряд исследователей при изучении партийных систем используют модель «стабилизации европейских партийных систем», предложенную Липсетом и Рокканом в 1967 г. (*Lipset, Rokkan, 1967*). В соответствии с ней на партийные системы европейских стран в значительной мере влияют те социально определенные структуры политической конкуренции, которые сложились еще в 1920-е гг. В Европе партийные системы отражают некое социальное равновесие, характерное для отношений между различными группами населения. Данная модель послужила основанием поиска различных социальных причин, определяющих партийные системы, прежде всего факторов, связанных с социальной дифференциацией, т. е. так называемых «клевиджей», или расколов. В-третьих, некоторые исследователи пытаются объединить данные институциональные и социальные модели в одну теоретическую конструкцию. При этом цели исследования партийных систем определяют выбор независимых переменных — институциональных и социальных. Так, Октавио Нето и Гари Кокс выделяют следующие основные гипотезы и в соот-

ветствии с ними строят систему независимых переменных (*Neto, Cox, 1997*, р. 149–174):

1. Существует взаимосвязь между социальной дифференциацией и избирательными системами, которая оказывает влияние на эффективное число электоральных партий.
2. Существует взаимосвязь между парламентскими выборами и выборами президента в президентской системе.
3. Существует взаимосвязь между эффективным числом парламентских партий и эффективным числом электоральных партий.
4. Существует взаимосвязь между эффективным числом парламентских партий и значимостью выборов депутатов по национальному списку.

Для исследования данных гипотез были предложены следующие независимые переменные.

1. *Значимость электоральных округов.*

Значимость электоральных округов часто определяется через показатель средней величины электоральных округов. Под величиной округа понимается число мандатов, имеющихся в округе. Так, например, если в Финляндии 200 членов парламента избираются в 15 многомандатных округах, число мандатов в которых колеблется от 1 до 27, то средняя величина электорального округа здесь составит 13,3. Так как разница в количестве мандатов между округами достигает иногда нескольких десятков единиц, то для более точного определения значимости электорального округа используют не средние величины, а медианные показатели. В случае с Финляндией данный показатель составит 17, так как 50% депутатов избираются в округах с мандатами 17 и выше, остальные 50% — в округах ниже 17. В обзоре нами исследовании авторы пользуются медианными показателями и определяют значимость электорального округа как десятичный логарифм медианной величины округа по выборам в законодательный орган (*LML — the logarithm of the median legislator's district's magnitude*).

$$LML = \lg M,$$

где M — медианная величина электорального округа.

2. *Значимость выборов депутатов по общенациональному списку.*

В ряде стран наряду с обычными избирательными округами имеются общенациональные округа и, соответственно, общенациональные списки кандидатов в депутаты (см. табл. 51). Подобная ситуация накладывает отпечаток на характер партийной системы

и взаимоотношения партий на общенациональном уровне. Им приходится использовать двойную тактику: на местном и общенациональном уровнях. Маленькие партии в этом случае не могут конкурировать с большими в общенациональных округах, что само собой приводит к укрупнению партий. К тому же победа в общенациональных округах повышает легитимность партии.

Таблица 51

Места в парламентах (нижних палатах), распределенные по результатам голосования по общенациональным избирательным округам

Страна	Дата выборов	Количество депутатов, всего	Депутаты, избранные по общенациональным избирательным округам	
			Количество	%
Австрия	1986	183	21	11,4
Бельгия	1985	212	85	40,0
Венесуэла	1983	200	18	9,0
Германия	1983	498	248	49,8
Греция	1985	232	56	24,1
Исландия	1983	60	11	18,3
Италия	1983	630	72	11,4
Россия	1995	450	225	50,0
Уругвай	1989	99	27	27,2
Чехия	1990	101	5	5,0

Источник: *Neto, Cox, 1997*, p. 171.

Значимость выборов депутатов по общенациональному избирательному округу фиксируется индексом UPPER (upper-tier variable), который подсчитывается как процент депутатов, избираемых по общенациональному округу.

3. *Близость президентских и парламентских выборов.*

В президентских и полупрезидентских республиках партии вовлекаются в состязание за голоса избирателей не только на выборах членов парламента, но и на выборах президента. Естественно, что стратегия и тактика избирательной борьбы здесь имеет существенные отличия. Вместе с тем победа или поражение на президентских выборах сказывается и на выборах в парламент (и наоборот), особенно когда по времени президентские и парламентские кампании совпадают. Данный фактор следует учитывать при исследовании партийных

систем. Предложенный Нето и Коксом индекс близости президентских и парламентских выборов (PROXIMITY) подсчитывается по следующей формуле:

$$PROXIMITY = \left| 2 \frac{(L_j - P_{j-1})}{(P_{j+1} - P_{j-1})} - 1/2 \right|,$$

где L_j — дата парламентских выборов, P_{j-1} — дата предыдущих президентских выборов, P_{j+1} — дата последующих президентских выборов.

Эта формула выражает соотношение времени, прошедшего между предыдущими президентскими выборами и парламентскими выборами ($L_j - P_{j-1}$), и президентского срока правления ($P_{j+1} - P_{j-1}$). Вычитая $1/2$ из этого прошедшего времени и затем считая модульную величину, мы получаем результат, который показывает, как далеко от середины срока президентских выборов отстоят выборы парламентские. Логика этой формулы следующая: наименее близкие к президентским те парламентские выборы, которые располагаются в середине срока президентского правления.

Пример. Подсчитаем значение данного индекса для Финляндии. Если в Финляндии выборы в парламент состоялись в марте 1983 г., президентские выборы состоялись в январе 1982 г., следующие президентские выборы состоятся в январе 1988 г., т. е. президентский срок составляет шесть лет, тогда

$$PROXIMITY = \left| 2 \frac{3,83 - 1,82}{1,88 - 1,82} - 1/2 \right| = \left| 14/72 - 1/2 \right| = 0,61,$$

Если нулевой показатель свидетельствует о полной изоляции парламентских выборов в непрезидентских системах, единица говорит о полном совпадении сроков, то 0,61 указывает, что парламентские выборы отстоят от середины президентских на две трети этого срока.

* * *

Подобные эмпирические исследования, конечно, не раскрывают всего многообразия условий, определяющих конфигурацию партийных систем; они скорее говорят о статистической зависимости, а не о детерминации, хотя последнее нельзя сбрасывать со счета. Эмпирический анализ пока в целом базируется на прежнем представлении о плюралистическом характере демократии и массовых партиях и в меньшей степени учитывает (или не учитывает вовсе) существенные перемены, происходящие в партийной демократии. Особенно это

касается таких вопросов, как репрезентация социальных интересов, роль средств массовой информации, легитимизационная функция выборов, предпринимательский характер партийного лидерства и т. д.

Основные понятия

Политическая партия, классификация политических партий, партийные системы, типологии партийных систем, эффективное число партий, индекс диспропорциональности, значимость электорального округа, индекс близости президентских и парламентских выборов.

Основная литература

- Дюверже М.* Политические партии. — М.: Академический проект, 2000.
- Острогорский М. Я.* Демократия и политические партии. — М.: РОССПЭН, 1997.
- Партии и выборы. Хрестоматия: В 2 ч. — М.: ИНИОН, 2004.
- Политическая наука. №1: Политические партии и партийные системы в современном мире. — М.: ИНИОН, 2006.
- Теория и методы в современной политической науке / Под ред. Ст. Ларсена. — М.: РОССПЭН, 2009.
- Теория партий и партийных систем. Хрестоматия / Под ред. Б. А. Исаева. — М.: Аспект-пресс, 2008.

Дополнительная литература

- Алескеров Ф. Т., Ортешук П.* Выборы. Голосование. Партии. — М.: Academia, 1995.
- Ачкасов В. А.* Сравнительная политология. — М.: Аспект-пресс, 2011.
- Голосов Г. В.* Партийные системы России и стран Восточной Европы. — М., 1999.
- Голосов Г. В.* Сравнительная политология. — СПб.: Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2001.
- Голосов Г. В., Мелешкина Е. Ю.* Политические партии и выборы: Учебное пособие. — СПб.: Изд. «Борей-Арт», 2001.
- Заславский С. Е.* Основы теории политических партий. — М.: Европа, 2007.
- Исаев Б. А.* Теория партий и партийных систем. — М.: Аспект-пресс, 2008.
- Национализм и популизм в Восточной Европе. — М.: ИНИОН, 2007.
- Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства / Под ред. Е. Ю. Мелешкиной. — М.: ИНИОН, 2009.
- Щербакова Ю. А.* Политический плюрализм и демократическое развитие Чехии и Словакии. — М.: ИНИОН, 2004.

ГЛАВА 16

Современные избирательные системы

Изучение избирательных систем относится к приоритетным направлениям современной сравнительной политологии. К настоящему времени исследователи-компаративисты накопили огромный материал, позволяющий производить оценку эффективности избирательных систем, измерять их качества, соотносить избирательные системы с партийными системами, определять характер влияния избирательных систем на электоральное поведение. В предыдущих главах уже обращалось внимание на значение темы избирательных систем для демократической теории. Здесь акцент будет сделан на электоральной компаративистике, на следующих ее сюжетах: место электоральной компаративистики в сравнительной политологии, измерение избирательных систем, избиратель и избирательные системы, партии и избирательные системы (законы Дюверже).

16.1. Электоральная компаративистика

Избирательные системы являются удобным объектом для сравнительного исследования. До недавнего времени им уделялось не много внимания со стороны исследователей, и Стейн Роккан в этой связи писал в 1968 г.: «При той огромной значимости организации легитимных выборов для развития массовых демократий в XX веке, удивительно видеть, как мало серьезных усилий было предпринято для сравнительного изучения имеющегося богатства информации» (*Rokkan, 1968, p. 17*). За сорок лет после этого положение изменилось в лучшую сторону, опубликовано множество работ по электоральной компаративистике, издается специализированный журнал «Electoral Studies». Рост интереса к сравнительному изучению избирательных систем определяется рядом причин.

Как правило, они хорошо прописываются в избирательных законах, имеется удобная для работы статистика выборов, на выборы работают многие исследования общественного мнения, выборы проявляют характер и конструкцию партийных систем, участие в выборах

является массовым процессом и относится к центральным формам политического участия в демократических странах, национальная информация о многих параметрах избирательных систем доступна, в последние десятилетия периодически публикуются сводные данные о выборах в различных странах. Но не только этим определяется интерес к электоральной компаративистике. Избирательные системы и избирательный процесс как их динамическая характеристика находятся на пересечении ряда центральных для политической науки и сравнительной политологии тем. *Во-первых*, избирательные системы и процессы являются центральной характеристикой демократий. Политический режим считается демократическим, если он обеспечивает реализацию следующих основных условий:

- 1) существенно, чтобы все взрослое население имело право участвовать в голосовании за кандидатов в государственные органы;
- 2) выборы должны проводиться регулярно в соответствии с предписанными временными границами;
- 3) никакая существенная группа взрослого населения не должна лишаться права формировать партию и выставлять кандидатов на выборы;
- 4) все места в основной законодательной палате должны занимать в результате конкуренции;
- 5) кампании должны проводиться честно и справедливо: ни закон, ни насилие, ни запугивание не должны преграждать кандидатам представление их взглядов и качеств и не должны препятствовать избирателям изучать и обсуждать их;
- 6) голоса должны подаваться свободно и тайно; они подсчитываются и обнародуются честно; кандидаты, получившие необходимую долю голосов, занимают соответствующие посты до истечения положенного срока и до новых выборов (*Butler, Penniman, Ranney, 1981, p. 3*).

Во-вторых, избирательные системы и процессы обеспечивают легальность и легитимность существующих государственных органов, они показывают уровень доверия к проводимой правительством политике. Хотя иногда «абсентизм», или неучастие в выборах, объясняют удовлетворенностью населения существующим положением дел, однако специальные сравнительные исследования подтверждают существующую зависимость между неучастием в выборах и падением доверия к государственным органам. Подобное поведение называют иногда антисистемным политическим «неповедением».

В-третьих, избирательные системы и процессы оказывают существенное влияние на состояние политического плюрализма, конкуренции и характер политической системы. Они способствуют (в зависимости от избранной электоральной формулы) увеличению или понижению числа партий, модифицируют отношения между партиями, участвовавшими в выборах, и партиями, получившими места в парламенте. Сравнительное исследование взаимосвязи партийных и избирательных систем позволило сформулировать ряд законов, которые получили наименование «законов Дюверже».

В-четвертых, электоральное поведение, несмотря на его связи с рядом социально-экономических, культурных и политико-идеологических факторов, определяется характером избранной системы выборов. Институциональные характеристики избирательных систем определяют масштаб участия населения в выборах, возможность для влияния избирателя на результаты голосования, пропорциональность представительства в избранных государственных органах различных групп населения и т. д.

Наконец, *в-пятых*, изучение электоральных процессов в сравнительном ключе позволяет лучше понять «политический инжиниринг», т. е. технику политической борьбы. Как никакой другой политический процесс, выборы при внешнем их объективном образе как механизма принятия политических решений подвержены влиянию. Джованни Сартори писал об этой характеристике избирательного процесса, что выборы — «наиболее специфический манипулятивный инструмент политики» (*Sartori, 1968*, р. 273). При этом манипуляция выступает природной чертой избирательного процесса, о чем будет подробно сказано в разделе, посвященном теории рационального выбора. Все выше перечисленное позволяет поставить изучение избирательных систем и процессов в центр сравнительной политологии.

Условно все сравнительные исследования избирательных систем и процессов можно разбить на три основные группы: *социологические, институциональные и исследования с позиции теории рационального выбора*. *Социологические исследования* обращают внимание на поведение избирателя и факторы, его обуславливающие. Обычно поведение избирателя рассматривается в качестве зависимой переменной, определяемой социальным положением, этнической и религиозной принадлежностью, приверженностью той или иной партии (политическая идентификация), половозрастными особенностями и т. д. Собственно избирательные системы как таковые не попадают в поле зрения исследователя-компаративиста. В связи с господством в политической науке бихевиористских методов социологические исследования опираются на социально-психологический подход. Вот как описывает эту

ситуацию в исследовании поведения избирателя Герберт Ашер: «Этот подход включает понимание того, что индивидуальные установки являются наиболее непосредственной детерминантой поведения избирателя и их действие создается социальными и индивидуальными контекстами, в которых личность живет. По отношению к выбору избирателя этот подход сосредоточивается на трех кластерах установок: приверженность, проблемные установки и оценки кандидатов. По отношению к решению, голосовать или нет, непосредственные установочные детерминанты составляют набор гражданских ориентаций, который включает такие факторы, как политическую действенность, интерес к кампании, общую включенность в политику, чувство гражданского долга и др. Эти гражданские установки определяются личным положением в социальной структуре, и они обуславливают воздействие институциональных факторов на участие в выборах» (Asher, 1983, p. 339–340). Институциональные исследования избирательных систем наиболее распространены и включают в поле своего зрения комплекс правил, определяющих характер избирательной системы и поведение в этой системе. Как правило, здесь меньше уделяется внимания тому, как сформировались соответствующие правила и избирательные формулы, но зато подробно описывается процесс их воздействия на электоральное поведение, на партийные системы, на структуру парламентов. Используются разработанные в последние десятилетия измерители различных аспектов избирательных систем: избирательная формула, значимость электоральных округов, легальные и действующие электоральные пороги, близость парламентских и президентских выборов и т. д. Эти измерители могут выражать как зависимые, так и независимые переменные, исходя из целей компаративного исследования. Особенностью данной группы электоральной компаративистики является широкое использование методов статистики для обработки результатов эмпирического анализа. На стыке с институциональным анализом избирательных систем и процессов работают исследователи, руководствующиеся *теорией рационального выбора*. Особенности этой теории и ее использования в сравнительной политологии будут описаны ниже. Здесь же отметим, что теоретики рационального выбора также рассматривают избирательные нормы и поведение, но в отличие от социально-психологического направления рассматривают это поведение как активный фактор, действующий в контексте процедур. В отличие же от подхода институционалистов, сами нормы и процедуры рассматриваются не как данные, а как творимые и приспособляемые к ситуации. Для описания избирательных процессов используются понятия теории игр, здесь же анализируется манипулятивная особенность избирательных технологий.

16.2. Типы избирательных систем

Тип избирательной системы определяется тем, какое количество голосов избирателей необходимо для победы или получения мест в парламенте. Обычно выделяют следующие три основные системы, которые могут подразделяться на виды: плюральная, мажоритарная, пропорциональная системы, а также четвертая — смешанная. Общее представление о распространенности тех или иных типов избирательных систем по выборам депутатов парламентов дает табл. 52. Из таблицы видно, что в 1990-е гг. увеличилось число парламентских выборов, что связано с третьей волной демократизации. Явно отмечается тенденция увеличения числа выборов, осуществляемых по смешанной системе, а также на основе многоярусной системы. Однако если учесть, что многоярусная система — это разновидность пропорционального правила, то налицо рост пропорциональных систем.

Таблица 52

**Процент демократических парламентских выборов,
распределенных по типам электоральных систем**

Десятилетия	Количество выборов	Мажоритарная система ¹	Пропорциональная система	Многоярусная система	Смешанная система
1950-е	111	36,9	41,4	13,5	8,1
1960-е	121	39,7	41,3	16,5	2,5
1970-е	127	37,8	33,9	26,0	2,4
1980-е	162	42,0	32,7	21,0	4,3
1990-е	281	35,2	27,8	21,7	15,7

Источник: *Golder, 2005*, p. 114.

¹ В том числе плюральная система.

Плюральная система (Пл) имеет место там, где победу на выборах одерживает кандидат, получивший относительное большинство голосов, т. е. больше, чем любой из его соперников. Иногда эту систему не выделяют в качестве особой, а относят к мажоритарным в один тур. Она часто называется системой «первого прошедшего, получающего пост» («first past the post»). Плюральная система в 1997 г. применялась в 68 странах. Данная система часто используется при выборах президента (Колумбия, Коста-Рика, Доминиканская Республика, Исландия, США, Венесуэла), реже при выборах нижней палаты парламента (Великобритания, Канада, США; во Франции она применяется во втором туре голосования в Национальную ассамблею), в ряде развивающихся стран: Багамы, Индия, Ямайка и др.

Наиболее часто в ней используются одномандатные округа, когда от каждого округа избирается только один представитель и избиратель имеет только один голос. Побеждает при этой системе тот, кто набирает относительное большинство голосов. Это — очень простая и понятная система. Однако она имеет ряд недостатков, основной из которых — диспропорциональность, т. е. непредставленность части населения (иногда довольно большой) в соответствующем органе власти. Более того, доля мест, полученных партиями на выборах в национальном масштабе (если голосуют за две партии), будет диспропорциональной еще в большей мере. Так называемый «кубический закон» говорит о сверхпредставленности больших партий в представительных органах власти. В соответствии с ним при голосовании за две политические партии в одномандатных округах соотношение мест, полученных партиями в национальном масштабе, будет приблизительно равняться соотношению полученных ими голосов, возведенному в куб. Так, если две партии в национальном масштабе получили следующее соотношение голосов 3 : 2 (60% и 40% для каждой партии), то число полученных мест будет составлять $(3/2)^3 = 27/8$, что составляет 77% мест для одной партии и 23% — для другой (см. о кубическом законе: *Стрем, 2009*).

Но могут использоваться и многомандатные округа, когда избиратель имеет столько голосов, сколько мест нужно заполнить, и он имеет право использовать все из них или только часть по своему усмотрению (block-vote system) (например, местное самоуправление в Великобритании). Подобная система действовала в 1997 г. в 13 странах. Данная система позволяет избирателю осуществлять индивидуальный выбор представителя, и достаточно понятна для него. Но она создает хорошие условия для сверхпредставленности одной партии в парламенте, которая может получить все места в нем, хотя завоеванных голосов будет не намного больше, чем простое большинство.

Уникальным примером использования многомандатных округов была Япония до 1995 г., где избиратель имел ограниченное число голосов, меньшее, чем число мандатов в округе (limited vote system), вплоть до одного голоса — система с одним непередаваемым голосом (single non-transferable vote system). Побеждали при этой системе те кандидаты, которые набирали относительное большинство голосов, но большее, чем электоральный порог (в Японии одна четвертая квоты Хэра в округе). Система с одним непередаваемым голосом использовалась также в Корее (1973–1988) и на Тайване. Эти системы иногда называют полупропорциональными, так как они дают возможность быть представленными в избираемых органах всем более-менее значительным группам избирателей. Чем меньшее число голосов имеет избиратель и чем большее число мест имеется в округе, тем менее мажоритарной и тем более пропорциональной становится данная система.

Избирательные системы в 29 странах

Страна	Избирательная система, нижняя палата	Число мест	Число округов	Год принятия избирательной системы	Максимальный срок между выборами	Год получения женщинами избирательного права	Избирательная система, верхняя палата	Избирательная система, глава государства
Австралия	М/АГ	150	150	1919	3	1902	Пр/ОПГ	Назн.
Австрия	Пр/НС	183	9	1919	5	1918	НВ	М
Бельгия	Пр/НС	150	30	1993	4	1948	Смеш.	Насл.
Великобритания	Пл	650	650	XIII в.	5	1918	Насл., Назн.	Насл.
Венесуэла	Смеш.	167	25	1999	5	1946	–	ВВ
Греция	Пр/НО	300	56	1975	4	1952	НВ	ПВ
Дания	Пр/к	179	13	2007	4	1915	–	Насл.
Доминиканская Республика	Пр/НО	178	32	1997	4	1954	Пл	ВВ
Израиль	Пр/НС	120	1	1948	4	1948	–	ПВ
Индия	Пл	550	550	1950	5	1919	НВ, Назн.	ПВ
Ирландия	Пр/ОПГ	166	42	1920	7	1918	НВ	ПВ
Испания	Пр/НС	350	52	1985	4	1977	Пл, Назн.	Насл.
Италия	Пр/НО	630	5	2005	5	1946	Пр	ПВ
Канада	Пл	308	308	1976	5	1920	Назн.	Назн.
Колумбия	Пр/НО	199	23	1968	4	1957	Пр	ВВ
Нидерланды	Пр/НС	150	1	1989	4	1922	НВ	Насл.
Новая Зеландия	Смеш./к	120	65/1	1993	3	1893	–	Назн.

Страна	Избирательная система, нижняя палата	Число мест	Число округов	Год принятия избирательной системы	Максимальный срок между выборами	Год получения женщинами избирательного права	Избирательная система, верхняя палата	Избирательная система, глава государства
Норвегия	Пр/НС	165	19	1921	4	1909	НВ	насл.
Португалия	Пр/НС	230	20	1976	4	1975	–	ВВ
Россия	Пр/НС	450	1	2006	4	1917	НВ, Назн.	ВВ
США	Пл	435	435	1788	4	1919	Пл	ВВ
Турция	Пр	550	67	1961	5	1934	бол. Пр	ПВ
Финляндия	Пр/НС	200	15	1906	4	1906	–	ВВ
Франция	М/Пл	577	577	1958	5	1944	НВ	ВВ
ФРГ	Смеш./к	672	328	1949	4	1919	Назн.	ПВ
Швейцария	Пр/НС	200	26	1919	4	1971	М	ПВ
Швеция	Пр/НО	349	29	2005	4	1918	–	Насл.
Шри Ланка	Пр	225	196/1	1978	6	1949	–	ВВ
Япония	Смеш./к	511	300/11	1995	4	1946	Смеш.	Насл.

Источник: *Butler, Pettiman, Ranney, 1981*, pp. 12–19; *Leonard, Nathiel, 1986*, p. 9; *Ramirez, Soysal, Shanahan, 1997*, p. 742–743. Уточнено по электронным сайтам соответствующих электоральных комиссий или парламентам.

Принятые в таблице обозначения:

Пл – **п**люральная система выборов; Пр – **п**ропорциональная система выборов; М – **м**ажоритарная система выборов; АГ – система выборов с альтернативным голосом; НС – система выборов с распределением мест по **н**аивысшему среднему; НО – система выборов с распределением мест по **н**аибольшему остатку; ОНГ – система выборов с **о**дним непередаваемым голосом; ОППГ – система выборов с **о**дним передаваемым голосом; НВ – **н**епрямые выборы; ПВ – **в**ыборы парламентом или на парламентской основе; ВВ – **в**сеобщие выборы; Насл. – **н**аследование; Назн. – **н**азначение; Смеш. – **с**мешанная система формирования; – – вторая палата парламента отсутствует; к – наличие компенсаторной системы.

Мажоритарная система (М) означает, что для победы кандидатам необходимо набрать более 50% голосов избирателей. Система имеет два вида: *голосование в два тура* (double-ballot system) и *с альтернативным голосом* (alternative vote system).

При *голосовании в два тура*, которое обычно осуществляется по одномандатным округам, если ни один из кандидатов не набирает в первом туре необходимого большинства голосов, то проводится второй тур, в котором участвуют два кандидата, получившие относительно большинство в первом туре. Есть, однако, модификации этого правила. Так, в Коста-Рике в первом туре для победы необходимо набрать не менее 40% голосов. Если никто не набирает такого количества, то проводится второй тур по правилу абсолютного большинства. В Венгрии во второй тур проходят первые три кандидата, а также любой другой, кто набрал более 15% голосов в первом туре.

На президентских выборах мажоритарная система в два тура более активно используется, чем плюральная. При этом иногда используется мажоритарная система с квалифицированным большинством голосов. Квалифицированное большинство, необходимое для победы в первом туре, может составлять от 33% (президентские выборы в Перу в 1956 и 1963 гг.) до 55% (президентские выборы в Сьерра-Леоне в 1996 г.).

ПАРАДОКС ГОЛОСОВАНИЯ ОСТРОГОРСКОГО

М. Я. Острогорский в своей работе «Политические партии и демократия» (1903) писал о том, что может произойти вред от голосования по правилу большинства, когда несколько вопросов рассматриваются вместе. В 1976 г. это суждение было развито и названо «парадоксом Острогорского» (*Rae, Daudt, 1976*).

Суть этого парадокса в следующем. Если между избирателями нет единого мнения по ряду вопросов, а две партии предлагают альтернативные решения, то не обязательно победу одержит партия, предлагающая решения, имеющие поддержку большинства.

Пусть имеются две партии (А и Б), политические позиции которых различаются по трем вопросам. Пять избирателей голосуют за партии и имеют различающиеся политические позиции по этим же трем вопросам. При сравнении обобщенных результатов коллективного выбора по каждому вопросу и коллективного выбора партий выявится несогласованность. Победит партия А, хотя по каждому вопросу она имеет поддержку меньшинства.

	Вопрос 1	Вопрос 2	Вопрос 3	
Партия А	да	да	да	
Партия Б	нет	нет	нет	

	Вопрос 1	Вопрос 2	Вопрос 3	
Избиратель 1	да	да	нет	А
Избиратель 2	да	нет	да	А
Избиратель 3	нет	да	да	А
Избиратель 4	нет	нет	нет	Б
Избиратель 5	нет	нет	нет	Б
	Б	Б	Б	Победитель А

Система голосования с альтернативным голосом используется там, где избиратель имеет право фиксировать порядок своего предпочтения между всеми выставленными кандидатами в одномандатных избирательных округах. Она используется, например, для выборов членов палаты представителей в Австралии, а также в Ирландии при повторных выборах в парламент и на выборах президента. Для победы необходимо набрать более 50% голосов первого ранга. Если никто из кандидатов не набрал этого количества, то определение победившего кандидата осуществляется последовательным удалением из подсчета кандидатов, набравших наименьшее число голосов, и перераспределением их голосов среди остающихся кандидатов, и так до выявления победителя. Пусть имеется округ с 21 избирателем и 4 кандидатами — А, Б, В, Г. Все кандидаты были проранжированы таким образом, что выделились четыре группы избирателей:

8 избирателей	6 избирателей	4 избирателя	3 избирателя
А	Б	Г	В
Б	А	В	Г
В	Г	А	Б
Г	В	Б	А

Для победы необходимо набрать 11 голосов первого ранга; однако никто из кандидатов не получил такого количества. В этом случае набравший наименьшее количество голосов кандидат В изымается из списка, а его голоса как бы перераспределяются между остальными. В результате получаем:

8 избирателей	6 избирателей	4 избирателя	3 избирателя
А	Б	Г	Г
Б	А	А	Б
Г	Г	Б	А

Так как и в этом случае победитель не был выявлен, то из списка удаляют кандидата Б. В результате получаем:

8 избирателей	6 избирателей	4 избирателя	3 избирателя
А	А	Г	Г
Г	Г	А	А

В итоге перераспределения голосов победителем оказался кандидат А, набравший 14 голосов избирателей.

Система с альтернативным голосом в чем-то подобна мажоритарной системе с двумя турами, так как путем изъятия из списка слабых кандидатов фактически оставляется конкуренция между двумя наиболее сильными соперниками.

Пропорциональная система выборов является наиболее распространенной при выборах парламентов. Она позволяет в значительной мере избежать сверхпредставленности или недопредставленности партий в парламенте. Смысл системы заключается в более-менее пропорциональном распределении мест в соответствии с распределением голосов. Пропорциональная система предполагает ряд многомандатных округов или один многомандатный округ. Партии выдвигают партийные списки, которые могут быть открытыми (избиратель может выразить предпочтение кандидатам от партии) или закрытыми (избиратель голосует только за ту или иную партию). В зависимости от правила распределения мест она подразделяется на два основных вида: *распределение мест по наибольшему остатку* и *по наивысшему среднему*.

Система распределения мест по наибольшему остатку осуществляется по формуле Хэра (Hare quota), по которой определяется квота голосов, приходящихся на одно место, и места распределяются в соответствии с тем, сколько квот приходится на ту или иную партию.

Формулы квот и делителей

1. Квота Хэра = Голоса/Места
2. Квота Хагенбаха-Бишофа = Голоса/(Места + 1)
3. Квота Имперали = Голоса/(Места + 2)
4. Друп квота = Голоса/(Места + 1) + 1
5. Делители Д'Хондта: 1, 2, 3, 4, 5 и т. д.
6. Делители Сент-Лаге: 1, 3, 5, 7, 9 и т. д.
7. Модифицированные делители Сент-Лаге: 1.4, 3, 5, 7, 9 и т. д.

Остатки, т. е. число голосов, меньшее квоты, учитываются при распределении оставшихся мест: выбираются наибольшие из них. Данная

система благоприятствует маленьким партиям, позволяя им провести своих кандидатов в парламент. Приведем гипотетический пример.

Пусть имеется четырехмандатный округ, в котором на четыре места претендуют четыре партии А, Б, В, Г. В голосовании приняло участие 20 тысяч избирателей. Следовательно, квота Хэра будет здесь составлять 5 тысяч голосов. При некотором распределении голосов места распределятся следующим образом:

Партия	Голоса	Квота	Место	Остаток	Место	Всего
А	8200	5000	1	3200	1	2
Б	6100	5000	1	1100	0	1
В	3000	—	0	3000	1	1
Г	2700	—	0	2700	0	0
Всего	20000		2		2	4

Как видно из подсчета, партия В, не набравшая достаточного количества голосов для превышения квоты, все же получила одно место.

Распределение мест по системе наивысшего среднего осуществляется с помощью делителей Д'Хондта, когда число голосов делится последовательно на 1, 2, 3, 4 и т. д. и места распределяются в соответствии с убывающим порядком числа голосов. Данная система менее благоприятна для маленьких партий.

Возьмем тот же пример, но используем делители Д'Хондта.

Партия	Голоса	Делитель: 1	Делитель: 2	Делитель: 3	Всего
А	8200	8200 (1)	4100 (1)	2733	2
Б	6100	6100 (2)	3050 (4)	2033	2
В	3000	3000	1500	1000	0
Г	2700	2700	1350	900	0
Всего	20000				4

Распределение мест в этом случае отличается; преимущество получила вторая партия, а маленькие партии остались без мест.

Имеются другие способы распределения мест, которые модифицируют представленные выше две основные системы:

- 1) формулы Хагенбаха-Бишофа и Импералии оставляют не много места для использования остатков;
- 2) делители Д'Хондта отдают предпочтение крупным партиям;
- 3) делители Сент-Лаге благоприятствуют средним партиям.

Формой пропорциональной системы является *система с одним передаваемым голосом* (single transferable vote system), используемая для парламентских выборов в Ирландии. Для распределения мест используется Друп квота. Смысл этой системы заключается в том, что кандидаты, превысившие квоту, подсчитанную по данной формуле, как бы передают свои излишки голосов следующим по предпочтительности кандидатам. По этой системе избиратель, голосуя за партию, имеет право расставить кандидатов в порядке своего предпочтения. Система с одним передаваемым голосом менее пропорциональна, чем иные, но дает больше шансов избирателю влиять на выбор индивидуальных кандидатов.

Иногда выделяют особый тип — *многоярусные электоральные системы* (multi-tier system). Многоярусными являются те системы, в которых места в парламент распределяются на разных электорально-территориальных уровнях, где голосование осуществляется по одному и тому же способу. Как правило, таким способом является пропорциональное голосование по партийным спискам¹. Первый уровень — местные территориальные округа. Второй уровень — укрупненные территориальные округа или даже единый национальный округ. Такие системы могут быть параллельными и связанными. Параллельными многоярусными системами являются те, в которых распределение мест на различных уровнях не влияет друг на друга. Большинство, однако, являются связанными системами. В таких системах либо неиспользованные для распределения мест голоса на одном уровне используются на другом уровне, либо распределение мест на одном уровне обусловлено распределением мест на другом уровне. Примером последней является система, когда используется механизм компенсаторных голосов, которые распределяются среди партий, получивших преимущества при голосовании по единому национальному округу. При этом голосование осуществляется по партийным спискам на двух уровнях — общенациональный округ и региональные многомандатные округа. Основой для подсчета общего количества мест, которые партия должна занять в парламенте, является голосование в общенациональном округе с использованием при распределении квоты Хэра. Эта система действует в Дании при распределении мест в парламенте. Из 175 депутатов парламента 135 избираются в 10 регионах с распределением мест по системе делителей Д'Хондта, а 40 мест имеют компенсационный характер и распределяются после подсчета общего количества мест для партий на основании общенационального голосования в трех электоральных провинциях по квоте Хэра. Так, если какая-то

¹ Только в Мавритании и Папуа — Новой Гвинее используется мажоритарный принцип.

партия в десяти регионах набрала после распределения 20 мест, а при подсчете общего количества мест ей причитается 30 мандатов, то 10 из них она получает за счет компенсаторных мест. Считается, что данная система обеспечивает очень хорошую пропорциональность выборов, а также связь депутатов с регионами.

Смешанные системы строятся на основе сочетания других избирательных систем. Среди них выделяются *параллельные смешанные* и *связанные смешанные*.

В *параллельных смешанных* (иногда их называют системой смешанного мажоритарного членства — mixed member majoritarian) системах выборы проводятся одновременно по партийным спискам в многомандатных округах и в одномандатных округах по правилу относительного или абсолютного большинства. При таких выборах результаты, полученные с использованием пропорциональной системы, и результаты, полученные с использованием плюральной или мажоритарной систем, являются независимыми. Такая система действовала, например, в России до 2006 г., когда 225 депутатов Государственной думы избирались по партийным спискам в едином федеральном округе и 225 депутатов избирались в одномандатных округах по правилу относительного большинства (плюрального голосования). В Литве действует похожая система с тем отличием, что в одномандатных округах проводится два тура голосования, если в первом туре никто не набирает требуемого большинства. Здесь 70 депутатов сейма избираются в одном национальном округе по партийным спискам, а 71 депутат избирается в одномандатных округах по мажоритарной системе. Эта система не предусматривает какие-либо компенсаторные механизмы для того, чтобы сделать ее более единой, т. е. связать две части, а соответственно усилить ее пропорциональность. В Венгрии 152 депутата избираются в 20 многомандатных округах по партийным спискам, 176 — по мажоритарной системе, а 58 компенсаторных мест распределяются пропорционально на основе партийных списков в едином национальном округе. Но и здесь компенсаторные места не связывают мажоритарную и пропорциональную части.

В *связанных смешанных избирательных системах* (системы смешанного пропорционального членства — mixed member proportional) часть депутатов избирается по партийным спискам в многомандатных округах, а часть — в одномандатных округах. При этом при распределении мест по пропорциональному принципу учитывается число мест, занятых партией или избирательным блоком по результатам выборов в одномандатных округах. Общее число мест для каждой партии подсчитывается на основе процента голосов, полученных по пропорциональной системе, и из него вычитается число мест, полученных в одномандатных округах. Следовательно, недостающие места

распределяются на основании результатов голосования по партийным спискам. Таким образом, пропорциональное распределение мест позволяет компенсировать недостатки избрания депутатов в одномандатных округах (их сверхпредставленность или недопредставленность там). Подобная система действует в Германии, Венесуэле, Новой Зеландии.

16.3. Измерения избирательных систем

В главе 15 уже рассматривались некоторые измерители избирательных систем, в частности значимость электоральных округов и близость президентских и парламентских выборов. Они использовались в качестве независимых переменных при изучении вопроса о факторах, определяющих развитие партийных систем. Однако к ним не сводится комплекс параметров, описывающих избирательные системы. Не все они поддаются количественной оценке, но все являются значимыми характеристиками избирательных систем и активно используются исследователями. Так, Дуглас Рэй использует следующие независимые переменные: структура баллотировки (номинальная vs порядковая), тип выборов (пропорциональные, мажоритарные, плюральные), число представителей в каждом округе, общее число представителей в законодательном органе; и зависимые переменные: пропорциональность партийного представительства и создание законодательного большинства (*Rae, 1971*). Арендт Лейпхарт при исследовании электоральных систем выделяет основные и второстепенные измерения. К основным он относит: электоральную формулу (тип системы), значимость избирательного округа, число избирательных округов, величину законодательной ассамблеи, легальный и действительный электоральный порог. Другие измерения включают: структуру баллотировки, непропорциональность распределения, различие между парламентскими выборами в парламентской и президентской системах, возможность связанных списков (*Lijphart, 1994*).

Самыми общими сведениями, позволяющими описать избирательные системы, являются электоральная формула (тип системы), число избирательных округов, число мест в законодательных органах (обычно, нижняя палата парламента) и ряд дополнительных сведений (минимальный избирательный возраст, легальный избирательный порог, год введения всеобщих выборов, год предоставления избирательных прав женщинам и др.).

Значимость (размер) электорального округа является важной характеристикой электоральной системы. Она определяется как результат деления общего количества мандатов на количество электоральных округов, т. е. показывает среднее количество мандатов, при-

ходящихся на один округ. Если, например, в Финляндии в парламент избирается 200 депутатов в 15 округах, то значимость электорального округа здесь будет составлять 13,3. Значимость округа в целом влияет и на поведение избирателей, и на поведение партий в процессе выборов. Большее количество мандатов, приходящихся на округ, является условием повышения возможности для маленьких партий пройти в парламент, а значит обеспечить большую репрезентативность интересов населения этого округа. Значимость электорального округа тесно связана с электоральными порогами, определяя фактические границы для прохождения партий в парламент.

Электоральный порог используется как показатель ограничения участия в выборах маленьких партий. Он фиксирует минимум поддержки, которая необходима партии для представительства в парламенте. Обычно такой порог устанавливается на национальном уровне, но может также применяться в округах или на региональном уровне. Определяется он обычно процентом необходимых голосов, определенным числом голосов или каким-либо иным способом, например получением по меньшей мере одного места на местном уровне для получения мест на более высоких уровнях. Арендт Лейпхарт предложил объединить эту меру со значимостью округа в единый измеритель, который он назвал «действительный порог» («the effective threshold»). Напомним, что обычно значимость округа определяется числом кандидатов, приходящихся на один округ. При операционализации действительного электорального порога Лейпхарт учитывает следующие проблемы. Во-первых, электоральный порог связан со значимостью округа тем, что значимость округа позволяет говорить о целой амплитуде возможностей быть представленным или быть исключенным из парламента. Порог представленности (или включения) выражает минимум доли голосов, который позволяет партии завоевать место в парламенте при наиболее благоприятных обстоятельствах. Порог исключения выражает максимум доли голосов, который может быть недостаточным для завоевания места в парламенте при наиболее неблагоприятных условиях. Если партия прошла минимум, то появляется реальная возможность завоевать место, если она прошла максимум, то место ей гарантировано. Так, в случае с трехмандатным округом и тремя конкурирующими партиями при пропорциональной системе с использованием делителей Д'Хондта нижний порог составит 20% голосов, а верхний — 25%. Во-вторых, нижний и верхний электоральные пороги определяются не только значимостью округа, но и влиянием электоральной системы и числом конкурирующих партий. В-третьих, и значимость округа, и число партий могут значительно различаться от округа к округу (Lijphart, 1994, pp. 25–26). В целом измерительная формула «действительного порога» строится на под-

счете средней величины между верхним и нижним электоральными порогами:

$$T = \frac{50\%}{(M + 1)} + \frac{50\%}{2M},$$

где T — действительный порог, M — значимость электорального округа.

Приведем конкретный пример: Выборы Национального собрания во Франции в 1986 г. (556 мест) проходили по 96 избирательным округам. Легально установленный электоральный порог на уровне округа составлял 5%. Подсчитаем действительный электоральный порог:

- 1) значимость электорального округа $M = 556/96 = 5,79$;
- 2) действительный электоральный порог $T = 50/(5,79 + 1) + 50/(2 \times 5,79) = 50/6,79 + 50/11,58 = 7,36 + 4,32 = 11,68$.

Приведем данные Лейпхарта о действительном электоральном пороге в странах, в которых используется пропорциональная система с формулой Д'Хондта. Ранжирование стран произведено по показателям значимости электорального округа (табл. 54). Учитываются национальные выборы (Н) и выборы в Европарламент (Е).

Изучение избирательных систем с помощью показателя действительного электорального порога позволяет сказать об уровне ограничения участия партий в избирательном процессе, о возможной диспропорциональности в соотношении мест и голосов. Действительный порог может подсчитываться упрощенным способом, учитывая лишь порог репрезентации, т. е. нижнюю границу.

Структура баллотировки относится к показателям, которые фиксируют способ распределения предпочтений избирателем. Избиратель может отдавать свой голос только одной партии, и тогда этот способ может именоваться категорическим. Избиратель может распределять свои голоса между партиями, указывая на порядок своих предпочтений. Подобный способ баллотировки получил наименование ординального. Рэй высказал гипотезу о том, что ординальный способ, позволяя рассеивать голоса избирателей, благоприятствует усилению плюрализма в партийной системе (Rae, 1971).

Структура парламента в аспекте отношения его двух палат (*уникамерализм vs бикамерализм*) используется для изучения избирательных систем. В качестве показателей, позволяющих оценивать эту переменную, используют состояние симметрии или асимметрии между двумя палатами и подобие или различие их композиций (конгруэнтность), включая различия в отражении интересов. Для оценки используется шкала от 0 до 4 баллов: 4 балла получает парламент при уникамерализме, 3 балла — конгруэнтные и очень асимметричные двухпалатные

парламенты (сильнее нижняя палата), 2 балла характеризуют неконгруэнтные и очень асимметричные парламенты, 1 балл выставляется парламенту за наличие двух палат, 0 баллов получает парламент с сильным бикамерализмом (см. *Lijphart, 1984*, p. 213; *Jackman, Miler, 1995*, p. 473).

Таблица 54

Легальные и действительные электоральные пороги

Страна	Число и год выборов	Значимость округа	Количество округов	Величина парламента	Легальный порог, %	Действительный порог
Франция (Н)	3: 1945–1946	5,19	102	529,33		12,9
Франция (Н)	1: 1986	5,79	96	556	5 ⁸	11,7
Люксембург (Е)	3: 1979–1989	6	1	6	3 ²	11,3
Испания (Н)	5: 1977–1989	6,73	52	350		10,2
Норвегия (Н)	2: 1945–1949	7,50	20	150		9,2
Швейцария (Н)	11: 1947–8197	8,20	23,91	195,55		8,5
Швеция (Н)	1: 1948	8,21	28	230		8,5
Бельгия (Н)	3: 1979–1989	12,00	2	24	4	5,9
Португалия (Н)	7: 1975–1987	12,40	20	248	5	5,7
Финляндия (Н)	13: 1945–1987	13,21	15,15	200	5	5,4
Люксембург (Н)	10: 1945–1989	14,02	4	56,10	1	5,1
Дания (Е)	3: 1979–1989	15,33	1	15,33	1	4,7
Португалия (Е)	2: 1987–1989	24	1	24	0,67	3,0
Нидерланды (Е)	3: 1979–1989	25	1	25		4
Испания (Е)	2: 1987–1989	60	1	60		1,2
Германия (Е)	2: 1979–1984	78	1	78		5
Франция (Е)	3: 1979–1989	81	1	81		5
Нидерланды (Н)	3: 1946–1952	100	1	100		1
Израиль (Н)	1: 1949	120	1	120		0,6
Израиль (Н)	5: 1973–1988	120	1	120		1
Нидерланды (Н)	11: 1956–1989	150	1	150		0,67

Источник: *Lijphart, 1994*, p. 22.

Принудительное голосование оказывает влияние на избирательный процесс и его измеряют обычно по шкале 0–1. Ноль выставляется системе, где нет принудительного голосования, один — где оно имеется.

Правда, можно использовать и более точную шкалу, учитывающую наличие или отсутствие санкций и их силу. В большинстве стран нет принудительного голосования. Оно используется в 18 странах, из которых 11 (Аргентина, Австралия, Бельгия, Боливия, Бразилия, Чили, Кипр, Эквадор, Люксембург, Филиппины, Уругвай) используют различные санкции для нарушителей, а в 7 (Капе-Верде, Коста-Рика, Италия, Панама, Португалия, Сан-Томе и Принсипи, Венесуэла) — таких санкций нет. В большинстве стран за неучастие в голосовании взимается штраф. В других странах соответствующее нарушение ведет к потере некоторых прав. В Аргентине, например, неголосовавший не может в течение трех лет занимать какие-либо должности в системе публичного управления. Отмечено, что в большинстве стран с принудительным голосованием отмечается преобладание католиков, и это рассматривается в качестве одной из объяснительных причин использования этой практики (моральный долг католиков перед государством, стремление усилить партии, поддерживаемые католической церковью) (*Massicote, Blais, Yoshinaka, 2004*, р. 35–38). Показатели участия в выборах для этих стран достаточно высокие. В Австралии этот показатель в среднем после войны составлял 95,4%, для Бельгии — 92,5%. В Нидерландах, где принудительное голосование было упразднено в 1967 г., показатель участия упал с 94,7% до 83,5% (*Butler, Penniman, Ranney, 1981*, р. 240). В 1980-е гг. показатель участия в выборах составлял для Австралии — 83%, Бельгии — 87%, Италии — 93% (*Mackie, Rose, 1991*).

Одним из распространенных измерителей избирательного процесса, который позволяет оценить динамику электоральных предпочтений от выборов к выборам, является *индекс электоральной подвижности* (index of electoral volatility). Он подсчитывается как половина суммы модулей разницы в процентах голосов, полученных партиями на двух последовательных выборах.

$$V = 1 / 2 \sum |P_{i1} - P_{i2}|,$$

где V — индекс электоральной подвижности, P_{i1} — процент голосов, полученных i -й партией на первых выборах, P_{i2} — процент голосов, полученных i -й партией на следующих выборах.

Пусть имеется три партии, голоса между которыми распределились на первых выборах в следующей пропорции 20 : 45 : 35. На последующих выборах ситуация с распределением голосов изменилась, и пропорция составила 25 : 30 : 45. Индекс электоральной подвижности в этом случае составит: $V = 1/2 \times (5 + 15 + 10) = 15$. Для различных стран индекс электоральной подвижности в 1990-е гг. характеризовался следующими показателями (см. табл. 55).

Таблица 55

Индекс электоральной подвижности в 1990-е гг.

Страна	Индекс электоральной подвижности
Австрия	7,45
Бельгия	7,10
Болгария	20,00
Чехия	19,90
Дания	8,90
Финляндия	9,20
Франция	19,15
Германия	6,90
Греция	10,75
Венгрия	25,00
Ирландия	15,05
Люксембург	5,10
Нидерланды	19,55
Польша	27,60
Португалия	10,10
Словакия	25,90
Испания	6,30
Швеция	11,25
Великобритания	5,10

Источник: *Anderson, 1998*, p. 579.

Данные, приведенные в таблице, свидетельствуют, что страны различаются по уровню стабильности электоральной поддержки и поведения. Среди них явно выделяются страны, осуществляющие переходные процессы (Болгария, Чехия, Венгрия, Польша, Словакия). Но и среди других стран можно отметить большие различия по данному показателю (сравни Францию с индексом 19,15 и Великобританию и Люксембург с индексами 5,10). Электоральная подвижность является важным условием формирования партийных систем, так как свидетельствует об их неустойчивости и возможности формирования новых партий (см. диаграмму на рис. 3). Здесь на примере России показано, что большая электоральная подвижность (50% в среднем по четырем выборам в Государственную думу) приводила к значительно-

му числу новых партий. Так, в 1995 г. новых партий и электоральных объединений было 8 из 15 (53%), в 1999 — 19 из 27 (70%), в 2003 — 17 из 23 (74%), в 2007 — 3 из 11 (27,3%). Данная неустойчивость организованных политических интересов приводила к тому, что избиратель отвечал на нее неустойчивостью своих электоральных предпочтений. В 2007 г. эти показатели меняются радикально, уменьшается число новых партий, и в два раза сокращается показатель электоральной подвижности.

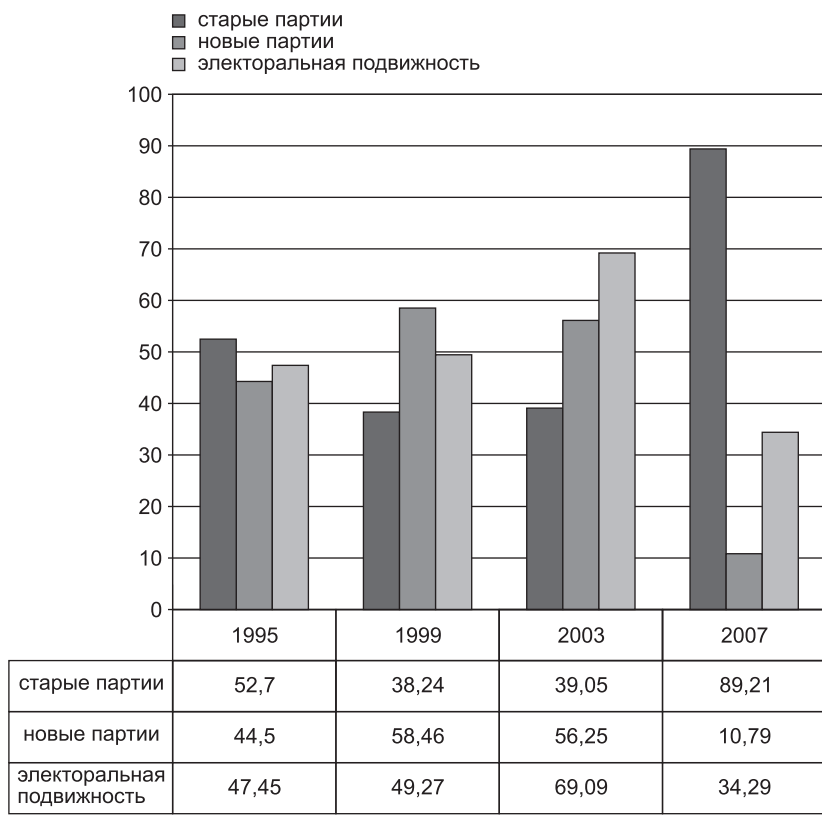


Рис. 4. Электоральная подвижность и партии на выборах в России

Для анализа динамики избирательного процесса используются также индексы подвижности политических блоков (коалиций) и внутриблоковой подвижности, подсчет которых основан на исходной формуле электоральной подвижности.

16.4. Избиратель и избирательные системы

Изучение поведения избирателя на выборах относится к приоритетным направлениям сравнительной политологии. В зависимости от избранного методологического подхода поведение избирателя описывается по-разному: как функция его социального положения, политической социализации, политической мобилизации, институциональных норм избирательной системы, рациональности. В 1970-е гг. вновь повышается внимание к теме избирателя в политике с определенной модификацией методологических установок. Рональд Инглхарт пишет о новой волне компаративных исследований политического поведения: «При очевидности того, что влияние социальных классов, религии и политико-партийной идентификации понижалось, а значимость проблем голосования росла, эти исследования подчеркивали роль политического лидерства, политических институтов и экономических событий. Однако здесь был не просто возврат к макрополитическому анализу. Границы, в пределах которых новые точки зрения могли бы быть найдены, кажется, были связаны с анализом отношений между макрополитическими и микрополитическими феноменами. Эта перемена стимулировалась тем фактом, что в 1970-е гг., прежде всего, стало возможным применить динамический анализ к взаимодействию соответствующих серий данных. Если в 1960-е гг. редко кто мог выйти за пределы импрессионистских спекуляций относительно взаимодействий между структурными переменными и индивидуальным поведением, то в 1980-е гг. проверка гипотез относительно этих взаимодействий с использованием динамических качественных моделей становится возможной» (*Inglehart, 1983, p. 430–431*). Отметим здесь некоторые подвижки в рассмотрении электорального поведения. Они связаны скорее с плюрализацией методологических оснований исследования, чем с поиском универсальной модели.

Во-первых, в исследовании электорального поведения отчетливо выделяется тенденция выявления новых его механизмов, появляющихся на основе кризиса старых идеологической и партийно-политической структур. Ранее электоральное поведение рассматривалось в границах взаимодействия партий и избирателей. Основное внимание уделялось партийной идентификации и способности партий через механизмы политической мобилизации организовать участие населения в голосовании. При этом основные политические элиты выполняли функцию организации массовой деятельности посредством ее ориентации. В 1970–1980-е гг. появляются новые механизмы взаимодействия партий, элит и масс. Наблюдается переход от элитно-направляемого поведения к элитно-вызываемому поведению. Последнее не характеризуется строгой идентификацией и жесткой

идеологической зависимостью. Элитно-направляемое поведение было характерно для конца XIX и первой половины XX в., когда население только начинало вовлекаться в массовые формы политического участия, прежде всего выборы, посредством бюрократических партий и не обладало развитыми навыками политической деятельности. Элиты и выполняли функцию руководства поведением. В последние десятилетия ситуация изменилась. Элитно-вызываемое поведение основывается на высоком уровне образования населения, возникновении новых постматериальных ценностей, связанных больше с самовыражением индивидов и качеством жизни, а не экономическим обеспечением и физической безопасностью (*Ibid*, р. 435–436). Изменение политических ориентаций ведет также к замене старой относительно стабильной структуры поляризации по политическим признакам (political cleavages), основанной на классовых различиях, к системе подвижных идентификаций. Исследователями отмечается падение роли классовой принадлежности в выборе электорального поведения (*Dalton, Flanagan, Beck, 1984*). О динамике демократической классовой борьбы и классового голосования в период 1945–1990 гг. см. работу Поля Ньюберта (*Nieuwebeerta, 1996*).

Во-вторых, на электоральное поведение оказывает существенное влияние сама электоральная система. При компаративных исследованиях уделяется внимание тому, какая из систем и какие признаки систем более благоприятствуют индивидуальному выбору. Петти Тимонен, изучая эту проблему, определил ряд факторов, при которых влияние избирателя повышается (*Timonen, 1989*, pp. 223–244). Пропорциональная система по сравнению с мажоритарной и плюральной имеют больше возможностей для повышения значимости индивидуального голоса. При мажоритарной системе такими факторами выступают многомандатные округа и выставление различных партийных кандидатов на одно место. При пропорциональной системе число таких факторов значительно возрастает: возможность отдавать личный голос, свободное голосование, число предпочтительных голосов, отсутствие электорального порога, достаточное число партийных кандидатов и т. д. Наличие или отсутствие подобных факторов позволяет ранжировать страны по уровню предоставления возможности индивидуальному избирателю оказывать влияние на выбор кандидатов. В странах с пропорциональной системой порядок оказался следующим (по уменьшению влияния): Люксембург, Швейцария, Греция, Финляндия, Италия, Ирландия, Австрия, Бельгия, Нидерланды, Дания, Исландия, Норвегия, Швеция, Германия, Португалия, Испания.

В-третьих, значительное внимание при исследовании электорального поведения уделяется применению теории рационального выбора.

Основываясь на теореме Эрроу (см. раздел 3.4.), исследователи анализируют поведение избирателя как рационального актора, учитывающего не только порядок своих предпочтений, но и предпочтения других избирателей. В последнем случае избиратель голосует стратегически, т. е. манипулирует своими исходными предпочтениями и делает выбор, исходя из реальности победы того или иного кандидата или партии. При этом учитывается также, что на выбор избирателя оказывает существенное влияние институциональная структура избирательной системы. Стратегическое поведение избирателя хорошо описано и подтверждается рядом исследований. Например, в 1980 г. на выборах президента США Рональд Рейган получил 51% голосов, Джимми Картер — 41% и Джон Андерсон — 7%. Используя различные данные, С. Брамс и П. Фишборн показали, что если бы те же самые избиратели высказали свое истинное предпочтение, тогда результаты были бы следующими: за Рейгана — 40%, за Картера — 35%, за Андерсона — 24%. Таким образом, более 70% тех, кто фактически поддерживал Андерсона, отдали свои голоса за Рейгана или за Картера (*Brams, Fishburn, 1982, p. 333–346*).

16.5. Партии и избирательные системы (законы Дюверже)

В главе о партиях уже было много сказано о взаимодействии между партийными и избирательными системами. Здесь мы обратим внимание лишь на часть этой темы — законы Дюверже, тем более что они активно дискутировались в литературе.

Так называемые «законы Дюверже» впервые были сформулированы в 1945 г. на конференции в Университете Бордо Морисом Дюверже и касались взаимодействия электоральных и партийных систем. В издании его книги «Конституционное право и политические институты» 1955 г. эти законы звучат следующим образом: «1) Пропорциональное представительство склонно вести к формированию многих независимых партий. ... 2) Мажоритарная система в два тура склонна вести к формированию многих партий, которые связаны друг с другом. ... 3) Правило плюральности склонно производить двухпартийную систему» (*Duverger, 1955, p. 113*). Сформулированные как социологические законы, они сразу же вызвали бурную полемику среди политологов и социологов. Позже Дюверже отмечал, что полемика часто основывалась на не совсем верной интерпретации его утверждений, которые явились результатом его собственных приблизительных и неточных формулировок (*Duverger, 1986, p. 69*), но не отрицал значимости постановки вопроса о подобной связи. Еще в 1960 г. он

писал: «Взаимосвязь между электоральными правилами и партийными системами не является механической и автоматической. Особый электоральный режим не производит особую партийную систему; он просто усиливает давление в направлении к этой системе; он есть сила, которая действует среди различных других сил, часть из которых ведут в противоположном направлении» (*Ibid*, p. 71). Тем не менее законы Дюверже были среди тех немногих обобщений в рамках сравнительной политологии, которые претендовали на статус социологически точных обобщений и которые могли бы быть эмпирически подтвержденными.

Дуглас Рэй попытался проверить предложенные Дюверже эмпирические обобщения. Особое внимание им было обращено на предположение о том, что плюральная система ведет к двухпартийной системе. Из действия данного закона выпадали Канада и Индия, где существовали плюральные избирательные системы, но было более, чем две политические партии. Рэй изучил 121 выборы в 20 странах. В 30 случаях использовались правила плюральности, и семь из них касались Канады, где 10% голосов всегда отдавались третьим партиям. Объяснение исключения Канады из сферы действия закона было дано следующее. В Канаде существуют значительные местные партии, которые развились в связи с децентрализацией управления и возможностью активной деятельности на местном уровне. Эти партии как раз и составляют «третью силу» на национальном уровне. На этой основе Рэй переформулировал соответствующий закон Дюверже следующим образом: «Плюральная формула всегда связана с двухпартийной конкуренцией за исключением случаев, когда существуют сильные местные партии меньшинства» (*Rae, 1971, p. 95*).

Много внимания действию законов Дюверже уделил Уильям Райкер (*Riker, 1982; 1986*). Описывая действие закона связи плюральности системы выборов с наличием двух партий, он подчеркивал, что этот вывод базируется на теории рационального поведения и данных XIX в. Теория рационального выбора здесь включается в виде предпосылки рационального поведения индивида, когда он выбирает кандидата с наивысшей ожидаемой ценностью (стоимостью). В аспекте плюрального голосования это означает, что индивидуальный выбор не берет в расчет третью партию и, таким образом, стабилизирует двухпартийную систему. Он предложил следующую версию закона: «Правила плюральных выборов вызывают и устанавливают двухпартийную конкуренцию, за исключением стран, где третьи партии на национальном уровне являются длительное время одной из двух партий на местном уровне, и стран, где одна партия среди некоторых почти всегда является победителем на выборах в смысле парадокса Кондорсе» (*Riker, 1986, p. 32*).

* * *

Изучение избирательных систем в сравнительной политологии не ограничивается вышеобозначенными темами. Однако представленные здесь сюжеты позволяют сформировать некоторое общее представление об основных проблемах электоральной компаративистики. Акцент на измерении избирательных систем, который до сих пор сопровождает эту отрасль сравнительных исследований, определяется как удобством в этом смысле самого объекта исследования, так и эмпирически ориентированной установкой исследователя-компаративиста, пытающегося усовершенствовать методiku и технику политического анализа. Изучение демократии сегодня продолжает традицию политической науки — рассматривать электоральный процесс как существенную часть демократического процесса.

Основные понятия

Избирательная система, плюральная избирательная система, мажоритарная избирательная система, пропорциональная избирательная система, смешанная избирательная система, многоярусная избирательная система, избирательный порог, значимость электорального округа, эффективный электоральный порог, структура баллотировки, принудительное голосование, электоральная подвижность, законы Дюверже.

Основная литература

- Алескеров Ф. Т., Ортешук П. Выборы. Голосование. Партии. — М.: Academia, 1995.
- Дюверже М. Политические партии. — М.: Академический проект, 2000.
- Клима Р., Ходж Дж. Математика выборов. — М.: МЦНМО, 2007.
- Партии и выборы. Хрестоматия: В 2 ч. — М.: ИНИОН, 2004.
- Современная сравнительная политология. Хрестоматия / Под ред. Г. В. Голосова, Л. А. Галкиной. — М.: МОНФ, 1997.
- Теория и методы в современной политической науке / Под ред. Ст. Ларсена. — М.: РОССПЭН, 2009.

Дополнительная литература

- Ачкасов В. А. Сравнительная политология. — М.: Аспект-пресс, 2011.
- Выборы в посткоммунистических обществах. Пробл.-тем. сб. / Отв. ред. Е. Ю. Мелешкина. — М.: ИНИОН, 2000.
- Голосов Г. В. Сравнительная политология. — СПб.: Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2001.

- Голосов Г. В., Мелешкина Е. Ю.* Политические партии и выборы: Учебное пособие. — СПб.: Изд. «Борей-Арт», 2001.
- Скрипкина Ж. Б.* Избирательные системы и технологии. — М.: Вузовский учебник, 2006.
- Сравнительное избирательное право / Под ред. В. В. Маклакова. — М., 2003.
- Танин-Львов А. А.* Выборы во всем мире. Электоральная свобода и общественный прогресс. Энциклопедический словарь. — М.: РОССПЭН, 2001.

ГЛАВА 17

Сравнительный анализ публичной политики

Публичная политика (public policy), или как ее у нас часто называют, — государственная политика (что не совсем соответствует исходному понятию, так как помимо деятельности государства сюда входит и деятельность органов местного самоуправления и других субъектов, ответственных за публичные блага), давно была предметом изучения в политической науке. Но в качестве самостоятельной отрасли она была выделена Американской ассоциацией политической науки в США только в 1951 г. среди 17 приоритетных направлений. Как предмет сравнительного анализа публичная политика оформляется только к началу 1970-х гг. Жан-Эрик Лейн и Свант Эррсон не случайно описывают развитие сравнительной политологии как движение от политической социологии к сравнительной публичной политике в качестве логического завершения тематики сравнительных исследований в политологии. Используя схему политической системы Д. Истона, они говорят о трех основных тематических блоках в сравнительной политологии: исследование условий, определяющих конфигурацию политических систем, — сравнительная политическая социология; изучение собственно политических систем — институциональный анализ политики; изучение того, как политика влияет на общество, — сравнительная публичная политика (*Лейн, Эррсон, 1997*). Большое значение для развития этой отрасли сравнительных исследований имела опубликованная в 1975 г. книга коллектива авторов под названием «Сравнительная публичная политика: Политика социального выбора в Европе и Америке», в которой была предпринята удачная попытка сравнительного анализа политики в области налогов, образования, здравоохранения и т. д. В третьем издании книги (1990) анализируется также Япония. В 1970–1990-е гг. появляется множество работ по сравнительной публичной политике, что свидетельствует об устойчивом интересе к данной проблематике.

17.1. Сфера сравнительного анализа публичной политики

Что же понимается под публичной политикой и какова сфера ее регулирования? Те или иные исследователи обращают внимание на различные аспекты темы, а потому так много здесь подходов и классификационных схем. Обратим внимание на определение публичной политики и особенности ее сравнительного изучения, которые дают авторы уже упомянутой большой работы Арнольд Хайденхаймер, Хьюдж Хекло и Кэролин Адамс. «Сравнительная публичная политика, — пишут они, — является изучением того, как, почему и с каким результатом различные правительства проводят особый курс действий или бездействия» (*Heidenheimer, Heclo, Adams, 1990*, р. 3). В соответствии с этим выделяются как бы несколько взаимосвязанных тем.

1. Для ответа на вопрос, *как* правительства выбирают свои действия, исследователю необходимо сосредоточить внимание на структурах и процессах, посредством которых вырабатываются правительственные решения. В общем смысле, например, мы можем сказать, что некоторые страны являются федеративными государствами (США, Германия), другие более централизованные унитарные государства (Великобритания, Швеция, Япония и Франция). Отсюда мы можем сделать вывод, что процесс выработки политики будет отличаться в этих двух группах стран.
2. Ответ на вопрос, *почему* выбирается тот или иной курс, предполагает изучение множества условий: историческое развитие, которое оказывает влияние на принимающих решения; политическая культура нации и политические субкультуры отдельных групп населения; изменяющееся общественное мнение; уровень развития и наличие ресурсов; текущие политические проблемы и т. д. Многое в этой теме зависит от изучения взаимодействия политиков, бюрократии, различных групп интересов; многое зависит от того, какими идеями руководствуются те, кто решения принимают.
3. Одним из главных интересов исследования публичной политики является сравнение *результатов*, к которым приводит деятельность правительства, т. е. речь идет об эффективности правительственной стратегии и тактики. Очевидным результатом здесь будет ответ об удовлетворенности или неудовлетворенности народа деятельностью правительства. Однако проблема эффективности гораздо сложнее. К тому же на начальном этапе выработки политики трудно бывает определить ее будущую эффективность.
4. При сравнительном изучении публичной политики речь идет прежде всего о деятельности *различных правительств*, но не ис-

ключительно. Исследователи-компаративисты часто сравнивают не страны и правительства, а отдельные регионы или локальные единицы управления внутри стран. Следует также сказать и о роли частного сектора, участвующего в осуществлении публичной политики. Таким образом, агенты публичной политики сегодня более разнообразны, чем просто столичные политики.

5. Последним элементом в определении является *курс действия или бездействия*, который, собственно, и представляет собой политику. Однако недостаточно определять курс через политические и управленческие решения или их отсутствие. Нужно иметь в виду весь комплекс практических действий по реализации решения. Если же говорить о бездействии правительства в каком-либо вопросе, то не всегда оно выражает какой-либо особый курс.

Айра Шаркански очень просто определяет существо публичной политики: «Публичной политикой является все то важное, что делает правительство» (*Sharkansky, 1982, p. 7*). Правда, это определение является неполным, с него можно начинать обсуждение темы, как подчеркивает автор. Значимость действий правительства, которые подпадают под определение политики, может быть зафиксирована финансовой стоимостью действий, числом задействованных людей или интенсивностью правительственной деятельности. Политика также может быть связана с конкретными вещами (строительством, услугами), но часто с регулированием активности или символами. Шаркански считает, что сравнительное исследование публичной политики прежде всего должно показать различия в политических формах и процессах, определяемых вариациями в контекстах, должно определять структуры, которые различают административные феномены и их деятельность, и структуры, которые объединяют административные феномены в их деятельность. Центральным здесь выступает поиск условий, прежде всего экономических, определяющих содержание публичной политики (*Ibid, p. 261*).

Публичная политика, по Лейну, фактически представляет собой деятельность агентов, вовлеченных в производство и исполнение решений относительно размещения общественных ресурсов, производства и распределения общественных благ. Две основные составляющие политики должны быть приняты во внимание:

- 1) производство политических решений после того, как состоялся коллективный выбор;
- 2) исполнение политики, воплощенной в решениях.

Формирование публичной политики определяется особенностью публичного сектора и природой общественных благ. Публичный сектор — сложно определяемое понятие. Он может отождествляться

со сферой правительственной активности и ее условиями; с производством основных государственных решений и его результатами; с правительственными расходами, инвестициями и трансферами; с государственным производством. Публичный сектор выражает сферу публичной политики. Общественные блага касаются целей публичной политики; последняя должна учитывать их основные качества: неисключаемость и совместность (*Lane, 1993*, р. 12–22).

Следует сказать, что сфера публичной политики в современном обществе имеет тенденцию к расширению. Показателем этого процесса может служить доля государственных расходов в валовом внутреннем продукте, которая фиксирует масштаб деятельности современного государства, а также масштаб публичного сектора (см. табл. 56).

Таблица 56

**Доля совокупных расходов государства в валовом внутреннем продукте
в 2009 г. (%)**

Страна	Доля расходов	Страна	Доля расходов
Франция	60,0	Германия	47,5
Финляндия	56,3	Норвегия	46,3
Швеция	55,2	Испания	45,8
Австрия	52,3	США ¹	41,2
Италия	51,9	Япония	39,5
Великобритания	51,6	Австралия ²	35,3
Нидерланды	51,4	Россия ³	34,2
Португалия	48,2	Корея (Южная)	30,5

Источник: OECD. StatExtracts (<http://stats.oecd.org>).

¹ Данные относятся к 2008 г.

² Источник: *Heidenheimer, Heclo, Adams, 1990*, р. 63; данные за 1992 г. подсчитаны по: *Reddy 1996*, pp. 38, 326, 349, 470, 665, 671, 694, 763, 888, 894, 973, 979; данные за 2008: OECD. StatExtracts (<http://stats.oecd.org>). Данные по России за 2007 г.: World Health Statistics. 2010 (www.who.int).

³ Данные за 2007 г.

Если рассматривать динамику роста доли совокупных расходов государств в валовом внутреннем продукте, то в Японии в 1970 г. эта доля составляла 20,0%, в 1989 г. — 32,4 %, в 2009 — 39,5; в Соединенных Штатах Америки — соответственно 32,5; 36,0 и 41,2%; в Швеции — 44,7; 61,5 и 55,2%, в Великобритании — 39,6; 40,5 и 51,6%, в Германии — 37,5; 43,8 (до объединения) и 47,5% (для 1970 и 1989 гг. использованы данные из: *Якобсон, 1996*, с. 28–29). В некоторых отраслях публичного

сектора, например в здравоохранении, растет доля публичных расходов (см. табл. 57).

Таблица 57

**Доля публичных расходов в общих расходах на здравоохранение
1960–2008¹**

Страна	1960	1975	1980	1985	1992	2008
Австралия	47,1	73,0	62,5	74,0	70,1	67,5 ¹⁰
Великобритания	84,6	90,9	89,5	91,2	85,3	82,6
Канада	43,6	76,7	74,3	76,2	74,7	70,2
Франция	58,1	77,9	80,0	79,1	74,2	77,8
Германия	68,1	80,8	79,7	78,0	72,5	76,8
Япония	60,0	73,2	69,7	72,7	73,8	81,9 ²
Нидерланды	33,3	76,6	79,3	78,3	72,2	62,5 ¹¹
Новая Зеландия	81,8	82,8	83,3	80,0	81,9	80,4
Норвегия	78,8	95,5	98,5	96,9	94,6	84,2
Швеция	72,3	90,0	92,6	90,4	89,8	81,9
Швейцария	60,6	66,2	65,3	68,4	68,0	59,1
США	25,0	42,9	42,4	41,1	44,1	46,5
Среднее по ОЭСР	60,0	75,4	77,5	76,7	75,1	—
Россия	—	—	—	—	—	64,2

¹ Данные за 2002 г.

Из таблицы видно, что за почти пятьдесят лет публичные расходы на здравоохранение выросли в большинстве стран. Исключение здесь составляют Великобритания, Новая Зеландия и Швейцария, но в Великобритании и Новой Зеландии расходы на здравоохранение из публичных источников все равно составляют значительную долю — более 80%. В Швейцарии уменьшение было тоже незначительным (всего на 1,5%). В некоторых странах рост был очень значительным. Так, в Австралии доля публичных расходов на здравоохранение увеличилась за этот период на 20,4 пункта, в Канаде — на 26,6 пункта, в Нидерландах — на 29,2 пункта, в США — на 21,5 пункта. Интересно, что процент расходов на здравоохранение из бюджета центрального правительства стран, которые характеризуются высокими общими расходами на эти цели, в 1990-е гг. была небольшой. Так, в Швеции эти расходы составили 0,3% в 1996 г., в Норвегии — 3,9% в 1995 г., в Японии — 1,6% в 1993 г. Наибольшая доля расходов из бюджета

была характерна для Франции — 21,7% в 1993 г., Швейцарии — 19,8% в 1995 г. и США — 19,7% в 1996 г. (*Россия, 1998*, с. 285–286).

Таблица 58

Таксономия сравнительного анализа политики

Основные теоретические тенденции	Детерминанты политики	Результаты политики и оценка
Основной предмет Противоположные концепты общества Противоположные определения политики Противоположные методы и единицы анализа	Уровни экономического развития Элиты Бюрократия Государство Типы политических режимов Политические партии Группы интересов	Сферы политики: здравоохранение, пенсионное обеспечение, политика доходов, образование, жилищная политика, налоги, занятость и т. д. Противоположные оценки: Краткосрочные: «влияние» политики, эффективность. Долговременные: систематические обстоятельства, т. е. «кризис» демократии, государство всеобщего благосостояния и/или капитализм; появление различных вариантов корпоративизма. Аналитические: релевантность эмпирических данных и концептуальных усовершенствований для построения теории; объяснения «истории», межсистемных различий и т. д. Прескриптивные

Источник: *Hancock, 1983*, p. 286.

Развернутое описание содержания публичной политики применительно к сравнительному исследованию предложил Дональд Хенкок (*Hancock, 1983*). В основе его таксономии категорий сравнительной публичной политики лежит широкое представление о компонентах политического процесса (policy process), включающее метатеоретические предпосылки об обществе, описание детерминант политики (как и почему производится политика) и оценку результатов публичной политики. Это систематическое описание Хенкок свел в таблицу (см. табл. 58).

Описывая эту схему, автор проводит различия между группами исследователей на основании различий их методологических подходов. Прежде всего выделяются различные трактовки общества, на которое воздействует публичная политика. Большинство исследователей основывается на либеральной концепции рационального индивидуального интереса и социального плюрализма. В соответствии с их методологией задача исследования публичной политики заключается в поиске экономических и поведенческих факторов, которые позволяли бы описывать и объяснять процесс выработки политических

решений. К этому направлению принадлежит большинство ученых. Меньшинство исследователей используют структурно-функциональный подход вместе с институционализмом. В соответствии с этим природа государственной политики, включая институциональные условия и деятельность элит по политическому выбору, играет центральную роль в детерминации результатов политики. Различаются исследователи и по концептуализации самой публичной политики. Естественно, что эти различия проистекают из различий в трактовке общества. Большинство компаративистов интерпретируют результаты политики как продукт априорных экономических, социальных или политических факторов. Здесь политика является зависимой переменной и описывается в терминах «выхода» политической системы. В противоположность подобному взгляду часть исследователей рассматривают политику как независимую переменную. В соответствии с этим результаты политики в значительной мере определяются самим процессом выработки решений, определения политической стратегии. Этот же процесс служит объяснительной переменной и для конфигурации политических систем. Как всегда, имеется и компромиссная методологическая ориентация, когда политика рассматривается и как зависимая, и как независимая переменная, что определяется контекстом исследования. Выявляя детерминанты политического выбора, компаративисты делают акцент либо на зависимости политики от экономики, либо на самостоятельной роли политических факторов, типа политических идей, национальных политических элит, политических партий и групп интересов, институтов государственной власти (*Hancock, 1983, p. 287–292*).

Публичная политика как ключевая фаза современного политического процесса включает регулирование таких областей, как здравоохранение, жилищное строительство, налоги, социальное страхование, экологическая безопасность, образование, занятость. Габриэль Алмонд и Бингхем Пауэлл определяют области сравнительного изучения публичной политики по результатам правительственной активности и видам правительственной деятельности по достижению поставленных целей. Они классифицируют эти действия и результаты по четырем группам. Во-первых, публичная политика различных государств может быть представлена в виде выделения ресурсов из национальных и международных источников, т. е. денег, товаров, людей и услуг, для обеспечения потребностей населения. Чисто количественная оценка публичной политики позволяет говорить о масштабах публичного сектора и о его структуре. Во-вторых, публичная политика характеризуется распределительной и перераспределительной активностью правительств. При сравнении государств важно ответить на вопрос, какие блага и почему перераспределяются в данном обществе.

В-третьих, публичная политика регулирует человеческое поведение, т. е. использует принуждение и стимулирование для осуществления согласия относительно выделения ресурсов и их распределения. В различных системах используются различные способы регулирования поведения и включения населения в процессы производства и распределения общественных благ. В значительной мере это определяется типом политической системы, характером публичной администрации. В-четвертых, публичная политика может быть охарактеризована символическим действием, политическими речами, праздниками, публичными мероприятиями, используемыми лидерами для социализации молодежи и идентификации населения с режимом, т. е. для вовлечения населения в желаемые формы поведения (*Almond, Powell, 1988, p. 120–121*).

Сфера сравнительного анализа публичной политики имеет границы, сопоставимые со сферой демократической теории. По всей видимости, публичная политика представляет собой особый род активности государства и других публичных организаций, нацеленной на удовлетворение потребностей населения, что особенно характерно для демократических государств и политических систем. Хотя и другие государства проводят публичную политику, демократическая публичная политика более разнообразна, широка по охвату предметов регулирования, отчетливо связана с демократическими характеристиками политической системы (партии, избирательные системы, ответственность государства, гражданские инициативы, местное самоуправление и т. д.). В этой связи Ричард Хофферберт и Дэвид Чингранелли пишут, что «в центре проблем, поставленных сравнительным анализом политики (*policy*), лежат темы, ключевые для демократической теории. Имеется ли систематическая связь между результатом правительственных действий и различиями в таких формах демократической практики, как виды репрезентации (например, равенство избирательных округов, пропорциональная или мажоритарная система выборов), структура политических партий и их действия, различия в конституционных деталях, результаты выборов? Могут ли институциональные усовершенствования изменить результаты политики? Или релевантность политических дифференциаций в политическом действии или правительственных институтах определяется непреодолимым давлением со стороны экономических ресурсов и социальных обстоятельств? Является ли современное государство всеобщего благосостояния опытом «регулирования бедности» или логическим следствием демократического политического устройства?» (*Hofferbert, Cingranelli, 1996, p. 594*). Сравнительный анализ публичной политики в сопоставлении со сравнительным анализом демократических систем показывает значительный уровень взаимодействия между ними.

В этом смысле сравнительная публичная политика в демократических государствах логически завершает тему демократии, так как последняя характеризуется не только институтами, процедурами, но и существом проводимой публичной политики. Демократические институты и процедуры дополняются здесь демократическими политическими стратегиями, содержание которых опирается на принцип приоритета прав человека, свободы и справедливости. Рассмотрим ряд подходов в сравнительном анализе публичной политики, которые выражают ее взаимосвязь с демократической теорией.

17.2. Политические системы и публичная политика

Связь между характером политической системы и характером публичной политики взаимная, хотя можно ставить вопрос и об их относительной самостоятельности. Политическая система часто определяет характер и направленность публичной политики, а последняя заставляет проводить модификацию структурных компонентов системы. В сравнительной политологии при изучении различных политических систем взаимная обусловленность системы и политики находит выражение в соответствующих типологиях. Александр Смит исследовал двенадцать случаев конфликтов по поводу публичной политики в пяти западных демократических странах с выделением четырех основных типов политических курсов (*Smith, 1975*). В центре его исследования лежит представление о результатах политики как некоем наборе или пучке правительственных решений по спорным вопросам. Дифференциация политических курсов строится на основании сравнения акторов, представляющих законодательную и исполнительную власти, и процессов принятия решений. В результате выделяются четыре основных типа публичной политики:

- 1) распределительная политика;
- 2) секторально-фрагментированная политика;
- 3) эмоциональная политика;
- 4) перераспределительная политика.

При этом тот или иной тип публичной политики используется в различных странах при решении конкретных проблем и не составляет устойчивой характеристики той или иной демократической системы. Фактически представленные типы публичной политики являются некими моделями, одинаково приспособленными для всех демократий при решении конкретных проблем. Так, в ФРГ распределительная политика использовалась при решении проблем, возникавших по поводу

субсидий для сельского хозяйства, а перераспределительная — в ходе конфликта по вопросу соучастия в решениях.

Иная попытка типологии публичной политики была предложена Гаем Питерсом, Джоном Дути и Кэтилин Маккуллох (*Peters, Doughtie, McCulloch, 1977*, р. 327–355). Свое исследование они построили на основе сравнения различных демократических стран, распределенных по типам демократий Арендтом Лейпхартом. Типы демократий сопоставляются с двумя переменными: поведением на «входе» политической системы и характером системы принятия решений. При этом две переменные включают два значения: интегрированное и фрагментированное поведение и интегрированная и фрагментированная системы принятия решений. В результате получаются четыре типа демократий, сопоставленных с четырьмя типами публичной политики (см. табл. 59).

Таблица 59

Объединенная типология политических систем и публичной политики

		Поведение на «входе»	
		интегрированное	фрагментированное
Система принятия решений	интегрированная	Деполитизированная демократия: Перераспределительная политика (Швеция)	Сообщественная демократия: Регулятивная политика (Нидерланды)
	фрагментированная	Центростремительная демократия: Саморегулятивная политика (Великобритания)	Центробежная демократия: Распределительная политика (Франция)

Источник: *Peters, Doughtie, McCulloch, 1977*, р. 335.

Понятия интегрированного и фрагментированного поведения и соответствующие системы принятия решений относятся к уровням фрагментации требований, поступающих в политическую систему из экономического и социального окружения. Деполитизированная демократия характеризуется коалиционным поведением элит, включением в процесс принятия решений всех основных групп интересов, низким уровнем политизации основных государственных проблем. Такая демократия проводит перераспределительную политику, повышая уровень равенства в обществе. Сообщественная демократия характеризуется фрагментированной политической культурой, совмещенной с коалиционным или согласованным поведением политических элит. Регулятивная публичная политика направлена на поддержание уже установленных равновесий за счет действий элитных групп. Центро-

стремительная демократия характеризуется относительно однородной политической культурой, активной конкуренцией между группами элит и заинтересованными группами за влияние на публичную политику. Центробежная демократия включает отсутствие согласия и интеграции как на уровне элит, так и на уровне масс, характеризуется неограниченным политическим конфликтом и сильным потенциалом для нестабильности и социальных взрывов. Политика распределения определяется силовым нажимом различных политических акторов, побеждающих в политической конкуренции.

Иной ракурс рассмотрения различных национальных типов публичной политики в зависимости от особенностей политических систем можно найти в работах Рана Премфорса (*Premfors, 1981*) и уже упоминавшейся работе Хайденхаймера, Хекло и Адамса (*Heidenheimer, Heclo, Adams, 1990*). В качестве основы сравнения эти исследователи используют различные *политические стили*, характеризующие принятие решений по публичным вопросам. Политические стили описываются следующим набором переменных, каждая из которых оценивается по шкале 1–3:

- 1) характер политических перемен, оцениваемый как радикальный, изредка радикальный и нерадикальный;
- 2) централизм: высоко централизованный стиль, централизованный и менее централизованный;
- 3) консультация: экстенсивно консультационный стиль, спокойный экстенсивно консультационный стиль, ограниченная консультация;
- 4) открытость: открытый, относительно закрытый, закрытый стиль;
- 5) конфликтный уровень: высокий, относительно низкий, низкий;
- 6) совещательный: высокий уровень совещательности, относительно совещательный, не очень совещательный.

Все эти переменные используются при сравнении формирования публичной политики (см. табл. 60).

Политический стиль в Великобритании характеризуется тенденцией к проведению широких консультаций, избеганием радикальных перемен в политике и стремлением не осуществлять действия, которые приводили бы к экзальтации хорошо организованных интересов. Французский стиль, наоборот, включает ориентацию на проведение радикальных перемен в политике, направленных на разрешение интенсивных конфликтов. Политический стиль в Швеции также отмечен радикальными переменами, но при этом проводятся широкие консуль-

тации и предпринимаются усилия, чтобы умиротворить оппозицию. Если оценить все три страны по шести переменным, то Швеция по четырем измерениям находится на первом месте, ее политика наиболее открыта и характеризуется широкими консультациями и высокой степенью совещательности. Великобритания оценивается в целом низкими показателями интенсивности радикализма политических перемен, совещательности и открытости. Франция оценивается высоко по уровню радикализма и централизации и низко по уровню консультаций. Данная типология была использована при анализе политики в сфере высшего образования в этих странах.

Таблица 60

Политические стили в Великобритании, Франции и Швеции

	Великобритания	Франция	Швеция
Перемены в политике	Нерадикальные (3)	Изредка радикальные (2)	Радикальные (1)
Централизм	Менее централизованный (3)	Высокоцентрализованный (1)	Централизованный (2)
Консультация	Умеренно экстенсивная консультация (2)	Ограниченная консультация (3)	Экстенсивная консультация (1)
Открытость	Закрытый (3)	Умеренно закрытый (2)	Открытый (1)
Конфликтный уровень	Умеренно низкий (2)	Высокий (1)	Низкий (3)
Совещание	Не очень совещательный (3)	Умеренно совещательный (2)	Очень совещательный (1)

Источник: *Heidenheimer, Hecllo, Adams, 1990*, p. 351.

17.3. Публичная политика и партии

Так как в современных демократиях партиям принадлежит решающая роль в определении политических курсов, при изучении публичной политики в различных странах обращается особое внимание на ее зависимость от идеологической ориентации властвующих партий и от характера партийных систем. Роберт Исаак делит возможные типы публичной политики исходя из существующего в современных обществах раскола на два основных партийных крыла: «левые» и «правые». По его мнению, существует три основных уровня, которые определяют процесс принятия политических стратегий в евро-

пейской политике: *субструктура* психокультурных форм, ценностей и идеологий; *инфраструктура* социально-экономического производства, транспорт, трудовые отношения и технология; *суперструктура* видимых социальных и правительственных взаимодействий, электропального поведения, партийных коалиций, правительственного производства решений и экономической торговли (Isaak, 1992, p. 2–3). Суперструктура, определяющая процесс выработки политических стратегий, включает «левые» и «правые» партии, отличающиеся по политико-экономическим доктринам. Политико-экономической доктриной «левых» является политика равенства, фокусирующаяся вокруг требования более равного распределения благ, услуг и возможностей в настоящем. На языке мотиваций эгалитарная идеология доказывает, что из-за прошлых отношений неравенства политическое действие должно направляться сегодня на перераспределение жизненных шансов ради социальной справедливости. Политико-экономическая доктрина «правых» — это политика продуктивности, подчеркивающая максимизацию экономического роста и индустриального и технологического развития в будущем. Индивидуальная свобода стимулирует производительный труд посредством рынка, и это является более важным, чем социальная справедливость. Идеология производительности имеет, таким образом, мотивацию, ориентированную на будущее: для создания большего благосостояния и продуктивности в будущем политическое действие должно было бы организовать общество таким образом, чтобы повысить производительность, обеспечить индустриальный и технологический рост. Если эта политика связана с сохранением неравенства жизненных шансов в обществе, с богатством и компетентностью, получающими наибольшие доходы, то так и должно быть. Капиталистический аргумент состоит в том, что каждому, богатому или бедному, будет лучше при росте производительности (Ibid, p. 18). Подобная дихотомия охватывает существо политических ориентаций партий и их влияние на выработку публичной политики. Эта ситуация подтверждается и эмпирическими сравнениями стран с различной степенью классовых конфликтов, объединения рабочих в профсоюзы и их связи с правящими социал-демократическим партиями. Правда, следует заметить, что взаимосвязи между партиями и публичной политикой не всегда однозначно и сильно определены.

Хайденхаймер, Хекло и Адамс посвящают проблеме взаимосвязи классовой политики, партий и государственной политики расходов на социальное обеспечение специальный раздел своей работы (Heidenheimer, Heclo, Adams, 1990, p. 225–229). В качестве зависимой

переменной они используют такой наиболее часто встречающийся в сравнительных исследованиях показатель, как доля расходов на социальное обеспечение в валовом национальном продукте, или «усилие по повышению благосостояния» («welfare effort»), как часто называют этот показатель в литературе. Страны распределены на пять групп в зависимости от того:

- 1) с какой степенью интенсивности политически мобилизуется рабочий класс (т. е. степень объединения его в профсоюзы и средний процент голосов, поданных за социал-демократические партии или другие «левые» партии);
- 2) как часто партии рабочего класса осуществляли контроль над правительством (доля портфель в правительстве или мест в парламенте «левых» партий и длительность их участия в правительстве).

Также использовался показатель голосования за «правые» партии. Таким образом в исследовании определялись страны, где мобилизация рабочего класса была наиболее сильной и контроль «левых» был достаточно стабильным (Швеция и Норвегия), и страны, где мобилизация была высокой, но контроль спорадическим (Великобритания) или низким (Австралия). Результаты эмпирического сравнения различных групп стран по среднему уровню расходов на социальное обеспечение в виде процента от валового национального продукта или валового внутреннего продукта были сведены в таблицу (см. табл. 61: *Ibid*, p. 226).

Данные, содержащиеся в таблице, подтверждают взаимную связь между властвующими «левыми» силами и высоким уровнем расходов на социальное обеспечение, хотя эта взаимосвязь и далека от абсолютности. Такие страны, как Нидерланды, Западная Германия и Франция, имеют высокие показатели, но не характеризуются высоким уровнем мобилизации и контроля со стороны «левых» над правительством. Некоторые исследователи, оценивая такие страны, как Нидерланды, Бельгия, Западная Германия, Австрия, находят объяснение в присутствии в политической системе мощных христианских партий, которые играют роль, подобную роли социал-демократии в Скандинавских странах. Политическое доминирование «левых» может не быть необходимым условием для высокого уровня социальных расходов, подчеркивают Хайденхаймер, Хекло и Адамс, но доминирование «правых» партий, по-видимому, помогает объяснению низкого уровня расходов на социальные нужды в богатых странах (*Ibid*, p. 227).

Таблица 61

**Доминирование «левых» или «правых» партий
и показатели социального обеспечения**

Мобилизация рабочего класса и контроль	Средний процент голосов за основную партию «правых»		Доля расходов на социальное обеспечение в ВВП/ВНП (в среднем)			
	1958–1972	1973–1986	1960–1967	1968–1973	1974–1979	1980–1986
Высокая мобилизация и стабильный контроль						
Австрия	45	42	14	16	18	20
Норвегия	19	26	9	12	14	15
Швеция	15	19	9	12	16	18
Высокая мобилизация и нестабильный контроль						
Бельгия	16	19	12	14	19	22
Велико- британия	45	40	7	9	11	14
Дания	19	23	8	11	14	17
Средний уровень мобилизации, низкий контроль						
Австралия	45	47	6	6	8	–
Франция	35	28	16	17	21	–
Италия	40	37	11	13	15	16
Низкая мобилизация, частичный контроль						
Нидерланды	12	19	–	18	24	27
Швейцария	22	21	7	9	13	13
Зап. Германия	46	47	12	13	17	17
Низкая мобилизация, «левые» политически исключены						
Канада	37	38	7	8	10	12
Япония	52	46	4	5	8	11
США	48	53	5	8	10	11

Интерес к взаимосвязи партийных программ и проводимой государством публичной политики стимулировался изменениями, которые происходили в характере партий в связи с кризисом традиционной партийной системы. Ранее говорилось о том, что новый тип партий — картельные партии — более свободно обращаются с идеологиями, зачастую неразличимы по провозглашаемым политическим целям, часто в процессе предвыборной борьбы меняют ориентиры. При всей неоднозначности связи между партиями и публичной по-

литикой, тем не менее сохраняется некоторая адекватность политики победившей партии или коалиции партий своим предвыборным обещаниям. Об этом свидетельствует исследование Ханца-Дитера Клингемана, Ричарда Хофферберта и Яна Баджа «Партии, политика и демократия», опубликованное в 1994 г. (*Klingeman, Hofferbert, Budge, 1994*). Они проверяли соответствие партийных предвыборных программ публичной политике в десяти странах. Партийные предвыборные программы изучались на предмет выявления обещаний, связанных с той или иной сферой общественной жизни. Операционализация партийных обещаний находила выражение в проценте соответствующих обещаний в общей совокупности программных установок. Публичная политика измерялась долей расходов на социальные нужды в соответствии с темами предвыборных обещаний. Результаты исследования показали, что, во-первых, предвыборные партийные программы являются более значимым предсказателем будущей публичной политики, чем это полагалось ранее; во-вторых, партии, вошедшие в правительство, и те, которые не вошли в него, рассматривают свои программы как влияющие на публичную политику, но победившие партийные программы сильнее связаны с публичной стратегией, чем проигравшие; в-третьих, относительная способность партий проводить свои программные проекты, кажется, не зависит от институциональных признаков (большинство или коалиция, объединенная или разделенная власть), которые часто рассматривались как воздействующие на обязанности партий в тех или иных демократических системах.

Существует, однако, в сравнительной политологии *школа Катрайта — Виленски*, представители которой на основе корреляционного анализа связи между публичной политикой и различными экономическими, социальными и политико-идеологическими факторами делают вывод о том, что более значимыми для определения политического курса выступают уровень экономического и социального развития, а не предвыборные программы политических партий. В этом смысле какая бы партия ни победила, она будет проводить приблизительно одну и ту же публичную политику. Политические же факторы оказывают влияние скорее на выбор времени введения новых социальных программ, а не на их содержание. Филипп Катрайт пишет: «Степень охвата населения государственным социальным обеспечением наиболее сильно коррелирует с уровнем экономического развития» (*Cutright, 1965*, p. 537). Этот же вывод делает и Гарольд Виленски: «Преимущественно экономический уровень является корневой причиной развития государства всеобщего благосостояния... Идеология не оказывает воздействия» (*Wilensky, 1975*, pp. 45, 47). Данная школа

исследования публичной политики подвергается критике на следующих основаниях.

1. Эта школа сводит публичную политику только к политике благосостояния и не рассматривает иные ее направления.
2. Выводы этой школы неприменимы к широким историческим периодам; исследования Катрайта — Виленски опираются на узкий исторический период 1950-х гг.
3. Этой школой не исследуется подробно временной момент введения тех или иных публичных программ.
4. Корреляционный анализ используется для широкого круга стран, начиная от слаборазвитых до высокоразвитых в экономическом отношении. Но этот анализ не позволяет дифференцировать факторы выбора политического курса применительно к странам одного и того же уровня развития.
5. Большинство стран, вовлеченных в орбиту анализа в данной школе, не имеют или не имели вообще партийных систем, или партийные системы в них находятся в зачаточном состоянии.

«Фактически, — пишет Энтони Кинг, — в противоположность широко распространенному убеждению большинство недавних исследований публичной политики в демократических государствах с использованием корреляционного анализа не подтверждают результатов, достигнутых в литературе по американским штатам и последователями Катрайта — Виленски. Наоборот, они определенно свидетельствуют, что исследования публичной политики могут хорошо ее описывать через политические партии или коалиции партий, которые находятся у власти; они имеют дело с теми, кто победил на последних выборах» (*King, 1981, p. 316*).

Исследования публичной политики и демократии за последние четыре десятилетия показали, что при всех возможных детерминантах или факторах выбора политического курса существует тесная зависимость между политическим режимом и ориентацией государства на удовлетворение общественных благ. Несмотря на критику школы, акцентирующей внимание на экономических и социальных условиях публичной политики, остается значимым учет именно этих условий, так как политика не вырабатывается в вакууме. Выбор тех, кто формулирует политические цели и принимает политические решения, опирается на возможности общества и его материальные ресурсы. Вместе с тем учет действия политических партий и их идеологий позволяет наполнить общую детерминационную схему живым дыханием политики, хотя не все еще ясно в вопросе о влиянии характера партийной системы, форм репрезентации, государственного устройства на публичную политику. Теория публичного выбора активно

используется для описания публичной политики, позволяя создать логическую картину поведения акторов при выборе публичных целей, когда ориентация на максимизацию собственной выгоды сочетается с институциональными условиями государства.

Основные понятия

Публичная политика, таксономия сравнительного анализа публичной политики, типы публичной политики, стили публичной политики, партии и публичная политика.

Основная литература

- Глобализация и социальная политика развитых стран. М.: ИНИОН, 2008.
Гомберт Т., Блезюс Ю., Крель К., Тиене М. Курс социальной демократии. Часть 1. Основы социальной демократии. — М.: РОССПЭН, 2010.
Красильщиков В. А. Человеческое развитие и изменения в мировой системе (опыт количественного анализа). — М.: Ин-т Лат. Ам. РАН, 2010.
Сидорина Т. Ю. Два века социальной политики. — М.: РГГУ, 2005.
Социальная Европа в XXI веке / Под ред. М. В. Каргаловой. — М.: Весь мир, 2011.

Дополнительная литература

- Актуальные проблемы Европы. № 1: Иммигранты в Европе. Проблемы социальной и культурной адаптации. — М.: ИНИОН, 2006.
Волгин Н. А. Социальная политика. — М.: Экзамен, 2008.
Государственная политика и стратегии выживания домохозяйств. — М.: Изд. дом. ГУ — Высш. шк. экономики, 2003.
Доклад о развитии человека 2009. Преодоление барьеров. Человеческая мобильность и развитие. — М.: Весь мир, 2009.
Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. 2008. Россия перед лицом демографических вызовов. — М.: ПриПресс Интернэшнл, 2009.
Кустарев А. С. Социальное время и социальная политика в XXI веке. — М.: ИНИОН, 2002.
Обеспечение равенства полов: политика стран Западной Европы. — М.: Идея-Пресс, 2000.
Социальное неравенство. Изменения в социальной структуре. Европейская перспектива. — СПб.: Алетейя, 2008.
Социальное неравенство и публичная политика. — М.: Культурная Революция, 2007.

Заключение

В заключении к учебнику 2002 г. я писал, что, по-видимому, плюралистический этап в развитии сравнительной политологии завершается и что «строгие компаративисты» находят спасительную палочку-выручалочку в экспансии экономической методологии в политические исследования. Так в основном и произошло, но все же сравнительная политология не полностью была захвачена экономическими империалистами. Сам неoinституционализм в качестве ведущей методологии оказался весьма дифференцированным и не таким жестким. Конечно, ведущей в нем была экономическая тенденция, но исторический, социологический, коммуникационный, дискурсивный и т. д. институционализмы оказались весьма плодотворными для исследования реальной политической практики. Отмеченный выше кризис экономизма сопровождается поиском новых методологий, которые пытаются опереться на политическую философию и быть созвучными особенностям политики.

Когда Джованни Сартори писал о трех типах исследователей — одни сверхчувствительны к методологии, другие знают ее ограничения, а третьи не обращают на нее никакого внимания, он описывал реальную ситуацию. В этом смысле политолог-компаративист не исключение. Другой вопрос, что, даже не обращая внимание на следование какой-то определенной методологии, ученый все равно выбирает позицию, будет ли она соответствовать господствующей тенденции, или нет. Пожалуй, методологические вопросы более интересны и стимулируются самими методологами, которые превратили их в «доходную» отрасль научной деятельности. Старое суждение о том, что метод определяется предметом, а последний и привлекает ученого, принимается значительным большинством. Сравнительная политология не находится в стороне от этого процесса. Описывая состояние данной отрасли, я не пытался следовать какой-либо одной установке. Для меня важно было показать, что политика в качестве предмета сравнительного исследования обладает богатыми возможностями, что она имеет свою историю и развитие, и это фиксируется компаративистами. Будем ли мы подвергать сомнению понятие «адекватности» теории практике, или нет, но результаты сравнения используются и весьма неплохо. В этой связи отмечу один примечательный факт

активного использования различных компаративных индексов для позиционирования стран в мире. Основу здесь составили, конечно, индексы демократии, которые развивались в сравнительной политологии начиная с 1960-х гг. Это направление оказалось не только интересным для исследований, но и приобрело политическое значение. Ранжирование стран стало политическим инструментом оценивания эффективности политических режимов и процессов.

В сравнительной политологии сегодня есть множество тем и сюжетов. Темой демократии сравнительная политология не ограничивается. Но многие методологические и методические установки, используемые при ее изучении, могут сослужить службу и применительно к другим темам. Можно, конечно, спорить о том, наступил ли «конец истории», т. е. можем ли мы говорить о полной победе демократических ценностей, по крайней мере относительно решения вопроса, какая система лучше. По-видимому, западный исследователь-компаративист пока не освободился до конца от постоянно критикуемой черты сравнительных исследований — западоцентризма. Стоит внимательно посмотреть на возможности восточной демократии, основанной на сочетании традиционных ценностей с новыми веяниями. Не случайно некоторые исследователи все более и более обращают внимание на демократический потенциал ислама и других восточных традиционных религий. В этом отношении поле сравнительных исследований остается открытым. Мало внимания уделяется также постсоветскому и постсоциалистическому пространству, и здесь должны свое слово сказать отечественные исследователи-компаративисты. При этом, конечно, нужно «не создавать велосипед», а с толком использовать уже наработанное за многие десятилетия сравнительных исследований на Западе.

Содержание учебника ограничено в большей мере 1960–2000 гг. В целом за пределами рассмотрения осталась богатая литература по сравнительным исследованиям в области истории политической мысли и истории политической науки. Совсем не затронут вопрос о российском опыте сравнительных политических исследований. Больше говорится о качественном методе сравнения, но, скорее, в области методологии. Остался в тени вопрос о сравнительном политико-культурном исследовании, о соотношении демократии и войны, об элитах и публичной администрации и т. д. Но если удалось дополнить представление о сравнительной политологии, повернуть внимание студента в сторону компаративистики, то задача может считаться выполненной.

Литература

- Административные реформы в контексте властных отношений / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. — М.: РОССПЭН, 2008.
- Аксеновский Д. И. Политическое событие как экономия и предел власти: опыт категоризации // Вестник РГГУ, 2008. № 1.
- Алескеров Ф. Т., Ортегуч П. Выборы. Голосование. Партии. — М.: Academia, 1995.
- Алескеров Ф. Т., Соколова А. В., Благовещенский Н. Ю., Сатаров Г. А., Якуба В. И. Влияние и структурная устойчивость в Российском парламенте (1905–1917 и 1993–2005 гг.). — М.: Физматлит, 2007.
- Алескеров Ф. Т., Хабина Э. Л., Шварц Д. А. Бинарные отношения, графы и коллективные решения. — М.: Изд. Дом ГУ; Высш. шк. экономики, 2006.
- Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. — М.: Аспект-пресс, 2002.
- Андерсон Дж. Федерализм. Введение. — М.: Экономика, 2009.
- Андряинов В. Д. Бюрократия, коррупция и эффективность государственного управления. — М.: Волтерс Клувер, 2011.
- Анурии В. Ф. Эмпирическая социология. — М.: Академический проект, 2003.
- Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни. — СПб.: Алетейя, 2000.
- Ахременко А. С. Политический анализ и прогнозирование: Учебное пособие. — М.: Гардарики, 2006.
- Ачкасов В. А. Сравнительная политология. — М.: Аспект-пресс, 2011.
- Бадью А. Можно ли мыслить политику? Краткий курс по метаполитике. — М.: Логос, 2005.
- Баранов Н. А. Трансформации современной демократии. — СПб.: Изд-во БГТУ, 2006.
- Баталов Э. Я. Проблема демократии в американской политической мысли XX века. — М.: Прогресс-традиция, 2010.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. — М., 1995.
- Бешлер Ж. Демократия. Аналитический очерк. — М.: UNESCO, 1994.
- Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики // Бьюкенен Дж. Соч. Т. 1. — М.: Таурус Альфа, 1997.
- Бьюкенен Дж., Таллок Г. Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии // Бьюкенен Дж. Соч. Т. 1. — М.: Таурус Альфа, 1997.
- Василенко И. А. Административно-государственное управление в странах Запада: США, Великобритания, Франция, Германия. — М.: Логос, 1998.
- Василенко И. А. Сравнительная политология. — М.: Юрайт, Высшее образование, 2009.
- Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — С. 345–415.

- Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — С. 644–706.
- Воскресенский А. Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. — М.: Аспект-пресс, 2007.
- Выборы в посткоммунистических обществах. Пробл.-тем. сб. / Отв. ред. Е. Ю. Мелешкина. — М.: ИНИОН, 2000.
- Гаман-Голутвина О. В. Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе (I, II) // Политические исследования. Полис, 2006. № 2, 3.
- Гельман В. Я. Из огня да в полымя? (Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе) // Политические исследования. Полис, 2007. № 2.
- Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации / Пер. с англ. И. Тюриной. — М.: Академический Проект, 2003.
- Глазерсфельд Э. фон. Введение в радикальный конструктивизм // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2001. № 4.
- Глушко Е. К. Административные реформы (зарубежный и российский опыт). — М.: ТЕИС, 2009.
- Голосов Г. В. Партийные системы России и стран Восточной Европы. — М., 1999.
- Голосов Г. В. Сравнительная политология. — СПб.: Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2001.
- Голосов Г. В., Мелешкина Е. Ю. Политические партии и выборы. Учебное пособие. — СПб.: Борей-Арт, 2001.
- Голосов Г. В., Шевченко Ю. Д. Независимые кандидаты и зависимые избиратели: влияние социальных сетей на электоральную политику в России // Полис. Университетская политология в России. — М., 1999.
- Голубева Л. А., Черноков А. Э. Сравнительное государствоведение. — СПб.: Знание, 2009.
- Государственная политика и управление: Учебник в 2 ч. Часть 2: Уровни, технологии, зарубежный опыт государственной политики и управления / Под ред. Л. В. Сморгунова. — М.: РОССПЭН, 2007.
- Государственная служба. Комплексный подход. — М.: Дело АНХ, 2009.
- Грибанова Г. И. Местное самоуправление в Западной Европе. Сравнительный анализ политико-социологических аспектов. — СПб.: Изд-во РГПУ, 1998.
- Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. — СПб.: Владимир Даль, 2004.
- Дайамонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? // Политические исследования. Полис. 1999. № 1.
- Даль Р. А. Введение в теорию демократии. — М.: Наука и СП «Квадрат», 1992.
- Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция. — М.: Изд. Дом ГУ; Высш. шк. экономики, 2010.
- Демократическое правовое государство и гражданское общество в странах Центрально-Восточной Европы. — М.: Наука, 2005.
- Демократия в Западной Европе XX века / Отв. ред. М. М. Наринский — М.: ИВИ РАН, 1996.
- Демократия в современном мире / Под ред. Я. А. Пляйса, А. Б. Шатилова. — М.: РОСПЭН, 2009.
- Дербишайр Дж., Дербишайр Я. Политические системы мира: В 2 т. — М.: Рипол Классик, 2004.
- Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. — М.: Социально-политический журнал, 1994.

- Дюверже М. Политические партии. — М.: Академический проект, 2000.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. — М.: Наука, 1990. — С. 471–481.
- Елисеев С. М. Выйти из «бермудского треугольника»: о методологии исследования посткоммунистических трансформаций // Полис. 2006. № 2.
- Елисеев С. М. Политическая социология. — СПб.: Нестор-история, 2007.
- Желтов В. В. Сравнительная политология. — М.: Академический проект, 2008.
- Зазнаев О. И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. — Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2006.
- Заславский С. Е. Основы теории политических партий. — М.: Европа, 2007.
- Ильин М. В. Сравнительная политология. Научная компаративистика в системе политического знания // Полис. 2001. № 4. — С. 162–165.
- Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. — М.: Новое издательство, 2011.
- Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С. В. Патрушева. — М.: ИСИ, 2006.
- Исаев Б. А. Теория партий и партийных систем. — М.: Аспект-пресс, 2008.
- Исаев М. А., Чеканский А. Н., Шишкин В. Н. Политическая система стран Скандинавии и Финляндии. — М., 2000.
- Испания. Траектория модернизации на исходе двадцатого века. — М.: [б. и.], 2006.
- Истон Д. Новая революция в политической науке // Социально-политический журнал. 1993. № 8.
- Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли. Зарубежная политическая мысль: В 5 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1997.
- Карл Т., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы // Политические исследования. Полис. 2004. № 4.
- Кастельс Г. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. — М., 1999.
- Кастельс Г. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. — М., 2002.
- Клима Р., Ходж Дж. Математика выборов. — М.: МЦНМО, 2007.
- Ковалевский М. М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права. — СПб., 1880.
- Ковалевский М. М. Современные социологи. — М.: ЛКИ, 2008.
- Козырин А. Н., Глушко Е. К. Правительство в зарубежных странах. — М.: Ось-89, 2009.
- Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / Под ред. В. А. Лекторского. — М.: Канон+, 2009.
- Коуз Р. Рынок, фирма, право. — М., 1993.
- Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность, 2001. № 3.
- Крауч К. Постдемократия. — М.: Изд. дом ГУ — Высш. шк. экономики, 2010.
- Лапкин В. В., Пантин В. И. Освоение институтов и ценностей демократии украинским и российским массовым сознанием (Предварительные итоги) // Полис, 2005. № 1.
- Латинская Америка. Испытание демократии. Векторы политической модернизации. В 2 т. — М.: Ин-т Лат. Ам. РАН, 2009.
- Лейн Ж.-Э., Эррсон С. Сравнительная политология: от политической социологии к сравнительной социальной политике // Политические про-

- цессы в России в сравнительном измерении / Под ред. М. А. Василика и Л. В. Сморгунова. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997.
- Лейпхарт А.* Конституционные основы для новых демократий // Политические исследования. Полис, 1995. № 5.
- Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах: Сравнительное исследование. — М.: Аспект пресс, 1997.
- Линц Х.* Угрозы президентства // Век XX и мир. 1994. № 7–8.
- Липсет С. М., Сен К.-Р., Торрес Д. Ч.* Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии // Международный журнал социальных наук. Сравнительная политология. 1993. № 3.
- Макферон К. Б.* Жизнь и времена либеральной демократии. — М.: Изд. Дом ГУ — Высш. шк. экономики, 2011.
- Малинова О. Ю.* Идеи как независимые переменные в политических исследованиях: в поисках адекватной методологии // Политические исследования. Полис. 2010. № 3.
- Мангейм Д., Рич Р.* Политология. Методы исследования. — М.: Весь мир, 1997.
- Медушевский А. Н.* Сравнительное конституционное право и политические институты. Курс лекций. — М.: Изд. дом ГУ — Высш. шк. экономики, 2002.
- Мельвил А. Ю.* И вновь об условиях и предпосылках движения к демократии // Политические исследования. Полис. 1997. № 1.
- Мельвил А. Ю.* Демократические транзиты. Теоретико-методологические и прикладные аспекты. — М., 1999.
- Мельвил А. Ю., Сергеев В. М.* От метафоры к объяснительной модели: «волны демократизации» и «воронка причинности» // Принципы и направления политических исследований. — М.: РОССПЭН, 2002.
- Мельвил А. Ю. и др.* Политический атлас современности. Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. — М.: РОССПЭН, 2007.
- Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. — СПб., 1999.
- Мерриам Ч.* Новые аспекты политики // Социально-политический журнал. 1996. № 5.
- Метер К. ван* Методология социологии // Международный журнал социальных наук. 1994. № 6.
- Миронок М. Г.* Современный федерализм: Сравнительный анализ. — М.: РОССПЭН, 2008.
- Митрохина Т. Н.* Методология политической компаративистики. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004.
- Митрохина Т. Н., Баскакова Ю. М.* Моделирование политической реальности: качественные и количественные аспекты. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2005.
- Мозунова М. А.* Скандинавский парламентаризм. Теория и практика. — М.: РГГУ, 2001.
- Можно ли в борьбе с коррупцией использовать зарубежный опыт? — М.: Норма, 2010.
- Морозова Е. Г.* Политический рынок и маркетинг: концепции, модели, технологии. — М., 1998.
- Морозова Е. В., Мирошниченко И. В.* Сетевые сообщества в условиях чрезвычайных ситуаций: новые возможности для граждан и для власти // Политические исследования. Полис. 2011. № 1.
- Мюллер Д.* Общественный выбор. III / Пер. с англ под ред. А. П. Заостровцева, А. С. Скоробогатова. — М.: ГУ — Высшая школа экономики, 2007.

- Нанси Ж.-Л. Бытие единственное множественное. — Минск: Логвинов, 2004.
- Национализм и популизм в Восточной Европе. — М.: ИНИОН, 2007.
- Нейман Дж. фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. — М.: Наука, 1970.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М.: Начала, 1997.
- Оболонский А. В. Бюрократия для XXI века? Модели государственной службы: Россия, США, Англия, Австралия. — М.: Дело, 2002.
- Олсон М. Логика коллективного действия. — М.: ФЭИ, 1995.
- Ортегук П. Эволюция политической теории Запада и проблемы институционального дизайна // Вопросы философии. 1994. № 3.
- Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. — М.: РОССПЭН, 1997.
- Панов П. В. Теории политических институтов: Учебное пособие для вузов. — Пермь: Пушкина, 2004.
- Парламентаризм в России и Германии. История и современность / Отв. ред. Я. А. Пляйс, О. В. Гаман-Голутвина. — М.: РОССПЭН, 2006.
- Партии и выборы. Хрестоматия: В 2 ч. — М.: ИНИОН, 2004.
- Патнэм Р. Чтобы демократия работала. — М., 1996.
- Питерс Г. Б. Гражданская служба в условиях укрепления демократии // Международный журнал социальных наук. Измерение и оценка развития. 1995. № 10.
- Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства / Под ред. Е. Ю. Мелешкиной. — М.: ИНИОН, 2009.
- Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990–2007) / Отв. ред. О. Ю. Малинова. — М.: РОССПЭН, 2008.
- Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингемана. — М.: Вече, 1999.
- Политическая наука. № 1: Политические партии и партийные системы в современном мире. — М.: ИНИОН, 2006.
- Политическая наука. № 4: Научное наследие Стейна Роккана / Ред.-сост. Е. Ю. Мелешкина, М. В. Ильин. — М.: ИНИОН, 2006.
- Политическая наука. Сб. научн. тр. № 4: Идеи и символы в политике: Методологические проблемы и современные исследования / Ред.-сост. О. Ю. Малинова. — М.: ИНИОН, 2009.
- Политические системы и политическая культура. — М.: МГИМО-университет, 2008.
- Политические системы и политическая культура Востока. — М.: АСТ; Восток-Запад, 2007.
- Политический процесс и эволюция политических институтов в XX веке. Учебное пособие / Под ред. П. Ю. Рахшмира, Л. А. Фадеевой. — Пермь: Изд-во Перм. ГУ, 2005.
- Политология. Лексикон / Под ред. А. И. Соловьева. — М.: РОССПЭН, 2007.
- Попова О. В. Политический анализ и прогнозирование. — Спб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009.
- Поповиц М., Пинейру П. Как консолидировать демократию? Взгляд сквозь призму прав человека // Международный журнал социальных наук. Измерение и оценка развития. 1995. № 10.
- Пронкин С. В., Петрунина О. Е. Государственное управление зарубежных стран. — М.: Аспект-пресс, 2004.
- Пшевровский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. — М.: РОССПЭН, 1999.

- Пишова С. Н.* Демократия и политический рынок в сравнительной перспективе (I, II) // Политические исследования. Полис. 2000. № 2, 3.
- Рациональный выбор в политике и управлении / Под ред. Л. В. Сморгунова. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998.
- Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетия. — М.: Наука, 2001.
- Riggs Ф.* Непрочность режимов «третьего мира» // Международный журнал социальных наук. Сравнительная политология. 1993. № 3.
- Россия и Центрально-Восточная Европа: трансформации в конце XX — начале XXI века: В 2 т. — М.: Наука, 2005.
- Растоу Д.* Переходы к демократии: попытка динамической модели // Политические исследования. Полис. 1996. № 5.
- Россия и страны мира. Официальное издание. Статистический сборник / Госкомстат России. М., 1998.
- Роузфилд Ст.* Сравнительная экономика стран мира. Культура, богатство и власть в XXI веке. — М.: РОССПЭН, 2004.
- Саидов А. Х.* Национальные парламенты мира. Энциклопедический справочник. — М.: Клувер, 2005.
- Салмин А. М.* Современная демократия: очерки становления. 2-е изд., расш. и испр. — М.: Ad Marginem, 1997.
- Селезнев Л. И.* Политические системы современности: Сравнительный анализ. — СПб., 1995.
- Сен А.* Развитие как свобода. — М.: Новое издательство, 2004.
- Сергеев В. М., Сергеев К. В.* Механизмы эволюции политической структуры общества: социальные иерархии и социальные сети // Политические исследования. Полис. 2003. № 3.
- Скрипкина Ж. Б.* Избирательные системы и технологии. — М.: Вузовский учебник, 2006.
- Смелзер Н.* Социология. — М.: Феникс, 1998.
- Смирнова Н. М.* Социальная феноменология в изучении современного общества. — М.: Канон-Плюс, 2009.
- Смит Э.* Национализм и модернизм. — М.: Праксис, 2004.
- Сморгунов Л. В.* Гуманитарные технологии и формирование политического события // Гуманитарные технологии и политический процесс в России / Под ред. Л. В. Сморгунова. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001.
- Сморгунов Л. В.* Современная сравнительная политология. — М.: РОССПЭН, 2002.
- Современная сравнительная политология. Хрестоматия / Под ред. Г. В. Голосова, Л. А. Галкиной. — М.: МОНФ, 1997.
- Современный федерализм: состояние и тенденции развития / Отв. ред. О. Е. Кутафин. — М., 1999.
- Сравнительная социология. Избранные переводы / Под ред. И. Б. Орловой. — М.: Academia, 1995.
- Сравнительное государственное управление. Теория, реформы, эффективность / Под ред. Л. В. Сморгунова. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000.
- Сравнительное избирательное право / Под ред. В. В. Маклакова. — М., 2003.
- Стрем К.* Кубический закон. О распределении мест в соответствии с результатами голосования // Теория и методы в современной политической науке: первая попытка теоретического синтеза / Под ред. С. У. Ларсена. — М.: РОССПЭН, 2009.

- Танин-Львов А. А. Выборы во всем мире. Электоральная свобода и общественный прогресс. Энциклопедический словарь. — М.: РОССПЭН, 2001.
- Татарова Ю. Н. Типологический анализ в социологии. — М.: Стратегия, 1993.
- Теория и методы в современной политической науке / Под ред. Ст. Ларсена. — М.: РОССПЭН, 2009.
- Теория партий и партийных систем. Хрестоматия / Под ред. Б. А. Исаева. — М.: Аспект-пресс, 2008.
- Тернер Ф. С., де Силей М. К. Равенство и демократия // Международный журнал социальных наук. Сравнительная политология. 1993. № 3.
- Тили Ч. Демократия. — М.: РОССПЭН, 2007.
- Ткачев Д. Ш. Особенности функционирования институтов и социальных сетей на постсоветском пространстве // Политические исследования. Полис. 2006. № 1.
- Фарушкин М. Х. Сравнительный федерализм: Учебник по спецкурсу. — Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2001.
- Фарушкин М. Х. Федерализм: теоретические и прикладные аспекты. — М.: Юрист, 2004.
- Федерализм в России и Канаде. — М.: Формула права, 2009.
- Федерализм: Теория, институты, отношения. Сравнительно-правовое исследование / Под ред. Б. Н. Топорнина. — М., 2001.
- Федосеев А. А. Современная американская буржуазная политология: Истоки, традиции, новации. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.
- Филиппов А. Ф. К теории социальных событий // Логос. 2004. № 5.
- Филиппов А. Ф. Пространство политических событий // Политические исследования. Полис. 2005. № 2.
- Фюре Ф. Постигание Французской революции. — СПб.: Инапресс, 1998.
- Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. — М.: РОССПЭН, 2003.
- Чилкот Р. Теории сравнительной политологии. — М.: Весь мир, 2001.
- Чиркин В. Е. Современное федеративное государство. — М.: МНИМП, 1997.
- Чичерин Б. Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998.
- Швери Р. Теория рационального выбора: универсальное средство или экономический империализм? // Вопросы экономики. 1997. № 7.
- Шмитт К. Политическая теология. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.
- Шмиттер Ф. Процесс демократического транзита и консолидация демократии // Политические исследования. Полис. 1999. № 3.
- Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. — М.: Экономика, 1995.
- Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом. — М., 2004.
- Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. — М., 1997.
- Щербакова Ю. А. Политический плюрализм и демократическое развитие Чехии и Словакии. — М.: ИНИОН, 2004.
- Экономическая социология. Новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Под ред. В. В. Радаева. — М.: РОССПЭН, 2002.
- Эндрейн Ч. Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования. — М.: Изд. дом «ИНФРА-М»; Изд-во «Весь Мир», 2000.
- Эрроу К. Коллективный выбор и индивидуальные ценности. — М.: ГУ — Высш. шк. экономики, 2004.
- Яжборовская И. С. Глобализация и опыт трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. — М.: Academia, 2008.

Якобсон Л. И. Экономика общественного сектора. М.: Наука, 1996.

Abell P. Rational Choice Theory or Rational Choice of Theory? // Rational Choice Theory. Advocacy and Critique / J. Coleman and T. H. Fararo (eds.). — Newbury Park; London; New Delhi: Sage Publications, 1992.

Achen C. Toward Theories of Data: The State of Political Methodology // Political Science. The State of the Discipline / A. Finifter (ed.). — Washington: APSA, 1983.

Almond G. A. Voice from the Chicago School // Comparative European Politics. The Story of a Profession. Ed. by H. Daalder. — London, N.-Y.: Pinter, 1997. Pp. 54–67.

Almond G. A. Discipline Divided. Schools and Sects in Political Science. — Newbury Park; London; New Delhi: Sage Publications, 1990. — 348 p.

Almond G. A. Political Development. — Boston: Little & Brown, 1970.

Almond G., Flanagan S. and Mundt R. (eds.). Crisis, Choice, and Change: Historical Stories of Political Development. — Boston: Little, Brown and Co, 1973.

Almond G., Powell B. Comparative Politics: A Developmental Approach. — Boston: Little, Brown and Co, 1966.

Almond G., Powell B. (eds.). Comparative Politics Today. A World View. 4th ed. — Glenview; Boston; London: Scott, Foresman and Company, 1988.

Almond G. A. Introduction: A Functional Approach to Comparative Politics // The Politics of Developing Areas / G. Almond and S. Coleman (eds.). — Princeton: Princeton University Press, 1960.

Anderson C. Parties, Party Systems, and Satisfaction with Democratic Performance in the New Europe // Political Studies. 1998. Vol. 46. № 3.

Anttila St. Aspects of Macro-Sociological Methodology. — Uppsala: Uppsala University, 1993.

Apter D. Comparative Politics, Old and New // A New Handbook of Political Science / R. Goodin and H.-D. Klingeman (eds.). — N.-Y.: Oxford University Press, 1996.

Arat Z. Democracy and Human Rights in Developing Countries. — London, 1991.

Arrow K. Social Choice and Individual Values. — N.-Y.: John Wiley and Sons, 1951.

Asher H. Voting Behavior Research in the 1980s: An Examination of Some Old and New Problem Areas // Political Science. The State of the Discipline / A. Finifter (ed.). — Washington: American Political Science Association, 1983.

Axelrod R. Conflict of Interests. — Chicago: Markham, 1970.

Axelrod R. The Evolution of Cooperation. — N.-Y.: Basic Books, 1984.

Badie A. Comparative Analysis in Political Science: Requiem or Resurrection // Political Studies. 1989. Vol. 37.

Badiou A. *Being and Event*. — L., N.-Y.: Continuum, 2007.

Banzhaf J. Weighted Voting Doesn't Work: A Mathematical Analysis // Rutgers Law Review. 1965. Vol. 19. № 1.

Barber B. Jihad vs McWorld // Comparative Politics. Annual Editions. 94/95. — Guilford: The Dushkin Publishing Group, 1994.

Bartolini St. On Time and Comparative Research // Journal of Theoretical Politics. 1993. Vol. 5. № 2.

Beam D., Conlan T., Walker D. Federalism: The Challenge of Conflicting Theories and Contemporary Practice // Political Science. The State of the Discipline / Ed. by A. Finifter. — Washington, DC: APSA, 1983.

Beetham D. The Idea of Democratic Audit in Comparative Perspective // Parliamentary Affairs. A Journal of Comparative Politics. 1999. Vol. 52. № 4.

- Beyme K. von* Party Leadership and Change in Party Systems: Towards a Post-modern Party State? // Government and Opposition. 1996. Vol. 31. № 2.
- Bill J. A., Hardgrave R. L.* Comparative Politics. The Quest for Theory. — London: Lanham, 1981.
- Blatter J.* Beyond Hierarchies and Networks: Institutional Logics and Change in Transboundary Spaces // Governance: An International Journal of Policy, Administration and Institutions. 2003. Vol. 16. № 4.
- Blondel J.* Party Systems and Patterns of Government in Western Democracies // Canadian Journal of Political Science. 1968. Vol. 1. № 2.
- Blondel J.* Comparative Government: An Introduction. — Hempstead: Philip Allan, 1990.
- Blondel J.* Then and Now: Comparative Politics // Political Studies. 1999. Vol. 47. № 1.
- Bogason P., Toonen T.* Introduction: Networks in Public Administration // Public Administration. 1998. Vol. 76. № 2.
- Bogdanor V.* Comparative Politics. // The British Study of Politics in the Twentieth Century. (eds. Hayward J., Barry B., Brown A.) Oxf.: Oxford University Press, 1999.
- Bollen K.* Issues in the Comparative Measurement of Political Democracy // American Sociological Review. 1980. Vol. 45. № 2.
- Bollen K.* Liberal Democracy: Validity and Method Factors in Cross-National Measures // American Journal of Political Science. 1993. Vol. 37. № 4.
- Bollen K.* Political Democracy and the Timing of Development // American Sociological Review. 1979. Vol. 44. № 2.
- Bonnafé D.* Faits and Opinions // Eurobarometer. 1989. November.
- Borras S.* The Cognitive Turn(s) in EU Studies // Research Paper of Roskilde University. 1999. № 6.
- Börzel T.* Organizing Babylon — on the Different Conceptions of Policy Networks // Public Administration. 1998a. Vol. 76. № 2.
- Börzel T.* Rediscovering Policy Networks as a Form of Modern Governance // Journal of European Public Policy. 1998. Vol. 5. № 2.
- Boston J., Martin J., Pallot J., Walsh P.* Public Management: The New Zealand Model. — Melbourne, N.-Y., Toronto: Oxford University Press, 1996.
- Brams S., Fishburn P.* Deducing Preferences and Choices in the 1980 Presidential Election // Electoral Studies. 1982. Vol. 1. № 2.
- Brudney J., Hebert F., Wright D.* Reinventing Government in the American States: Measuring and Explaining Reform // Public Administration Review. 1999. Vol. 59. № 1.
- Bryce J.* Modern Democracies. — 1921.
- Buchanan J.* The Constitution of Economic Policy. — Stockholm: Nobel Foundation, 1987.
- Bunce V.* Comparative Democratization. Big and Bounded Generalizations // Comparative Political Studies. 2000. Vol. 33. № 6/7.
- Burgess J. W.* Political Science and Comparative Constitutional Law. — Boston, 1891.
- Butler D., Penniman H. R., Ranney A.* (eds.). Democracy and the Polls. A Comparative Study of Competitive National Elections. — Washington, London: American Enterprise Institute, 1981.
- Butler R.* The Evolution of the Civil Service — A Progress Report // Public Administration. 1993. Vol. 71.
- Cameron D.* Social Democracy, Corporatism, Labour Quiescence and the Representation of Economic Interest in Advanced Capitalist Society // Order and

- Conflict in Contemporary Capitalism / Ed. by J. Goldthorpe. — Oxford: Clarendon Press, 1984.
- Campbell D.* Degrees of Freedom and the Case Study // *Comparative Political Studies*. 1975. Vol. 8. № 1.
- Chevallier J.* Public Administration in Statist France // *Public Administration Review*. 1996. Vol. 56. N 1.
- Cnudde Ch., Neubauer D.* (eds.) *Empirical Democratic Theory*. — Chicago: Markham Publishing Company, 1969.
- Coleman J.* *Foundation of Social Theory*. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990.
- Coleman J., Fararo Th.* (eds.) *Rational Choice Theory. Advocacy and Critique*. — Newbury Park, London, New Delhi: Sage Publications, 1992.
- Collier D.* New Perspective on the Comparative Method // *Comparative Political Dynamics* / D. Rustow, K. Ericksen (eds.). — N.-Y.: Harper Collins, 1991.
- Colomer J.* The Spanish 'State of Autonomies': Non-Institutional Federalism // *West European Politics*. 1998. Vol. 21. № 4.
- Coole D.* Merleau-Ponty and Modern Politics after Anti-Humanism. — Plymouth, UK: Rowman and Littlefield, 2007.
- Cooper Ph.* The Duty to Take Care: President Obama, Public Administration, and Capacity to Govern // *Public Administration Review*. 2011. Vol. 71. № 1.
- Crenshaw E.* Democracy and Demographic Inheritance: The Influence of Modernity and Proto-modernity on Political and Civil Rights, 1965 to 1980 // *American Sociological Review*. 1995. Vol. 60. № 5. Pp. 702–718.
- Cutright Ph.* National Political Development: Measurement and Analysis // *American Sociological Review*. 1963. Vol. 28. № 1.
- Cutright Ph.* National Political Development: Measurement and Analysis // *Empirical Democratic Theory*. Ed. by Cnudde Ch., Neubauer D. Chicago: Markham Publishing Company, 1969.
- Cutright Ph.* Political Structure, Economic Development and National Social Security Programs // *American Journal of Sociology*. 1965. Vol. 70. № 2.
- Czada R.* The Impact of Interest Politics on Flexible Adjustment Policies // *Coping with the Economic Crisis. Alternative Responses to Economic Recession in Advanced Industrial Societies* / Ed. by H. Keman, H. Paloheimo and P. Whiteley. — London: Sage Publications, 1987.
- Daalder H.* A Smaller European's Opening Frontiers. // *Comparative European Politics. The Story of a Profession* / Ed. by H. Daalder. — London, N.-Y.: Pinter, 1997.
- Daalder H.* Introduction. // *Comparative European Politics. The Story of a Profession* / Ed. by H. Daalder. — London, N.-Y.: Pinter, 1997.
- Daalder H.* The Development of the Study of Comparative Politics. // *Keman H. Comparative Politics: New Directions in Theory and Method*. — Amsterdam: VU Press, 1993.
- Dahl R.* (ed.). *Political Opposition in Western Democracies*. — New Haven: Yale University Press, 1966.
- Dahl R.* *Poliarchy: Participation and Opposition*. — New Haven, CT: Yale University Press, 1971.
- Dahl R., Lindblom Ch.* *Politics, Economics and Welfare*. — N.-Y.: Harper and Brothers, 1953.
- Dallmayr F.* *Beyond Dogma and Despair: Toward a Critical Phenomenology of Politics*. — Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1981.

- Dalton R., Flanagan S., Beck P.* (eds.). Electoral Change Realignment and Dealignment in Advanced Industrial Democracies. — Princeton: Princeton University Press, 1984.
- Davis J.* Terms of Inquiry: On the Theory and Practice of Political Science. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2005.
- De Figueiredo R., McFaul M., Weingast B.* Constructing Self-Enforcing Federalism in the Early United States and Modern Russia // *Publius: The Journal of Federalism*. 2007. Vol. 37. № 2.
- De Swaan A.* Coalition Theories and Cabinet Formation: A Study of Formal Theories of Coalition Formation Applied to Nine European Parliaments after 1918. — Amsterdam: Elsevier, 1973.
- Derlien H.-U.* Germany: The Intelligence of Bureaucracy in a Decentralized Polity // *Lessons from Experience. Experiential Learning in Administrative Reforms in Eight Democracies* / Ed. by J. Olsen and G. Peters. — Oslo [et al.]: Scandinavian University Press, 1996.
- Dessler D.* 1999. Constructivism within a Positivist Social Science // *Review of International Studies*. Vol. 25, № 1.
- Diamond L.* Economic Development and Democracy Reconsidered // *Reexamining Democracy. Essays in Honor of Seymour Martin Lipset*. Ed. by G. Marx and L. Diamond. — Newbury Park, London, New Delhi: Sage Publications, 1992.
- Diamond L.* The Globalization of Democracy // *Global Transformation and the Third Wave* / R. Slater, B. Schutz, St. Dorr (eds.). — Boulder: Lynne Rienner, 1993.
- Diamond L.* Is the Third Wave Over? // *Journal of Democracy*. 1996. Vol. 7. № 3.
- Diamond L.* Introduction: In Search of Consolidation // *Consolidating the Third Wave Democracies. Regional Challenges* / Ed. by L. Diamond, M. Plattner, Y. Chu and H. Tien. — Baltimore, London: The Johns Hopkins University Press, 1997.
- Diamond L.* Developing Democracy: Toward Consolidation. Baltimore, L.: The Johns Hopkins University Press, 1999.
- Diamond L., Linz J., Lipset S.* (eds.) Politics in Developing Countries: Comparing Experiences with Democracy. 2d ed. — Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1995.
- Dick L., Natkiel R.* World Atlas of Elections. Voting Patterns in 39 Democracies. — London: The Economist Publications Ltd, 1986.
- Dix R.* History and Democracy Revisited // *Comparative Politics*. 1994. Vol. 27. № 1.
- Downs A.* An Economic Theory of Democracy. — N.-Y.: Harper & Row Publishers, 1957.
- Duverger M.* Political Parties: Their Organization and Activities in the Modern State. — London: Methuen, 1954.
- Duverger M.* Droit Constitutionnel et Institutions Politiques. — Paris: Presses Universitaires de France, 1955.
- Duverger M.* Duverger's Law: Forty Years Later // *Electoral Laws and Their Political Consequences* / B. Grofman, A. Lijphart (eds.). — N.-Y.: Agathon Press, Inc., 1986.
- Easton D.* The New revolution in Political Science. — *American Political Science Review*. 1969. Vol. 63.
- Easton D.* Political Science in the United States: Past and Present // *Discipline and History. Political Science in the United States* / A. Finifter (ed.). — Washington: American Association of Political Science, 1993.
- Eatwell R.* The Rebirth of the 'Extreme Right' in Western Europe? // *Parliamentary Affairs*. 2000. Vol. 53. № 3.
- Elazar D.* (ed.). Federal Systems of the World: A Handbook of Federal, Confederal and Autonomy Arrangements. 2nd ed. — Harlow: Longman Group Limited, 1994.

- Faure A.* Some Methodological Problems in Comparative Politics // Journal of Theoretical Politics. 1994. Vol. 6. № 3.
- Feick J.* Comparing Comparative Policy Studies: A Path towards integration? // Journal of Public Policy. 1992. Vol. 12.
- Finnemore M., Sikkink K.* Taking Stock: The Constructivist Research Program in International Relations and Comparative Politics. — Annual Review of Political Science. 2001. № 4.
- Frederickson G.* The Repositioning of American Public Administration // PS: Political Science and Politics. 1999. Vol. 32. № 4.
- Friedrich C., Brzezinski Z.* Totalitarian Dictatorship and Aithocracy. — N.-Y.: Praeger, 1956.
- Gamper A.* Devolution in the United Kingdom: A New Model of European Federalism? // La Costituzione Britannica / The British Constitution. Vol. 2 / A. Torre, L. Volpe (eds.). — Torino: G. Giappichelli Editore, 2005.
- Gastil R.* The Past, Present and Future of Democracy // Journal of International Affairs. 1984. Vol. 38. № 2.
- Gastil R.* The Comparative Survey of Freedom: Experience and Suggesttions // On Measuring Democracy: Its Consequences and Concomitants. — Piscataway, N. J.: Transaction Publisher, 1991.
- Gillespie M.* The Search for Immediacy and the Problem of Political Life in Existentialism and Phenomenology // A Companion to Phenomenology and Existentialism / Ed. by H. Dreyfus, M. Wrathall. — Chichester, UK: Blackwell Publishing Ltd, 2009.
- Goertz G.* Introduction to the Special Issue «Causal Complexity and Qualitative Methods» // Political Analysis. 2006. Vol. 14. № 2.
- Golder M.* Democratic Electoral Systems Around the World, 1946–2000 // Electoral Studies. 2005. Vol. 24. № 1.
- Goldgeier J., Tetlock P.* Phychology and International Relations Theory // Annual review of Political Science. 2001. № 4.
- Green D.* (ed.). Constructivism and Comparative Politics. — Frmonk, N.-Y., 2002.
- Green R., Hubbel L.* On Governance and Reinventing Government // Refounding Democratic Public Administration. Modern Paradoxes, Postmodern Challenge / Ed. by G. Wamsley and J. Wolf. — Thousand Oaks, London, New Delhi: Sage Publication, 1996.
- Groennings S., Kelley E. W., Leiserson M.* (eds.). The Study of Coalition Behavior: Theoretical Perspectives and Cases from Four Countries. — N.-Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1970.
- Grofman B.* Seven Durable Axes of Cleavage in Political Science // Contemporary Empirical Political Theory / Ed. by K. Monroe. — Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1997.
- Gunter R., Diamandouros N., Puhle H.-J.* (eds.) The Politics of Democratic Consolidation: Southern Europe in Comparative Perspective. — Baltimore: John Hopkins University Press, 1995.
- Gurr T.* Persistens and Change in Political Systems, 1800–1971 // American Political Science Review. 1974. Vol. 68. № 4.
- Haggard St., Kaufman R.* The Political Economy of Democratic Transitions. — Princeton: Princeton University Press, 1995.
- Hakanson H., Johanson J.* The Network as a Governance Structure: Interfirm Cooperation Beyond Markets and Hierarchies // Organizing Organizations / N. Brunsson, J. Olsen (eds.). — Bergen: Fagbokforlaget, 1998.

- Halligan J.* Australia: Balancing Principles and Pragmatism // Lessons from Experience. Experiential Learning in Administrative Reforms in Eight Democracies / Ed. by J. Olsen and G. Peters. — Oslo [et al.]: Scandinavian University Press, 1996.
- Hancock D.* Comparative Public Policy: An Assessment // Political Science. The State of the Discipline / A. Finifter (ed.). — Washington, 1983.
- Hanf K., O'Toole L.* Revisiting Old Friends: Networks, Implementation Structures and the management of Inter-Organizational Relations // European Journal of Political Research. Special Issue. 1992. Vol. 21. № 1–2.
- Hay C.* «Taking Ideas Seriously» in Explanatory Political Analysis // British Journal of Politics and International Relations, 2004. Vol. 6. № 2.
- Headlam-Morley A.* The New Democratic Constitutions of Europe. — L.: Oxford University Press, 1928.
- Heard A.* The Costs of Democracy. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1960.
- Heckscher G.* The Study of Comparative Government and Politics. — L.: George Allen & Unwin LTD, 1957.
- Heclo H.* Review Article: Policy Analysis. — British Journal of Political Science. 1972. Vol. 2.
- Heffernan R.* «The Possible as the Art of Politics»: Understanding Consensus Politics. — Political Studies. 2002. Vol. 50. № 3.
- Heffernan R.* UK Privatisation Revisited: Ideas and Policy Change, 1979–92. — Political Quarterly. 2005. Vol. 76. № 2.
- Heidenheimer A.* (ed.) Comparative Political Finance. The Financing of Party Organizations and Election Campaigns. — Lexington, MA: D. C. Heath & Co., 1970.
- Heidenheimer A., Heclo H., Adams C.* Comparative Public Policy: The Politics of Social Choice in Europe and America. — N.-Y.: St. Martin Press, 1975.
- Heidenheimer A., Heclo H., Adams C.* Comparative Public Policy: The Politics of Social Choice in America, Europe and Japan. — N.-Y.: St. Martin Press, 1990.
- Held D.* The Models of Democracy. — Cambridge: Polity Press, 1987.
- Hendrix L.* Making Historical Connections: Galton's Problem and Opportunity // Cross-Cultural Research. 1997. Vol. 31. № 4.
- Higley J., Gunther R.* (eds.). Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe. — Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Hindmoor A.* The Importance of Being Trusted: Transaction Costs and Policy Network Theory // Public Administration. 1998. Vol. 76. № 1.
- Hofferbert R., Cingranelli D.* Public Policy and Administration: Comparative Policy Analysis // A New Handbook of Political Science / R. Goodin, H.-D. Klingeman (eds.). — N.-Y.: Oxford University Press, 1996.
- Holmes S.* (ed.). New Approaches to Comparative Politics: Insights from Political Theory. — Lanham, MD: Lexington Books, 2003.
- Huntington S.* Democracy's Third Wave // Journal of Democracy. Spring, 1991.
- Huntington S.* Democracy for the Long Haul // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7. № 2.
- Huntington S.* The Soldier and the State. — N.-Y.: Free Press, 1957.
- Huntington S.* The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century. — Norman: University of Oklahoma Press, 1991.
- Huntington S.* The Ungovernability of Democracy // Democracy in the 1990s. A special issue of «Global Issues in Transition». 1994. № 6. January.
- Ignazi P.* The Crisis of Parties and the Rise of New Political Parties // Party Politics. 1996. Vol. 2. № 4.

- Inglehart R.* Changing Paradigms in Comparative Political Behavior // Political Science. The State of the Discipline / A. Finifter (ed.). — Washington: American Political Science Association, 1983.
- Isaak R.* European Politics. Political Economy and Policy Making in Western Democracies. — N.-Y.: St. Martin's Press, 1992.
- Jackman R. W.* On the Relation of Economic Development to Democratic Performance // American Journal of Political Science. 1973. Vol. 17. № 1.
- Jackman R., Muller R. A.* Voter Turnout in the Industrial Democracies During the 1980s // Comparative Political Studies. 1995. Vol. 27. № 4.
- Jagers K. & Gurr T.* Tracking Democracy's Third Wave with the Polity III Data // Journal of Peace Research. 1995. Vol. 32. № 4.
- Janda K., Berry J., Goldman J.* The Challenge of Democracy. Government in America. 2nd. ed. — Boston [at all]: Houghton Mifflin Company, 1989.
- Janos A.* Social Science, Communism and the Dynamics of Political Change // World Politics. 1991. Vol. 44. № 1.
- John P., Cole A.* When Do Institutions, Policy Sectors, and Cities Matter? Comparing Networks of Local Policy Makers in Britain and France // Comparative Political Studies. 2000. Vol. 33. № 2.
- Jonston R.* National Sovereignty and National Power in European Institutions // Environment and Planning. 1977. № 9.
- Jorgensen T.* From Continental Law to Anglo-Saxon Behaviorism: Scandinavian Public Administration // Public Administration Review. 1996. Vol. 56. № 1.
- Jung H. Y.* The Crisis of Political Understanding: A Phenomenological Perspective in the Conduct of Political Inquiry. — Pittsburg: Duquesne University Press, 1979.
- Kalberg St.* Max Weber's Comparative-Historical Sociology. — Chicago, 1994.
- Karl T., Schmitter Ph.* Modes of Transition in Latin America, Southern and Eastern Europe // International Social Science Journal. 1991. Vol. 43. May.
- Kato J.* Review Article: Institutions and Rationality in Politics — Three Varieties of Neo-Institutionalists // British Journal of Political Science. 1996. № 4. Vol. 26.
- Katz R., Mair P.* (eds.). Party Organizations: A Data Handbook. — London: Sage Publications, 1992.
- Katz R., Mair P.* Changing Models of Party Organization and Party Democracy. The Emergence of the Cartel Party // Party Politics. 1995. Vol. 1. № 1.
- Keating M.* Asymmetrical Government: Multinational States in an Integrating Europe // Publius: The Journal of Federalism. 1999. Vol. 29. № 1.
- Kelly R.* An Inclusive Democratic Polity, Representative Bureaucracies? And the New Public Management // Public Administrative Review. 1998. Vol. 58. № 8.
- Keman H.* (ed.). Comparative Democratic Politics. A Guide to Contemporary Theory and Research. — L. et all: Sage, 2002.
- Kenis P., Schneider V.* Policy Networks and Policy Analysis: Scrutinizing a New Analytical Toolbox // Policy Network: Empirical Evidence and Theoretical Considerations / B. Marin, R. Mayntz (eds.). — Frankfurt a/M.: Campus Verlag, 1991.
- Kickert W.* Expansion and Diversification of Public Administration in the Postwar Welfare State: The Case of The Netherlands // Public Administration Review. 1996. Vol. 56. № 1.
- Kiely R.* Sociology and Development: The Impasse and Beyond. — London: UCL Press, 1995.
- King A.* What Do Elections Decide? // Democracy and the Polls. A Comparative Study of Competitive National Elections / D. Butler, H. Penniman, A. Ranney (eds.). — Washington, London: American Enterprise Institute, 1981.

- Kircheimer O.* The Transformation of West European Party Systems // Political Parties and Political Development / J. La Palambara, M. Weiner (eds.). — Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1966.
- Kiser E., Hechter M.* The Role of General Theory in Comparative-Historical Sociology // American Journal of Sociology. 1991. № 1. Vol. 97.
- Kitschelt H.* Explaining Technology Policies, Competing Theories and Comparative Evidence. — Bielefeld: Center for Interdisciplinary Studies, 1989.
- Kloti U.* Switzerland: Adapting a Working System // Lessons from Experience. Experiential Learning in Administrative Reforms in Eight Democracies / Ed. by J. Olsen and G. Peters. — Oslo [et al.], 1996.
- Klages H., Löffler E.* Obstacles to the Administrative Modernization Process in Germany // International Public Management Journal. 1998. Vol. 1. № 2.
- Klingeman H.-D., Hofferbert R. I., Budge I.* Parties, Policy and Democracy. — Boulder, Col.: Westview, 1994.
- Klug F., Starmer K., Weir S.* The Three Pillars of Liberty. — London, N.-Y.: Routledge, 1996.
- Knoke D.* Political Networks. The Structural Perspective. — Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Knoke D., Kuklinski J.* Network Analysis. Beverly Hills, L., New Delhi, 1982.
- Knoke D., Pappi F., Broadbent J., Tsujinaka Y.* Comparing Policy Networks. Labor Politics in the US, Germany, and Japan. — Cambridge, N.-Y.: Cambridge University Press, 1996.
- Kohn M. L.* Cross-national Research in Sociology. — Newbury Park: Sage, 1989.
- König Th., Brauning Th.* Power and Political Coordination in American and German Multi-Chamber Legislation // Journal of Theoretical Politics. 1996. Vol. 8. № 3.
- Kramer D.* (ed.). Freedom in the World 2011: Authoritarian Challenge to Democracy. — Washington, DC: Freedomhouse, 2011.
- Krasnodebski Z.* Logging for Community: Phenomenological Philosophy of Politics and the Dilemmas of European Culture // International Sociology. 1993. Vol. 8. № 3.
- Krehbiel K.* Pivotal Politics. A Theory of U. S. Lawmaking. — Chicago, London: The University of Chicago Press, 1998.
- Kurth J.* Industrial Change and Political Change: A European Perspective // The New Authoritarianism in Latin America. — N.-Y., 1979.
- Laakso M., Taagepera R.* «Effective» Number of Parties: A Measure with Application to West Europe // Comparative Political Studies. 1979. Vol. 12. № 1.
- Lanchester F.* Finanziamento della Politica e Corruzione. — Milano: Dott. A. Giuffrè Editore, 2000.
- Lane J.-E.* The Public Sector. Concepts, Models and Approaches. — London; Newbury Park; New Delhi: Sage Publications, 1993.
- Lane J.-E., Ersson S.* Comparative Politics: From Political Sociology to Comparative Public Policy // New Developments in Political Science. — Aldershot: Edward Elgar, 1990.
- Lane J.-E., Ersson S.* Comparative Politics: An Introduction and New Approach. — Cambridge: Polity, 1994.
- Lane J.-E., McKay D., Newton K.* Political data Handbook OECD Countries. — Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Lane R.* Positivism, Scientific Realism and Political Science. Recent Developments in the Philosophy of Science // Journal of Theoretical Politics. 1996. Vol. 8. № 3.
- Lasswell H., Kaplan A.* Power and Society. A Framework for Political Inquiry. — New Haven: Yale University Press, 1957.

- Lerner D.* The Passing of Traditional Society. — N.-Y.: Free Press of Glencoe, 1958.
- Lieber F.* History and Political Science, Necessary Studies in Free Countries // Discipline and History. Political Science in the United States / J. Farr, R. Seidelman (eds.). — Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1993.
- Liebertson S.* Small N's and Big Conclusions: An Examination of the Reasoning in Comparative Studies Based on a Small Number of Cases // Social Forces. 1991. Vol. 70. № 2.
- Lijphart A.* Comparative Politics and Comparative Method // The American Political Science Review. 1971. Vol. 65. № 3.
- Lijphart A.* Comparative Case Strategy in Comparative Method // Comparative Political Studies. 1975. Vol. 8. № 1.
- Lijphart A.* Democracy in Plural Societies. — New Haven: Yale University Press, 1977.
- Lijphart A.* Democracies. Patterns of Majoritarian and Consensus Government in Twenty-One Countries. — New Haven, Conn.: Yale University Press, 1984.
- Lijphart A.* Democracies: Forms, Performances and Constitutional Engineering // European Journal of Political Research. 1994. Vol. 25. № 1.
- Lijphart A.* Constitutional Choice for New Democracy. Theory and Practice. — Paris: UNESCO, 1995.
- Lijphart A.* Patterns of Democracy. Government Form and Performance in Thirty-Six Countries. — New Haven: Yale University Press, 1999.
- Lind R.* Processes of Change in Swedish Public Administration. — St. Petersburg: St. Petersburg State University, 1998.
- Linz J.* The Perils of Presidentialism // Journal of Democracy. 1990. Vol. 1. № 1.
- Linz J.* Presidential or Parliamentary Democracy: Does it Make a Difference? // The Crisis of Presidential Democracy: The Latin American Evidence. J. Linz, Valenzuela A. (eds.). Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1994.
- Linz J., Stepan A.* Toward Consolidated Democracies // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7. № 2.
- Lipset S.* Binary Comparisons. American Exceptionalism — Japanese Uniqueness // Comparing Nations. Concepts, Strategies, Substance / M. Dogan, A. Kasancigil (eds.). — Oxford, UK, Cambridge, USA: Blackwell, 1994.
- Lipset S.* Political Man: The Social Bases of Politics. — Garden City: Doubleday, 1960.
- Lipset S.* Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // American Political Science Review. 1959. Vol. 53. № 1.
- Lipset S.* Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy (Reprinted) // Empirical Democratic Theory / Ch. Cnudde and D. Neubauer (eds.). — Chicago: Markham Publishing Company, 1969.
- Lipset S.* The Social Requisites of Democracy Revisited. 1993 Presidential Address // American Sociological Review. 1994. Vol. 59. № 1.
- Lipset S., Rokkan S.* (eds.). Party Systems and Voter Alignments. — N.-Y.: Free Press, 1967.
- Little D.* Rational-Choice Models and Asian Studies // Journal of Asian Studies. 1991. Vol. 50. № 1.
- Lucy R.* The Australian Form of Government: Models in Dispute. — Melbourne: Macmillan, 1993.
- MacFaul M.* The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship: Noncooperative Transitions in the Postcommunist World // World Politics. 2002. Vol. 54. № 2.
- Mackie T., Marsh D.* The Comparative Method // Theory and Methods in Political Science / D. Marsh, G. Stoker (eds.). — London: Macmillan Press LTD, 1995.

- Mackie T., Rose R.* The International Almanac of Electoral History. — Washington: Congressional Quarterly, 1991.
- Macridis R. & Cox R.* «Research in Comparative Politics». Report on the SSRC Interuniversity Research Seminar on Comparative Politics, Evanston 1952 // American Political Science Review. 1953. Vol. 47.
- Macridis R.* The Study of Comparative Government. — N.-Y.: Doubleday, 1955.
- Macridis R., Brown B.* (eds.). Comparative Politics. Notes and Readings. — Homewood, Ill.: Dorsey Press, 1961.
- Mainwaring S., O'Donnell G., Valenzuela A.* (eds.). Issues in Democratic Consolidation: The New South American Democracies in Comparative Perspective. — South Bend: University of Notre Dame Press, 1992.
- Mair P.* Comparative Politics: An Overview // A New Handbook of Political Science / A. Goodin, H.-D. Klingeman (eds.). — N.-Y.: Oxford University Press, 1996.
- Mair P.* Continuity, Change and the Vulnerability of Party // West European Politics. 1989. Vol. 12. № 1.
- Managing across Levels of Government. — Paris: Organisation for Economic Co-operation and Development, 1997.
- Manheim J., Rich R.* Empirical Political Analysis. Research Methods in Political Science. 3d ed. — N.-Y.; London: Longman, 1991.
- Maor M.* The Paradox of Managerialism // Public Administration Review. 1999. Vol. 59. № 1.
- March J.* Administrative Practice, Organization Theory, and Political Philosophy: Ruminations on the Reflections of John M. Gaus // PS. Political Science and Politics. 1997. Vol. 30. № 4.
- March J. and Olsen J.* Rediscovering Institutions. The Organizational Basis of Politics. — N.-Y.; London: The Free Press. 1989.
- March J. and Olsen J.* The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // American Political Science Review. 1984. Vol. 78. September.
- Marks G., Diamond L.* (eds.). Reexamining Democracy. Essays in Honor of Seymour Martin Lipset. — Newbury Park, London, New Delhi: Sage Publications, 1992.
- Marsh D.* Understanding British Government: Analysing Competing Models // The British Journal of Politics & International Relations. 2008. Vol. 10. № 2.
- Marsh D., Rhodes R.* (eds.). Policy Network in British Government. — Oxford: Clarendon Press, 1992.
- Marsh D., Smith M.* Understanding Policy Networks: Towards a Dialectical Approach // Political Studies. 2000. Vol. 48. № 1.
- Marshall M., Cole B.* Global Report 2009: Conflict, Governance, and State Fragility. — Arlington, VA: Georg Mason University, 2009.
- Marshall M., Gurr T., Jagers K.* Polity IV Project: Political Regime Characteristics and Transition, 1800–2009. Center for Systematic Peace, 2010 (www.systematicpeace.org/polity/polity4.htm).
- Martz J.* Bureaucratic-Authoritarianism, Transitions to Democracy and the Political-Culture Dimension // New Directions in Comparative Politics / H. Wiarda (ed.). — Boulder: West University Press, 1991.
- Martz J.* Comparing Similar Countries. Problems of Conceptualization and Comparability in Latin America // Comparing Nations. Concepts, Strategies, Substance / M. Dogan, A. Kasancigil (eds.). — Oxford, UK, Cambridge, USA: Blackwell, 1994.
- Massicotte L., Blais A., Yoshinaka A.* Establishing the Rule of the Game. Election Laws in Democracies. — Toronto, Buffalo, London: Toronto University Press, 2004.

- Matland R., Studlar D.* Determinants of Legislative Turnover: A Cross-National Analysis // *British Journal of Political Science*. 2004. Vol. 34. № 1.
- Mayer L.* Comparative Political Inquiry. A Methodological Survey. — Homewood, Ill., Georgetown: The Dorsey Press, 1972.
- McLean I.* (ed.). *Oxford Concise Dictionary of Politics*. — Oxford, N.-Y.: Oxford University Press, 1996.
- Melançon J.* Merleau-Ponty's Phenomenology of Politics: A Humanism in Extension // *Philosophy Social Criticism*. 2010. Vol. 36. № 5.
- Merriam Ch.* Progress Report of the Committee on Political Research // *American Political Science Review*. 1923. Vol. 17.
- Merrit R.L. & Rokkan S.* (eds.). *Comparing Nations: The Use of Quantitative Data in Cross-National Research*. New Haven, 1966.
- Micheletti M.* The Democratic Audit of Sweden // *Viewpoint Sweden*. 1998. № 18 (<http://www.statsvet.uu.se/research/projects/reportSwid.htm>).
- Mill J.* How We Compare // *Comparative Political Systems*. — N.-Y.: Oxford University Press, 1991.
- Milward H., Provan K.* Principles for Controlling Agents: The Political Economy of Network Structure // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 1998. Vol. 8. № 2.
- Moaddel M.* Political Conflict in the World Economy: A Cross-National Analysis of Modernization and World-System Theories // *American Sociological Review*. 1994. Vol. 59. № 2.
- Montricher N.* France: In Search of Relevant Change // *Lessons from Experience. Experimental Learning in Administrative Reforms in Eight Democracies* / Ed. by J. Olsen and G. Peters. — Oslo [et al.]: Scandinavian University Press, 1996.
- Moore B.* The Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. — Boston: Beacon Press, 1996.
- Moser R.* Electoral System and the Number of Parties in Postcommunist States // *World Politics*. 1999. Vol. 51. № 2.
- Mueller D.* Public Choice. — Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
- Muller E.* Economic Determinants of Democracy // *American Sociological Review*. 1995. Vol. 60. № 6.
- Munck G.* The Past and Present of Comparative Politics // *Passion, Craft, and Method in Comparative Politics* / G. Munck, R. Snyder (eds.). — Baltimore, MD, 2007.
- Munk G., Leff C.* Models of Transition and Democratization // *Comparative Politics*. 1996. Vol. 29. № 3.
- Nassmacher K.-H., Ossietzky C.* Von. Political Finance in Search of Cross-National Comparison: Assessing the Present and the Future (Paper prepared for the XVIII World Congress of the IPSA, Canada, August 1–5, 2000).
- Neto O., Cox G.* Electoral Institutions, Cleavage Structures and the Number of Parties // *American Journal of Political Science*. 1997. Vol. 41. № 1.
- Neubauer D.* Some Conditions of Democracy // *American Political Science Review*. 1967. Vol. 61. № 4.
- Neubauer D.* Some Conditions of Democracy // *Empirical Democratic Theory*. Ed. by Cnudde Ch., Neubauer D. Chicago: Markham Publishing Company, 1969.
- Nieuwebeerta P.* The Democratic Class Struggle in Postwar Societies: Class Voting in Twenty Countries, 1945–1990 // *Acta Sociologica. Journal of the Scandinavian Sociological Association*. 1996. Vol. 39. № 4.
- Novak St.* Comparative Studies and Social Theory // *Cross-National Research in Sociology* / M. Kohn (ed.). — Newbury Park, 1989.

- O'Donnel G., Schmitter Ph. and Whitehead L.* (eds.). *Transitions from Authoritarian Rule: Prospects for Democracy*. — Baltimore: The Johns Hopkins University, 1986.
- O'Donnell G.* Illusions about Consolidation // *Journal of Democracy*. 1996. Vol. 7. № 2.
- O'Toole L.* The Implications for Democracy in a Networked Bureaucratic World // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 1997. Vol. 7.
- Olimat M.* The Fourth Wave of Democratization // *The American Journal of Islamic Social Sciences*. 2007. Vol. 25. № 2.
- Olsen J.* Civil Service in Transition: Dilemmas and Lessons Learned // *The European Yearbook of Comparative Government and Public Administration*. 1996. Vol. III.
- Olsen J.* Norway: Slow Learner — or Another Triumph of the Tortoise? // *Lessons from Experience. Experimental Learning in Administrative Reforms in Eight Democracies* / Ed. by J. Olsen and G. Peters. — Oslo [et al.]: Scandinavian University Press, 1996a.
- Olson M.* Multivariate Analysis of National Political Development // *American Sociological Review*. 1968. Vol. 35. № 2.
- Panebianco A.* *Political Parties: Organization and Power*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- Pennings P., Keman H., Kleinnijenhuis J.* *Doing Research in Political Science. An Introduction to Comparative Methods and Statistics*. — London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 1999.
- Peters G.* *Comparative Politics. Theory and Methods*. — Washington Square, N.-Y.: New-York University Press, 2000.
- Peters G.* Governance Without Government? Rethinking Public Administration // *Journal of Public Administration: Research and Theory*. 1998. Vol. 8. № 2.
- Peters G., Doughtie J., McCulloch K.* Types of Democratic Systems and Types of Public Policy // *Comparative Politics*. 1977. Vol. 9. № 2.
- Pierson P.* Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics // *American Political Science Review*. 2000. Vol. 94. № 2.
- Poguntke Th., Webb P.* (eds.). *The Presidentialization of Politics. A Comparative Study of Modern Democracies*. — Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Pollitt C.* Antistatist Reforms and New Administrative Directions: Public Administration in the United Kingdom // *Public Administration Review*. 1996. Vol. 56. № 1.
- Posner P.* The Politics of Coercive Federalism in the Bush Era // *Publius: The Journal of Federalism*. 2007. Vol. 37. № 3.
- Powell G. B.* American Voter Turnout in Comparative Perspective // *American Political Science Review*. 1986. Vol. 80. № 1.
- Powell G. B.* *Contemporary Democracies: Participation, Stability and Violence*. — Cambridge: Harvard University Press, 1982.
- Premfors R.* *The Politics of Higher Education in a Comparative Perspective: France, Sweden, United Kingdom*. — Stockholm: Stockholm University, 1980.
- Pridham G.* (ed.). *Encouraging Democracy: The International Context of Regime Transition in Southern Europe*. — Leicester, London: Leicester University Press, 1991.
- Przeworski A.* *Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America*. — N.-Y.: Cambridge University Press, 1991.
- Przeworski A.* Methods of Cross-National Research, 1970–1983: An Overview // *Comparative Policy Research: Learning from Experience* / M. Dierkes, H. Weiler, B. Antal (eds.). — Berlin: Wissenschaft Zentrum, 1987.

- Przeworski A., Teune H.* The Logic of Comparative Social Inquiry. — N.-Y.: Wiley, 1970.
- Pujas V., Rhodes M.* Party Finance and Political Scandal in Italy, Spain and France // West European Politics. 1999. Vol. 22. № 3.
- Rae D.* The Political Consequences of Electoral Laws. — New Haven: Yale University Press, 1971.
- Rae D., Daudt H.* The Ostrogorski Paradox: A Peculiarity of Compound Majority Decision // European Journal of Political Research. 1976. Vol. 4. № 4.
- Ragin Ch.* The Comparative Method. Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies. — Berkeley: University of California Press, 1987.
- Rallings C., Thrasher M.* An Audit of Local Democracy in Britain: The Evidence from Local Elections // Parliamentary Affairs. A Journal of Comparative Politics. 1999. Vol. 52. № 1.
- Ramirez F., Soysal Y., Shanahan S.* The Changing Logic of Political Citizenship: Cross-Natinal Acquisition of Women's Suffridge Rights, 1890 to 1990 // American Sociological Review. 1997. Vol. 62. № 2.
- Reddy M.* Statistical Abstract of the World. 2nd ed. — Detroit: Gale Research, 1996.
- Remmer K.* New Theoretical Perspectives on Democratization // Comparative Politics. 1995. Vol. 28.
- Report on the Research Panel on Comparative Government // American Political Science Review. 1944. Vol. 38.
- Rhodes R.* Policy Network. A British Perspective // Journal of Theoretical Politics. 1990. Vol. 2. № 3.
- Rhodes R.* Understanding Governance. Policy Network, Governance, Reflexivity and Accountability. — Buckingham, Philadelphia: Open University Press, 1997.
- Rhodes R., Marsh D.* Policy Network in British Politics. A Critique of Existing Approaches // Policy Network in British Government / Eds. D. Marsh and R. Rhodes. — Oxford: Clarendon Press, 1992.
- Riker W.* Federalism: Origin, Operation, Significance. — Boston: Little Brown, 1964.
- Riker W.* Duverger's Law Revisited // Electoral Laws and Their Political Consequences / B. Grofman, A. Lijphart (eds.). — N.-Y.: Agathon Press, Inc., 1986.
- Riker W.* The Entry of Game Theory into Political Science // Toward a History of Game Theory / E. Weintraub (ed.). — Durham, London: Duke University Press, 1992.
- Riker W.* The Theory of Political Coalitions. — New Haven: Yale University Press, 1963.
- Risse-Kappen T.* 1996. Exploring the Nature of the Beast: International Relations Theory and Comparative Policy Analysis Meet the European Union. — Journal of Common Market Studies. Vol. 34. № 1.
- Roberts P.* Dispersed Federalism as a New Regional Governance for Homeland Security // Publius: The Journal of Federalism. 2008. Vol. 38. № 3.
- Robertson D.* The Penguin Dictionary of Politics. 2nd ed. — Harmondsworth: Penguin Books Ltd., 1993.
- Roch A. M.* Poststructuralism and the Epistemological Basis of Anarchism // Philosophy of the Social Sciences. 1993. Vol. 23. № 3.
- Rodriguez V.* Recasting Federalism in Mexico // Publius: The Journal of Federalism. 1998. Vol. 28. № 1.
- Rokkan S.* (ed.). Approaches to the Study of Political Participation. — Bergen: Chr. Michelsen Institute, 1962.
- Rokkan S.* Citizens, Elections, Parties. — N.-Y.: McKay, 1970.
- Rokkan S.* Elections: Electoral Systems // International Encyclopedia of the Social Science. Vol. 5 / D. Shills (ed.). — N.-Y.: Macmillan and Free Press, 1968.

- Rokkan S.* Methods and models in comparative study of nation-building. Paper. Preparatory meeting on problems of nation-building. UNESCO, Bruxelles, 24–25 September 1967.
- Rokkan S., Lipset S.* (eds.). *Party Systems and Voter Alignments*. — N.-Y.: The Free Press, 1967.
- Roniger L.* Civil Society, Patronage and Democracy // *International Journal of Comparative Sociology*. 1994. Vol. 35. № 3–4.
- Rose A.* Extraordinary Politics in the Polish Transition. — *Communist and Post-Communist Studies*. 1999. Vol. 32. № 2.
- Rosenau J., Czempiel E.-O.* (eds.). *Governance without Government: Order and Change in World Politics*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Rowlands I.* 2007. The Development of Renewable Electricity Policy in the Province of Ontario: The Influence of Ideas and Timing // *Review Policy Research*. Vol. 24. № 3.
- Rueschmeyer D., Stephens E., Stephens J.* *Capitalist Development and Democracy*. — Chicago: University of Chicago Press, 1992.
- Rustow D.* Democracy: A Global Revolution? // *Foreign Affairs*. 1990. Vol. 69. Fall.
- Rustow D.* Transitions to Democracy // *Comparative Politics*. 1970. Vol. 2. № 1.
- Sandel M.* The Procedural Republic and the Unencumbered Self // *Communitarianism and Individualism* / Sh. Avineri and A. De-Shalit (eds.). — Oxford: Oxford University Press, 1992.
- Sardar Z.* The Future of Democracy and Human Rights // *Futures*. 1996. Vol. 28. № 9.
- Sartori G.* Representational Systems // *International Encyclopedia of the Social Sciences*. Vol. 13. — N.-Y.: Macmillan and Free Press, 1968.
- Sartori G.* Concept Misformation in Comparative Politics // *The American Political Science Review*. 1970. Vol. 64. № 4.
- Sartori G.* *Parties and Party System: A Framework for Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- Sartori G.* *Comparative Constitutional Engineering: An Enquiry into Structures, Incentives and Outcomes*. — Basingstone: Macmillan, 1994.
- Sartori G.* Compare Why and How. Comparing, Miscomparing and the Comparative Method // *Comparing Nations* / M. Dogan, A. Kazancigil (eds.). — Oxford, UK, Cambridge, USA: Blackwell, 1994.
- Sartori G.* *Parties and Party System: A Framework for Analysis*. Essex: ECPR Press, 2008.
- Scalapino R.* Democratizing Dragons: South Korea & Taiwan // *Democracy in the 1990s. A special issue of «Global Issues in Transition»*. 1994. № 6.
- Schechter St.* The State of American Federalism in the 1980s // *American Federalism: A New Partnership for the Republic* / Ed. by R. Hawkins, Jr. — San Francisco: Institute for Contemporary Studies, 1982.
- Schedler A.* Anti-Political-Establishment Parties // *Party Politics*. 1996. Vol. 2. № 3.
- Schmidt M.* Does Corporatism Matter? Economic Crisis, Politics and Rates of Unemployment in Capitalist Democracies in the 1970s // *Patterns of Corporatist Policy-Making* / Ed. by G. Lembruch and Ph. Schmitter. — London: Sage Publications, 1982.
- Schmidt V.* *Comparative Institutional Analysis* // *The Sage Handbook of Comparative Politics* / Ed. by T. Landman, N. Robinson. — L., Thousand Oaks, New Delhi, Singapore: Sage, 2009.
- Schmitter Ph.* Still the Century of Corporatism? // *Review of Politics*. 1974. Vol. 26. № 1.

- Schmitter Ph.* Interest Systems and the Consolidation of Democracies // Reexamining Democracy. Essays in Honor of Seymour Martin Lipset / G. Marks, L. Diamond (eds.). — Newbury Park, London, New Delhi: Sage Publications, 1992.
- Schmitter Ph.* The Nature and Future of Comparative Politics // European Political Science Review. 2009. Vol. 1. № 1.
- Schmitter Ph.* Interest Intermediation and regime Governability in Contemporary Western Europe and North America // Organising Interests in Western Europe: Pluralism, Corporatism and the Transformation of Politics / Ed. by S. Berger. — Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Schmitter Ph.* Interest Systems and the Consolidation of Democracies // Reexamining Democracy. Essays in Honor of Seymour Martin Lipset / G. Marks, L. Diamond (eds.). — Newbury Park, London, New Delhi: Sage Publications, 1992.
- Schneider C., Wagemann C.* Reducing Complexity in Qualitative Comparative Analysis (QCA): Remote and Proximate Factors and the Consolidation of Democracy // European Journal of Political Research. 2006. Vol. 45. № 5.
- Schumpeter J.* Capitalism, Socialism and Democracy. — London: George Akken and Unwin, 1942.
- Sciulli D.* Weakness in Rational Choice Theory's Contribution to Comparative Research // Rational Choice Theory. Advocacy and Critique / J. Cjleman, Th. Fararo (eds.). — Newbury Park, London, New Delhi: Sage Publications, 1992.
- Sen A.* Democracy as a Universal Value // Journal of Democracy. 1999. Vol. 10. № 3.
- Sewell W., Jr.* Logics of History: Social Theory and Social Transformation. — Chicago: University of Chicago Press. 2005.
- Shain Y., Linz J.* Between States: Interim Government and Democratic Transitions. — Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Shapley L., Shubik M.* A Method for Evaluating the Distribution of Power in a Committee System // American Political Science Review. 1954. Vol. 48. № 3.
- Sharkansky I.* Public Administration. Policy-Making in Government Agencies. — Chicago: Markham Publishing Company, 1982.
- Shepsle K.* Studing Institutions. Some Lessons from the Rational Choice Approach // Journal of Theoretical Politics. 1989. Vol. 1. № 2.
- Shubik M.* Game Theory in the Social Sciences. Concepts and Solutions. — Cambridge, M., London: The MIT Press, 1982.
- Shu-Yun Ma* Political Science at the Edge of Chaos? The Paradigmatic Implications of Historical Institutionalism // International Political Science Review. 2007. Vol. 28. № 1.
- Siaroff A.* Comparative European Party Systems: An Analysis of Parliamentary Elections since 1945. — N.-Y., London: Taylor and Francis, 2000.
- Siaroff A.* Comparing Political Regimes: A Thematic Introduction to Comparative Politics. 2nd ed. — Toronto: University of Toronto Press, 2009.
- Silverman L.* Beyond the Micro/Macro Distinction // European Journal of Political Research. 1991. Vol. 19. № 4.
- Skocpol T.* States and Social Revolutions. — Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
- Smelser N.* The Methodology of Comparative Analysis // Comparative Research Methods / D. Warwick, S. Osherson (eds.). — Prentize-Hall, INC, Englewood Cliffs, NJ, 1973.
- Smith A. K.* Socio-Economic Development and Political Democracy: A Causal Analysis // Midwest Journal of Political Science. 1969. Vol. 13. № 1.

- Smith A. T.* The Comparative Policy Process. — Santa Barbara: ABC-Clio Press, 1975.
- Smith M.* The Agricultural Policy Community. Maintaining a Closed Relationship // Policy Networks in British Government / Ed. by D. Marsh, R. Rhodes. — Oxford: Clarendon Press, 1992.
- Stein H.* Presidential Economics. — N.-Y., 1984
- Steinmo S., Thelen K., Longstreth F.* (eds.). Structuring Politics: Historical Institutionalism in Comparative Analysis. — Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Stepan A. and Skach C.* Constitutional Frameworks and Democratic Consolidation // Democracy in the 1990s. A Special Issue of «Global Issues in Transition». 1994. № 6. January.
- Strehl F., Hugl U.* Austrian // Public Sector Management in Europe / Ed. by N. Flynn and F. Strehl. — London: Prentice Hall, 1996.
- Strom K.* Minority Government and Majority Rule. — Cambridge: Camb. Univ. Press, 1990.
- Taylor M., Laver M.* Government Coalitions in Western Europe // European Journal of Political Research. 1973. Vol. 1. № 3.
- Terry L.* Administrative Leadership, Neo-Managerialism, and the Public Management Movement // Public Administration Review. 1998. Vol. 58. № 3.
- Teune H.* Comparing Countries: Lessons Learned // Comparative Methodology. Theory and Practice in International Social Research / Oyen E. (ed.). — London; Newbury Park; New Delhi, 1990.
- Thelen K.* Historical Institutionalism in Comparative Politics // Annual Review of Political Science. 1999. № 2.
- Thompson J.* Devising Administrative Reform That Works: The Example of the Reinvention Lab Program // Public Administration Review. 1999. Vol. 59. № 4.
- Tilly C.* Big Structures, Large Process, Huge Comparisons. — N.-Y.: Russell Sage Foundation, 1984.
- Timonen P.* Voter Influence on the Choice of Individual Candidates // Democracy in the Modern World. Essays for Tatu Vanhanen. — Tampere, 1989.
- Toffler A.* The Third Wave. — N.-Y., 1980.
- Toonen T.* Networks, Management and Institutions: Public Administration as 'Normal Science' // Public Administration. 1998. Vol. 76. № 2.
- Torfin J.* Governance Network Theory: Towards a Second Generation // European Political Science. 2005. Vol. 4. № 3.
- Torres L.* Trajectories in public administration reforms in European Continental countries // Australian Journal of Public Administration. 2004. Vol. 63. № 3.
- Toynbee A. J.* A Study of History. — L., vol. I–III, 1934; vol. IV–VI, 1939; VII–X, 1954; vol. XI (Atlas), 1959; vol. XII (Reconsiderations), 1961.
- Treisman D.* Dollars and Democratisation: The Role of Money in Russia's Transitional Elections // Comparative Politics. 1998. Vol. 31. № 1.
- Tsebelis G.* Nested Games. Rational Choice in Comparative Politics. — Berkeley, Los Angeles, Oxford: University of California Press, 1990.
- Unger R.* Knowledge and Politics. — N.-Y., L.: Free Press, 1975.
- Vanhanen T.* The Emergence of Democracy. A Comparative Study of 119 States, 1850–1979. — Helsinki, 1984.
- Vanhanen T.* The Process of Democratization. A Comparative Study of 147 States, 1980–1988. — N.-Y. at al.: Crane Russak, 1989.

- Verba S.* Comparative Politics, Where Have We Been, Where Are We Going? // *Wiarda H. J.* (ed.) *New Directions in Comparative Politics*. — Boulder, CO.: Westview Press, 1986.
- Verba S.* Some Dilemmas in Comparative Research // *World Politics. A Quarterly Journal of International Relations*. 1967. Vol. 20. № 1.
- Volrath E.* Hanna Arendt and the Method of Political Thinking // *Social Research*. 1977. Vol. 44.
- Walecki M.* Political Finance in Central Eastern Europe (Paper for the XVIII World Congress of the IPSA, Canada, August 5–9, 2000).
- Walker D.* The Advent of an Ambiguous Federalism and the Emergence of New Federalism III // *Public Administration Review*. 1996. Vol. 56. № 3.
- Wallerstein I.* *Historical Capitalism*. — N.-Y.: NLB, 1983.
- Watts R.* *Comparing Federal Systems*. 2nd. ed. — Montreal, Kingston, London, Ithaca: McGill-Queen's University Press, 1999.
- Weber M.* *Max Weber on the Methodology of the Social Sciences. Selected works*. — Glencoe (Ill.): Free Press, 1949.
- Weber M.* *The Theory of Social and Economic Organization*. — N.-Y.: Macmillan, 1947.
- Weingast B. R.* *Political Institutions: Rational Choice Perspectives* // *A New Handbook of Political Science* / R. Goodin, H.-D. Klingemann (eds.). — Oxford (et al.): Oxford University Press, 1996.
- Weiss L.* *The Myth of the Powerless State*. — Ithaca, N.-Y.: Cornell University Press, 1998.
- Wellhofer S.* *The Comparative Method and the Study of Development, Diffusion and Social Change* // *Comparative Political Studies*. 1989. Vol. 22. № 3.
- Wendt A.* *Constructing International Politics* // *International Security*, 1995. Vol. 20.
- Wilensky H. L.* *Welfare State and Equality: Structural and Ideological Roots of Public Expenditures*. — Berkeley: University of California Press, 1975.
- Willoughby W.* *The American Political Science Association* // *Discipline and History. Political Science in the United States* / J. Farr, R. Seidelman (eds.). — Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1993.
- Windhoff-Heritier A.* *Policy Network Analysis: A Tool for Comparative Political Research* // *Comparative Politics* / Ed. by H. Keman. — Amsterdam: VU University Press, 1993.
- Wolinetz St.* *Beyond the Catch-All Party: Approaches to the Study of Parties and Party Organization in Contemporary democracies* // *Political Parties. Old Concepts and New Challenges* / Ed. by R. Gunter, J. Montero, O. Linz. — Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Wright R.* *The New Tribalism: Ethnic Strife Owes More to Present Than to History. Defending Human Rights in an Age of Ethnic Conflict* // *Comparative Politics. Annual Edition*, 94/95. — Guilford: The Dushkin Publishing Group. 1994.
- Yin R.* *Case Study Research. Design and Methods*. — Newbury Park, London, New Delhi: Sage Publications, 1989.
- Zapato-Barreto R.* *Political Theory Today: Political Innovation and the Management of Structural Change* // *European Political Science*. 2004. Vol. 3. № 3.

Леонид Владимирович Сморгунов
**Сравнительная политология:
Учебник для вузов.
Стандарт третьего поколения**

Заведующая редакцией
Ведущий редактор
Технический редактор
Литературный редактор
Художник
Корректоры
Верстка

М. Трофимова
Е. Власова
М. Кольцов
Б. Файзуллин
А. Татарко
М. Рошаль, И. Мивриньи
Е. Егорова

ООО «Мир книг», 198206, Санкт-Петербург, Петергофское шоссе, 73, лит. А29.
Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том 2;
95 3005 — литература учебная.
Подписано в печать 29.09.11. Формат 60х90/16. Усл. п. л. 28,000. Тираж 2000. Заказ
Отпечатано с готовых диапозитивов в ИПК ООО «Ленинградское издательство».
194044, Санкт-Петербург, ул. Менделеевская, 9.